

АВРОРА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 5 2012

Основан в 1969 году

СОДЕРЖАНИЕ

Валентин КУРБАТОВ. *Не привыкнем* 4

ПОЭЗИЯ

Дмитрий ПОЛЯКОВ (КАТИН). «Поэт». Стихи 6

ВЗГЛЯД

Евгений ВЕРТЛИБ. «Стратегия выживания». Статья..... 10

ПОВЕСТЬ НОМЕРА

Владимир АЛЕКСЕЕВ. «Восхождение в горы». Повесть 28

ПРОЗА

Юрий ПОКЛАД. «Соседи», «Этюж со снегом». Рассказы 63

Кира ГРОЗНАЯ. «Виктория и Глория». Рассказ 173

Игорь ПОЛЯКОВ. «Тише, говорит...». Рассказ 191

Виктор СЕНИН. «Гнездо сорокопута». Повесть 208

ПОЛЕМИКА

Николай ДОРОШЕНКО. «Скучно читать равнодушных...». 74

МЕЖДУНАРОДНОЕ СООБЩЕСТВО ПИСАТЕЛЬСКИХ СОЮЗОВ

Владимир СПЕКТОР. «Не хочется спешить...». Стихи 81

Василий БЕЛЕННИКОВ. «Третья волна». Отрывки из повести..... 85

Александра ЛЕБЕДЕВА. «Сводка мирного дня». Стихи 117

Лидия ДОВЫДЕНКО. «К 200-летию победы в войне 1812 года.
Правдинск». Очерк..... 120

К 200-летию БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ

Владимир МЕЛЕНТЬЕВ. «Дневник фон Папета». Очерк..... 124

ВЕРНИСАЖ

Валерий ЛЕДНЕВ. «Как я стал художником...». 158

Интервью с Валерием Ледневым 161

ДЕБЮТ

- Александра ИНИНА. «Сказка». Стихи 240
Алексей ЗАЙЦЕВ. «У вас в желудке НЛО», «Харакири
для возлюбленной». Рассказы 244

КРИТИКА

- Татьяна ЛЕСТЕВА. «Золотая осень поэзии
в Санкт-Петербурге» 259
Наталья АЛЕКСЮТИНА. «Книга с запасом. Добра». 280
Алексей ФИЛИМОНОВ. «Хроника быта и бытия». 283

ВОСПОМИНАНИЯ

- Владимир ВЕЙХМАН. «Нарвская застава» времен
Новосёлова». 286
Марина ЧЕРНОСВИТОВА. «Капри, ноябрь-декабрь 1989 г.». 307

ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ на Альманах «Журнал „Аврора“» Вы можете

• в любом отделении связи

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» — 42468

В каталоге «Прессинформ» — 70033

• либо через редакцию

Для этого Вам нужно:

1. Оформить в любом отделении Сбербанка почтовый перевод на расчетный счет:

Р/сч 407 038 108 120 000 000 056

в филиале «Петровский» ОАО «Банк «Открытие»

К/сч 30101810400000000766 БИК 044030766

ИНН 7825115372

2. Заполнить бланк-заказ:

Бланк-заказ подписки на журнал „Аврора“

Год	2013	1	2	3	4	5	6
Кол-во экземпляров							

заказная
бандероль

Ваши фамилия, имя, отчество: _____

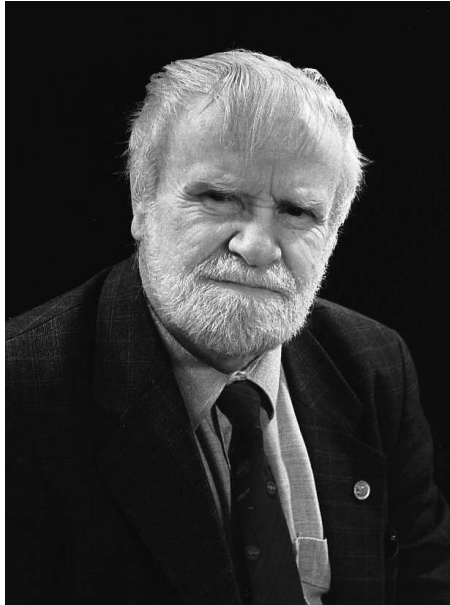
Адрес: _____

3. Отправить заполненный бланк-заказ и квитанцию о переводе денег или их копии по адресу: 197110, Санкт-Петербург, ул. Большая Разночинная, д. 17А, кв.17, редакция Альманаха «Журнал „Аврора“», либо по факсу: (812) 230-67-13; 230-65-75. Стоимость одного номера при подписке через редакцию составляет 150 рублей, включая доставку.

Журналы высылаются заказной бандеролью.

Через редакцию Вы можете подписаться на любое количество экземпляров журнала, начиная с любого номера.

По вопросам приобретения номеров за предыдущий период обращаться в редакцию.

Ушел из жизни Василий Иванович Белов.

Он всегда был искренним и убежденным — в своей любви к деревне и к своей родине, в своей нравственной правоте, в нелюбви к тем, кто легко менял свои убеждения в угоду модным веяньям.

«Плотницкие рассказы», «Бухтины вологодские», «Привычное дело», «Лад. Очерки о народной эстетике», — эти и другие его произведения, наполненные свежестью и самобытностью, заслужили любовь тысяч людей. И светлая память о В.И. Белове навсегда останется в их сердцах.

Не привыкнем

И ведь знал, знал, что болел Василий Иванович, видел его уже тяжёлым, а все равно онемел, когда поздним вечером позвонила Наталья Сергеевна Серова, собирающая в Вологде русскую культуру для того, чтобы мы не торопились расстаться с ней для беспамятства, и, удерживая слезы, сказала: «Полчаса назад умер Василий Иванович». Это уж, догадываюсь, метнулась к ней звонком Ольга Сергеевна Белова, чтобы в первые минуты не оставаться наедине с горем.

А только накануне мы с главным редактором издательства «Молодая гвардия» обсуждали возможный список десятитомника классической прозы последнего полустолетия и чуть не в голос сказали: Ну, Астафьев-Белов-Распутин – понятно. И оба не удивились, что вот так сразу – понятно и всё. Дальше уж с паузой. Но эти стремительно, не задумываясь, как на вопрос: фамилия-имя-отчество Родины и традиции.

Месяц назад ему исполнилось восемьдесят, и как было хорошо окликнуть его. Я тогда, предвеляя фильм о нем, сам вдруг с удивлением увидел, что есть писатели, которым в народном сознании уж и фамилии не надо. Скажешь: Виктор Петрович, Василий Иванович, Валентин Григорьевич – и все знают, кто это. Не буду говорить про современных «всех», но для нас, людей XX века – так. Как это в пьесах пишется, «действующие лица и исполнители». Уходят нынче действующие лица, остаются исполнители. Талантливые, изобретательные, но исполнители, не укрепленные ладом и светом долгой, естественно укоренной жизни.

Жил Василий Иванович рядом, и мы как будто были защищены от бед, знали, как перемочь их – привычное дело русскому человеку: труд да постоянные испытания не одним так другим, не деспотизмом, так свободой. Как он увидел это в нашем сердце, как горько и утешительно назвал, найдя место любви и свету, растворив их в труде и заботе, в святом порядке и ладе жизни.

Ну, нынешний человек скажет – тоже нашел добродетели: труд да забота. А вот поди ты и Пушкин бы понял его с родной нашему сердцу «Капитанской дочкой», и Некрасов, и Тургенев, и Толстой – дело привычное, наше, из чего выростали наша сила, лицо наше в мире, наша победа.

У русского художника и смерть поступок – может, остановимся на минуту и что-то в себе поймем лучше.

Прощай нас, Василий Иванович!

Валентин Курбатов

Поэзия

Дмитрий ПОЛЯКОВ (КАТИН)

Стихи человека, пишущего прозу – что это такое? Творческая лаборатория, лирический дневник, попытка рассказать то, что не вмещается в беллетристическое произведение? Для Дмитрия Полякова, известного читателям «Авроры» повестями и рассказами, это стремление к диалогу – с читателем, веком, поэтами прошлого, строки которых никогда не умирают. «...Срезает Лик услужливый рубанок» – пишет

автор в стихотворении «Поэт», и мы сразу отчего-то вспоминаем «Песнь о хлебе» Сергея Есенина или строки Николая Тихонова «Гвозди бы делать из этих людей...». Вот ещё один объёмный образ – «одинокий кучер», вызывающий в памяти «Дорожный цикл» Пушкина с темой «Бесов».

Ибо прошлое в литературе никогда не уходит, оно пребывает с нами, сохранить и преумножить его драгоценные крупички – задача каждого пишущего, в каком бы жанре он ни работал. Писатель, каковым в полной мере является Дмитрий Поляков, с неожиданной стороны предстаёт сегодня перед нами. «...Я из прошлого вернусь», – доносится эхо вместе со словами писателя. В нём – залог продолжения животворящей традиции русской поэтической Музы. «Невидимка-совесть», как античная маска со слезящимися глазами, насылает эту блажь, эту болезнь, эту боль, которая непреходяща с есенинской тоской: «Шепнёт лишь берёзовый ветер, Что – русский моя болезнь».

Алексей Филимонов

ПОЭТ

Он пуст, как штиль,
                        он полон, как шторма,
и этот парадокс его калечит.
Ему ль не помнить, как трещит корма
в торосах скомканной
                        и бессловесной речи.

Ему ль не знать,
                        как от секущих брызг
саднит до нерва содранная кожа,
когда в гул тросов и лебедек визг
мистраль вгрызается.
                        Свихнувшийся прохожий

с ножом кухонным
                        щерится в толпу.
Уходит ввысь подстреленная птица.
Пловец спокойно огибает буй,
чтоб никогда назад
                        не возвратиться.

И шёпот под руку
                        на резком вираже —
И в смутном дне мятущийся подранок —
Табун к обрыву сносит! — И уже
срезает Лик
                        услужливый рубанок...

Но — немота!
                        Бессонная тюрьма!
До черных дыр исхоженные выси!
Он пуст, как штиль,
                        он полон, как шторма...
Как будто что-то
                        от него зависит.

* * *

По пустым небесным кручам
Над созвездьем трасс и нив
Одинокий едет кучер,
Сонно вожжи уронив.

Мерный шаг тяжел и топок,
Старый кучер дремлет с ним.
У него на сердце плохо.
У него над шапкой нимб.

У него одна повадка:
Чмокнет тихо — не шути.
Чтоб усталая лошадка
Не оставила пути.

Сон ему — без снов и радуг.
Месяц светит роково.
Почему ж к Святому Граду
Не везёт он никого?

С виноватостью во взгляде
Тронул лёгко, будто нить:
Посадил бы, Бога ради,
Только некого садить.

* * *

Ты болен, мой друг, ты болен.
В ознобе лихих затей
На крылья моих колоколен
Легла вороная тень.

Кровавая муть застолий,
Люблю ж тебя, не дыша.
Ты болен, мой друг, ты болен,
И в этом твоя душа.

Усталый, смятенный путник...
Желаете шутки для
Сниму двухголовых уток
С высоких башен Кремля.

Играть — так в мошне не роясь.
Пареньё — от слова пар,
Пока невидимка-совесть
Нацеливает удар.

А если аллюр расхристан,
Так это до слав и травль
Мой парус сожрали крысы,
Сбежавшись на мой корабль.

Но сквозь решето пробоин
Я их поведу на дно.
Ты болен, мой друг, ты болен,
И мучит тебя одно.

Откуда же столько печали
В спокойном расцветии дней?
Слезиться глаза мои стали
От луковиц наших церквей.

И нет никакой напасти.
Но словно потерян бой,
Картинные полустрасти
Оплачиваю головой.

Мне врач ничего не ответит.
Подруга подскажет — слезь.
Шепнёт лишь берёзовый ветер,
Что — русский моя болезнь.

* * *

Полюби меня сегодняшнего,
Не такого, как всегда,
От беславия оглохшего,
Грубого, как никогда.

Полюби меня сегодняшнего,
Почерневшего от лжи,
На лицо моё осунувшееся
Нежно руки положи.

Некрасивого от глупости,
Поглупевшего от дум,
От тоски, а не от скупости
Помертвевшего под шум.

На лице моем бессонные
Ночи черные лежат.
И глаза уж не бездонные,
И колени не дрожат.

И бездарного, и пошлого,
И циничного, и... но
Обязательно — сегодняшнего,
Не такого, как давно.

Полюби меня сегодняшнего,
И увидишь, я не злюсь,
Как легко и как беспощинно
Я из прошлого вернусь.

Взгляд

Стратегия выживания

«Не дай Вам Бог жить в эпоху перемен».
(древняя китайская мудрость)

*«Если Россия будет спасена,
то только как евразийская держава
и только через евразийство».*
(Лев Гумилев)

После разгрома СССР Российская Федерация как правопреемница советской империи оказалась по-«версальски» униженной, разграбленной, щельмуемой и игнорируемой по большому счету. Как такое могло произойти с евразийской Советской империей, перед лидером которой вытягивался во фронт сам Черчилль?

Отметём сразу навязываемую кое-кем идею «суицидального синдрома» самораспада державы. На деле СССР «самоликвидировался» под геоэкономическим и организационно-психологическим натиском системно организованных атак. Фактически Союз предали, загнали в капкан неминуемой капитуляции и уже затем подорвали изнутри вероломным предательством — Беловежским антигосударственным переворотом.

«Мы не можем победить Советский Союз в обычной войне, — констатировал Джон Кеннеди. — Это неприступная крепость. Мы можем победить Советский Союз только другими методами: идеологическими, психологическими, пропагандой, экономикой». И все эти методы были активно задействованы. На «зачистку» СССР была брошена астрономическая сумма. Как подсчитал госсекретарь Джеймс Бейкер, это «триллионы долларов за последние 40 лет». ЦРУ уточнило цифру: «в общей сложности — 13 триллионов долларов».

Вопреки пропаганде наша страна вовсе не «дышала на ладан» — чтобы вот так, в одночасье рухнуть. Наоборот, как пишут В. Лукин и А. Уткин в книге «Россия и Запад: общность или отчуждение?»(1995), даже большинство западных аналитиков считало СССР «супердержавой такого масштаба, что ей не страшны конфликты «по всем азимутам», что она

готова и способна ринуться одновременно и к теплым водам Индийского океана, и к прохладной Атлантике».

Но когда геополитикой начинают заниматься люди, имеющие очень смутное представление о данном предмете, да еще склонные к предательству, получается то, что получилось.

Михаил Горбачев за шесть лет своего правления фактически создал механизм ликвидации государства. Открыто позиционируя себя агентом влияния Запада, он «использовал свое положение в партии и стране» (так он сам признался на закрытом семинаре в Американском университете в Турции) для замены не только всего руководства в КПСС и СССР, но и во всех социалистических странах. Горбачев пожелал войти «в новый век без ядерного оружия». В результате Договор СНВ-1 сразу дал США стратегическое преимущество, поскольку они могли складировать снимаемые с боевого дежурства заряды и носители и при надобности быстро их задействовать, а у России таких возможностей не было. Даже инициатива Горбачева по «Общеввропейскому дому» вольно или невольно оказалась на деле пособничеством мондиалистам, а именно создала почву для этноконфликтов. Ведь «процесс глобализации генерирует консолидацию этнических меньшинств, увеличивает волну религиозного фундаментализма» и обостряет и без того огнеопасные национальные вопросы.

Ельцин еще больше усугубил это «парадом суверенитетов», сепаратизировав регионы и сделав их государством в негосударстве. Вспенены были застарелые межнациональные распри, готовые расчленить оставшиеся «шагреновые лоскутки» общеземелья на национальные наделы со своим ракетным обеспечением (генерал А. Лебедь в Красноярске) и местной валютой (губернатор Э. Россель в Свердловске).

Вследствие расчленения страны Россия потеряла 22% своей территории и 48% населения. «За несколько коротких дней 91-го года обесценены несколько веков русской истории», — скажет об этом Александр Солженицын. Только не за «несколько дней», а, как минимум, за несколько лет: с 1985 по 1991. Это годы правления Горбачева, награжденного нобелевской премией за развал «Империи Зла». Чего стоил только роспуск Организации стран Варшавского договора! А волюнтаристское решение Горбачева-Шеварднадзе о передаче примерно шестидесяти тысяч квадратных километров акватории Берингова моря США?

Позиционирующие себя как антагонисты, наши «реформаторы» — и Горбачёв, и Ельцин прикармливались из одной кормушки — в американском Фонде Хьюго Хэмфри... То ли в оплату за щедрое спонсорство,

то ли в приступе прекраснотушия Горбачев приказал уничтожить лучшие образцы военной техники СССР и тем самым превратил ничейную партию игры в баланс сил в мире (а геополитика на баланс сил и зиждется!) в мат для России. Неуловимые «ядерные поезда» РС-22 были поставлены на прикол в Костроме, Красноярске и Бершете, да к тому же снабжены лазерными маячками, чтоб облегчить прицеливание по России... За бесценок было отдано Штатам 500 тонн ружейного плутония, которого им надолго хватит и на электроэнергию, и на урановые «робастные боеприпасы»...

Как верно считают китайцы (и доказали это не деле), во время экономических и социальных реформ ни в коем случае нельзя уничтожать стержень системы. А отмена шестой статьи Конституции о руководящей роли КПСС была равносильна изъятию основополагающего «кирпичика-замка» из державного монолита СССР. Маховик управления государственной машиной сразу же оказался разбалансирован, а каркас конструкции государства был обречен на обрушение. В декабре 1991 под предлогом избавления от коммунизма фактически был осуществлён антигосударственный переворот, с целью изменения общественного строя на компродорский режим. И произошло это вопреки Конституции и волеизъявлению народа (по референдуму марта 1991 более 76 % высказалось за сохранение СССР). Началась «криминальная революция».

В своей книге «Collision and Collusion: The Strange Case of Western Aid to Eastern Europe» («Столкновение и заговор: странная помощь Запада Восточной Европе»), за которую дали премию Грэвемейера, доказательно иллюстрируется противозаконный сговор между «кликкой Чубайса» и Гарвардским университетом, заполучившим эксклюзивный контракт на реформы в России без тендера, в обход американских законов... Фирма Bain & Co сенатора Митта Ромни, называющего нынешнюю Россию «геополитическим врагом номер один», в марте 1993 года получила госконтракт на 3,9 млн. долларов для предоставления консалтинговых услуг правительству Бориса Ельцина по приватизации богатств России («The Huffington Post»). «Механизм приватизации был формой контрибуции: все приватизированные предприятия автоматически переходили в иностранную юрисдикцию... Все базовые законы в России писали американцы в 1990-е годы», — утверждает депутат Госдумы четырех созывов Евгений Федоров и показывает на примерах, что внешнее управление страной продолжается: «И сегодня... мы платим им дань, и они нас полностью контролируют...» («Народный Собор», № 3–4, 2012).

Как недавно стало всем известно, миллиарды рублей похищены из средств развития космической системы ГЛОНАСС, «Оборонсервиса», 190 млн. — из средств на ядерный оружейный комплекс... Это не просто коррупция, это фактически предательство...

Для планов США тотальный контроль над Россией — лишь этап к глобальному доминированию, первая ступень по пути к мировому господству. «Вся холодная война против Советов (1947—1991), — признаёт американский генерал Эрвин Рокки в 1996 году, — была лишь промежуточной стадией в более великой борьбе сил «Океана» за владычество над Мировым островом».

Поражение СССР — это не «самораспад» державы, а победа Запада «иными средствами». Бжезинский подтверждает факт именно *победы*, причем не над коммунизмом, а над Россией-СССР: «Россия — побежденная держава. Она проиграла титаническую борьбу. И говорить «это была не Россия, а Советский Союз», — значит бежать от реальности. Это была Россия, названная Советским Союзом. Она бросила вызов США. Она была побеждена. Сейчас не надо подпитывать иллюзии о великодержавности России. Нужно отбить охоту к такому образу мыслей... Россия будет раздробленной и под опекой». Британец Джон Мейджер (Мальтус и Риббентроп в одном флаконе) «милостив к падшему», как плантатор к рабам: «Задача России после проигрыша холодной войны — обеспечить ресурсами благополучные страны. Но для этого им нужно всего 50—60 миллионов человек» (!).

По мере обострения, расширения и углубления ресурсного кризиса (особенно энергоносителей, роста народонаселения, истощения и сокращения площадей плодородных земель, экологического напряжения) и геополитических амбиций всё более ожидаем жесткий вариант территориальных претензий к РФ. В частности, посредством активизации этноконфликтов.

Директива Билла Клинтона гласила: «Цель НАТО — в будущем ввести миротворческие силы в регионы этнических конфликтов и пограничных разногласий от Атлантического океана до Уральских гор». Своих целей не скрывал и Генри Киссинджер: «Я предпочту в России хаос и гражданскую войну тенденции воссоединения ее в единое, крепкое, централизованное государство».

Победители придерживают Россию «в состоянии сырьевого ничтожества и страны-вассала» (Максим Калашников) в коматозном состоянии себе на десерт в качестве «младшего партнера» — ради Сибири (на неё претендуют также китайцы и мусульмане), готовой кладовой природных

ресурсов планеты и для сдерживания геополитической устремлённости Китая...

Казалось бы, стратеги победы над Россией всё рассчитали. Но, как мудро заметил Фридрих Великий, «русского солдата мало убить — его надо еще и повалить». В руинах, чуть дыша, Россия сосредоточивалась на своем восстании из пепла. А коль явилось «сопротивление материала», ельцинский переворот оказался *«недоворотом»*. Развернуться над Атлантикой в обратном противоположную от Вашингтона сторону рискнул Евгений Примаков (он даже успел составить список разрушителей Родины, но тут же был удалён из власти).

Путину досталась страна духовно оккупированной, ментально зомбированной, в системном кризисе, с поруганным национальным достоинством, с продажным чиновничеством, с чудовищным расслоением общества... Как Германия вырвалась из Версальской кабалы 1919-го, так Россия выбирается из руин ельцинизма в отдельно взятой стране. Тронная челядь, чьи капиталы за бугром, готова лечь костями в недопущении «совковой путинизации». А поскольку «свита правит королём», то безотлагательные госрешения отодвигаются в долгий ящик, обесмысливаются вносимыми «поправками», гасятся в зародыше неисполнительно-саботажной номенклатурой. Власть оказалась загнана в тупик, будучи не в силах освободиться от олигархо-коррупцированной госкорпоративной «семейственности». Не рубить же ей сук, на котором она сидит и к тому же сама является криминал-образующей схемой. Ей надо позиционировать себя «демократической» силой — чтобы в случае форс-мажорных обстоятельств НАТОвцы пособили спасти «коллег» от гнева доведённого до отчаяния народа. Поэтому только скорейшее возвращение подлинного народовластия — гарантия кардинальных перемен без революционных потрясений. В противном случае не исключена гражданская война.

Владимиру Путину удалось переломить «пагубный мегатренд» (регресс, дерегуляцию) скатывания страны в пропасть. Теракт в Беслане побудил Кремль начать крепить «вертикаль власти» и ускорить национальную самоидентификацию. К служению Отечеству стали привлекать умеренных патриотов (Дмитрий Рогозин, сперва постпред РФ при НАТО, ныне вице-премьер, курирующий оборонно-промышленный комплекс). Конвертация в военно-политическую силу благоприятной экономической конъюнктуры страны пригодилась для отпора грузинской агрессии в Цхинвале (август 2008). Россия стянула с себя наваждение либертанства и вспомнила об имперской державности. Успешно

интегрируются в добрососедей Южная Осетия и Абхазия. А на повестке дня образование Евразийского союза. Если Россия после Беловежского переворота была «на привязи» у США, то Путин явно «выпрягся» из их колесницы.

«Утратив патриотизм, связанные с ним национальную гордость и достоинство, мы потеряем себя как народ, способный совершать великие поступки», — сказал Путин и подтвердил своё кредо Указом «О совершенствовании государственной политики в области патриотического воспитания». Реанимирован Союз Сергея Бабурина, декларирующий «воссоздание прочного государственного союза трех славянских государств-республик бывшего СССР — Российской Федерации, Белоруссии и Украины, с ясной перспективой дальнейшего перерастания данного объединения в единое славянское государство — Российский Союз».

С Путиным связан просвет-катарсис в антирусской трагедии «лихих 90-х». Интересно: если для Владимира Владимировича патриотизм из «последнего прибежища негодяя» стал короной национальной идеи, то Дмитрий Анатольевич (Запад подтрунивает: «Робин при Бэтмене») — за «единение нации вокруг инновации» (новое детище Чубайса). Путину предстоит доказать народу свой патриотизм — и не просто созданием «Министерства Правды», а верой и правдой служа национальным идеалам. Преобразовался ли окончательно Савл в Павла, видно будет по делам его.

Упустив победу над Россией, США оказались в новом мировом порядке — «мире Большого нуля» (G-zero), в котором, как утверждает «The Guardian», *ни у одного государства не хватит мощи для того, чтобы стать лидером, но каждая страна достаточно сильна, чтобы не дать другой настаивать на своем*. Потому сенатор Митт Ромни, при всей своей амбициозной антироссийской фразеологии, «инстинктивно хотел бы вернуться к прежней двухполюсной модели, когда всё было просто и понятно». По сути, его удручает картина американской хаотизации мира: нечеткость стратегической ситуации, размытость линии фронта. Непонятно, кто свои, а кто чужие, точнее, они быстро меняются местами.

Недозачистка России — это не только оперативная неудача, но и концептуальный недочёт стратегов Запада. Хитрец Бжезинский именем французского историка Алексиса Токвиля закидывает внешне безобидную удочку: предлагает РФ встать «живым щитом» Атлантического сообщества «на пути рождающейся мощи Востока». Вспомнили, когда понадобилось, о том, как Русь заслонила собой Европу от степных орд.

Ради служения Атлантизму России будет позволительно иметь даже чуток имперскости — «ограниченного миссианства» в орбите США («став составной частью») — «взять в свои руки в будущем судьбы половины человечества».

Геополитик из Гарварда С. Хантингтон продолжает развитие темы в том же ключе. Он констатирует, что стратегическая победа атлантистов над евразийцами не есть победа цивилизационная, а лишь временное торжество западной идеологии. Такая победа сравнима с поражением: «Ее торжество поднимет на поверхность глубинные культурные слои Востока: усилятся влияние религиозных факторов, в частности ислама и православия, синтоизма и буддизма, конфуцианства и индуизма». Для совместных действий с целью одержания верха в «столкновении цивилизаций» он советует народам Восточной Европы и Латинской Америки интегрироваться в западную цивилизацию. Нетрудно понять, что это и камень в огород назарбаево-путинского Евразийского союза.

В ответ на идеологическую экспансию Запада в России недавно был принят закон об НКО и «иностранных агентах». И не без оснований. Джон Перкинс, автор нашумевшей книги «Исповедь экономического убийцы», раскрывает методологию манипуляций по смене политического руководства стран американских интересов. Для этих целей десятки лет ловко используют миссионеров, сотрудников гуманитарных организаций, журналистов, неправительственных организаций (НПО). «Будущий миропорядок будет построен на обломках России, за счет России и против России», — это тот же Бжезинский, но уже без маски. В своем новом труде под названием «Стратегическое прозрение» Бжезинский призывает Запад к образованию союзного пояса «От Ванкувера до Владивостока», считая создание подобной агломерации единственным способом для Запада остаться важнейшим геополитическим игроком. «У него невозможность задушить Россию удавкой сублимируется в надежду удавить объятиями», — сыронизировал по этому поводу тележурналист Михаил Леонтьев.

Американскому однополюсию приходится считаться с происходящей «ломкой» прежней устойчивости и меняющимся на глазах фоном — экономическим (мировой центр экономики смещается в юго-восточную Азию), демографическим (Европа стремительно стареет), этническим (мультикультурализм стал практически неуправляемым явлением) и ментальным (меняются ценностные ориентиры).

Сегодня ни у одного государства не хватает мощи для навязывания миру своего диктата, зато каждый из игроков достаточно силён, чтобы

помешать другому реализовать свой замысел. К тому же былой географическо-пространственный детерминизм уступает место геополитике техногенной эры. Эпоха воздушно-космических «звёздных войн» привнесла плазменное и лазерное оружие. Немаловажную роль начинает играть психотропное воздействие — в электронных СМИ создаётся псевдореальность, способная вводить людей в заблуждение, влиять на сознание и поступки. Выше уже было сказано об американском умении оперировать *внушенной «очевидностью» как подлинной реальностью*, причем столь успешно, что, скажем, свою манипулятивную «самоликвидацию» противник воспринимает как приобщение к земному раю.

Военные действия сегодня все больше приобретают сходство с компьютерной игрой, поскольку в локальных войнах начинает доминировать дистанционное управление техникой. «Сейчас в мире рулят технологии, танковые клинья и ковровые бомбардировки. Причем танки должны управляться по телеметрии, а самолетам желательно быть беспилотными... И вряд ли в сундуке с ветхими концепциями можно найти что-то полезное для этой игры», — пишет об этом Владимир Ворсобин.

У США сегодня есть система ионосферного противоракетного вооружения, перекрывающая весь Арктический регион, через который в основном пролегают трассы российских баллистических ракет РС-18 и РС-20 (сроки эксплуатации которых на исходе). При нарастающем отставании по традиционным вооружениям, восполнить баланс сил поможет готовность РФ на асимметричный ответ.

Можно сказать, что в целом РФ неплохо выстраивает взаимоотношения между геополитическими субъектами и довольно толково функционирует на глобальном, региональном, субрегиональном и внутригосударственном уровнях. Но для нашего народа этого мало. Как воздух, нужна мобилизующая сверх-идея. И понятнее всего русскому сознанию — экзистенциальные корни русской веры и цивилизации. Да и всему человечеству потребна принципиально новая парадигма развития. Нужна модель *социально справедливого общества*, построенного на совершенно другом критерии — менталитете созидания, гармонии человека и планеты.

Концепция «китайского счастья» соответствует потребностям эпохи позитивных перемен. Она включает в себя такие понятия, как: красота и чистота окружающей среды; достаток в еде, одежде, жилье; долгая жизнь в большой семье разных поколений под одной крышей; доступность обучения, культуры и здравоохранения и т.п. И русская цивилиза-

ционная «всемирная отзывчивость» (Достоевский) вписалась бы в архитектуру нового справедливого порядка. Тогда при раскладе: Восток — это Китай, Юг — исламский мир, России же надо стремиться занять место Центра. Это значит быть не Западом, не Востоком и не Югом, а именно центром притяжения для всех цивилизаций. Речь идет не о метафизическом «Центре» в китайской системе координат, а о *реальном глобальном центре, объединяющем Запад, Восток, Юг и Север* — цивилизационные геополитические полюса, существующие и манифестирующие свой образ жизни и систему ценностей.

Русь—Россия—СССР жила созиданием державы. Примерно с IX века Россия становится актором, активным демиургом истории и геополитики. «Всемирная русская отзывчивость» объединяла цивилизации землян. Без колонизации и порабощения русским удавалось единить этносы. Евразия — это сплав славянских и тюркских народов.

Национальный вопрос способен как спасти, так и погубить державу. По сути, единственный конфликт Ленина со Сталиным был на национальной почве. Ленин отстаивал федеративное устройство СССР, вхождение в него «вместе и наравне» РСФСР, Украины, ЗСФСР и Белоруссии. Но Сталин справедливо опасался ленинского «национал-либерализма», ведущего к созданию русского ЦИК с исключением оттуда восьми автономных республик (татреспублика, туркреспублика и прочее), входящих в состав РСФСР, и объявления последними своей независимости.

Отголоски ленинского-сталинского спора по национальному вопросу — и в ельцинском «параде суверенитетов», и в грузино-осетинском конфликте 1998-го, и в аргументации лидера ЛДПР Владимира Жириновского, и в круге интересов Михаила Прохорова. Жириновский — за безлично-губернские административные единицы, взамен взрывоопасных национальных обособлений: «Я — за то, чтобы все-таки вернуться к формуле российского государства как империи в хорошем смысле, — то есть большое, крупное государство, но в котором все народы живут свободно, нету национальных клеток... — здесь татары, здесь чуваша, здесь Мордва, здесь Якутия. Россия — Отечество для всех. Снять национальный вопрос, который будоражит последние десятилетия... и у нас будет большое российское государство... для всех...».

Глава партии «Гражданская платформа» М. Прохоров предложил, уже под другим углом зрения, упразднить «неэффективные» (по аналогии с «неэффективными демократиями» по-американски) в экономическом плане национальные республики в составе России — изменить Конституцию, отказаться от деления России на «национальные округа» и респу-

блики. «Не лучше ли честно сказать, что данная сталинско-ленинская система уже больше не эффективна в условиях двадцать первого века, — заявил Прохоров. — Не лучше ли нам честно и открыто обсудить этот вопрос и перейти к изменению территории с точки зрения экономической целесообразности...». На что незамедлительно последовала реакция из Башкирии: «Кто широко шагает, рискует порвать штаны». Потому что аршин «экономической целесообразности» оскорбителен для русского народа.

Миллиардер Прохоров также высказался мимоходом за недопущение усиления влияния религиозных структур в системе образования. А фактически речь идет о забвении традиционных нравственных основ и национальной культуры нашей «нестыжательной» цивилизации. Меж тем изучение русской литературы и так сворачивается в российских школах. Спрашивается, как же увязывается провозглашенное Путиным патриотическое воспитание и санкционированное национальное невежество?! И это ведь не просто чиновничья экономия на детях, а ржа, разъедающая устои национальной безопасности России.

Итак, что ожидает Россию на геополитическом пространстве? «Мы приговорены к уничтожению», — пессимистично констатирует историк Игорь Фроянов. «Но силы, осуществлявшие план по развалу СССР, сейчас нами активно не занимаются, — продолжает он. — Им не до нас — они напоролись на очень мощное сопротивление исламского мира. Как только они обуздают исламский мир, они вернутся к нам. И в этом у меня нет никаких сомнений. Момент для созидательных действий, восстанавливающих могущество государства, решительно подходящий. Наша задача в течение возникшей отсрочки укрепить государство, возродить армию, военно-промышленный комплекс и науку. Если мы посмотрим на нашу многовековую историю, то убедимся, что России все время приходилось обороняться. И эти нескончаемые войны выработали у нас способность к быстрому возрождению, восстановлению разрушенного. Если на то будет политическая воля высшей власти, то возродить нашу страну мы сможем очень быстро. Но на самом верху должен быть человек, ориентированный на национальные интересы. Если такой человек появится — всё получится».

Владимир Путин, как побег от «древа Борисова», в своем новом державном облике вызывает вопросы. То, что «проснулся вдруг он патриотом» (Пушкин) — не тактические ли соображения целесообразности: для более полного удовлетворения запросов бизнес-сообщества по созданию рыночно благоприятного климата в соперничании с зарубежными кон-

курентами? Или всё по-настоящему: народно-национальное государство, справедливое мироустройство, создание всемирно резонансного русского полюса доброперемен — баланса сил и альтернативы американскому катастрофическому доминированию? Но тогда зачем Россия в одностороннем порядке сама себя высекает — ликвидировала военные базы во Вьетнаме и на Кубе и пр.? Почему в принимаемых высших решениях заметно «наследили» западные советники?

Поскольку ныне идёт не простое, а цивилизационно-асимметричное противоборство, то скорейшее избавление от «ложных друзей народа» — условие национального спасения и создания русско-евразийского оплота веры и справедливости.

Россия на развилке трех дорог.

Присоединиться к Западу — расколоть Китай и свергнуть его в круги хаоса и упадка (как это было с 1911 и по 1949 год). «В таком варианте РФ, — считает патриот Михаил Калашников, — становится ненужной. Ее расчленил, выделяет из нее Сибирскую и Дальневосточную марионеточные «республики», сделают «санитарный кордон» против мусульман. Сырьевые кладовые освоят развитые победители, а основная масса русских в европейской части РФ перемерет от нищеты, безработицы и отсутствия валюты от сырьевого экспорта. Часть остатков нашего народа европейцы используют как предохранительный кордон, послав воевать с мусульманами — дабы мы ценой своей крови охраняли Европу. Будут неказачьи независимые республики, живущие на западную помощь и воюющие старым американо-европейским оружием...».

А если с Китаем и мусульманами? Нынешняя РФ не нужна ни Желтому дракону, ни миру зеленого знамени. Что может предложить теперешняя Россия? Нефть и газ? Шоу «Дом-2»?.. Шаткую, переменчивую, непоследовательную политику, ведомую людьми, для которых потеря въездной визы в США и Европу — верх трагедии? В Азии давно не верят в способность россиянской «элиты» отстаивать русские национальные интересы. Полная личная зависимость правящей верхушки сепаратистского государства от Запада очевидна. С будущей добычей стратегических альянсов не заключают.

Тогда, быть может, стоит присоединиться к *Атлантистам*? Войти в союз с хозяевами финансовых и медийных потоков глобализуемого мира, с мастерами грандиозных спецопераций? Они-то вот-вот начнут себя модифицировать с помощью биомедицинских технологий и нанороботехники, становясь следующей расой. Но и здесь РФ лишь временно будет нужна. Россиянина нужна атлантистам лишь как поле для игры

и как будущая территория для жизни избранных. А бело-сине-красная «элита» — не более чем бараны для заклания. В нужный момент российская «аристократия» подвергнется конфискации богатств. С точки зрения владык глобализации она бесполезна. С баранами альянсов не заключают.

Остаться самой по себе? Но на глобальном перекрестке непросто исполнять сольную партию. При тенденции доразрушения и растаскивания советской мощи нарастает скорость вымирания народа и выбытие основных фондов намного превышает низкие темпы воспроизводства. У РФ маловато шансов участвовать на равных в геополитической игре. «Сегодня мы присутствуем при практическом закате военно-промышленного комплекса России, уже не способного создавать современные корабли, образцы высокоточного оружия и средства автоматизации, разведки и связи. К сожалению, такое положение значительно отягчается негативным кадровым отбором в армии и государстве. Мы можем подтвердить практическую смерть национальной военной мысли, резкое сужение поля исследований и снижение качества профессиональных экспертных оценок в области национальной и военной стратегий. В России практически не осталось профессионалов, способных сформулировать и разработать проблему стратегического уровня, а в государстве нет структуры, способной и желающей эту проблему услышать и заказать ее проработку не собственным подручным экспертам, а специалистам, имеющим необходимый уровень компетенции и свое собственное мнение», — такова аналитическая оценка состояния РФ, высказанная военным экспертом членом Совета по национальной стратегии генералом А. Владимировым, с выводами которого ознакомлен лично В. Путин.

Профессору Игорю Фроянову нынешняя Россия напоминает «эпоху пресечения династии Рюриковичей после смерти сына Ивана Грозного царя Федора». Как и тогда, «резкое усиление влияния на внутреннюю жизнь России внешних сил, заинтересованных в устранении Русского государства как активного геополитического игрока и опирающихся на достаточно широкий круг предателей национальных интересов в верхнем эшелоне государственной власти».

После взятия турками Константинополя в 1453 году, Россия подняла знамя Православия. Москва объявила себя «Третьим Римом», последним Римом, после которого «Четвертому Риму» не бывать. Запад, приложивший огромные усилия к разрушению Византийской империи руками турок, с конца XV века систематически и целенаправленно изживал со све-

та Россию-соперницу. С этой целью были выработаны средства, приемы и способы борьбы с ней: идеологически-религиозное противоборство. Был применён и такой способ как «обволакивание» органов высшей власти «агентами влияния», а при благоприятном стечении обстоятельств — проникновение на самую вершину власти ставленников Запада. Если эти средства не срабатывали, то следовала прямая агрессия — военное нападение с целью завоевания России и последующего ее расчленения на мелкие территориальные образования.

Подобный план завоевания России и раздробления Российского государства был составлен для западных правителей еще в конце XVI века Генрихом Штаденом. Средства по существу неизменны, их только приспособляли к меняющимся историческим реалиям.

Однако Россия, как Феникс из пепла, всегда возрождалась. В геополитику Россия ворвалась объединением Новгородской и Киевской Руси Олегом в 882 году. Решены были геостратегические задачи:

- 1) создано единое государство восточных славян;
- 2) установлен контроль над торгово-стратегическим путем «из варяг в греки»;
- 3) с принятием христианства восточно-славянский этнос обрёл общий смысловой знаменатель — «Русь»;
- 4) обозначились геостратегические направления внешней политики Руси: южновизантийское (торговым договором с Византией поднят политический вес); западноевропейское (держать границу «на замке» с Венгрией, а у Польши — вырвать из-под влияния Галицкую Русь); восточноевропейское (сокрушить Волжскую Болгарию и Хазарский каганат и завладеть волжским путем на Восток; северное (сдерживать натиск норманнов (варягов); северо-восточное (осваивать новые территории и контролировать проживавшие там народы (пермь, самоеды).

Однако акцент на превалировании региональной безопасности в ущерб континентальной способствовал децентрализации государства. А это в свою очередь активизировало половцев и подорвало Киев-град еще до прихода монголо-татар. Геополитическое положение Руси осложнилось предпринятым Ливонским и Тевтонским орденами «натиском на восток».

Однако ослабление контроля со стороны Орды привело к возвышению Москвы, образованию Великого княжества Московского и освобождению от завоевателей с Востока. Главными геополитическими задачами русского этноса были: выживание, сохранение идентичности и христианской религии, собственных государственных институтов

и национальной независимости, проведение самостоятельной внешней политики.

На этом столбовом пути России удалось воссоединиться с Украиной (Переяславская рада, 1654) и частью Белоруссии (Алексей Михайлович принял титул «Всея Великая и Малая и Белая Руси самодержец»). Затем она вышла к Балтийскому (с нейтрализацией шведов) и Черному морям, пополнилась частью Финляндии, Польши, Аляской, Кавказом, Закавказьем, Средней Азией, Приморьем. Петр Первый «прорубил окно в Европу».

С избрания на царство Михаила Романова геополитический статус России непрерывно повышался, пока не достиг при Александре I (после разгрома Наполеона) максимума. При Александре I создано автономное Сербское княжество и присоединена Грузия (1801). При Николае I признана независимость Греции. За поддержку монархических режимов во время революции 1840-х годов его прозвали «международным жандармом», а Россию наказали втягиванием в коварный замысел — Крымскую войну, с поражением в которой (1856) было потеряно право покровительства над христианским населением Турции (полученное по Лондонской конвенции).

При Александре II геополитическое пространство России вновь расширяется. Русская армия приблизилась к границам Индии, что вызвало большую тревогу в Великобритании. Кстати, позже военный стратег А. Снесарев столкнулся напрямую с британской геополитикой: Макиндер сорвал его успешный поход на Индию, уговорив Черчилля организовать контрнаступление Деникина на Москву. Тогда России пришлось довольствоваться в качестве южного трофея достижением независимости Афганистана...

Русскую цивилизацию издревле тянуло к китайской. Исследователь вопроса А. Тюняев пишет о русском Китае как об «экспорте цивилизации». У Китая было и есть чему учиться. Углубление познания Китая способствовало развитию российского военного искусства. Как утверждают авторитетные эксперты Н. Махневич и Л. Ивашов, военная стратегия и тактика Александра Невского (внука половчанки), до сих пор вызывающие восхищение, это — «синтез опыта лучших вождей Древней Руси и китайской военной классики, заимствованной сложным путем при общении с монголо-татарами. Куликовская битва — образец воплощения Дмитрием Донским теории древнекитайских военных классиков (Сунь-цзы и др.)».

Для современного перенаселённого и индустриально сверхмощного Китая естественно желание расширить границы: ведь государству трудно

выжить без дополнительных ресурсов и территорий. Потому российский Дальний Восток мирно осваивается им и демографически «желтеет». Сопротивление их экономической экспансии или угроза стратегическим морским коммуникациям не исключает силового противостояния. Китаю нужен простор для маневра и защиты растущих геополитических интересов. Но и Россия не может не быть готовой к нейтрализации любых угроз её национально-безопасному существованию и растущим стратегическим интересам...

Геополитическое реформатирование человечества неизбежно. В. Путин не зря подготовил «Новый интеграционный проект для Евразии». В Евразийской России Запад, Восток и Юг исторически совмещены. Россия могла бы явить миру идеологию Центра и стать кристаллизатором новой, более справедливой экономической системы. В этой связи БРИК — возможный прообраз нового глобального мироустройства, где каждая страна-участник взяла бы на себя особую гармонизирующую роль. Бразилия — Запад, Китай — Восток, Индия — арийский Север, Россия — Центр (и тыл для всех этих стран).

Если даже «взорвётся» Юг, РФ, с исламской составляющей — своим российским мусульманством компенсирует этот ущерб. Но БРИК — пока лишь «конгломерат противоречий и разнонаправленных интересов». В его родах участвовал банк «Голдмэн Сакс» Gao Sheng. Не дружеская ли это альтернатива Западу: как вакцинопрофилактика недомогания увядающей с «концом истории» (500-летним доминированием англо-саксонства) системы — с целью вызова эффективного ответа антител для реанимации и возрождения Запада? По «великой шахматной доске мировой политики» видно, что разрозненные страны БРИК проигрывают концептуально единому Западу, даже в случае быстрого создания надгосударственного механизма сотрудничества.

США владеют технологией управляемого хаоса («оранжевых», «тюльпановых», «жасминовых» и прочего окраса революций), сохраняют контроль над рынками природных ресурсов и способны военной силой корректировать ход мирового кризиса. Потому, констатирует аналитика, США победно выйдут из системного кризиса индустриального общества «через захват лидерства в следующем (шестом) технологическом укладе (уже экономики знаний). А, возможно, и не без участия России. Тем паче — «у России иссякает нефтедолларовый профицит» («Financial Times»). Участком прорыва назначена NBIC-конвергенция (схождение неживой — Nano и живой — Bio материи на молекулярном уровне с матрицей информационных технологий — Info по моделям работы мозга — Cogno).

С позиции сохранения монополии американского доллара как основы однополярного мира NBIC-конвергенция выводит США на создание «боевой молекулы», которая обесценивает стратегические ядерные потенциалы России, Китая, Индии и сводит к нулю эффективность стратегического сдерживания за счет военной мощи индустриальной эпохи. «Боевая молекула» блокирует поведение. И право применения ядерного оружия не переходит в возможность это сделать». Прорыв в шестую технологическую эру плюс «перезагрузка» противника дают в сумме новую внешнеполитическую доктрину «Опереться на Запад» (де-факто: встать под зонтик США).

Во внутренней политике это означает либеральный реванш под лозунгом «инновационного развития» (А. Чубайс—Д.Медведев). А в геостратегии — постепенное превращение России во «второй фронт» противоборства США с Китаем за мировое лидерство, происходящее в РФ под грифом «не раздражать Китай, а всячески улаживать его». В связи с этим механизм сотрудничества стран в рамках БРИК в первую очередь должен предусмотреть выработку общей философии *целей объединения, теории процесса и стратегии действий*.

Латинская Америка представляет собой сегодня внешнюю силу Евразийского сообщества, Африка — дружественная сила, в Азии также много сторонников. Бжезинский в свое время говорил, что *сплоченность Евразии — это страшный сон для США*. Он боится того, что соединение политических сил в Евразии лишит Соединенные Штаты возможности доминировать в мире. После масштабного вывода контингентов из Афганистана и Ирака внешнеполитический акцент будет перемещен на динамично развивающийся азиатско-тихоокеанский регион (АТР). «Конкуренция между США и Поднебесной происходит не только в АТР, но и на Ближнем Востоке, и в Северной Африке, включая вторжение в Ливию и попытки подчинить Иран. В этом проявляется не только стремление взять под свой контроль регион, богатый углеводородными ресурсами, но и избавиться от китайского бизнес-присутствия. То есть, по сути, это война с Китаем, но пока на чужих территориях. Еще одним объектом, за контроль над которым бьются США и Китай, является район Центральной Азии. Не все сложилось для американцев гладко в Афганистане. Вот почему они сегодня проводят активную работу по внедрению в постсоветскую Центральную Азию и Монголию для того, чтобы тоже противостоять Китаю... Компромиссы в такой ситуации могут носить только характер временного перемирия», — считает генерал-полковник Леонид Ивашов.

Внешнеполитическому курсу России предпочтительно избрать в качестве приоритетной стратегии национальную целесообразность извлечения наилучшего из разнообразия многовекторности — не «складывать все яйца в одну корзину». В зависимости от пользы или вреда строительству российско-евразийского союза (РЕС) строить адекватные отношения с теми или другими странами. В любом случае Русский центр укрупненного государства — делать мощным, самодостаточным, сердцевидно прорусским, высоко технологичным и цивилизационно привлекательным. В альянсы интересов — входить осторожно и осмотрительно, с возможностью в любой момент «остаться при своих». И помнить, что если в прошлую мировую войну России удалось сыграть на противоречиях западных стран, то ныне Западу не нужны сильные ни Россия, ни КНР (как бы ни лицемерили их охмурители). Тогда России помогло, что Запад был разобщен, поскольку «базировался на двух противостоящих культурно-цивилизационных матрицах: романо-германской и англо-саксонской. К тому же шла скрытая борьба между США и Англией за лидерство в мировой океанской зоне и острейшая борьба между Германией и Францией в Европе» (Л. Ивашов). Евразийство — консолидатор русских надежд. На других, как говорится, не надейся и сам не плошай.

Евразийство — глобальная матрица русской перспективы. И не только всеславянской, поскольку американской хаотизацией мира слишком расшевелины-раздосадованы все земляне (не унялись США на умеренной фазе этно-редукции вызовов), и потому творимый беспредел перерос в *хаос антихаоса* — погром мусульманами посольств США. Евразийство — консервативно стержневой путь спасения и созидания всех «изгоев» — «вольнотопределяющихся», не примкнувших к западной орбите и прежде всего России. Лев Гумилев, предвидя губительность мета-стаз запущенной деградации страны, пророчествовал в 1992 году: «Если Россия будет спасена, то только через евразийство».

России, как минимум, нужен союз трех восточнославянских государств с тюркско-степными Казахстаном и Киргизией. Столицей нового интеграционного образования уже выглядит Омск. Бывший губернатор Омска Леонид Полежаев веско аргументирует в пользу такого выбора: «Россия как великая евразийская держава представляет собой органическое соединение трех цивилизаций со своими центрами притяжения каждой из них. Лицом цивилизации западной, ее окном в Россию служит Санкт-Петербург... Крупнейшим центром, своеобразной точкой кристаллизации русского православия и шире — восточной ветви хри-

стианства — является Москва. Пока, однако, нет своего сложившегося, общепризнанного *центра у евразийского цивилизационного крыла России*. Эту функцию, на наш взгляд, мог бы взять на себя Омск, крупный промышленный, научный и культурный центр Сибири, которому уже однажды довелось, хотя и в трагических обстоятельствах гражданской войны, быть столицей».

Занимая выигрышное геостратегическое положение, связанное с близостью дружественного Казахстана, Омск мог бы стать традиционным местом саммитов евразийских государств и размещения организационных надстроек их союзов, а также штаб-квартир евразийских общественных организаций. Здесь, в условиях богатой научной и культурной среды, могли бы работать научные центры по проблемам формирования евразийского пространства, проходить конференции и симпозиумы, фестивали и выставки евразийской тематики. Омская область с ее благоприятным инвестиционным климатом и большим опытом осуществления крупных совместных проектов могла бы стать именно тем локомотивом интеграционных процессов, о котором говорил на форуме президент Путин.

Как бы там ни было, в противоположность тенденции разобщения и распада Европейского союза — Евразийское пространство реинтегрируется. Геополитическая доктрина евразийства — стратегия выживания для России в новом постиндустриальном обществе. Сообща легче не только выжить, но и победить в турбулентном XXI веке.

Евгений Вертлиб,
профессор, президент МИСОУК (Франция)

12 ноября 2012

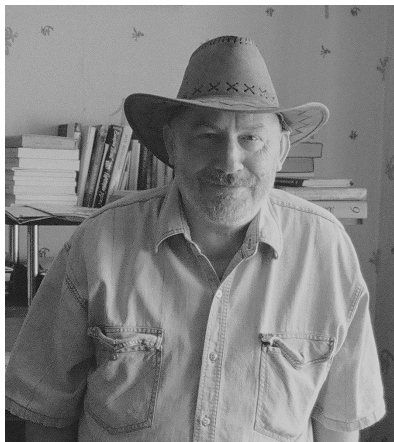

Повесть номера

Владимир АЛЕКСЕЕВ

Владимир Владимирович Алексеев родился в Ленинграде в 1940 году.

Учился на филологическом факультете ЛГУ (1964–1968), работал на различных производствах, отдал дань диссидентской традиции — работал оператором угольных и газовых котельных. Публикуется с 1978 г. Член СП России с 1991 г. Живет в Санкт-Петербурге.

Восхождение в горы

Собрался я как-то в юности своей с друзьями-приятелями в горы. Горы — что? Горы есть большие, есть малые и крутые, есть просто пологие... А эти так себе, ни то ни се: и пологие и крутые... Такие горы, какие на нашем самом южном Юге бывают... Сначала зеленые подножья, потом черные или серые (каменистые), и только потом уже снега, и то не на всех и не всегда, а так — по зиме там, по осени или по весне... Ну и, разумеется, — распадки, и трещины, и скалы, величественные такие скалы... И стоят, и смотрят, и смотрят в полуденное небо... А над ними орел. Полдненное небо, горы и орел... Ибо какие же горы без полднневно-го неба и орла... или, скажем, какие же горы без дымки?..

А небо, надо сказать, было ясное, чистое, и горы были в дымке, и чистота, и ясность, и воздух прозрачный, и солнце только что поднялось, и прохлада, утренняя прохлада — и тени в распадках, синие такие тени.

А главное — хребты; один, два, три видимых хребта; главное — вершины гор и белые, и голубые снега.

Надо сказать, что внизу у подножья гор начиналась долина, зеленая долина, вместе с голубым и розовым: чистейший оазис из цветущих са-

дов и деревьев... Ну, и птицы там разные щебетали... Ну, и ручьи и реки... И квадраты улиц и шиферных крыш, на которых сидели дети. Впрочем, они сидели больше на деревьях, ибо таково свойство детей — сидеть чаще на деревьях, не то, что их отцы и деды — эти вечно идущие по улицам отцы и деды — разумеется, на работу и, разумеется, на базар... А что касается поля, то в поле, по обычаю, работали женщины — их разноцветные платки были особенно заметны на свежей зелени — они нам впоследствии были хорошо видны с гор, когда мы останавливались, чтобы передохнуть и посмотреть в долину...

Должен сказать, что местные жители (а они зачастую отличаются от жителей гор своей приземистостью и толстотой) предупреждали нас, узнав, что мы никогда не бывали в горах, чтобы мы не поднимались высоко, не оставляли цветущие долины (месяц был май, и мотыльки носились взад и вперед по долине, и цвел персик, и нежный цвет роз навевал прохладу и отдохновение, а по ручьям и рекам плыли разноцветные лепестки.)

— Зачем вам горы? — говорили они. — Посмотрите, как у нас хорошо. Это весной. А осенью еще лучше.

Надо сказать, что местные жители предпочитали не ходить в горы, ибо горы производят на них страх. Как нам сказали, многие из жителей имеют привычку оглядываться назад и смотреть вниз, что приводит к тому, что сами собой начинают дрожать колени, появляется тошнота, головокружение, и руки, слабея, разжимаются и отпускают тот предмет (камень, траву, кустарник), за который в этот момент человек держится.

И вот, представьте себе: руки разжимаются и человек летит с горы, кое-где катясь по склону, а кое-где и падая отвесно. И хорошо, если во время этого ужаса (я не сказал — страха) человек сумеет собраться и, если ему повезет, он успеет ухватиться за все те же куст, траву или камень, а если нет, то пиши пропало: труп вскоре растащат вездесущие хищники — волки и шакалы, лисы и медведи, что водятся, как известно, почти во всех горах, где есть какая-нибудь жизнь, а значит — и какая-нибудь живность.

Кстати, уцелевшие (об этом нам тоже говорили местные жители) возвращались совсем иными, совсем не такими, какими они туда отправлялись... Седина и затаенная печаль в глазах часто сопутствовали этим самым уцелевшим и спустившимся с гор в зеленую долину, очевидно, так и не достигшим вершины... Многие, прибывшие с гор в долину, уже не могли жить так, как они жили до этого (добродушие и полнота оставляли их), они или вскоре кончали жизнь самоубийством, или запивали так,

что, окончательно исхудав, превращались в бродяг. Отираясь где-нибудь на базаре или в чайной, они с печатью печального одиночества, словно неживые тени, бродили по этому поселку, который, разумеется, уже находился на той стадии цивилизации, где ишаков заменили машины. Впрочем, их всегда можно было отличить от прочих жителей — худобой и страшной испитостью в лице, а вернее — той отработанностью, за которой уже не было видно жизни. Казалось, дунь на такого человека, и он улетит, рассыплется в прах. Странная деталь, подмеченная мной, — они никогда не спешили. Их одинокие фигуры можно было увидеть неподвижно стоящими где-нибудь под деревьями в саду или над ручьем. Чаще всего они смотрели в глубину сада или в воду. О чем они думали в этот момент — никто не знал, ибо к ним старались не подходить, чтобы не тревожить, боясь их неадекватной реакции. А именно: ты подойдешь к нему, а он тебя возьмет и обругает, или побежит и с разбегу бросится с обрыва. Или, наоборот, бросится на тебя с кулаками, и ты уже сам будешь вынужден спасаться бегством.

Хотя были и такие, кто просто молча уходил от обратившегося к нему, словно он, этот обратившийся, чем-то помешал, словно помешал думать... Можно было заметить, что они постоянно поднимали свою опущенную долу голову и мрачно смотрели туда, где стлы в облаках и в тумане хребты и горные вершины. Казалось, эти люди мечтали снова отправиться в горы, но то ли у них сил уже не было, то ли они, однажды что-то пережив, больше пойти туда не решались.

И вот — мы, решившиеся, мы, боевые.

Надо сказать, эта любовь к горам, а в частности к горным кручам, была воспитана в нас еще в школе. Еще там мы, необразованные дети, затаив дыхание, слушали нашего учителя географии, когда он живописал горы, ледяные вершины и обвалы, а также страшные ущелья, где водились дикие звери и куда, разумеется, не ходят машины. Он так нам и говорил: «Машины не ходят туда, а что касается оленей и прочей дикой живности, то они там, на вершинах, бегут себе и спотыкаются».

— Горы обладают способностью возвышаться, — говорил он еще, — быть возвышенными над всей остальной землей, над всем окружающим ландшафтом. Как будто это солидные старцы в белых папахах отрешенно взирают на юных и молодых, носящих разноцветные одежды. Кроме того, горы, как и люди, имеют свойство рождаться и умирать, разваливаться и подниматься, дремать и быть задумчивыми, и, наконец, что самое главное, помимо их величественной красоты, горы имеют иную сущность: они имеют недра — то, я бы сказал, внутреннее богатство,

коим живет и питается все человечество. Я уж не говорю о жителях гор, которых, по сравнению с жителями долин, гораздо меньше, и они отличаются от жителей долин своим достоинством. Эти люди чаще всего если не горды, то возвышенны, если и не божественны, то одиноки в своей горней недоступности, так что если и не спустят камень с горы на пришедшего к ним с долины (в чем я не уверен), то, по крайней мере, едва удостоят взгляда.

«Ах, как бы я хотел быть горным жителем, — вздыхал часто наш учитель, добавляя к этому то обычное, что любят повторять почти все жители долины, с той или иной окраской вздоха и печалью, или со смехом, в котором, в зависимости от того, каков этот человек, проскальзывали иногда и нотки цинизма. — Но не дано!», — завершал он эту свою тираду, смеясь так, что в этом смехе я улавливал ту иронию, из которой было ясно, что этот человек смеется не только над собой, слабым и безвольным представителем двуногих тварей, но и над всем человечеством. Разумеется, он этим показывал свою если и не банальность или вульгарность, то ту небольшую, как это говорили в прошлом, связь с бесом, ту тайно лелеемую связь, где интеллектуальное сладострастие носило мазохистско-садистический характер.

Я уже давно заметил, что подобные люди потому и не бывали в горах, что по лени и неуверенности сами не решались в них подняться, а может быть, и потому, что больше были мечтателями, чем деятелями. Вот отчего мой учитель имел свойство иронизировать по поводу гор и на них поднимающихся:

— Ну и что особенного произошло, что кто-то был в горах, что кто-то поднялся на одну из вершин? Что изменилось в нем, и изменились ли от того посещения в лучшую сторону сами горы? Только натопчут, набросают консервных банок — и всё! И потом, что произошло в нашей жизни оттого, что кто-то побывал в горах!?

И все же наш учитель, так или иначе, но заронил в нас любовь к вершинам, и мы часто, собравшись в кружок около школьной крупномасштабной карты, рассматривали какой-нибудь пик Хан Тенгри или пик Ленина, и снега Килиманджаро снились нам, окруженные девственными лесами, снега, на которых погиб не один альпинист или путешественник.

Разумеется, окончив школу, мы, как единомышленники, со своей любовью к горам организовали кружок любителей гор, предаваясь изучению тех или иных аспектов их замечательного развития, рассматривая их то в фас, то в профиль — будь то карта или фотография, разрез или аэрофотосъемка, и находя те или иные черты их внешнего и внутреннего строе-

ния (кое-что нам пришлось почерпнуть из геологии), а также их различия как в генезисе, так и в их возвышенной красоте. Надо сказать, что во всяком происхождении той или иной горы или цепи гор, как это мы поняли, было нечто ненормальное, нечто болезненное и безумное. Вдруг, ни с того ни с сего — и такой рост вверх — рост, часто сопровождаемый землетрясением и извержением лавы, что можно сравнить с извержением из очага загноения в человеческом теле, — и вдруг величественное спокойствие и умудренное жизнью око холодной белой вершины, погребшей во время извержения не один живой организм, и сжегшей не одно живое дерево.

Кстати, о живом дереве. Один путешественник, описывая живое дерево нашей средней полосы Евразии, некоторым образом возвышает его, он поднимает его на гору, он делает его вместе с горой живописной картиной: дерево на зеленой горе, одинокое дерево на горе, не у подножья и не на высоте около двух тысяч метров, а на самой что ни на есть большой, хотя и не снежной, горе. Разве не пробуждает дум такой вид — и такая гора и такое дерево?! И разве не поет гимн возвышенности это обоюдное их возвышение?!

Всегда, когда я думал о таком возвышении, я мечтал быть таким вот деревом, где в его ветвях какое-нибудь запутавшееся гнездо, какое-нибудь укрывшееся от непогоды место, а в нем птица, в нем, так сказать, теплое сердце живого существа.

Правда, я где-то читал, что деревья на горе, деревья на юру по ночам производят жуть. Представьте себе жуткой бурной ночью дерево на горе; тучи, ветер, луна и карканье каких-то темных птиц — ужас, да и только. К таким деревьям не случайно любят ходить всякие разбойники или, пуще того, висеть на них разные там висельники, что, я думаю, происходит не столько из-за вины этого дерева, сколько из-за состояния этой самой горы, а вернее — из-за внутреннего содержания, то есть чем она, можно сказать, начинена и как расположена по отношению к другим горам и, разумеется, какое влияние на нее оказывает та или иная погода. Чаще всего эти горы как бы стоят насупившись и углубившись в самих себя, и им вовсе нет дела ни до какой погоды, кажется, они думают свою, только свою эгоистическую думу, и ни о какой погоде они не думают и думать вообще не хотят. Вот отчего, стоит только возникнуть непогоде, как она только больше подчеркивает их, присущий им одним мрак.

Вообще должен сказать, что об этих мрачных свойствах гор мы тогда и не думали, как не думали и о том, что всякие там разбойники и всякий прочий тать любят обитать в горах — и на определенных горах — и что чем выше и круче вершина, тем более вероятности на ней погибнуть.

Нам виделись горы, можно сказать, киношно, совсем в розовом свете. И, соответственно, на чистейшем альпийском лугу, в цветах (рядом сочатся голубые ледники и хорошо смотрятся снежные вершины) — лежание и сидение с возлюбленной сердца твоего и души, и уж потом, взявшись за руки, дальнейшее восхождение на снежную вершину, до которой, разумеется, рукой подать... Ни о каком мраке, висельниках на дереве, раскачивающихся при дурной погоде, невинно убиенных или случайно оступившихся в пропасть мы и не думали, как не думали и о том, что поход в горы есть тот или иной подвиг и к нему надо тщательно готовиться, уж не говоря если и не о здоровья (всякий из нас в этом возрасте, можно сказать, был физически здоров), то о психическом, душевном состоянии, ибо, как оказалось позднее, не всякий иногда и в долине может справиться со своим душевным состоянием, так что уж говорить о нем в горах. Горы не прощают безумцам, возымевшим желание прикасаться к их прекрасным телам, к их белоснежным ликам. Они сбрасывают их, и сбрасывают не только в долину, но и в самую что ни на есть пропасть. Хотя я и должен сказать (а эта мысль пришла ко мне по прошествии многих лет), что есть уникамы, которые, ведя себя нервно и, можно сказать, истерически в долине, вдруг становятся иными людьми, вдруг они собираются в горы — и в горах они себя ведут достойно, что называется, мужественно. Но таких людей очень мало, и они где-то скрываются в долине, чаще живя незаметно, не проявляя интереса к внешней общественной жизни, спя днем и изредка выходя на улицу, на прогулку по своим любимым местам, по своим любимым угольям, по своему родному городу или поселку. В общем, о таких людях говорят, что они анахореты.

... Итак, я уже говорил, что день был ясный и чистый, когда мы вышли, и легкая дымка покрыла низины и распадки, и зеленые подножья были так чисты и прекрасны, что можно было заметить на этом зеленом фоне цветущие красные маки. Взгляд на зеленые подножья гор с цветущими маками, утром ясным и прохладным, породил во мне воспоминания о моем деревенском утре, о моем деревенском детстве, о том, как мы, дети, бежали по росистой проселочной дороге, а по сторонам были какие-то кусты, какие-то высокие травы, и кое-где попадались эти самые красные маки, росшие по самому краю поля чистого льна...

Вообще, после того, как я уже не раз побывал в горах — и даже постоял, хотя и не на высоких, но все же на кой-каких горных вершинах, я должен признаться, что той среднерусской равнины, виденной мною в детстве, с ее холмами и пригорками, с ее проселочными дорогами

и большаками, на которых всегда как-то отдаленно и приятно гудят машины — лучше для меня не было и ничего лучше не может быть.

И теперь, когда я закрываю глаза, я вижу эту картину: деревенские босоногие дети, бегущие по утренней дороге; их светлые, выгоревшие на солнце головки; а там, вдали, сосновые боры и березовые рощи, а где-то рядом протекает река, а над рекой стоит дымка-туман и тут же на берегу притулилась маленькая деревушка...

Туман, река и деревушка... Это я сейчас не могу представить себе лучшие картины, а тогда я мечтал о горах, о горных вершинах. Тогда я мечтал, чтобы у моих ног ходили туманы и курчавились облака, те самые, леденящие под ногами камень, облака, что я встретил однажды в горах Таймыра, когда заблудился в тумане, и когда вместо того, чтобы обойти гору, лез и лез наверх, задыхаясь от усталости, весь в поту и в отчаянии, готовый вот-вот закричать: «Помогите!»

... Да, иногда я спрашиваю сейчас себя: «Почему вплоть до середины моего жизненного пути мне так хотелось подняться в горы, покорить горные вершины, попирать ногами последний перед небом камень и, глядя на горизонт, перед которым расположились многочисленные цепи и вершины гор, гордо стоять и смотреть вдаль, иногда в защитного коричневого цвета очках, а иногда и просто так; ну и, разумеется, в штормовке?»

Что это — желание властвовать? Гордыня? Тщеславие? Нет — это была скорее мечта о какой-то необыкновенно прекрасной жизни, которой нет и не может быть, думалось мне, в долине. Тем более, что я не знал определенного закона, я не знал тогда вот чего: что́ толку — поднимайся или не поднимайся в горы, — если ты не рожден для гор, ты все равно останешься жителем долины, тебе все равно не понять жизнь гор...

И теперь я часто спрашиваю себя: «Зачем, зачем мне надо было покидать эту самую деревенскую жизнь с ее постоянной, трудной, но приятной суетой, с ее речкой, лесом, полем, звездами, с ее тихими просторами и милыми моему сердцу проселочными дорогами? Зачем кто-то заронил во мне мечты о возвышенных пространствах и иных далях, куда я с некоторых пор, потеряв покой, стал стремиться? И отчего волею судьбы (а во всем этом виновато нынешнее потерявшее вечные законы жизни время) я оторвался от земли и был вырван из родных мест, с еще не совсем разрушенной церковью на зеленом берегу и с молодой березовой рощицей, весело сбегающей к реке, и с серой чистотой потемневших бревен и досок, из которых и состояла эта деревня, и с ясностью и теплотой милого лица, так похожего на сорочье яйцо — милого лица с веснушками?..

... И вот — горы... И вот на тебе — горные вершины...».

Разумеется, из всех видимых нами гор, что раскинулись перед нами, мы выбрали самую высокую, самую красивую и веселую. Это веселье было еще в прошлом веке описано не одним путешественником, побывавшим в этих местах. Они особенно отмечали ее жизнерадостную веселость и постоянную способность если и не улыбаться при любой погоде, то, по крайней мере, быть всегда милой и обаятельной. Несомненно, они высоко не поднимались на эту гору. Они ехали, чаще всего, в карете, или прогуливались возле нее пешком, причем чета слуг следовала за ними с корзинами, в которых была провизия. Мало того, некоторые из прогуливающихся имели обыкновение стреляться у ее подножия, а кое-кто оставил пространные описания своих путешествий вокруг горы и даже по горной дороге на перевал, но никто не решался подняться на нее так, прямо, без всякой подготовки, по горным тропинкам и тропкам, окутанным туманом, то выпадающим холодным дождем или снегом, а то и ложившимся скользким гололедом. Разумеется, наверху она оказалась совсем иной в своих пределах и совсем не такой, как если смотреть на нее снизу.

Кроме того, эту гору можно было иногда увидеть на картине в каком-нибудь краеведческом музее нашей средней полосы России. Ее жизнерадостный вид, где зеленое травянистое подножие сначала переходит в пышные лиственные леса, которые, сменившись смешанными, постоянно являют хвойные, и так почти до самой вершины, где вслед за разнотравьем альпийских лугов вздымается скала — камень, который имеет рыжий, а кое-где и красноватый оттенок: выступившие окиси железа и марганца, очевидно, окрашивают этот способный время от времени покрываться снегом камень, крепкий и твердый, как старые зубья земли.

Я упомянул о старых зубьях земли, о, можно сказать, каменистых корнях земли. И в самом деле, не напоминают ли нам каменистые горы, выходящие отвесными скалами из-под мягких пород земли, покрытых зелеными долинами и трещинами с текущими по ним ручьями, зубы огромного гиганта, крепкие и жесткие, с красивым рисунком в молодых горах и со следами разрушения и беспорядка в старых, уже почти занесенных осадочными породами с кое-где торчащими скалами, кажется, помнящими иную жизнерадостную цивилизацию, вокруг которой и под которой слагалась не одна песня и водился не один жизнерадостный хоровод. И вот теперь — старые разрушенные зубья земли, на которых издали, как разноцветные заплатки, стекают с гор земельные участки и обработанные поля...

... И вот мы, собирающиеся достигнуть вершины этой еще молодой, можно сказать, горы, чей вид почему-то нам казался жизнерадостным,

так как мы были молоды, а молодости в большинстве своем всегда свойственно быть и стремиться к жизнерадостности, а значит, стремиться, что называется, скользить по поверхности, никоим образом не проникая в суть той или иной возвышенности, а только любуясь и удивляясь ею и ее внешними красотами.

А, кроме того, как я уже говорил, одно дело — видеть горы, находясь у их подножий (кажется, вот-вот взлетишь на них), а другое — побывать на их плечах, на их снежных хребтах и вершинах, а третье, и самое сложное, — хотя бы мысленно проникнуть к ним в глубины, заглянуть, что называется, в душу, разобраться, наконец, в их недрах, или однажды спуститься в пещеры и шахты; дабы, изучив их, вытащить на поверхность какой-нибудь драгоценный камень, какой-нибудь драгоценный изумруд или алмаз, суть которого, появившись он на поверхности, не только благоденствие и счастье человека, но и кровь, слезы и насилие.

А если в этих недрах находится всем известное вещество, способное при расщеплении излучать сверхмощную энергию, то, как мне думается, польза от этого вещества состоит в том, в какие руки оно попадет, так что иногда возникает вопрос, стоило ли этой горе и ее недрам вообще появляться на свет, вообще привлекать к себе внимание, уж лучше ей быть равниной, на которой можно если и не всегда добывать нефть, то, по крайней мере, выращивать тот или иной огурец или помидор. Но происхождение земли, как говорят ученые, независимо от человеческой воли. По крайней мере, так было до тех пор, пока не началось интенсивное проникновение в недра земли. Почва долин вполне устраивала человека — и для того, чтобы лечить зуб, не требовалось бормашины или какой-нибудь иной техники; горы хранили свои недра, как тайну, как нечто, что было известно только немногим, то есть, можно сказать, посвященным и, если как-то они воздействовали на человека, то скорее психически или душевно.

Мы же к тому времени, когда решили подняться в горы, совсем не мечтали открыть какие-то там тайны, быть геологами или геоморфологами; нас интересовала, если можно так сказать, художественная часть горы, ее красоты и, наконец, окружающий вид с горы. Мы, как я уже говорил, могли бы называться туристами, если бы это носило организованный характер, что скорее всегда было свойственно Европе, где и зародилось это, без всякого сомнения, развлекательное движение. Я называю его развлекательным потому, что, побывав в горах и проникнувшись соответствующим уважением, а может быть, и почтительным трепетом, я не могу сказать, чтобы по возвращении с них они научили меня основ-

ным законам жизни и тому пониманию, что позволило бы мне спокойно взирать на жизнь и в долине, с ее верой в разумную необходимость, а может быть, и бессмертие. Как раз нет, если они и научили меня, то научили меня одному — тому, о чем я не раз уже говорил и буду всегда повторять, а именно: то, что позволено жителю долины, и особенно в том виде, в каком тогда были мы, без всякой моральной и нравственной подготовки, ни в коей мере не годится для жителя гор.

Быть может, кто-нибудь подумает, что я вообще против всякого там туризма или альпинизма. Нет и нет. Ни в коем случае. На первой стадии интеллектуального развития туризм в какой-то мере, может быть, и необходим, как вообще необходимо всякое ученичество, но не настолько, чтобы этому посвящать свою жизнь, дабы постоянно доказывать несостоятельность властного чувства или гордыни, когда, взобравшись на покоренную вершину, хочется петь и орать, любоваться и наслаждаться, если, конечно, на это остались какие-то силы.

Разумеется, подъем в горы способствует выработке мужественности, той самой европейской мужественности, свойственной последнему времени, что никоим образом не соответствует иной мужественности — мужественности отказа от покорения горных вершин, когда, живя в долине и время от времени взирая на горы, над которыми то и дело роятся облака и ходят туманы, еще раз можно утвердиться в той мысли, что созерцание красоты и ее неприкосновенность успокаивают нам душу и заставляют думать возвышенно и прекрасно.

Вот этого-то мы тогда по юности и не знали. Разумеется, нас этому никто не учил, вот поэтому-то кое-кто из нас полатился не только общим, так сказать, душевным настроем, но и самой что ни на есть дружбой. Спустившись в долину, мы разошлись по всем своим домам, по всем своим жилым помещениям, и больше уже никогда не собирались вместе, больше никогда не дружили, хотя в глубине души, в глубине закрытого сердца иногда была какая-то отметина, какая-то присущая нам единая зарубка, так что, встретив друг друга, каждый мог бы сказать со вздохом: «Мы из первого похода в горы».

О чем еще говорил этот вздох — о неудавшихся ли надеждах? О разбитых мечтах? И о том, что, отправившись в горы, надо брать все свои юношеские идеалы — в противном случае тебя ничего хорошего не ждет?

Трудно сказать, но то, что при встрече раздается вздох и даже у кое-кого делается намек на распахивающее движение рук и стремление к объятию, впрочем, останавливаемое не столько холодностью души, сколько амбициозными соображениями нашей общей долинной жизни, говорит

о том, что этот наш поход, а вернее предшествующая ему дружба были не напрасны.

Было бы неверно утверждать, что, отправляясь в горы, мы только и думали о своей, так сказать, эгоистической цели, то есть о том, чтобы усилить свое физическое и, разумеется, гордое «я», или, понаслаждавшись открыточной красотой окружающей природы, дабы как-то разбогатеть на своих способностях, на своей воле и упорстве, то есть, потерпев и перестрадав, спуститься в долину, где тебя ждут красивые женщины, цветы и дети.

Нет, — хотя где-то втайне, в глубине души, подобный исход не исключался и кое-кем все-таки мечтался, ожидалось какое-то вознаграждение за труды, — большинство все-таки думало о том, что там, на вершине, когда он до нее дойдет, где, разумеется, он сядет и спустит с нее ноги и, «оглядев все края земли» (по выражению одного моего приятеля, который по душевной мягкости был еще и поэт к тому же), ему откроется нечто новое, какая-то истина, не только красота, но и истина, свойственная вообще горам, ибо не случайно над горами любят летать орлы и парить во сне ангелы. Не случайно однажды, а может быть и не однажды, и демон-то пролетел над горами. Не случайно ведь и наша мечта часто поднимается и летит над горами. Да что уж там летит — взмывает! Так что уж говорить о нас — «прежних»! Что уж говорить о нас — «идеальных»! Ведь знали же кое-кто из нашей группы, что в древности в горы отправлялись, что называется, крепко подумать, а не только для того, чтобы собирать самородки в виде серебра и золота. Ведь всем известно, что кое-кто имел привычку в горах набираться энергии, сообщаясь, как говорили в прежние времена, с горним миром.

Нам об этом в какой-то мере было уже известно, но только известно и не больше. Ибо у нас, в нашем любительском кружке, никто не говорил об этом (я уж не говорю — обучал); разумеется, мы у кое-кого кое-что выспрашивали и даже рылись в библиотеках и архивах, отыскивая упоминания о подъеме в горы, а в частности — на эту зеленую, потом каменистую, а иногда и снежную вершину, которую мы единодушно выбрали.

Разумеется, до нас и в прежние времена были попытки (успешно или неуспешно) подняться на эту гору и, очевидно, с той же целью, что была у нас. А кое-кто оставил свои воспоминания об этом. Было бы утомительно сейчас перечислять — кто и зачем. Как и зачём вспоминать о том, что гору когда-то окружало море (говорят, было большое наводнение), и кое-кто, очевидно, подплывал к ее подножию и только потом поднимался на нее. Но о тех, кто посещал ее с целью, как это говорится, пообщаться

с горным миром, я нашел всего два или три упоминания, и нашел уже после моего первого похода в горы, о чем я сожалею, ибо, без сомнения, я учел бы опыт предыдущих путешественников, коим никоим образом не откажешь в высокой мужественности и, я бы даже сказал, в беспредельной жертвенности для достижения цели, а один из них, как повествует об этом летопись, был захоронен на ее вершине. Но до сих пор неизвестно, легенда ли это или было на самом деле. Надо думать, нет дыма без огня, и мечта в долине может иногда стать реальностью в горах.

Кроме того, как известно, в горы отправляются от усталости жизни, дабы там остаться наедине с небом и умереть. Исход, достойный уважения, но не настолько, чтобы его использовать тем, кто отправляется в горы, чтобы там просто как-то жить. В данном случае, на одном из склонов этой горы были попытки устроить монастырь, но он просуществовал недолго, и за невозможностью, что называется, живой воды — закрылся. Его гордые развалины видны невооруженным взглядом снизу, если смотреть на закате дня, когда солнце освещает западную часть горы.

... Итак, небо было ясное, утро чистое, и мы, можно сказать, прямо-таки приплясывали под этой горой, бегали и прыгали, как вполне невинные дети, в предвкушении подъема; все нас радовало и веселило. Это беганье и прыганье я сравнил бы с игрой всем известных животных, назвав их жеребьями или ослиными, если бы кое-кто уже в своем поведении не носил в себе черты некоей озабоченности, некой угрюмости, как будто хотел спросить: «А что там с нами будет, в горах, и зачем мы туда, собственно, идем, когда нам хорошо и в долине? И надо ли вообще туда стремиться?».

«Вот мы поднимемся на эту гору, — думалось, очевидно, кое-кому, — и, вдохнув горного воздуха и осмотрев все ее красивые места, все ее прекрасные линии и горизонты, вернемся если не обновленными, то наверняка другими. Но будем ли мы лучше после этого самого подъема в горы? Будем ли мы другими и лучше других — вот в чем вопрос?».

«Быть другими и лучше других», то есть быть не как все, было для нас той отличительной чертой и выходящей из этой черты целью, что вообще было свойственно нашей юности, воспитанной на нигилистической литературе, где консерватизм и преемственность (ужасные для нас слова) весьма нами презирались, ибо таково уж было роковое обстоятельство, что нам пришлось родиться в то время, когда существование, а вернее — культуuroобразование, было сопряжено со страшным землетрясением, принесшим если не нам, — мы скорее пожинали плоды этого землетрясения, — то нашим непосредственным предкам неисчислимые беды.

Вот и в данном случае мы поступали не «как все». Не исключено было, что, заберись мы на эту гору и начнись какое-нибудь новое землетрясение, мы с этой горы посыпались бы как лилипутики, раздавленные падением ужасных глыб, со страшным грохотом скатывающихся в долину ручьев и речек.

А кроме того, уж если говорить начистоту, эта опрометчивость была и в том, что виденная нами эта жизнерадостная гора никоим образом нам не напоминала о тех сферах, где будет туман и холод, и где ледники и снежные завалы говорят о совсем иной поре года, чем внизу, в долине. Хотя снизу-то, у подножья, это как раз нас и радовало: за короткое время побывать в разных временах года и, вдохнув свежего весеннего воздуха тающих ледников, снова вернуться в лето.

«Да, это настоящие горы, а не какие-нибудь там холмы нашей любимой долины, — думали мы. — Это они как раз и обладают той блестящей особенностью соединять сразу четыре времени года: лето, зиму, осень и, разумеется, весну, ту лелеемую всеми нами весеннюю пору с ее яркими нежными красками, в которых, несомненно, заложен заряд жизни и сконцентрировано то генетическое начало, когда хоть и трудно говорить о духовности, но, по крайней мере, можно говорить о мощном стремлении к жизни, о продлении рода и вида».

Было бы тут неверно не упомянуть и о том, что мы уже и тогда если не наверняка знали, то, без всякого сомнения, догадывались, что те или иные горы отличаются не только своим географическим расположением (юг, север, широта, долгота, тропики, субтропики и так далее) что, соответственно, влияет на их ландшафт, на их внешнюю окраску, но и на то, что горы, можно сказать, обладают определенным характером. (Отчего, очевидно, к ним и применяют те или иные характеристики, те или иные характеризующие их эпитеты: одни — мрачные, другие — веселые; одни — задумчивые, другие — строгие; одни — возвышенные, другие — величественные и так далее, и тому подобное... Одним словом, к горам можно применить столько эпитетов и характеристик, как и к человеку, вернее, к неподвижному человеку, который задумался и думает свою думу).

А, кроме того, вопрос, из какого материала состоят горы, вопрос, чем они, так сказать, напичканы, что они в себе несут и какое поэтому оказывают на окружающий мир влияние, все больше и больше в нашей жизни имеет значение. Ибо, как стало известно, горы, как и всякий живой материал, способны излучать биотоки, электромагнитные волны и даже световые и звуковые излучения. Я даже думаю, что некоторые из них (это

горы-то?! — скажет читатель) способны, что называется, быть накопителями чувств и мыслей, и часто прекрасных чувств и мыслей, ибо не может же человек только восхищаться горами, кои действуют на него своей успокаивающей красотой и призывают его к созерцанию. Существует, как мне думается, какой-то симбиоз, какая-то интуитивная договоренность между человеком и горами. Но не мне, несколько раз побывавшему в горах, окончательно разрешить этот вопрос. Как и не решить мне этого постоянного стремления человека вверх в горы, вперед и ввысь!

Мне же думается, что всякое человеческое стремление вперед и ввысь есть поиск бессмертия, стремление взгляда твоего отторгнуться от земли, от могил, от свежей травы, на которой иногда так сладко любить и плакать. По живым ли плакать? По мертвым? По вечности или своей смертности? Или по тому, что иногда здесь проходил со своей возлюбленной? И вот нет ее, только эхо, горное эхо доносит ее голос. И только сердце стремится вверх и ввысь через ручьи и речки, через горные кручи и завалы. Кто сказал, что ощущать и чувствовать — это не прекрасно?! Кто сказал, что молчать и созерцать — это есть то самое «то, что надо»?! Чушь. Нет панцей и эталонов, чтобы оправдать жизнь. Просто всему свое время. И не надо убыстрять приближение старости! Не надо просвещать умом, где так просто понять сердцем. Ибо всякому — своя рубашка, всякой горе — свой колпак. Но стремление вперед и ввысь, стремление подняться в горы, улететь в небо — будет всегда, как и стремление смотреть на горы, находясь у их подножий.

Правда, сейчас найден еще один способ посмотреть на горы. Это посмотреть на них с самолета, вертолета или даже со спутника, и с точностью до сантиметра заснять их сверху. И хотя они и сверху производят внушительное зрелище, они не кажутся нам такими величественными, как это нам кажется снизу. Но зато они предстают нам в своей целокупности, так сказать, сообщности, а значит, и в какой-то закономерности, ибо только в целокупности того или иного региона гор можно уловить, что называется общую закономерность, общую их культуру.

Мы же решили подняться только на одну из гор, что, несомненно, было делом ограниченным. Мало того, этим, именно на эту гору, подъемом мы как бы принижали остальные горы, а значит, в какой-то мере принижали или принизили себя, что, разумеется, не могло в какой-то мере на нас не сказаться. Ибо, конечно, в системе гор та или иная гора, обладая своей индивидуальностью, как-то выделяется из остальных гор, как-то хорошо смотрится на фоне других гор, но, посещая ее, — и изучая ее и только ее, разве можно составить ту или иную историческую карти-

ну, ту или иную геологическую эпоху и те мощные взрывы и катаклизмы, которые и произвели на свет эти горы, тем более что как и у человека, так и у гор существует возраст, существует молодость и старость? Вот отчего, очевидно, горы крутые так призывно зовут к себе молодых, и вот отчего на склонах пологих гор так приятно старым разобрать скатерть-самобранку и вести неторопливые беседы, видя, как у твоих ног протекают стада и как резвятся на зеленых лугах дети...

... Итак, по прошествии многих лет я вижу подножие горы, представляющее собой с одной стороны как несколько все увеличивающихся волн, набегающих на эту гору, но ни в коей мере не доходивших до ее вершины — той самой призывной, иногда белоснежной вершины, круто обрывающейся с другой и подветренной стороны в зеленую долину, где протекала в дымке река, извилистая река, наконец-то выбежавшая на свободу и потому уже если и не глубокая, то относительно спокойная.

И вот мы перед этим подножием, а вернее, в начале его, с рюкзаками и мешками (впрочем, мы их сбросили, они лежат у наших ног). Мы сидим на камнях, а кое-кто и просто на земле, дабы передохнуть и перекусить перед дальней дорогой и дабы, держа в руке бутылку с лимонадом или соком, и время от времени прикладывая горло бутылки к губам, для чего приходится задираť высоко лицо, одновременно скользя взглядом по этой зеленой и жизнерадостной горе, на каком-то ее участке заросшей светлым лиственным лесом и темнозеленой, хмурой хвоей.

Тут я должен упомянуть о наших родителях, которые, если и не находились рядом с нами у этой самой горы, то, несомненно незримо присутствовали в наших мыслях. Это присутствие напоминало нам о далеком северном городе, чья парковая культура и европейский вид (прямые улицы, дворцы, колонны и арки; фонтаны, сады и парки) говорили о двух веках влияния европейской культуры, к которым наши родители и наши родственники, это с уверенностью можно сказать, не принадлежали, ибо их приезд в этот город был сопряжен с теми социальными катаклизмами и трагедиями, которые непосредственно пережила наша страна, наша родная держава за последние сто лет. Они, скорее, принадлежали другой, сельскохозяйственной культуре средневековья, с ее достоинствами и недостатками в виде грибов, огурцов, лесов, полей и равнинных пространств, или в виде коллективного сознания с присущим ему обожествлением сильного начальника, соседа, помещика-крепостника и, как следствие этого, присутствие неизжитого страха, выражавшегося в хорошо известных формах: ах, как бы хуже не было, или: ах, как бы чего не вышло?!

Разумеется, этот страх никоим образом не говорит о другой культуре, которая где-то берет свое начало в темноте средневековья, а может быть и не в темноте, может быть, сверкает в виде прекрасных оазисов если и не в ландшафте европейского города, то в других, и чаще всего маленьких городках, что знамениты своими историческими памятниками, своими средневековыми торговыми рядами и палатами, своими церквями и храмами, я уж не говорю о том, можно сказать в новом времени закрытом сознании, которое кое-где сохранилось в этих, без всякого сомнения прекрасных оазисах, куда, разумеется, не было доступа нашим живым и пережившим трудные времена предкам.

Было бы не совсем верно сказать, что не было доступа. Нет, просто весь уклад нашей, а вернее их, предков, жизни, весь его строй отторгал их от городских культурных оазисов, где томились одичавшие от сжатости и малости площади, а вернее от надвинувшейся на них агрессивной в ту пору жизни потомки этой самой культуры, что никоим образом не общались с нашими предками, а скорее — последние их сторонились, если не как чумы, то как чего-то ненужного, пережитого и, казалось, давно уже забытого и дурного. И что уж там говорить о нас, чье стремление в горы было той, как я уже говорил, воспитанностью двух трехвековой европейской туристической культурой, как и всем нашим новостроящимся, но, в общем-то глубоко провинциальным укладом жизни! Что уж говорить о нас, чье сознание было глубоко отторгнуто, если не отчуждено, — как от этой оставшейся в небольших оазисах культуры, так, может быть, и от самих предков, которые, поднявшись из лесных долин и вершин, имели то стихийное, я бы сказал, инстинктивное сознание, где вопрос скорее решался между городом и деревней и где не могло быть понимания, зачем существуют горы и отчего люди гор отличаются от людей долин. И даже те, кто получил какое-то, так называемое, образование, не видел необходимости, в большинстве своем, подниматься в горы, хотя иногда и просыпалась в них зависть к покорителям тех или иных красот и вершин. Но эта зависть была, скорее, завистью к той европейской мужественности, к той, я бы сказал, утопической гордости, которой им, очевидно, не хватало.

Вот отчего желание подняться в горы они, наши родственники, они, наши предки, в большинстве своем, воспринимали, в лучшем случае, равнодушно, а в худшем — отрицательно.

Я и сейчас помню неоднократные и для меня мучительные разговоры с моими родителями, когда они узнали о моем желании подняться в горы, как и их скорбные и унылые лица, которые говорили, что я не

прав, что я не оправдал их надежд, и мне совсем не надо подниматься в какие-то там горы, откуда всегда можно свалиться, сломав руку или ногу, или вообще погибнуть, упав со скалы, или, пуще того, в ледяную расселину. И зачем, мол, совершать этот непонятный труд, и ради какого душевного удовлетворения, ради какого мальчишеского тщеславия и какой-то там мужественности, говорили они; время инициаций прошло и — не лучше ли тебе жить в долине и особенно в нашем прекрасном и, можно сказать, европейски-культурном городе, где всегда можно найти возможность учиться, работать и создавать разнообразные явные блага — как обществу, так и себе?

— Только человек, не желающий ничего делать, жаждущий только удовольствий, стремится в горы, где нет ни клочка вспаханной земли, где, в конце концов, только один снег и лед, и если есть какие-то растения, то они так же халты и жалки, как в какой-нибудь тундре: какой-нибудь рододендрон, который всего лишь похож на наш брусничник, я уж не говорю о призрачной красоте альпийских лугов и всех этих желтых маков и голубых незабудок... — говорил мой родитель. — Одним словом, стадо баранов и одинокий пастух могут существовать в этих условиях — и то лишь в летнюю пору, но ты даже не баран, я уж не говорю о пастухе, хотя, впрочем, в последнее время я стал подозревать тебя в твоём пастушеском интеллекте и, разумеется, в бараньем упрямстве.

— Пойми, — мой родитель был весьма раздражен, ибо не мог не видеть слез моей матери, виновником которых он считал меня, — пойми, любой подъем куда-нибудь на возвышенность делают по необходимости, а не вследствие каких-то пришедших в голову мыслей, каких-то идеалов или художественных красот, наконец. Наши предки были тысячу раз правы, когда так или иначе, но уважали практическую пользу, и если иногда и поднимались в горы, то чтобы пасти скот или, в крайнем случае, увидеть врага и предупредить об опасности.

Уйдя в горы, оторвавшись от долины, ты, так или иначе, окажешься в так называемом стане бездельников, которым присущи всем известные туристические пороки, как-то: пьянство и разврат. Ведь ничто так не способствует этому, как совместный туристический поход. Быть может, ты мне возразишь, что, несмотря на это, тот или иной турист оставил свои замечательные воспоминания о горах, о вершинах, о скалах и прочих красотах в виде шумящих речек, куда ступает нога прекрасной возлюбленной, чьи синие глаза подобны глазам дикой лани, этой слегка испуганной, но в то же время любопытной красавицы, что так хорошо описаны туристами прежних времен, за что они, очевидно, и получили

мировое признание и, соответственно, определенные деньги. Но что мне до этого? Все их сочинения страдают тем же, чем страдали носители этих сочинений, каким бы добродетельным плащом они ни прикрывались. Их отличает поверхностность и погоня за внешней красотой, за которой, как известно, ничего не стоит. Ибо тот, кто чаще всего прикрывается красивой одеждой, прикрывает свою некрасивую сущность. И он, видите ли, отправляется в горы с тайной надеждой (о, я знаю этих зевак заоблачных высот) написать потом о горах свои прекрасные, в кавычках, воспоминания, дабы, вернувшись в долину, пожать рукоплескание толпы и, удовлетворив тщеславие, поиметь, что называется, славу и деньги. Да знаешь ли ты, что для того, чтобы подниматься в горы, надо сначала освободиться от собственных пороков? Знаешь ли ты, что тот, кто уходит в горы, не освободившись, тот быстрее всего погибает или впадает в безумие, что не раз было доказано историей всех времен и народов? Ты же видел этих угрюмых людей, однажды спустившихся с горы и разгуливающих по городам и весям нашей великой державы, вечно пьяных и с какими-то девками, чье непотребство и жажда низменных наслаждений написана на их лицах? Или ты не видел этих разложившихся старцев с их гнусными советами, как подниматься в горы, хотя и до середины горы они не дошли, ибо испугались за свою, кажется им, драгоценную жизнь, и на какой-нибудь полянке предались разврату, забыв о времени года, о погоде и, разумеется, о самой горе. Так вот что я скажу тебе: «Пожалей свою мать и одумайся, пока не поздно».

Тут я не могу не сказать и о моей родительнице, которая в позе скорби, в позе скорбящей богоматери, стояла рядом со мной и упиралась лбом то мне в плечо, то в грудь, что так или иначе, по слабости моего юношеского ума и по юношеской гордыне, не возвышало меня. Я, можно сказать, как-то сверху смотрел на нее, хотя мое сердце обливалось жалостью и болью, мне хотелось обнять и пожалеть мою родительницу, а может — и самому с ней поплакать, но я этого не делал, я даже смотрел на нее посторонним взглядом, тем взглядом, которым смотрит молодой человек, имеющий собственную часто эгоистическую цель.

Я упомянул слово «богоматьер», вряд ли моя родительница знала, а вернее отождествляла себя со всем известной родительницей. Нет, просто в минуты скорби о сыне (все может сказать мать, питающая любовь к своему дитяти) в какой-то мере все матери становятся похожими на всем известную Богородительницу; шелуха бытовой жизни опадает — и остается любящая и скорбная мать, знающая, что, может быть, в последний раз видит свое дитя, и что это дитя уже ничем не остановишь...

... Так вот, в минуты скорби о сыне, моя родительница была тем, чем она являлась, а именно: я увидел в ее лице самые лучшие черты, которые как бы ожили под ее умоляющим и, я бы даже сказал, молитвенным взором.

Разумеется, я в те годы если что и понимал, то слишком был занят своей эгоистической целью, в которой жажда быть счастливым сочеталась с юношеской честолюбивой устремленностью к какой-то славе и любви. Вот отчего я, можно сказать, не заметил и не понял ее движений, а вернее — движений ее души, как и не знал, что мой поход в горы определенным образом скажется на ее здоровье и, спустившись с гор, я ее больше не увижу. Так что это был последний ее зримый образ, и чувство (а оно вдруг неожиданно приходит), чувство невозвратимой утраты, как это обычно говорят, накатывает на меня, и я понимаю еще одну известную истину о жестокости, о черствости друг к другу родственника к родственнику, сына к отцу — и так далее и тому подобное... и особенно в наш век душевного, если не духовного разрыва, а также забытости общего строя жизни и общей изначальной любовности. Вот отчего самые тяжелые трагедии происходят в семье; так сказать, среди родственников, не имеющих общей «любовой» подготовки, когда, часто того не желая, они становятся друг другу врагами.

Было бы напрасно обвинять меня в содеянном, как и в вышесказанном. Просто силы века сего, если можно так сказать, действовали не за меня, а против меня, и трудно было мне, воспитанному моей семьей и школой, мне, лишенному духовных и исторических корней, вырваться из этого равнинного потока, ухватиться за камень, вскарабкаться на скалу — без определенного знания своих сил и возможностей, а также приемов восхождения в горы и скалолазания. Ибо, как я теперь думаю, справедливо древнее изречение, что всякому времени свой кафтан, и если уж в горах начался обвал или оползень, его ничем не остановить.

... Итак, мы расположились у подножия, а вернее — на зеленом холме у подножия горы: около чудесной речки и чистого оазиса, тонущего в синей дымке. И, как я уже говорил, мы решили, что называется, «посидеть на дорожку», и кто — попить лимонаду, кто — съесть апельсин, который круглый год нам поставляет золотистая Африка, а кое-кто занялся иным, казалось, веселым развлечением: решил на дорожку немного выпить и даже понаслаждаться в цветах и кустах со своей возлюбленной, что, думалось, вряд ли удастся сделать там, на горе, и в этом сказался тот дух непри нужденности и веселья, молодости и свободы, а, кроме того, и близости своих любимых, кои (если и были у кого) тоже увязались с нами в горы.

Разумеется, все это кружило голову, возбуждало; все это вызывало, я бы сказал, на мужское соревнование, на тот видимый подвиг мужественности, где всегда само собой находится лидер: юноша, отличающийся красотой и видимой деловитостью, и тем показным рыцарством, а может быть — и не показным, что, несомненно, говорит о каком-то врожденном достоинстве; вот только долго ли будет длиться это рыцарство — вот вопрос, и вот в чем, думается, уже известная истина...

* * *

Было бы неверно по прошествии многих лет еще раз не остановиться на точке зрения моего родителя.

Разумеется, он был прав в той, ставшей мне спустя многие годы известной, истине, что прежде, чем подниматься в горы, надо освободиться от многих дурных черт, а кроме того, надо знать свои физические и особенно душевные силы, в том понимании, что не всякий живущий в долине может претендовать на подъем в горы, и что это зависит не только от твоего желания и от твоей воли, а скорее от генетических, заложенных природой, качеств, а также от той многовековой культуры предшествующих поколений, которым подъем в горы не был противопоказан. И твои предки пробовали — поднимались на какую-нибудь высоту, на какую-нибудь гору, где им в какой-то мере приходилось акклиматизироваться в горах, и они ломали, что называется, шею при подъеме в горы и, разочарованные, спускались вниз, ибо воздух высоко в горах оказывался для них слишком разреженным, так что вызывал одышку и приводил к бессилию. Разумеется, многие из них, в конце концов, поняли ту истину, которую я сам впоследствии понял. А именно: лучше быть естественным и жизнерадостным в долине, чем мрачным и неестественно-возвышенным в горах.

Боги не прощают, что называется, неестественности и лживости, особенно в горах. Они оставляют путника в одиночестве. Они бросают его в узкие ущелья и в непроходимые обрывы и скалы, что, под воздействием переоценки своих сил и страха, приводит к безумию; или просто-напросто сбрасывает с обрывов и круч или, больше того, заставляет затянуть петлю и повиснуть на каком-нибудь живом или сухом дереве, находившемся в том самом единственном месте, откуда ни вверх ни вниз, кажется, уже спуститься невозможно, и единственное, что можно сделать — это остаться и ждать, когда кто-нибудь догадается и спустит тебя с этой самой горы, с этого самого опасного места.

Вот отчего тот самый мой первый поход в горы явился мне тем почетным началом, тем самым испытанием: не приведи Господь пере-

жить кому-нибудь то, что я пережил в том походе; понимая, что у каждого человека свои переживания, иногда я думаю, что если бы я этого не пережил, я бы, может, так не рассуждал — и при втором моем подъеме в горы обязательно сломал бы себе шею. А так, если я когда-нибудь впоследствии и забирался в горы один, то, разумеется, соразмеряя свои силы и не выходя дальше зоны альпийских лугов, дальше зоны растительности. Не стремился в ту страну, где начинаются открытые выходы камня и льда, а на камне можно было увидеть нечто похожее на первый подснежник — то́ между мхом и лишайником в расселине поднял свою нежную голову прекрасный цветок.

Нет, я старался, что называется, никогда не покидать почвы, того самого известного всем плодородного слоя, на котором может что-то, по крайней мере, произрасти, по крайней мере, вырасти... Вот, скажем какой-нибудь дикий лук или черемша; какие-нибудь яблоки или сливы, или, пуще того, смородина или малина, или, наконец, какие-нибудь васильки и ромашки.

Впрочем, поскольку я все-таки был человеком северным, мне всегда были милее многочисленные леса и подлески по склонам холмов и гор, лиственные и хвойные леса с их осенним листопадом, с их заунывным гудением в густой кроне, когда где-нибудь можно посидеть рядом с сосной или елью. Ибо, достигнув хвойных лесов и поискав в них всем извест-ных красных и коричневых шляпок, я стараюсь впоследствии спуститься вниз в те самые лиственные жизнерадостные леса — в тополиные, кленовые, дубовые леса, которые, разумеется, всегда мне напоминают сады и парки самого мною любимого города, если в данном случае можно говорить о любви: где я родился, где жил и где не раз проходил под деревьями один, а иногда и с родным дитятей или с моей любимой подругой.

Надо думать, все это было гораздо позже моего первого подъема в горы. А тогда?..

* * *

А тогда: представьте себе группу молодых красивых людей, группу туристов, кои обвешаны многочисленными рюкзаками и мешками, в которых хранятся всякие туристические принадлежности в виде спальных мешков, палаток и спиртовок; всякая там провизия и еда, как-то́: консервы, склянки или просто бутылки с соком, лимонадом или спиртным. Тут же (один рюкзак — на груди, а другой — сзади) и вещи любимых подруг, которые взяли с собой еще бóльший вес, ибо, помимо всего уже известного, у них были всякие там предметы ежедневного туалета в виде

духов и помад, пудр и лосьонов, в виде кремов и прочих притирок, служащих красоте, чистоте лица, тела, молодости, жаждущей удовольствий и наслаждений, и боящейся пропустить даже один день, а вернее — боящейся, что этот день пройдет без любви, красоты и успеха, даже если он проведен в горах, даже если окружающий тебя объективный мир сам по себе привлекателен и поначалу красив, так что, кажется, ты должен забыть о своих удовольствиях и наслаждениях.

И вот так-то и начался этот самый первый в моей жизни подъем в гору, первый и последний с этими моими друзьями-приятелями, с этими туристами и с этими нашими подругами, ибо, само собой разумеется, мы не учли своих сил, и наш отряд стал постепенно распадаться, рассыпаться, стал удлиняться, в чем сказалось несходство наших характеров и наших целей, и сказалось почти сразу. Кое-кто сразу же остался уже в лиственных лесах, залюбовавшись, можно сказать, высокой кроной лиственных деревьев и всеми их тенями и полутонами, всеми их просветами и лужайками с травкой, с цветущими лугом и суходолом, по которым течет ручей, навевая ту или иную дрему или грезу, звеня на камнях и рождая воспоминания о золотых рыбках и временах...

... Да, уже там кое-кто решил остаться на лужайке, раздевшись догола со своей возлюбленной и под воздействием молодости, красоты, винных паров стал бегать по полянкам, смеяться, кричать, гоняться за бабочками и предаваться пылкой любви — милая картина, осененная могучими дубами и кленами, под которыми так приятно лежать и мечтать в одиночестве, думать о прошлых своих любимых днях, о своих милых даях, взирая с надеждой на будущее.

И вот тут тебе среди высоких цветущих трав, под высокими деревьями — обнаженные любовники, тут же брошены туристические принадлежности, тут же валяется одежда и тут же на земле — бутылки, остатки еды, бутерброды... И над всем этим весело смеется и сверкает непокоренная гора, зеленая, веселая с виду гора, снежную вершину которой (очевидно, недавно там прошел снег) еще не покрыли туманы, не обволокли облака, и было утро, и была середина дня, и был вечер — и не та высота, по которой ходят облака и туманы, дожди и мокрые снега, что мне впоследствии, что называется, на своей шкуре пришлось прочувствовать и испытать.

Разве не прелестная картина — почти пастух и пастушка, почти Дафнис и Хлоя, Адам и Ева — райские кущи, слегка омраченные излишне пылкой любовью тут же в цветах на лугу, да винными парами, витающими под солнечно-тенистой аурой, под высокой и мощной кроной, под

пологой и светлой сенью? Разве не прелестная картина, кажется, мечтаемая с детства, а вернее с тех юных лет, когда твой мысленный взор осмотрел Адриатическое море и в прямом смысле заглянул на берега Понта Эвксинского? Разве не прелестная картина — казалось бы, должная продолжиться всю жизнь, как и всю жизнь должна продолжаться наша молодость и любовь? Не так ли?

Но, спрашивается, зачем же им, тем, оставшимся на лугах, под дубами и кленами, зачем же им тогда было собираться в горы? Зачем же эта осязка и все их многочисленные разговоры, все их мечты и желания отправиться на какой-то подвиг, на какой-то незабываемый труд, и даже некоторые стихотворения, написанные «на восхождение в горы»? Мол, как прекрасен этот мир и как прекрасны вершины гор, где холод и краса, и где мы (он и она, любимые) будем возвышаться как великаны, как наипервейшие люди Земли, а под нами будет цепочка гор, под нами будет зеленая долина, где, подобно муравьям и букашкам, трудится остальное человечество, которое мы за это немножко презираем, но все-таки иногда и любим. Зачем этот, наконец, самообман и самообольщение, что мы куда-то пойдём и когда-то там поднимемся, и что-то там получим (о, получать подобные особы, как я понял впоследствии, особенно любят), и как-то там восхитимся, чтобы потом, спустившись в долину, обо всем поведать, дабы веселее и радостнее всем было жить? Зачем это нарциссическое желание говорить на людях о каких-то высотах и возвышенностях, о каких-то горных водопадах и красотах, когда тут, можно сказать, за этими словами, есть только одно желание — наслаждаться; где совокупление, то радостное, может быть, но чаще всего страстное совокупление и всегда с мыслью о том, что все временно в этом мире и что нас всех ждет расставание, и что от всего э т о г о могут появиться дети, которых мы как-то там любим, но в общем-то не хотим, и поэтому не дано, да — не дано?.. Ибо зачем же нам дети, когда нам нужна только красота и, разумеется, вечная свобода?..

Таковы эти первые оставшие, и я не осуждаю их, ибо основное их стремление — это жизнерадостное, подобно двум бабочкам, спаренным на лету, мельгешение, а все остальное для них — флер: видимость, та видимая обманка, которая и служит ничему иному, как мимикрии, то есть способности порхать с цветка на цветок в долине, время от времени объединяясь в стайки и группки, и снова распадаясь по двое, по трое и по четверо, — и все время щебечущих о том, как хорошо в горах, как хорошо на море и в горах, но дальше пляжа и канатной дороги для подъема в горы им не податься.

Мало того, среди подобных особей я встречал людей, которые в какой-то мере побывали в горах, но, побывав, это побывание использовали в своих личных интересах, а больше всего в том видимом тщеславии и гордыне, что посредством рассказов о горах и знаменитых туристах позволяет им, разумеется, не надолго и, разумеется, для удовольствия, найти таких же падких на мелкое тщеславие и порхание подруг.

Вообще, это странное использование своих туристических достоинств есть явление, требующее изучения и наблюдения; иной, не будь он туристом и не поднимись хотя бы один раз на какие-то весьма невысокие горы или холмы, никогда бы в жизни не нашел себе возлюбленной, так он уродлив не только телом, но и душой. Но вот стало известно (слухи, мифы, печать, реклама), что он поднялся на какие-то горы, побывал на каких-то холмах, и мало того, что побывал, но и проникся, как говорят, их возвышенным строем, их блистательной красотой, как вдруг он обращает женское внимание на себя, и обращает не без определенной выгоды.

Так вот, если уж речь зашла о подобных субъектах, в тот известный мне поход кое-кто из них все-таки постарался подняться чуть выше первой отставшей группы, то есть тех, кто остался в лиственных лесах, таких же красивых и любвеобильных, как, очевидно, и они сами. Так вот, эти к о е — к т о — а они чаще всего в какой-то мере претендовали на порядочность и мораль, ту самую модную в наше время этику, что, оторванная в данном случае от эстетики, есть явление столь некрасивое, что говорит о каком-то скудоумии, и если и способна на некоторую видимость душевности, и способна подниматься в горы при ясной погоде, где ни о каких сквозняках и холоде не может быть и речи, то ни в коей мере не способна ни к какому подвигу: мрак вокруг нахлынувшего хвойного леса прямо-таки отпугнул их, а сочащаяся из-под ног холодная влага заставила подумать о здоровье, а их весьма некрасивых, но часто претендующих на некий интеллектуализм подруг заставила с презрением взглянуть на порядочных и претендующих на мужественность их друзей.

«Брр, куда вы завели нас? — словно говорил их (этих подруг) этот некогда спокойный, а ныне раздраженный взгляд. — Пора спуститься вниз. Пора вернуться назад. Пора, наконец, расслабиться и отдохнуть. И если не среди диких роз и жасмина, то, по крайней мере, среди боярышника и барбариса. Пора, наконец, как следует перекусить. Только безумец не понимает, как мы устали. Да и к тому же всем видно, как оскудела наша пища. Ничего, кроме хлеба и консервов. Ничего, кроме воды и лимонада. С такой пищей можно подниматься в горы на некоторое время, но не на все же?!».

Разумеется, этого призыва, кажется, только и ждали те, кто, обладая несомненными туристическими способностями и будучи в какой-то мере подготовленными физически для подъема в горы, все же в какой-то мере любили зависеть от своих более решительных и, что называется, жизненных подруг. Вернее, не столько любили зависеть, сколько боялись их потерять: с виду сильные наедине в долине, они как-то разом слабеют в горах, особенно, когда теряют подруг. Они забрасывают всякий подъем, перестают думать о горах; основа основ их долинной жизни — слабая надежда, что их дети возьмем желание подняться в горы, где-то поначалу мелькнувший талант, так и не смогший подняться из тенет жизни.

Впоследствии, уже в долине, кое-кому из этих туристов их подруги стали изменять, и они страшно жалели, что не бросили их уже тогда, на этом с а м о м подъеме, на этом с а м о м переходе из лиственных в хвойные леса, что они, можно сказать, из-за этих самых подруг искалечили свою судьбу, так ни разу как следует и не поднявшись в горы.

Весьма, я думаю, наивное умозаключение. Правда, подобным образом рассуждали из них единицы. Другие же, как только их оставили подруги, спокойно переметнулись ко вторым, к третьим особам противного пола, ибо, как я уже говорил, они изначально были неспособны подняться в горы. Подобные субъекты больше любят ездить в автобусе или кататься по железной дороге: свойство обычного человека идти по линии наименьшего сопротивления.

Эти туристы остались где-то на границе лиственных и хвойных лесов и, поскольку погода была прямо-таки замечательная, светило ясное солнышко и было тепло и приятно, они тоже, в свою очередь, если и не совсем разделись (безобразия их тел помешало некоторым раздеться совсем догола), то, оставшись в плавках и в трусах, они занялись поиском полезных трав и ягод — луговые забавы городских дачников, совместные прогулки с будущими супругами, после чего рождаются бледные городские дети, такие же некрасивые, как и их родители.

Было бы неверно только и говорить об этих отставших, среди которых (хотя я и разделил их, в какой-то мере, на категории) были отдельные личности, которые, кажется, не вписывались ни в какие группы. Так, например, на протяжении всего пути всегда находился кто-нибудь, кто так напивался, что тут же на камнях или на лужайке засыпал, и засыпал так, что ни о каком подъеме в горы не могло быть и речи. Вскоре я насчитал около пяти таких отставших, которые, само собой, от начала пути и до альпийских лугов почти через равные промежутки «украсили» эту веселую гору, что впоследствии, несомненно, давало повод к иронии, а тем, кто отпра-

вился, не подумав о своих пороках, только улыбаться или тихо грустить.

Так вот, было бы неверно говорить только об этих отставших, в какой-то мере осуждая их, и не поговорить о себе, который впоследствии тоже, можно сказать, отстал, оказавшись третьим или даже четвертым из всех остававшихся туристов и, разумеется, оставшихся без всяких там своих любимых, без этих так называемых подруг, которые на каком-то участке пути исчезли — и исчезли незаметно. Их как бы сразу смыло или смело, а если и были какие-то разборки и какие-то взаимные упреки, то они прошли как-то незаметно, как будто это так и должно быть, как будто это так и предполагалось. Надо сказать, что скорбь по их исчезновении мои друзья перенесли стоически, а это было уже где-то на выходе из хвойных лесов, на выходе в ту область, которая едва заметна в горах, в той, если можно так назвать, лесотундре, за которой идут альпийские луга с их веселым цветением и многотравьем, за которыми еще выше — сочащаяся влага, мхи и лишайники, покрывающие серые, черные и даже иногда красные выходы пород; камень и скалы, над которыми вздымаются чистые белые снега и голубые ледяные вершины.

Так вот, было бы неверно не сказать и о себе, о том, что я в этом подъеме на гору остановился где-то передохнуть на обрыве, окруженном хмурой сосной и мелким ельником и, оглянувшись, увидел всю эту горную страну, все эти цепи гор и холмов, уходящие рядами к горизонту и, кажется, закрывающие даже этот горизонт, все эти покрытые снегом и льдом лесистые горы, и текущие между ними в распадках и долинах ручьи и реки — живые капилляры земли. И, в зависимости от освещения, розовые или темно-синие вершины, над которыми вздымалось спокойное, я бы даже сказал, исполненное достоинства небо; можно было на отдельном участке этой панорамы заметить летящего орла или беркута, он был ниже этих вершин и гор, он парил над хвойными лесами, над долиной, разрезанной надвое блестящей на солнце рекой.

И вот я, стоящий на обрыве с рюкзаком и мешком, в которых находятся все наши, с моей возлюбленной, туристические принадлежности, и тут же неподалеку, чуть ниже меня — она, моя подруга, она, так сказать, моя единственная и неповторимая. И мое сердце распахнуто миру, и взгляд устремлен на хребты и горы, и рядом — прохладное дыхание не такой уж в общем-то высокой горы, до восхождения на которую, кажется, осталось совсем немного — рукой подать, и где-то впереди меня подвигались на нее трое моих друзей, идущих уже в одиночку, уже как-то молча, как-то обреченно, уже как-то так, как будто впереди их ждут невыясненные обстоятельства, опасности и тяжелые последствия. Они двигались вверх

в гору, расходясь, как по ветвям дерева, по трем или четырем тропинкам. А внизу, под моими ногами, если присмотреться, растянулись то там, то здесь уже спускающиеся с горы в одиночку и парами туристы, самый ближний был совсем рядом, кажется, он остановился и чего-то ждал, когда и мы, с моей подругой, остановились. Он словно ждал, куда мы отправимся дальше, сомневаясь, идти ли за нами или начать спуск; камешки из под его туристических ботинок так и сыпались, так и звенели, превращаясь в ровный шум, впрочем, не переходящий: в грохот обвала, ибо на нашей тропинке не могло быть обвала — проверенный путь восхождения, испытанный многими туристами, которые некогда вернулись, кажется, для того, чтобы на эту гору не подниматься никогда.

И вот тут-то как раз на этом маленьком пятачке под раскидистой сошной, стоящей на обрыве, и произошло то, что можно назвать человеческой трагедией, а вернее — человеческой драмой, которая если и не заставила меня сразу же броситься с обрыва вниз головой (о, как хотелось и даже думалось!), то, по крайней мере, по прошествии недолгого времени, вытереть слезы, а вернее — ту самую скупую мужскую слезу, описанную не раз и не два в отечественной литературе.

Разумеется, тут были крики и призывы двигаться вверх: ведь осталось, казалось бы, совсем уже немного, и брань, и упреки в измене с ее стороны — и в ответ ее жалобы на то, что она не знала, что так будет трудно, что так тяжело и холодно на высоте, и что у нее сердце дальше идти отказывает, и к тому же я не подумал о полноценном питании, и потом она вообще просто-напросто выдохлась и дальше не пойдет, а будет потихоньку спускаться вниз: вон тут неподалеку стоящий, чуть ниже, назовем его Игрек, если надо, поможет ей спуститься вниз.

«А ты можешь один подниматься вверх, ты можешь как хочешь поступать. Ты можешь подниматься вверх, а меня оставь в покое — я и так с тобой устала, у меня и так от твоих гор голова болит, да и к тому же я не вижу в этом никакого смысла».

По прошествии времени (а мы иногда еще встречались с ней в долине), впоследствии эта сцена мне уже не казалась столь драматичной, а тогда — представьте себе: вы двигаетесь к цели вдвоем, вы, можно сказать, всю жизнь положили, чтобы двигаться к этой цели вдвоем, — и вот уже пройден весьма большой, а может быть, и бóльший отрезок пути, и уже видна конечная точка в виде снежной вершины, и вот на тебе — расставание.

Поистине, в такой момент если и не сойдешь с ума и не бросишься с обрыва, то в твоей будущей жизни, а вернее, в твоём будущем сердце будет чего-то не хватать, какой-то, может быть, маленькой радости,

какого-то веселья, и ты будешь от этого чувствовать среди живущих какую-то маленькую неловкость, какую-то маленькую ущемленность.

Было бы неверно сказать, что при спокойном обдумывании спустя много лет, уже внизу, в долине, вспоминая этот подъем, этот чуть не ставший для меня гибельным подъем (всего-то несколько сот метров), когда вдруг пошел снег, стемнело, а под ногами на гладких камнях образовался гололед, и когда я с тупым упрямством лез и лез наверх, пока не понял бессмысленность этого моего пути и остановился; так вот, вспоминая этот подъем, было бы неверно не прийти к выводу, что напрасно я обижался на свою подругу, на свою любимую, которая, поддерживаемая ниже стоящим туристом, стала спускаться по каменной тропинке, и вскоре они исчезли где-то внизу за поворотом, в лесу, в соснах; исчезли, кажется, навсегда, а я смотрел и смотрел вниз с надеждой, что она снова появится, снова возникнет, как благая весть, как нечто, что укрепит мой дух, чтобы дальше идти. Напрасно...

... Да, напрасно я ждал и терял свое драгоценное дневное время, данное мне на подъем, а не на то отчаянное ничегонеделание, то страдание, которое так меняет жизнь по страстям, которые не только в горах, но и в долине не всегда кончаются благополучно.

... И вот там, уже на подъеме (о, еще далеко было до вершины, до последней, так сказать, отметки), я в какой-то отчаянный момент понял, что надо остановиться, надо передохнуть и, возможно, обрести второе дыхание, чтобы потом с новыми силами идти дальше. Вот отчего я просто-напросто встал на этот самый гололед, на эти выскальзывающие из-под ног камни и, чтобы не скатиться окончательно вниз, в губительную пропасть, прислонился спиной к горе, к скале, и решил заночевать и дожидаться рассвета.

«Ведь рассвет всегда есть то или иное разрешение в человеческой жизни, — думал я. — Ведь и приговоренные к смерти с надеждой ждут рассвета. Ведь то, что происходит ночью, часто кажется таким бессмысленным и ненужным на рассвете».

И, жуя со слезами и пóтом кусок черного хлеба, под идущим и бьющим мне в лицо холодным снегом, я впервые подумал об ответственности, о той самой мужской, а может быть, и вообще человеческой ответственности, возлагаемой на каждого решившегося подняться в горы — и особенно на того, кто, как и я, без всякой подготовки, с одним сознанием, что где-то впереди меня ждут мои друзья, где-то движутся мои приятели, двинулся вслед за ними, еще не зная, что мои друзья, вследствие различия характеров и присущих индивидуалистам-одиночкам определенных свойств, давно уже разошлись в разные стороны, давно уже, не глядя друг

на друга, стали подниматься в одиночку. Ибо каждому виделось только его, свое восхождение, свой, так сказать, индивидуальный путь, тем более, что началась непогода, а в непогоду индивидуалист-одиночка или замыкается в себе, или, что называется, звереет, вернее — похож на раздраженного и постоянно огрызающегося зверя, чья рана где-то в области груди или сердца, где-то в самой душе, а если и заживет (зверь, разумеется, раненый, уползает к себе в нору или берлогу и в одиночестве зализывает свои раны), так вот, если и заживет, и он, индивидуалист-одиночка, выживет, то, надо думать, не без утрат и потерь.

... И вот я — на склоне горы, и сильный ветер, и бьющий мне в лицо холодный снег, и где-то подо мной затерявшаяся во тьме долина, и где-то надо мной вставшая вершина, и ушедшая вниз моя возлюбленная, моя, так сказать, любимая, и где-то потерявшиеся по сторонам, а может быть, и сверху, мои друзья... И, как дополнение ко всему, ко всем бедам, наступившая ночь, впрочем, очистившая небо и показавшая мне множество звезд — ту красоту, которая, очевидно, и спасет мир.

... Итак, ночь, звезды, я на склоне горы, я, словно прикованный цепями к горе титан... Так, по крайней мере, в начале ночи думал я о себе и в таких красивых картинах живописал себя, чего не скажешь о том, что я думал о себе в ее конце; я, боявшийся лечь и заснуть, дабы не скатиться по обледенелым ступеням, по обледенелым камням, я, словно магнитом притянутый к горе («о, помогай мне! помогай!» — умолял я ее), и страх, что кто-то сбоку выйдет из темноты, кто-то большой и страшный, и, приподняв меня, швырнет, сбросит меня в темноту, в бездну, где только один крик, вопль; смерть и проклятье.

Что я чувствовал, находясь там, на склоне горы, глядя на звезды, тысячи, миллионы звезд и туманностей, рядом с которыми, казалось, только я один, и больше никого нет? Что чувствовал я, возвышаясь над миром — так призрачно, так ирреально и так облегченно-телесно, как чувствует себя пассажир в ночном самолете, когда смотрит в иллюминатор, а под ним, в темноте, отдельными светящимися точками проходит земля?

Я чувствовал жуткое, холодное и, можно сказать, бесконечное одиночество и понимал, что мне нет никакого выхода.

«Нет выхода, все равно нет выхода», — думал я. И одна была надежда, чтобы я сидел тихо, не плакал, не стонал, не трепыхался. Одна была надежда в этом печальном мире, в этой грустной ночной камере-одиночке — это то, на что я когда-то надеялся в детстве, что, мол, все не напрасно, что, мол, и земля, и реки, и горы — все не напрасно, и человек,

и мать, и дитя — все не напрасно, и ничто не происходит просто так, и что пройдет это тяжелое время, и у меня будет совсем иная, и, может быть, прекрасная жизнь — а как же иначе?

«А как же иначе? — думал я, находясь там, на склоне, в темноте. — И для чего тогда жить? Для чего тогда мыслить? И если я останусь жить, я сделаю то-то и то-то, я постараюсь быть тем-то и тем-то, я взгляну на мир теми-то и теми-то глазами, совсем не такими, какими я смотрел до сих пор, когда находился в долине, потому как я уже никогда, никогда... потому как — а как же иначе?..»

Так думал я, и среди сонма многочисленных звезд, находившихся над моей головой, искал свою звезду, свое спасение, свою надежду. Я призывал ее как опору, как поддержку, что приподнимет кажущуюся бессмысленной среди этой темноты мою жизнь.

Разумеется, надо было побольше поговорить о звездах, об их тайных и явных различиях, об их отдельном и совместном свечении, создающем так называемую культуру звезд и даже влияющих на все человечество, на всю земную жизнь... Как можно было бы поговорить и о каждой звезде, о ее индивидуальной особенности и психологии (я уверен, что каждая звезда имеет свою собственную психологию, или, как раньше говорили, душу), как и о том, что, находясь под той или иной звездой, любя ту или иную планету, ты ни в коей мере не должен совершенно подчиняться ее свету, бьющему то в лицо, то в спину, а то и в затылок; не должен подчиняться, хотя и всегда, даже днем, неплохо было бы чувствовать ее путеводное свечение, — может быть, уже такое свечение, которое только и осталось в виде свечения, ибо эта звезда давно уже погасла, давно уже умерла, но вот свечение ее осталось.

Кстати, о свечении. Не подобное ли свечение оставляет после своей смерти иной человек в душах знавших его или прикасавшихся к его делам и трудам, когда телесная его часть умерла и проходит, так сказать, свое превращение, а вот другая — еще светит? И весь вопрос — какого цвета это свечение? Весь вопрос — не безобразное ли это свечение? И не упадет ли это свечение на стадо свиней и не испугает ли их, готовых в любую минуту броситься с обрыва?

Спрашивается, думал ли я о том, что напрасно затеял свой поход в горы, этот оказавшийся прямо-таки смертельным поход? Думал ли, что я оказался на краю самой бесславной и не дающей никакого утешения жизни, где, кажется, все было одним заблуждением, а для того, чтобы подниматься в горы, надо быть сурово трезвым, выверяя каждый свой шаг? Ну конечно, думал! Как и думал, что надо по мере сил и возмож-

ностей оставаться со своими самыми хорошими мыслями, самыми хорошими думами, вспоминая тех, кого когда-то особенно любил.

И вот теперь, по прошествии времени, я не могу не сказать той истины, что эти самые хорошие мои мысли, эти самые хорошие мои думы и спасли, очевидно, меня, как и спасли те, заложенные во мне из глубины веков, из глубины угнетенного терпением работающего человека, черты, которые я не раз встречал у людей, что называется, находившихся на своем рабочем месте, будь он токарь или пекарь, будь он геолог или археолог — он терпеливо делает свою работу, и одна единственная мысль озаряет его хорошо известный труд: если уж взялся за гуж, не говори, что не дюж, и плох тот селянин, плох тот крестьянин, кто не запас зерна на зиму, не наколот дров, не накопал картошки — его ждет неминуемая гибель.

Кстати, и о гибели. Как я уже говорил, весь этот наш подъем в горы и привел к тому, что мы не досчитались двоих, а точнее одного, ибо один вернулся в полном безумии, страх и ужас навсегда застыли на его лице и особенно в провалах ставших безумными глаз, глаз, которые так и не обрели окончательно осмысленного выражения, а если и появлялась в них мысль, то эта мысль была наполнена, что называется, неизмеримой печалью. Его безумные скачки по долине, когда ему казалось, что за ним кто-то гонится, чтобы его растерзать, привели к тому, что он не раз был ловим и увозим в хорошо известном направлении, где болезнь и лечение, казалось, требовали не хорошего врача и терапевта, а того, кто способен снова вернуть в него вырвавшуюся, но все-таки окончательно не оторвавшуюся душу.

Впоследствии мне не раз приходилось с ним встречаться, это был совсем иной человек, чем он был до подъема в горы. Кажется, это была совсем ветхая оболочка человека, где вырванная изнутри его душа болталась как-то сбоку на одной красной ниточке, на одной тонкой привязочке, словно это был вырванный и подвешенный сбоку кусок естества, Впрочем, уже не чувствуемый хозяином.

Разумеется, нам не о чем было с ним уже говорить (а я когда-то его любил), и чувство безнадежной печали, что так явно отпечаталось в его глазах, словно он перенес атомный взрыв и ему никогда не быть прежним, ложилось на мои глаза, на мою душу и заставляло спешить с ним расстаться. И я как-то особенно печально-ласково с ним прощался, в чем, разумеется, я тоже винил себя, и вспоминал того, кто навсегда остался в горах, кто бросился с обрыва и уже никогда не вернется.

В такие минуты мысль о том, что он находится где-то там, в расселине на обрыве, или, пуще того, покоится внизу под горой, притягивало мое

сознание к этой горе, и мне хотелось снова подняться на эту высоту, на эту высокую гору, где холодный ветер и снег, и где ледники и провалы, чтобы лечь рядом с ним (обняв его рукой), чтобы навсегда там остаться. Но понимание того, что он своей смертью, можно сказать, оттянул мою смерть, отвращало меня от этого шага. Он остался в сердцах знавших его — печалью. Ничто так в жизни меня не печалит, как одинокий музыкальный звук, как одинокий крик в ночи — воспоминание о нем, это угрюмое назидание всем, кто без всякой подготовки отправился в горы, да еще в таком цветущем возрасте, в том цветущем варианте, в каком он решил подняться...

... Итак, морозная ночь, звезды, я на склоне горы, на обледенелых камнях (кажется, раздайся небесный гром, упали один камень, и ты полетел в бездну, ты испугался — и полетел в никуда) ... По ночам, по одиноким, не дающим никакого утешения ночам я иногда слышу этот крик летящих в бездну. Что он говорит мне? О чем шепчет? Что рассказывает? О чем предупреждает? Не говорит ли он мне о том, что не к о т о р ы е ушли не туда и уже никогда обратно не вернуться? Не говорит ли он мне о том, о чем мне некогда говорили древние мудрецы и пророки? Вот только кто их услышал? Кто наполнился их высокой мужественностью и глубокой печалью?! Кто услышал их сквозь темную ночь и бурю, как это было со мной, — впрочем, в моем случае небо вскоре очистилось и показались такие ясные и такие прекрасные звезды?..

... Вот так-то я — я на склоне горы, я на обледенелых камнях — и надо мной такие ясные и такие прекрасные звезды: тысячи, десятки тысяч прекрасных звезд.

* * *

Бывает в жизни каждого человека такая ночь, которая, кажется, длится тысячелетия. Собственно, такой ночью и была эта ночь на склоне горы, когда я, стоя на камнях, старался не заснуть, не упасть, боясь соскользнуть вниз, с нетерпением ожидая рассвета.

И хотя летняя ночь не так уж долга, все же она мне показалась настолько длинной, настолько продолжительной, что мне ничего не оставалось, как, только уповать на всем известного нам Бога и на авось: авось, я останусь жив, авось, не упаду, авось, не замерзну, авось, все пройдет...

Не так ли и на корабле во время шторма, корабле, потерявшем управление, единственно что остается моряку-мореплавателю, — это, взявшись двумя руками за какой-нибудь дающий определенную устойчивость предмет, за какой-нибудь не вырванный с корнем зуб или дуб — крепко

держаться, когда вокруг бушует стихия, стонет и скрипит корабль, и вся команда, держась, а кто и не держась, с красными выпученными глазами, призывая на помощь уже упомянутого Бога, терпеливо ждет, когда шторм кончится и можно будет облегченно вздохнуть, а потом и заняться обычным делом, понимая, что ты спасен, что «пронесло», что до берега, где можно отдохнуть и починиться, осталось, в общем-то, не столь уж много.

«Господи, — как думается, рассуждает в подобные минуты тот или иной мореплаватель, — да разве я больше когда-нибудь пойду, разве я когда-нибудь выйду в море? Разве я когда-нибудь окажусь здесь, среди этих страшных волн и вод, готовых поглотить меня и корабль? Разве я когда-нибудь, куда-нибудь, где-нибудь поплыву?...».

Но проходит время — и он снова устремляется в путь, в нелегкий, полный опасностей путь, особенно если он молод и полон сил и мечтаний, а если и не устремляется, то часто ходит вдоль кромки моря и смотрит вдаль, и даже не ходит, даже лежа по ночам, он видит себя в бушующем океане, на кренящемся корабле, который то проваливается в бездну, то снова поднимается над волнами, а седой капитан, стоя на том самом месте, где и положено ему стоять, стоя на капитанском мостике, может быть, раскуривает трубку.

Тут, само собой, мне слышатся возражения и гневные голоса: мол, разные бывают капитаны, и разное поведение их, и разные решения они принимают во время шторма, и если уж говорить о банальной трубке, делающей уверенным и красивым седого капитана, то кое-кто скажет, что трубка здесь ни при чем, трубка здесь, в этом рассказе, не нужна, трубка совсем тут мешает, и что многие знавали таких капитанов с трубкой, которые, не бросив трубку за борт, покидали в тяжелую минуту корабль, оставив на нем всю свою команду. И наверняка найдутся те, что знавали таких капитанов с трубкой, которые были, что называется, просто-напросто, сволочи, а не капитаны, и что можно курить какие-нибудь самые обыкновенные сигареты и быть вполне хорошим и порядочным человеком, ну и, разумеется, капитаном.

И хотя в том данном случае я был не на корабле, надо мной не стоял дуб и я не держался за какой-нибудь устойчивый предмет, а просто, расставив ноги, стоял на склоне горы, я не случайно упомянул о капитане, ибо там, на горе, на вершине, я впервые подумал о другом капитане, о другом необходимом начальнике, о другом необходимом проводнике, без которого нельзя в одиночку подниматься в горы и о котором не раз упоминалось в многочисленных путеводителях и проспектах, что, впрочем (а это тоже суть нашего смутного времени) никоим образом не оста-

навливало на нем наше внимание, хотя не раз упоминалось даже в наших школьных учебниках.

Должен сказать, был момент, когда я, там, стоя на склоне горы, представлял себя в виде человека-маяка, в виде покорителя гор и высот, стоящего чуть пониже вершины и смотрящего вдаль — и даже мысленно освещающего одним циклопическим глазом путь одиноким путникам, идущим сквозь бурю и снег, и благословляющим меня с этим моим прожектором в ночи.

Впоследствии я понял, что это было детское тщеславие, не имеющее, кроме внешней красоты, под собой почвы, ибо для того, чтобы быть в горах маяком, надо иметь, по крайней мере, всем известного служителя маяка, который постоянно поддерживал бы в нем огонь, что говорит о каком-то если и не бессмертии, то, в известной мере, о многовековом опыте.

Что касается меня, то у меня в те годы не было никакого опыта, и если я и представлял себя то в виде маяка, то в виде известного великана, прикованного к скале (мысль пострадать за все человечество была мне не чужда), но все же я понимал, что скорее сам нуждаюсь в каком-то маяке, в каком-то путеводителе, тем более что к концу ночи одиночество и холод настолько загнали мою, все более и более охлаждающуюся под воздействием окружающего мира душу, что мне захотелось просто-напросто кричать или, что называется, призывать на помощь свою маму, а, может быть, просто шагнуть в темноту, в бездну: кануть недогоревшей свечой, неокрепшим камнем, что, как впоследствии выяснилось, и сделал тот вышеупомянутый мой приятель, печаль о котором постоянно терзает мне сердце.

И вот, к концу ночи, когда я, то ли под воздействием небольших согревающих меня глотков, имея возможность прикладываться к заведомо взятой бутылке, как-то незаметно стал задремывать, — а может быть, и потому, что я устал и у меня сами собой стали закрываться глаза, — я почувствовал, а вернее увидел, что я снова нахожусь в своей зеленой долине среди окружающих меня красивых девушек-юниц, среди цветущих кустов и трав, среди, так сказать, того самого райского оазиса-сада, о котором можно только мечтать, как вдруг я услышал голос, исходящий откуда-то сверху, со стороны, грозный голос, который будто того и ждал, чтобы меня разбудить:

— Жди! Смотри на звезды! Освободись! — сказал мне этот голос, и сказал так, что я проснулся.

Светало. Цепи прекрасных гор лежали предо мной. Еще не взошло солнце, но зарозовели вершины, и я взглянул вниз, и спуск мне показался более трудным, чем подъем. Но то, что я призывал в течение ночи,

что мне виделось и мнилось в начале подъема, что уже стало казаться неисполнимым, я увидел воочию. Это были: воздух, цепь гор, вершины, хвойные и лиственные леса, и все это было как будто так, что я расправил крылья и, едва сдерживая дыхание, парил, боясь рухнуть вниз, боясь упасть, боясь разбиться: еще не спасение, но уже надежда, что я буду жив.

Разумеется, облегченный вздох. И, разумеется, распрямление в полный рост и даже взглядывание наверх, на вздымающуюся надо мной вершину. И, разумеется, желание на нее подняться, продолжить свой путь. И, наконец, понимание, что я дальше один не пойду, дальше один не полезу, а буду тихо спускаться, так тихо, чтобы ни один камень не скатился из-под моих ног, ни одна ветка не затрещала, ни одна птица не затрепетала бы и не вылетела, испугавшись, из своего гнезда, заставив, в свою очередь, испугаться меня.

Горы лежали рядами в светлой дымке, уходили к горизонту, тянулись на запад и на восток, были на севере и на юге.

Всходило солнце, и большая освещенная часть горы постепенно из белоснежной становилась малиново-рдяной, пока опять не засияла чистой белизмой, когда свет залил всю округу, сделав жизнерадостными эти многообразные просторы, осветив хвойные и лиственные леса, за которыми шли разноцветные и яркие заплата распаханных и нераспаханных полей, пригорков и спусков; широкой долины, пропадающей в утренней дымке, с кое-где блестящей на солнце рекой.

Это и стало тем радостным зовом, тем радостным для меня призывом (к жизни, к свободе), куда я двинулся, весело и облегченно, уже не думая в этот момент о тяжести ночи, проведенной мною на склоне горы, о холодном снеге и ветре, и об очистившемся вдруг небе с его многочисленным строем звезд; я видел только одно: зеленую долину и мою будущую в ней прекрасную и молодую жизнь.

Как я спускался и как я, уставший и весь выдохшийся, заснул неподалеку от свежего ручья на границе хвойных и лиственных деревьев, и как я, наконец, встретил в завалах валежника заблудившуюся мою новую подругу, мою новую возлюбленную — стоит ли об этом говорить... Как и стоит ли говорить о том, что по прошествии времени я снова стал мечтать о подъеме в горы (мечта возвышенная), уже понимая, что просто так — один, без Проводника — я никуда не пойду. Таков опыт моего первого восхождения в горы.

Проза

Юрий ПОКЛАД

Юрий Александрович Поклад родился в 1954 году в Свердловской области. Окончил нефтяной факультет Куйбышевского политехнического института. В течение пятнадцати лет работал в геологоразведочных экспедициях глубокого бурения и на нефтедобывающих предприятиях Крайнего Севера и Западной Сибири.

Пять лет являлся специальным корреспондентом газеты МВД РФ "Щит и Меч".

Член Союза писателей России и Союза журналистов. Живёт в подмосковном городе Мытищи.

СОСЕДИ

Виктору Денисову

1

Трудно поверить, что скоро я не смогу всё это видеть: намокшие от осеннего дождя берёзы в перелеске, быстрый промельк электрички, низко нависшее над микрорайоном небо, забрызганный грязью автобус, медленно причаливающий к остановке, озабоченных людей, бредущих под мелким дождём. Как убедить себя в том, что уход неизбежен, что это естественно и необходимо?

Мысль о неизбежности смерти может свести с ума. Особенно в старости. Меня успокаивает то, что если я понимаю, что схожу с ума, то ещё не сошёл.

Я живу всего шестьдесят девять лет. Это немного, но я отлично помню времена, когда ни у кого не было телевизоров и холодильников, и все слушали радио, продукты хранили в погребах, зимой — в сетках-авоськах за окном, а о компьютерах и речи не могло идти.

Мы жили в бараке, неподалёку от проходной номерного завода, «почтового ящика», где трудились мои родители. Весь пригород был в «по-

чтовых ящиках», с высокими заборами, опутанными колючей проволокой, военизированной охраной и надписями: «Стой! Стреляют!».

Родители никогда не говорили при мне о работе, иногда шептались поздно вечером на кухне, я прислушивался, но всё равно ничего не понимал. Я не мог себе представить, что доживу до тех времён, когда все эти секреты окажутся если не смешными, то не вполне серьёзными, а в бывшем заводууправлении откроют боулинг, сауну и торговый центр «Весёлая акула».

В длинном коридоре барака всегда уютно пахло чем-то съестным, — жареной картошкой, варёным мясом или горячим борщом. И двери хлопали по-разному, я отличал каждую на слух. Нижняя ступенька на крыльце была высоко над землёй, и когда мне было совсем мало лет, я боялся с неё спрыгивать, ложился животом и отыскивал ногой твердь. Если мимо проходил кто-то из взрослых, то помогал мне, подхватив подмышки. Перегородки в бараке были тонкими; когда я учился в школе, то, готовя домашнее задание, без труда перекликался с друзьями, не выходя из комнаты, консультируясь по поводу задач по алгебре или характеристик героев по литературе.

Я учился в университете, когда нам дали двухкомнатную «хрущёвку». Кое-кто презрительно называет эти дома «хрущобами», но это тот, кто не знает, что такое холодный туалет на шесть очков во дворе.

Человек не всё может осознать и принять. Например, собственную ненужность. Если б ничего не изменилось, я так же, как и родители, проработал бы всю жизнь на этом секретном заводе. Теперь же, со своей редкой, но востребованной в советские времена профессией, я оказался вынесенным за скобки. Мне платят пенсию и просят не мешать. Мирятся с тем, что я пока ещё жив, но стараются не замечать. Такова примета времени. Может быть, и раньше так бывало, просто мне это не бросалось в глаза, поскольку я был нужен.

Я живу один, так получилось, я и с этим смирился. Иногда приезжает дочь, от первой жены, но редко. Иногда езжу на дачу, оставшуюся от второй, но никакого удовольствия мне это не доставляет, работать там я не люблю, да и не могу, а бродить по ветхим, с пожелтевшими, отставшими от стен обоями, комнатам, скучно.

Часто думаю о том, предначертана ли нам судьба или всё можно объяснить случайностями, игрой обстоятельств, — и не могу найти ответа. Я не жалею о судьбе, ведь может ли быть что-либо бессмысленнее? Но любопытно, как повернулась бы жизнь, если б случилось не так, а вот так?

Ничего, в результате, не изменилось бы? Всё равно я видел бы сейчас те же самые намокшие от осеннего дождя берёзы в перелеске, быстрый промельк электрички, низко нависшее над микрорайоном небо, забрызганный грязью автобус?

Трудно согласиться с тем, что даже любовь не смогла бы ничего изменить. Если она была, конечно. Трудно избавляться от иллюзий.

Девочка жила на соседней улице, я был в неё влюблен. Не знаю, сколько уместно это слово, когда человеку восемь лет и любовь обозначена целомудренным ношением её портфеля от подъезда до школы и пристальным разглядыванием на уроках завитков русых волос на её высокой, с ложбинкой, шее. Любовь замерла сама собой года через полтора. Потом семья той девочки переехала в другой район города.

Мы встретились вновь весенним вечером, в парке. Я учился на втором курсе университета. Встреча была неожиданной и радостной для обоих. Детское ношение портфеля не вполне изгладилось из памяти, оно было как бы фоном к нашим нынешним, взрослым, взаимоотношениям.

Мы стали встречаться, каждый вечер, допоздна бродили по улицам города, по парку, незаметно переходящему в лес. Она училась в музыкальном училище и рассказывала, как трудно держать паузы в ноктюрнах Шопена. И мне было это интересно. Мне было интересно всё то, что её волновало, а ей было интересно я, о чём говорил я.

Довольно долго мы обходились без поцелуев, этого не требовалось, было хорошо и так. Но однажды переступили рубикон, и остановиться оказалось невозможно. Мы быстро вошли во вкус, и однажды стало ясно, что дальше так продолжаться не может, торопливые поцелуи в подъездах выглядели унижительным по отношению к тому, что мы испытывали друг к другу.

И вот я не пошёл на занятия в университет, позвонил ей днём и объяснил ситуацию. Я думал, что она обидится, вспылит, и наша отношения закончатся, но она сказала, что сама об этом часто думает, что мне надо немедленно приехать к ней домой и всё обсудить.

Её отец работал в горкоме партии. Они жили в роскошной по тем временам квартире с высокими потолками, и мебель была красивая, не то югославская, не то финская, а в серванте — множество безделушек, которые её родители привезли из загранпоездок. Не решаясь говорить о главном, она показывала мне эти безделушки, но они не могли меня заинтересовать.

Мне хотелось поскорее обсудить вопрос, который волновал нас обоих. Она понимала это и сказала, что обсуждать нам нечего. Она любит

меня, нам незачем тянуть время, нужно немедленно пойти в её комнату.

Мы так и сделали. Она была очень решительна, эта решительность меня покоряла и заставляла любить её ещё сильнее. Мы забыли обо всём на свете, тем более о том, что её отец иногда приезжает домой на обед. Мы едва услышали звонок в дверь. Я мгновенно пришёл в себя и обомлел от страха. Сейчас в эту комнату войдёт человек, чью дочь я только что лишил невинности.

Она метнулась к халату, бросилась открывать. Что сделал я? Это удивительно. Нет, не стал искать брюки и рубашку. Мне показалось самым важным избавиться от презерватива. Распахнув форточку, я вышвырнул его и увидел, как, слегка спланировав с шестого этажа, он шлёпнулся, словно мокрая лягушка, на угол улицы Энтузиастов и Комсомольского проспекта, прямо под ноги прохожим.

Влюблённая женщина способна на многое, но уровень того лицедейства меня потряс. Я знал потом много женщин, но ни одна из них не была способна на такое.

Она открыла дверь отцу и спокойно сообщила ему, что у неё в гостях однокурник из музыкального училища, они занимаются сольфеджио, он не может выйти поздороваться, потому что упражнение очень трудное, отвлекаться нельзя ни на секунду.

Она была так строга и убедительна, что отец не заглянул в комнату. И правильно сделал. Он увидел бы, как замер я на кровати, едва прикрыв наготу одеялом. Я был готов ко всему. Любое наказание не показалось бы чрезмерным.

Отец отобедал и ушёл. Она вернулась в комнату и спросила, продолжим ли мы занятие сольфеджио? Но я ни на что не был способен. Не мог победить в себе страх. Может быть, в тот момент в её любви ко мне появился первый изъян.

Я стал считаться официальным женихом. Отношения с её отцом были прекрасными. И всё было прекрасно до тех пор, пока не выяснилось, что после окончания университета мне предстоит уехать по распределению на Север. Её отец сказал, что этот вопрос решит легко. Ему не впервой было менять чужие судьбы. Я воспротивился: никто не вправе решать за меня. Такая помощь виделась мне унижительной.

Он не привык к возражениям. Всё должно было закончиться скандалом. Она вмешалась и сказала, что я должен ехать обязательно. Она придёт позже, месяца через три-четыре, максимум через полгода, когда я устроюсь и обзаведусь жильём. Тогда мы и поженимся.

Отец не смог возразить, она была сильнее, потому что он любил её.

Она не приехала. Ни через три-четыре месяца, ни через полгода, ни позже. И писать прекратила. Я писал ей, хотя понимал, что бесполезно.

Я сядился в дребезжащий автобус, ехал в аэропорт. Здание было дощатое, одноэтажное, похожее на большой сарай. Я пил кофе в убогом буфете, потом шёл в зону прилёта, дожидался выхода возбуждённо галдящей толпы пассажиров. Видел объятия, поцелуи, цветы, слышал радостные возгласы, всё это меня не касалось. Чудес не бывает.

Я не верил в то, что она меня забыла, хотелось выяснить, в чём дело. Я купил билет, но в последний момент, уже в аэропорту, на регистрации, выбросил его в урну. И правильно сделал.

У меня что-то болит в правом боку. Боль не острая, но тревожная от постоянства. Я не хожу к врачам, уверен, что от визитов к ним бывает только хуже. Временами боль усиливается. Однажды стало совсем невмоготу, я принял несколько обезболивающих таблеток и пошёл к дому, где жила когда-то та девушка.

Мне надо было увидеть её. Я боялся, что не успею её увидеть. Это было зимой, шёл лёгкий снег. Я присел на скамейку напротив её подъезда. Таблетки действовали расслабляюще, я задремал.

Я сразу же узнал её, едва она подошла с тяжёлым пакетом в руке к двери, стала нажимать кнопки на домофоне.

Я подошёл и спросил:

— Почему ты тогда не приехала?

— Потому что чистый лист жизни люди умеют уродовать отвратительными каракулями. Я именно так и сделала. О чём теперь жалеть? О случайном знакомстве? Он был весёлым и остроумным, отлично играл на фортепьяно. Я рассказала ему, что собираюсь уехать к тебе, но он продолжал ухаживать, умело и настойчиво. Ничего бы не случилось, если бы не мысль: «Почему у меня должен быть в жизни всего один мужчина? Пусть будет хотя бы два. Никто не узнает». Всё произошло единственный раз. Потом тот парень исчез, как-то рассосался в пространстве, но я поняла, что быть с тобой уже не смогу. Пусть ты мне тоже с кем-то изменял, я это допускала, но это не имело значения. Что-то переломилось.

— Отец слёг. Инсульт. Парализовало. Он не мог самостоятельно ни пить, ни есть. Лежал сначала в больнице, потом дома. Я дежурила одна, мама сказала, что ей тяжело. Мне было ни до чего, тем более не до писем. Я жила в непрерывном кошмаре, путала день и ночь, я стала любить отца больше, чем любила его родная мать, только от моей любви теперь зависело, заберёт его смерть сегодня — или всё-таки завтра. Дни скла-

дывались в недели, недели в месяцы, он был жив, и это была моя победа. Он умер снежным январским утром. Снежинки, планируя, словно на парашютах, мягко ложились на подоконник. Я вышла на кухню, чтобы подогреть завтрак, когда вернулась, он не дышал. То, что случилось в те четыре месяца, показалось мне настолько значительнее наших с тобой отношений, что мысль о приезде отпала сама собой, завяла, словно слабая веточка на древе Судьбы.

— Никогда не думала, что найдётся человек, которому я захочу посвятить жизнь. Я всегда считала унижительным быть на вторых ролях. Но такой человек нашёлся. Он сумел быстро всех обаять. Папа был в восторге, а мама просто влюблена в него. Мы с тобой были на равных, это плохо, такие семьи нежизнеспособны. Я поняла это, когда вышла замуж. Ни о каких письмах тебе, разумеется, не могло идти речи, все посторонние желания исчезли сами собой, оказавшись глупостями. Детство и юность закончились, и ты ушёл вместе с ними.

Женщина с подозрением посмотрела на меня:

— Я вас не знаю. Чего вы хотите?

Это была не она. Или она просто не узнала меня. Или не захотела узнавать. Неважно. Свидетелей нет, будем считать, что в квартире на шестом этаже этого подъезда ничего тогда не произошло. Это плод моего воображения, неуклонно приближающегося сумасшествия.

Зачем я пришёл? Чтобы услышать, что, конечно, нам надо было прожить жизнь вместе? Но даже если б она так сказала, что бы это изменило? Прибавило бы горечи горькому пирогу судьбы.

Хорошо, что это была не она. Не нужно было сюда приходить.

2

Он очень раздражал меня, этот старик. Курил трубку. Экое пижонство. От этой трубки воняет хуже, чем от старой пепельницы. А в квартире пахнет старым, плохо стиранным тряпьём. Но дело не в этом, пусть курит, сколько хочет, но как же он кашляет, пёрхает по ночам! Его до рвоты выворачивает. Потом отплёвывается мокротой. Мне кажется, что он плюёт прямо на пол, не вставая с кровати. Идеальная слышимость, будто всё происходит в нашей квартире. Потом начинает ходить, скрипеть полами. Полы лет пятьдесят не перестилались. Из комнаты в кухню, из кухни в туалет. Что-то бормочет под нос. То ли ругается, то ли молится. Спускает воду в унитазе, потом в кухне гремит посудой. С ума сойти можно. Наконец, ложится, вроде бы, засыпает, но во сне стонет.

Жена мне: пойди, скажи ему, пойди, скажи! Но он что, спать лучше станет, если я ему скажу, или кашлять будет меньше? Я уважаю старость, но мне на работу с утра, и жене тоже.

Я ему сказал однажды. Выслушал, даже не взглянув. Густые седые брови, очки, горбатый нос, дурацкая трубка. Я старался быть немногословным, но всё равно получилось длинно — оттого что он молчал. И как-то глупо. Когда человек ничего не отвечает, это выглядит оскорбительно. Я даже не вполне был уверен, что он услышал меня. Я спросил: вы меня поняли? Он кивнул и стал спускаться по лестнице мелкими, осторожными шагами.

Как и следовало ожидать, ничего не изменилось.

Мы вышли из положения, переставили кровать в другую комнату. Но у соседей справа своя проблема: маленький ребёнок ночами плачет. Беспокойное дитя, можно посочувствовать. Сочувствуем. Но хочется ночью спать, есть такое скромное желание. Нам-то кто сочувствует?

В этой квартире раньше жила бабушка жены, Елизавета Николаевна, но она была глуховата, кроме того, со стариком дружила. Старик очень переживал, когда она умерла.

Мы не бессердечны, но трудно хорошо относиться к человеку, по милости которого ты полночи не спишь.

В начале лета всё разрешилось. Целую неделю за стеной было тихо. Мы забеспокоились, сообщили в домоуправление. Приехала дочь старика, открыла дверь, оказалось, что он умер. Нам стало немного стыдно за наши претензии, но это быстро забылось. И ребёнок у соседей справа подрос, и перестал плакать по ночам.

Мы стали спать спокойно, но однажды мне пришла в голову странная мысль: когда соседский ребёнок вырастет, мне будет немногим меньше лет, сколько было старику, и этого выросшего ребёнка будет точно также раздражать мой кашель и мои стоны по ночам.

Но разве я буду таким?

ЭТЮД СО СНЕГОМ

Таксист четвёртого городского автопарка Сергей Вихров проснулся от того, что болело сердце. Он лёг на спину, осторожно вздохнул. Вздох отозвался болью в глубине груди. Вихров не любил больных людей. Себя больного — особенно.

Шёл девятый час. Зинаида, бывшая жена Вихрова, с которой он раз-

вёлся, но продолжал жить, давно ушла на работу. Работала она поваром в столовой «Парус».

Дотянувшись до тумбочки, Вихров достал пузырёк с валокордином, капнул на язык несколько жгучих капель. В последнее время он был в обиде на свой организм.

Вчера Вихров работал до нуля часов. За полчаса до конца смены, когда вёз пассажира на автовокзал, почувствовал вдруг, что очень устал. Тело стало слабым, ватным. Зазнобило. Кое-как доехав до места, и даже не взглянув на счётчик, щёлкнул переключателем.

Вихров поднялся с постели, подошёл к трюмо, внимательно оглядел себя. У такого мужчины не могло болеть сердце. У такого мужчины вообще не могло что-то болеть.

Обычно Вихров отходил от зеркала успокоенным. Сегодня собственный атлетизм не убедил его.

Вихров натянул спортивный костюм, прошёл на кухню. Зинаида оставила на сковородке омлет с колбасой. Вихров ковырнул его вилкой и определил, что омлет подгорел. Есть не стал. На холодильнике увидел письмо от дочери. Дочь училась в институте в Москве. Писала часто. Вихров не любил писем. В письмах люди неискренни. И дочь, Вика, писала так, будто между ним и Зинаидой ничего не произошло. Ни скандалов, ни истерик, ни рукоприкладств. «Папочка, мамочка...».

Вихров закурил, хотя чувствовал, что не следовало бы, сел на своё любимое место возле холодильника, долго смотрел в окно.

Во дворе дети под руководством бабушки Воскобойниковой, соорудили из тощего, с мусором, снега, снежную бабу. Вихров вдруг пожалел, что никогда не лепил с дочерью снежную бабу. Он вообще мало занимался с дочерью. А дочь незаметно выросла, и в десятом классе заявила, что он ведёт аморальный образ жизни.

Она была права. Но не в том, что имела в виду. Он аморален потому, что женился на Викиной матери не по любви. Наскоро. Начерно. Потом видно будет. Теперь Вихрову сорок второй, пора бы и набело. Только неизвестно как, и не очень хочется.

Подумав о Зинаиде, Вихров вспомнил, что вчера, разбирая старые газеты на лоджии, она нашла свёрток с его этюдами. Когда-то Вихров окончил художественную школу, а после армии поступил в училище, но бросил.

Вихров бросил окурочок в раковину с немытой посудой, вернулся в комнату. Свёрток лежал под столом. Этюды-кусочки холста величиной с тетрадный листок. Горы, дома, деревья. Он любил писать деревья. Тог-

да, после армии, был уверен, что баранка — это временно, чтобы было на что жить. Он считал себя художником и носил берет.

Этюды были вполне ученическими. Старательно сделанные, они напоминали школьные сочинения. Но один из них Вихров долго разглядывал. Там были деревья с согнутыми снегом ветками. Вдали различались очертания заснеженной горы. Особенно хорош был снег. Голубовато-белый, ослепительный, солнечный. Солнце светило сверху, слева. От деревьев падали чёткие тени.

Девушку, которая училась с ним в училище, звали так же, как дочь. Вирнее дочь звали так же, как ту девушку. Вика сказала:

— Из этого этюда могла бы получиться картина.

Она стояла за спиной всё время, пока Вихров писал. Вихров терпеть не мог, когда наблюдают, как он работает, а тут, странное дело, ему не хотелось, чтобы Вика уходила.

Они пробыли на перевале весь день. Вика тоже пыталась работать, но, видно, не было настроения. Она бродила между деревьями, лепила снежки, иногда, неловко размахиваясь, бросала их Вихрову в спину. Мёрзлый снег рассыпался с шуршанием.

В троллейбусе она задремала, закрыв глаза, положив голову на плечо Вихрову. Вихров осторожно обнял её, долго смотрел в лицо. Лицо было озабоченным, усталым, со скорбно опущенными уголками губ. Вихров вдруг почувствовал такую нежность, даже жалость, что не выдержал и коснулся губами лба, щеки. Вика подняла голову. У неё чуть раскосые глаза.

— Серёжа, не надо меня целовать. Я не хочу.

Не надо, так не надо. Но ему стало ясно, что это не просто просьба. Вика была отдельно от него, сама по себе.

В город приехали, когда стемнело. Выпавший снег слегка взялся коркой. Она с хрустом проминалась под ногами. Вихров навьючил на себя оба этюдника, при ходьбе они били по бёдрам. Шли молча. Молчание угнетало Вихрова. Вдруг Вика сказала:

— Знаешь, как я пойму, что умираю? Я почувствую себя очень одинокой. Такой одинокой, что скорее будет умереть от одиночества, чем от болезни.

— Скучно это, умирать, — попробовал пошутить Вихров, — и родственникам столько беспокойства: венки, ограда, памятник.

— Я устала. Давай доедем на автобусе.

Общешитие казалось нелюдимым. Светились только два окна на четвёртом этаже. Вихров подал Вике этюдник и спросил о том, о чём давно собирался спросить. Знал, что не надо, но остановиться не мог.

— Вика, ты бы хотела быть моей женой?

Вика отстригла волосы со лба, недоумённо пожала плечами:

— А зачем?

Вихров сложил этюды стопкой, кое-как перемотал шпагатом. Зачем было вспоминать? Зачем вообще вспоминать? Незачем. Только сильнее болит сердце.

Лет через пять или больше, вёз Лёшку (фамилию забыл), с которым поступал в училище, до аэропорта. Лёшка рассказал, что Вика имела несколько персональных выставок, ей предлагали выставляться в Москве, но она неожиданно умерла. Отчего? Как? Лёшка не знал. Он иллюстрировал детские книги. Доставал их из дипломата. Хвастался.

Болела ли Вика ещё тогда? Знала о своей болезни — и потому вела себя так, и так говорила? Или это совпадение? Неизвестно. Остался этюд со снегом, из которого, по её мнению, могла бы получиться картина. Осталась даже не горечь, а какой-то не уют в душе — от этого её «зачем». Больше ничего.

Случись не так, а случись так, как он мечтал... Что тогда? Сколачивал бы ей подрамники, грунтовал холсты? Кто он по сравнению с ней? Дилетант.

Но ведь этюд со снегом он написал. Значит — мог? Значит, надо было не бросать, рвать кусками шагреновую кожу здоровья, писать, как Вика, по шестнадцать часов в сутки.

А если этот этюд — случайность? Он же не раз пробовал за эти годы, пытался — таясь от Зинаиды. Мазня, бездарность. Или уже не верил в себя? Можно было упереться и закончить училище, но если нет веры, то какой смысл?

Слабодушие? Или равнодушие? Или по-прежнему «начерно»? Он делал так, как хотела Зинаида. Купил квартиру, машину, гараж. Копил деньги. Купил дачу. И вскоре продал. Зинаиде там работать было лень и недосуг, а Вихров — отказался наотрез. Тогда и начались скандалы. Криминального материала скопилось достаточно. Зинаида отступать не собиралась, о месте мужа в семье она имела своё мнение.

Разболелась голова. Вихров оделся, спустился во двор. Таяло. Капало с крыши. Бабушка Воскобойникова поздоровалась, грустно глядя сквозь толстые очки. Будто о чём-то догадывалась. Разномастные гаражи стояли, прижавшись, друг к другу. Вихров завёл «Жигулёнка». Несколько минут сидел, курил, ждал, пока прогреется мотор. Он поехал, не думая куда. Куда попало. И, лишь выйдя за черту города, понял, что едет на перевал.

Мы распоряжаемся своей жизнью или жизнь нами? Вихров не хотел быть шофёром, но стал лучшим шофёром автопарка. Он хотел стать художником, но не стал. Никаким. Ни хорошим, ни плохим. Неверно сказать, что жизнь не получилась. Она получилась, но не такая, какую хотелось.

На перевале было холоднее, чем в городе. Снег лежал белый, пышный, искрящийся на солнце. Вихров оставил машину на стоянке. Того места, где писал этюд, не помнил. Наугад углубился в лес по едва намеченной в снегу тропинке. Снег с веток деревьев падал на лицо и за шиворот, шекотал. Хотелось засмеяться. Он вспомнил, почему любил писать деревья. Потому что каждое не похоже на соседнее. Вихрову казалось тогда, что он может рассказывать их характеры.

Недавно он вёз пассажира по этой трассе, смотрел на деревья. Они были одинаковы, как частокол.

Вихров огляделся. Деревья были разными. Как восемнадцать лет назад, они стояли живые, и у каждого была душа. Они стояли под снегом восемнадцать лет и ждали, когда он вернётся и увидит, что у каждого из них есть душа.

Он засмеялся, сел в снег под деревом, долго сидел, пока не увидел, что меж деревьев, проваливаясь в неглубокие сугробы, идёт Вика с этюдником на плече и машет ему рукой. Вихров помахал ей в ответ.

Давно ему не было так хорошо. Только очень болело сердце.

Полемика

Николай ДОРОШЕНКО

Николай Иванович Дорошенко – прозаик, главный редактор газеты "Российский писатель", секретарь правления Союза писателей России

Скучно читать равнодушных...

**Из ответов Николая Дорошенко
на вопросы читателей сайта Союза писателей России
«Российский писатель»**

... Герои моих повестей — это люди, выброшенные на обочину жизни. Независимо от своего материального благополучия они вынуждены жить в пространстве чужом, не соответствующем их духовному строю, их представлению о том, что хорошо и что плохо. Если хотите, это еще одна «волна» эмигрантов, только спрятавшихся не за границей, а в себе самих.

К сожалению, из литературы сегодня исчезают типы созидателей, типы людей, готовых к подвигу. А ведь это в полном смысле слова трагические герои. И именно на контрасте с ними могут быть наиболее различимы все те адовы бездны, в которые сегодня сползает Россия.

Когда Шукшин мечтал «прорваться в будущую Россию», историческое время представлялось ему устремленной ввысь вертикалью. И, может быть, Шукшин взволнованно гадал в своем еще недостаточно

чистом и светлом настоящем: а что взять в более чистое и светлое будущее? Не буду ли я там, среди людей, конечно же, более чудесных, со своими рассказами о чудиках выглядеть допотопным монстром? Я немножко утрирую, но согласитесь, что при мысли о будущем в современниках Шукшина было больше надежд, чем страха. Сегодня же все наоборот. Разве есть у нас сегодня уверенность в том, что через сто лет где-то в Вологде мы услышим русскую речь? Или есть у нас уверенность в том, что если мы освоим новый вологодский язык общения, то сможем поговорить с новыми насельниками Вологды о «Ладе» Белова?

Да, в тот период, когда Флоренция создавалась как архитектурный шедевр, напичканный шедеврами живописными, ею правили не ангелы, а люди, готовые на любые преступления ради накопления капитала. Но только по одному такому их свойству, как чувство красоты и жажда красоты, можно было верить, что потомки их обречены на более человеколюбивые нравы.

Но как нам, русским писателям, собою распорядиться сегодня на виду у будущего времени, надвигающегося на нас в виде апокалиптического чудовища, и на виду у времени настоящего, уже украсившего себя не Петром и Февронией, а супружеской четой Пугачевой и Галкина, и белую армейскую кость отдавшего в кормление торговцу мебелью? Да просто оставаться самими собой. Например, мои родители пережили голодомор в 30-е годы. Когда же я достиг того возраста, чтобы узнать, что французы едят лягушек, я недоуменно спросил у матери: а как же вы голодали, если лягушек у нас полно? И мать восприняла этот вопрос как оскорбление над памятью всех умерших от голода. А тут речь идет не о сохранении своих телес, а о сохранении своей бессмертной души. Неужели вы думаете, что когда первые христиане, брошенные львам на съедение, упрямо пели псалмы, то считывали, что пение их будет записано на магнитофон той студией, которая *«ориентирована по-прежнему на «литпопсу»?*» Неужели, если бы они не пели, эти псалмы звучали бы теперь в наших храмах? Дух веет, где хочет.

... Ваш вопрос, «совпадает ли литература с текущим литературным процессом?» — я понял так: совпадает ли современная русская литература с видимой для самой широкой публики частью текущего литературного процесса? Нет, не совпадает. И всё дело в том, что настоящая литература противоречит сегодня не только смыслу государственной политики в области литературы, но и смыслу жизни

и уровню человеческой развитости наших политических и финансовых элит. То есть, представьте, что в эпоху Возрождения такие же элиты заказы делали бы шабашникам и нравственным уродам, а настоящие мастера вынуждены были бы расписывать лишь стены своих лачуг. Разве, глядя на Сикстинскую Мадонну, написанную шкодливыми малярами, мы бы теперь могли знать или хотя бы предположить, что современником этих маляров был художник уровня Рафаэля? Вот и сегодня лишь редким знатокам известно, что в городе Орле живет поэт Ирина Семенова, которую можно поставить в один ряд, например, с Анной Ахматовой. Вообще, поэзия наша сегодня как никогда богата именами. И государству понадобились, как я понимаю, невероятные усилия, чтобы этот факт сохранить от народа в глубочайшей тайне. Я знаю многих нынешних вроде бы вполне приличных писателей — своих ровесников и помоложе, — которые, как оголодавшие львы, вдруг стали покорно тянуться к руке, обещающей сытую жизнь. И, конечно же, на характере их творчества это начинает отражаться. Однако, все то в литературе, что не является выражением внутренней свободы писателя, может, на мой взгляд, представлять интерес лишь для тех специалистов в области социальной психологии, которым человечество представляется в виде примитивной пищевой цепочки. Поэтому, в современном литературном процессе я могу выделить лишь две тенденции: с одной стороны, конечно же, вот эту тенденцию отсеивания в коммерческие и в номенклатурные жанры, а с другой стороны, тенденцию уже не бытового, уже метафизического сбережения высокой литературной традиции. Так, в обезвоженной пустыне, уже и не надеясь на спасение, берегут в фляге самый последний глоток воды. Берегут лишь потому, что за последним глотком наступит уже абсолютная пустота.

Видимо, утешением для нас может являться то, что писательство, как и рыбалка, это всего лишь образ жизни. Я, например, очень даже люблю сплести слова в какие-нибудь живые картинки и мысли. Это очень и очень уютное для меня занятие. Ну, еще это и пребывание в том человеческом облике и в том человеческом достоинстве, внутри которых я чувствую себя не как в плацкартном вагоне, а как в своем родном доме. Да, круг людей, которым наше писательское занятие может показаться важным, сужается. Но вспомните, как некий человек много-много лет продолжал сохранять в надлежащем виде уже никому не нужный, давно всеми забытый аэродром. Хотя и никто его об этом не просил. Никто ему гонораров за это не платил. А однажды

с летящим в небе пассажирским самолетом что-то случилось. Летчику нужно было срочно приземлиться. И никому ненужный аэродром оказался нужным, чтобы спаслись все пассажиры. Поэтому, на вопрос, что делать, я бы ответил так: надо нам сохранять свои аэродромы. Надо укреплять связи со всеми такими же *охранителями*, чтобы хоть друг друга не растерять. И еще — надо нам, русским писателям, радоваться, что свою живую, сострадательную к людям душу мы все-таки берегли, что и тем читателям, которые хотят сохранить свой человеческий образ, есть куда приземлиться.

... Я не уверен, что поэма сегодня не востребована. Где-то год назад заглянул я в «Евгения Онегина» и не смог остановиться. А заодно и «Бориса Годунова» перечитал. С удовольствием прочел я и поэму Ирины Семеновой «Командор», написанную уже в наши дни. Прочел, не отрываясь, исключительно ради наслаждения великолепным художественным текстом. А затем еще и над всем тем, что из поэмы успел понять, невольно поразмышлял. Наверное, поэма ни читателем и, тем более, ни временем не востребована, а самими поэтами, поскольку требует и труда, и вдохновения не на час, а на месяц или на годы. Но если кому-то труда и вдохновения хватит на такие сроки, и поэму он напишет, и если, строчку за строчкой, вы будете её читать и наслаждаться, то — что вас заставит не дочитать эту поэму до конца? Но, видимо, имеет смысл поверить в то, что и в прозе, и в поэзии большие объемы будут утрачивать популярность. Это у керосиновой лампы, без телевизора, без Интернета, да еще и под завывание вьюги можно было по вечерам проглатывать многотомные романища и огромные, страниц на 300, поэмы. А теперь ритм жизни ускорился и всегда есть куда глаза воткнуть.

... Утверждение, что публицистика иссушает мой мозг, мне могло бы показаться верным только в одном случае: если б я писал публицистику по заказу, если бы это была рутинная работа. Например, после школы я был приглашен в местную районную газету. И большие очерки о вызвавших у меня сочувствие доярках или ткачихах я писал за один присест, особо не задумываясь. А вот коротенькие формушки о том, как некие труженики в очередной раз перевыполнили план, хоть и складывались из готовых штампов, но — мой ум действительно иссушали. Но точно так же нас иссушает любая тупая работа. Например, за всю свою жизнь я, может быть, раза три пропылесосил дома ковер. Но уверен, что ущерб своему мозгу нанес невосполнимый. А вот если жена поручает мне работу, требующую сообрази-

тельности, я не только не иссушаюсь, а, как и всякий нормальный человек, становлюсь гораздо «сочнее». Опять же, мне не приходится выбирать между публицистикой и прозой. Времени на прозу, требующую регулярной, не урывками, работы, чаще всего у меня нет. И то, что в современной нашей литературе проза стала в количестве ярких имен заметно уступать поэзии, объяснение имеет самое простое: отдаться трудоемкой и непродажной прозе, значит, остаться без средств к существованию. Что касается Галактионовой и Тарковского, то, по моему давно устоявшемуся мнению, это вполне крепкие прозаики. Но по-настоящему я, например, позавидовал рассказам Сегеня и тем его произведениям, которые, как роман «Русский ураган», кажутся мне самородными.

... Что касается современных национальных писателей, то (...) из новых и уже сложившихся прозаиков — я бы обратил особое внимание на Василия Дворцова. А тех, кого я бы «не порекомендовал», вы найдете в списках, составляемых госчиновниками для встреч с властью или для отсвечивания «русской литературы» за рубежом. Никак я не отношусь и к Прилепину-писателю или Прилепину-блогеру. И поэтому не захожу на его сайт. Однажды суд прислал мне на экспертизу книгу Владимира Сорокина. До сих пор у меня не прошло отвращения от этого исполнения гражданского долга. Проще было бы поработать день-другой ассенизатором. Прилепина я попытался почитать добровольно. И хотя до Сорокина ему далеко, но тоже возник вопрос: а прычет ли он от своих детей то, что пишет? То есть, мне та публика, которая с русской литературой разминулась, интересна только как некое общее явление, а не как кладезь, из которого я могу что-то для себя драгоценное зачерпнуть. Не могу я представить Прилепина и в качестве полемиста на нашем сайте. Когда полемицировали славянофилы с западниками, то, как свидетельствует Герцен, они были подобны двуглавному орлу, который смотрел в противоположные стороны, но при этом сердце у него билось одно (не закавычиваю цитату, поскольку наизусть не помню). А о чем могут полемицировать люди, принадлежащие к разным даже не типам, а видам культур?

... Если Шекспир и Пушкин представляли народы, стремительно вырастающие из своих одежд, то сегодня я приезжаю к себе на родину и, подобно солдату из стихотворения Исаковского «Враги соггли родную хату...», уже вижу лишь остатки тех многих сел, которые еще вчера были живыми. А помимо этого вполне зримого физического

убывания — убывание духовное из учебных программ, из культурного и информационного пространств. Даже условия экономической деятельности создаются сегодня в России такими, что русский человек оказывается недееспособным. Я бы даже сказал, что и русская поэзия, и сама русская жизнь сегодня еще не достаточно этноцентричны для того, чтобы русский народ мог преодолеть угрозу полного исчезновения с лица земли. А где вы в России, Европе или в США видите сегодня политические и финансовые верхушки, которые не вылушили из себя то уважение к красоте, которая, по Достоевскому, может спасти мир? Почему США после своей великой литературы XX века, на которой я вырос, в XXI веке поставляет нам одну только пошлость? Кто-то из американских президентов, как наши Горбачев и Ельцин, свою страну предал и умышленно опустил? На самом деле историческая вертикаль вдруг сдулась, обмякла и макушка её нагнулась к низу. Почему так случилось — это не моя тема.

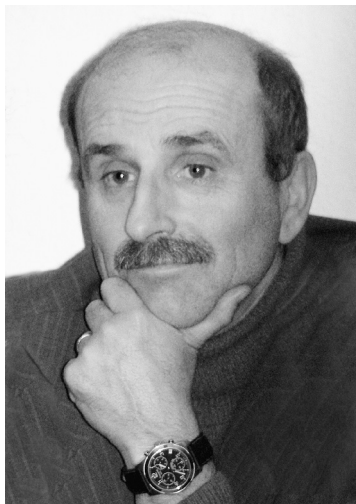
... Я не уверен, что знаю ответы на подобного рода вопросы. Видимо, всякая власть от Бога, но не всякая власть — Богу угодна. В том смысле, что Богу угодную власть, как и победу, надо себе еще добыть. И не только молитвами, а и всей своей жизнью, ответственной перед Богом и перед добрыми людьми. Нынешняя власть именно нашему православному нравственному чувству и, значит, Богу противостоит. Потому что узаконивает воровство, жестокосердие, моральное разложение и прочую мерзость. То есть, власть наша, захаживающая в храмы, на самом деле куда более богоборческая, чем та, что была атеистической. Вот и Церковь должна относиться к ней соответственно. Не думаю, что если на наших глазах нашего ближнего кто-то станет грабить, то надо ограничиться одними молитвами о вразумлении грабителей. Кстати, преодоление смуты начала XVII века и изгнание самозванцев стало возможным прежде всего потому, что патриарх Гермоген не устрасился оказаться заточенным в яму. Да и нынешнее возрождение религиозности в мусульманском мире началось с того, что нашествие «либеральных ценностей» мусульмане восприняли как агрессию со стороны самого дьявола. И глядя на гей-парады в некогда великой Европе, теперь они убеждаются, что религиозное чувство их не обмануло.

... Относительно того, что надо бы хоть остатки лет посвятить прозе. Об этом твердит мне и моя жена. Но — не могу я, как Архимед, чертить на песке что-то более важное, чем мои родные и уже, к сожалению, горящие Сиракузы. Ты же сама впряглась в журнал «Родная

Ладога» (здесь *Н. Дорошенко* отвечает на вопрос заместителя главного редактора журнала «Родная Ладога» *Валентины Ефимовской*. — *Ред.*); ты сама по принципу, если не я, то кто, уже написала большую серию более чем объемных статей о своих лучших питерских поэтах. Что касается того, «надо ли писателю разменивать свой дар на страстные, бесплодные споры?» — то, опять-таки, ты сама ответила однажды на этот вопрос своим стихотворением «Сальери»: *«Рассудка откровенья хороши // До тех лишь пор, пока он к точной мере // Талантливости творческой души // Не подступает с «алгеброй» Сальери, // Который был судьбой не обойден // И все ж хотел, гордынею влекомый, // Постигнуть вдохновения закон. // Но не стяжал он формулы искомой. // И потому сказал, что правды нет, // Когда пытался зрением поверить // Земного бытия незримый свет, // Лишь Господу доступный в полной мере»*. Знаешь, страстность — это и есть ощущение правды. Мне скучно читать писателей, к правде равнодушных, заменяющих живую гармонию мертвой алгеброй. И это не полемика «подпитывает» творчество, а сама жизнь, в которую мы бросаемся, не раздумывая, от которой невозможно спрятаться. *«Страстный разум писателя и умное, глубокое его сердце»* не могут ни «противоборствовать», ни каким-то способом *«творчески взаимодействовать»* между собой. Чтобы написались на бумаге вот эти твои же строки, — *«От мамы знала, помнящей войну, — // Нам никогда не подпоет Европа... И лишь тому царю на верность присягну, // Кто возвратит России Севастополь»*, — надо чтобы и ум, и сердце срослись в тебе в единый горячий и живой комочек. Тогда и читатель правду твою не только умом поймет, а и сердцем примет.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СООБЩЕСТВО ПИСАТЕЛЬСКИХ СОЮЗОВ

Владимир СПЕКТОР

Владимир Спектор родился 19 июня 1951 году в Луганске. Лауреат международных литературных премий имени Юрия Долгорукого и «Облака» имени Сергея Михалкова, премий имени Владимира Даля, Николая Тихонова и Леонида Первомайского. Руководитель Межрегионального Союза писателей и сопредседатель Конгресса литераторов Украины.

НЕ ХОЧЕТСЯ СПЕШИТЬ...

* * *

Выжить...

Отдать,

Получить,

Накормить.

Сделать...

Успеть,

Дотерпеть,

Не сорваться.

Жизни вибрирует тонкая нить,

Бьётся, как жилка на горле паяца.

Выжить,

Найти,

Не забыть,

Не предать...

Не заклинанье, не просьба, не мантра.
 Завтра всё снова начнётся опять.
 Это — всего лишь задание на завтра.

* * *

Лежит судьба, как общая тетрадь,
 Где среди точек пляшут запятые,
 Где строки то прямые, то косые,
 И где ошибок мне не сосчитать.

Бежит строка в дорожной суете,
 И я, как Бог за всё, что в ней — в ответе.
 А в небесах рисует строки ветер.
 Он в творчестве всегда на высоте.

А у меня сквозь изменнность страстей,
 Невольную печаль воспоминаний
 Таранит, разбивая жизнь на грани,
 Строка любви, парящая над ней

* * *

Я не знаю, за что и как,
 Я не знаю, зачем и где.
 Но сияет небесный знак,
 Отражаясь в земной воде.

И летит среди прочих миров
 Мой, ничтожный, прекрасный, родной.
 И скрепляется кровью кров,
 И вопрос, как крыло за спиной.

* * *

В душе — мерцающий, незримый свет,
 Он с лёгкостью пронзает стены.
 Взгляни вокруг — преград, как будто, нет.
 Но как тревожны перемены.
 Небесной тверди слыша неуют,
 Беспечно дышит твердь земная.
 И нам с тобой — вдоль перемен маршрут,
 Пока горит огонь, мерцающий.

* * *

Тёплый ветер, как подарок с юга.
Посреди ненастья — добрый знак.
Как рукопожатье друга,
Как улыбка вдруг и просто так.

Жизнь теплей всего лишь на дыханье,
И длинней — всего лишь на него.
Облака — от встречи до прощанья,
И судьба. И больше ничего.

* * *

И взгляд, как поцелуй, короткий,
Но, всё ж, пронзающий насквозь,
И тень стремительной походки,
И ощущение, что «всерьёз»...

И тонкий луч, как стих Марины,
Сквозь одиночества печать...
И жизнь — как клинопись на глине,
Где мне не всё дано понять.

* * *

Сигаретный дым уходит в небо,
Тает в воздухе последнее «Прости»...
Над дорогой, городом, над хлебом —
Божьи и житейские пути.

Жизнь зависла над чертополохом.
Только мир, по-прежнему большой.
Не хочу сказать, что все — так плохо,
Не могу сказать, что хорошо.

* * *

История любви забытой,
Растерянно, задёрганной,
разбитой
На тысячи осколочных ночей,
На тысячи житейских мелочей,

На крохи правды
и мгновения обмана.
Любовь разбитая
похожа на тирана,
Пытающего душу, плоть и кровь...
Любовь забытая.
Но всё-таки, любовь,
Хоть горькая, обидная и злая.
Пускай не рай.
Но отблеск рая.

* * *

Медальный отблеск крышек от кефира
Остался за границею веков.
Остались там же — очередь за сыром
И пионерский лозунг «Будь готов!»

Другая жизнь, хорошая, плохая,
В которой по соседству — зло с добром.
А для кого-то отраженье рая
В той крышке с её мнимым серебром.

* * *

Не хочется спешить, куда-то торопиться,
А просто — жить и жить, и чтоб родные лица
Не ведали тоски, завистливой печали,
Чтоб не в конце строки рука была —
в начале...

* * *

Необходима передышка.
Нестройной песни гаснет эхо.
И жизнь внезапная, как вспышка,
Уходит в тень полууспеха.

И не длиннее телеграммы
Полуотчетливая фраза.
И вдруг: «А что б сказала мама?»
И всё яснее. Но не сразу.

Василий БЕЛЕННИКОВ

Беленников Василий Иванович родился 1956 году.

Публиковался в районных газетах, «Ставропольской правде», журнале «Сельское Ставрополье», альманахе «Литературное Ставрополье», литературном журнале «Южная звезда» (стихи, проза, публицистика).

Живёт в с. Труновском (Терновка) Труновского района Ставропольского края.

Третья волна

(отрывки из повести)

ВСЯКО — РАЗНО

Она жила где-то с километра два, наверное, выше по улице, на «Головище». Её хатка стояла как раз на углу Паши — Миколошина переулка. Переулок здесь начинался и уходил поперёк нашей «широкой» улицы опять же вниз, под гору, к речке у которой, плавно заворачивая вправо, превращался в улицу «Колхозную».

«Паша» — это она самая и была. Кто такой «Миколоша» я не знаю и до сих пор. Можно только предполагать, что этим самым Миколошей переулок заканчивался — раз уж начинался Пашей.

В поворотном месте, где переулок превращался в улицу, жила «Олегова» Светка. Правда, тогда только мы — Олеговы друзья — её так называли, а на самом деле она была Седельникова. Да и переулок, согласно жестяной табличке прибитой под черепичным карнизом начальной хаты, назывался «Интернациональный». Светка позже на полном основании стала Олеговой — вышла за него замуж.

За Светкой, дальше по Колхозной, жила Алла, дальше — сёстры-близняшки «Золотые» (Золотых). Ещё дальше, где село заканчивалось

(если эгоистически считать, что начинается оно в центре), этой протянувшейся вдоль Терновой балки уже единственной улицей, как кошка — хвостом, жила Галочка.

Все они были ухажёчками моих друзей.

Хотя мои личные интересы лежали на улице, расположенной ближе и несколько южнее, я не могу спорить с тем, что девчата с Колхозной были в тот отрезок времени одними из самых красивых во всём селе. А Терновка — село большое...

Это понимали и местные парни, и подростки.

По этой причине, нам, «центральной», ездившим на ночные крылечные посиделки на мотоциклах (а сначала и на велосипедах с моторчиками, потом «Минсках» и «Ковровцах» собранных из утиля и, заканчивая, уже покупными «ИЖами»), часто перепало от «колхозников». Лично мне доставалось «ни за что», так сказать, за компанию. Но надо всё-таки признать, что драться было из-за кого. Чего только стоила Алла!.. Как она мне потаённо, со стороны, нравилась!.. Но её ангельская внешность и юная прелесть уже тогда таили практичность, разборчивость, житейскую расчётливость, необычайную коммуникабельность, незакомплексованность, уверенность в практически неограниченном личном выборе наиболее перспективного в плане будущей семейной жизни кандидата. Мне тогда казалось — свет ещё не видел такой целеустремлённой красавицы! Это в пятнадцать-то лет... Теперь-то я знаю, что все «редкие красавицы» таковы, а как раз исключение из общего ряда составляют те, которые, как говорят, цены себе не знают.

Алла выбрала крепенького хватистого, напористого паренька с «Курелевки» — противоположного конца села. Нарожала ему детишек и в восьмидесятые, и девяностые годы была за его предпринимательской спиной, как за каменной стеной и, несмотря на все реформы и перемены, чувствовала себя, как рыбка в воде.

Мне же оставалось только удивляться: вот даёт же Природа всё одному!.. И небесную красоту, и практический ум, и житейскую мудрость. А, главное, — в молодости трезвый взгляд на жизнь (это девушке то!..). Правда, муж её, по обстоятельствам, от её желаний уже никак не зависящим, погиб потом, когда их детки стали почти взрослыми, в автоаварии.

Паша ж была, тогда уже, омужичившейся, пожилой (как нам, по крайней нашей молодости, казалось) бабой.

Это невыразительное смуглое лицо, которое не всякого и мужика украсило бы. Смятая в гармошку беломорина в уголке рта, задымлявшая прищуренный глаз, левый — правый, по случаю.

Глаза эти, кажется, ничего никогда не выражали. Просто были «открыты в мир» (подходящий шаблон!) и смотрели без всяких эмоций, как инструмент необходимый для жизни. Паша овдовела уже после войны. Муж её, хоть и дошагал тяжкими фронтовыми дорогами до Великой победы, но сильно пострадал в этом лихолетьи и счастливо скончался в первые послевоенные годы на родной земле, в кругу родных и близких.

Зато у неё был взрослый сын, лет на пять постарше нас. Вот у него, если можно так выразиться, с «инструментами» был непорядок — парень был глухонемой. Но, при том, рослый, гибкий, жилистый такой! Тоже ездил на «Ковровце». Определял, когда мотоцикл заводился и как работал по дрожанию руля.

Парень он был любознательный. Главная его страсть — техника. Несмотря на физические ограничения, тянулся к общению. Жестами, мимикой, мычанием пытался вступать даже в технические (не только по части мотоциклов) споры. Но по причине комплекса неполноценности бывал порой вспыльчив и требовал тонкого понимания технических нюансов. И, если оппонент начинал бестолково кивать головой и со всеми «доводами» соглашаться, таким образом, пытаюсь уйти от «спора» и, проявляя тем самым унижающую жалостливость — косвенный признак собственного превосходства, незадачливый спорщик неожиданно, негаданно, без всякого предупреждения, получал кулаком в лоб. Впрочем, если же оппонирующая сторона проявляла излишнее упрямство и пыталась (чаще всего красноречивыми жестами) объяснить «немуху», что он в этом деле некомпетентен — реакция следовала та же!

Уцелеть в этом «споре» вообще было невозможно. И поэтому мы, хоть и были заядлыми мотоциклистами, в технические споры с Мишей никогда не вступали — нам своих приключений хватало.

Мать же, то есть Паша, в общении с односельчанами походила на давно прогоревший костёр — можно было разговором пошуровать остывшую жужелицу, головешки, но ни одной искры эмоций было уже не найти.

Паша всю жизнь проработала на лошадях. Тогда машин в колхозе не хватало, и основная нагрузка по обслуживанию коровников, свинарников, птичников да и социальных объектов, если можно так выразиться, зачастую ложилась на гужевой транспорт, не говоря уже о личном подсобном хозяйстве колхозников. И телега, запряжённая парой, или одноконка, являлась естественным и неотъемлемым элементом сельской жизни. Единственно, что привлекало особое внимание и вызывало удивление с тех самых пор, когда мы, подрастая, начинали чему-то удивляться, так это то, что этот мужик на бричке, в поношенном ватнике,

в ватных же стёганных штанах, в кирзовых сапогах, с беломориной, а то и с самокруткой в зубах, зимой... был не в ушанке, а в белом ситцевом платке, наглухо повязанном вокруг головы и шеи, оставляя, как маску, только продублённое, смуглое, невыразительное, неподвижное лицо. Это была единственная деталь, вызывавшая недоумение подростков и заставлявшая более пристально всматриваться в этого сильного, рослого, несуетного ездового на козлах брички.

Летом мужское обмундирование менялось соответственно, — платок оставался и повязывался всё так же.

Были ли под ним женские локоны, или вовсе волос не было — неизвестно. Да и проявлялась она по присказке, «я и лошадь, я и бык, я и баба — и мужик!..», но всё-таки больше, как мужик...

Рабочие на ферме как-то по пьяной лавочке решили «поучить» «немуха» — преподать Мише урок покладистости. После очередной его выходки, залучили невежу с места общей выпивки, догнали, начали в круговую вбивать кулаками правила хорошего тона. Да увлеклись воспитательным процессом и по сторонам совсем не смотрели, а потому и не «усекли», как подкатила Пашина двуконка к пряслу основного корпуса.

Сердобольные бабы, первые увидевшие, «что черти бессовестные удумали», подняли переполох:

— Пашка!.. Пашка!!! Глянь!.. Глянь, Мишку твою мутузят. Ах, алкаши проклятые!..

Мужики — скотник Сухач (Сухачёв Николай), слесарь МЖФ Буруля (Виталик Морозов), плотник Супис Фёдор Иванович — сами получили такой урок, что потом десятой дорогой обходили «эту медведицу» с её кнутиком. Этим самым кнутиком тут же досталось и «медвежонку», оттого что знала она за ним его дерзостные повадки. И мужиков в их воспитательных устремлениях отчасти понимала. Потому ни одного не ударила кулаком («а то б — всё!..»), а, «ток-мо некоторых кнутиком угостила». Мишке перепало, в первую очередь за «несвежее дыхание» — выпивали-то вместе...

Впрочем, мужики на Пашу не обижались и отнеслись к происшествию с юмором:

— ... Разбежались, конечно... Что ты с ней сделаешь?! Не драться же с бабой...

Но, всё-таки, на глаза ей, какое-то время, старались не попадаться ни слесарь, ни скотник, ни плотник.

Несмотря на некоторую бирюковатость, Пашу знали все взрослые, даже в «центре». Общались с ней уважительно, как с мужиком, но назы-

вали всё-таки — Пашей (за глаза — Зина-Жорой). Говорила она грубым, посаженным, прокуренным баском и, в основном, — незлобивым матом. Что, конечно, являлось издержкой профессии — со скотиной иначе нельзя. Но, при том, была по-деловому внимательна, доброжелательна, если могла, — не отказывалась помочь.

Мне интересно было наблюдать, как общается с ней мой отец Иван Васильевич.

Он и сам был родом с верхней части села. Родился и вырос на той же Колхозной улице. Хатка их — бабушки Марфуты и дядьки моего, отца младшего брата Миши — стоит, давно уже с другими хозяевами (с контрастной, по отношению к нашей, фамилией — Черновы), как раз напротив дома, в котором выросла Алла. То есть, деды наши были соседями через улицу. Может быть, и в этом ещё были потаённые мотивы моих симпатий... Ну, вот поэтому, наверное, отец был знаком и с Пашей, так как ностальгически испытывал расположение ко всем землякам-колхозникам.

Он иногда выходил останавливать бричку, на которой Паша с пассажирами опускалась с Головищи на село по магазинам и другим надобностям. Были, видно, у него к ней какие-то хозяйственные дела, да и просто любили поговорить с колхозниками по старой памяти.

Сам то мужичок дробненький. Рядом со здоровенной бабой-мужиком смотрелся потешно. Пара получалась колоритная.

Отец после войны и до пенсии проработал портным. Поначалу в артели «Победа», которая не раз преобразовывалась, переезжала, переименовывалась, пока не превратилась в швейную мастерскую в Доме быта. Поэтому, проверяя поговорицу «сапожник — без сапог», одевался всегда, что называется «с иголочки», когда дело не касалось работы по хозяйству. (Нас у родителей было шестеро. Хозяйство было большое. Среди прочего: фруктовый сад, виноградник, пасека — отца вотчина.) И рядом со здоровенной, как медведь, бабой отец смотрелся аккуратным школьником-подростком. Они, чем-то друг-друга дополняя, похоже, испытывали взаимную, если не симпатию, то уважительность. Общение шло на равных, без скидок — оба «матюкались». Я со стороны опасливо потаённо потешался их приятельству — Иван Васильевич иногда бывал строг — за насмешки над старшими могло мне от него и перепасть. И было б по заслугам! Мы — пацаны — тогда вообще к старшим, а тем более пожилым, относились с чувством необъяснимого и само собой разумеющегося для нас превосходства. Посмеивались над их неспособностью сориентироваться в быстро меняющихся ситуациях.

Сашка-Есик (Еськов) — друг юности — изобрёл даже для своей «мамаша»-пенсионерки, всю жизнь проработавшей с коровами на ферме и дома, оригинальный и остроумно-лаконичный справочник-ретранслятор.

Телевидение переставало тогда быть диковинкой, окончательно завоевав думы и чаяния селян от мала до велика.

Освободившись наконец-то от бесконечных домашних хлопот поздней ночью, тётка Дуня, с предвкушением ни с чем не сравнимого удовольствия, пристраивалась со своим стульчиком в полукруг чад, домочадцев и тех соседей, у которых ещё не было своего телевизора, перед телеэкраном «Старта». Зачастую, из-за опоздания к началу передачи, или фильма, или же в связи с быстроменяющимися обстоятельствами динамичного сюжета передачи, неспособна была оценить ситуацию и правильно эмоционально отреагировать. Хотя и понимала по общему напряжению аудитории, что на экране произошло что-то важное. Тихонечко, так, чтоб не помешать другим телезрителям, вопросительно заискивающе обращалась к «главному комментатору»:

— Саш.., что?..

Сашка коротко, по-деловому, не отвлекаясь от просмотра, мимоходом давал исчерпывающую авторитетную оценку ситуации. Скажем:

— ... Как мешок фуража с фермы...

Или — напротив:

— ... Объезчик!.. — когда ситуация ничего хорошего не предвещала.

Потом, при случае, рассказывал нам на улице. Мы — беззаботно хохотали.

Сашка вообще был остролов. И от него я, иногда от первого, слышал такие сокровища дурачинно-парадоксального «остроумия» как: «Не уходи... — без тебя лучше...». Или, с кавказским акцентом: «Что ты ходишь, не заходишь?! А заходишь... — не уходишь!..». Эти «перлы» погружали меня в полное недоумение и протрацию. И вернуться к себе удавалось, только восторженно рассмеявшись:

— Вот, Есик!..

КАК НАС НАКРЫЛО ДУНАЙСКОЙ ВОЛНОЙ

Переговорив с Пашей, отец возвращался к своим заботам. Телега с колхозниками проезжала немного дальше, от нас до центра — рукой подать, так и считалось, что мы жили в центре, и уже следующей остановкой была конечная. Пара вязалась к телеграфному столбу на пяточке у Дома быта. Паша бросала «беремок» сена из брички под ноги лошадям.

И все разбредались кто куда: бабы — по магазинам; мужики — по своим делам, все, вроде как, по разным. Но забирать мужиков приходилось зачастую всех в одном месте. Паша хорошо это место знала. И, подождав немного после условленного часа, безошибочно направляла свою дву-конку именно туда, где и забирала, а иногда, в буквальном смысле, подбирала несамостоятельных уже колхозников.

Место это называлось «Голубой Дунай». Вот такое романтическое, хотя и экзотическое для наших мест, название. Конечно, плод фантазии ветеранов недавно закончившейся войны. Мужиков-победителей, освободивших Европу и видевших этот самый голубой Дунай воочию, успевших дохнуть пьянящим воздухом весны и победы, насладиться мечтами о перспективах счастливой жизни в кругу родных и близких на родной земле, на просторах свободной и, теперь уже, обязательно счастливой Родины.

Тогда жизнь плавно возвращалась в своё русло. Отполыхали и утихли долгожданные встречи у выживших в боях и уцелевших в оккупации и тылу. Стали стихать стоны, заканчиваться слёзы у недождавшихся. Пора было возвращаться к мирному труду.

Ёмким газетным стилем послевоенную ситуацию можно обрисовать одним абзацем:

В обескровленной стране, потери погибшими которой, в отличие от союзников и покорённой Европы, в десятки миллионов, власть не решилась честно объявить, победного энтузиазма всё-таки ещё хватало на восстановление порушенного, пришедшего в негодность и запустение. Как много надо было сделать!.. И как много надо было делать сейчас и немедленно. Жизнь не стояла на месте и не ждала никого. Всё шло своим чередом без всяких скидок и поблажек. Не сделаешь сегодня — завтра будет поздно. Не остановишь ни зиму, ни весну, ни лето, ни осень. Природу не уговоришь подождать. Надо было жить дальше. Волна победного духовного подъёма ухнула в бездну послевоенной необходимости, только и осталось, что всё вернулось на круги своя. И ничего почти на селе не изменилось. А то, что в мечтах и поначалу было так сладостно: дом, семья, работа, — постепенно приобретало обыденность старого, довоенного, обрыдло-униженного, полурабского существования.

А как же?.. а где же голубой Дунай?.. Не в одних же только воспоминаниях и мечтах?.. За что кровь проливали?! Где эта голубая мечта о свободе и счастье?!..

Но вот, кажется, немного отпустило, оттаяло во время Хрущёвской оттепели.

... И, как нечто небывалое, безоглядно дерзновенное, растёт внизу нашего села, поперёк Терновой балки, грандиозная по сельским меркам и доселе невиданная плотина, ну и котлован — размаха необычайного — соответственно.

Терновка — речка мала. Но за год (благословенны родники её!) — «раскинулось море широко»! Нижние огороды-улицы, мосты-переправы утонули в нём. И — ладно! Для такого дела — не жалко. По сельскому берегу высадили пирамидальные тополя. Здесь же, недалеко от плотины, в самом глубоком у берега месте, выросла вышка для прыжков в воду. Да не какая-нибудь, а в несколько ярусов, высотой в три, пять и десять метров! Чуть дальше по берегу — лодочная станция и наша «Потёмкинская лестница» — широкий каменный пролёт с тёсанными резными перилами, уходящий нижними ступенями в набегающую волну. Сюда причаливали прогулочные лодки для посадки-высадки «любителей морских прогулок». Ещё чуть подальше, на косогоре, от села — вылетом в «море» построили кафе-веранду, светлую всю, прохладную, в разноцветных стеклянных витражах. Здесь подавалось бочечное пиво и всё прочее, включая воды, вина, водку на разлив и в бутылках ну и, конечно, разнообразную закуску. Притом по ресторанной схеме с отдельными столиками и официантами.

Здесь же можно было «продолжить», опустившись непосредственно на берег. Расположиться, скажем, на травке на солнышке, или в тени кустов, или же на стянутах сюда огромных каменных кругах и корытах затопленных «морем» колодцев.

Волна ласково плескалась у ног. Дул лёгкий свежий прибрежный ветерок, не жаркое здесь солнышко умиротворяло. Тут же, на бережку, находили прият и успокоение перебравшие и выдворенные под белы ручки посетители этого чудесного кафешантана. Оно — это кафе — конечно, как-то называлось официально, кажется, «Встреча» — сейчас уже точно никто и не вспомнит, но народная молва тогда его так и окрестила: «Голубой Дунай».

Дальше по бережку расположилась пожарная часть, с каланчой в два этажа всего, и ещё подальше — её дебаркадер — выезд в море для заправки чистой глубиной воды в пожарные машины, да и в обычные водовозки.

На этот описанный выше райский участок набережной можно было легко опуститься прямо из сельского парка культуры и отдыха (преобразившегося тогда новыми цветниками и гипсовыми скульптурными группами стандартного по тем временам набора: арками трудовой славы,

пионерами с горнами и барабанами, колхозницами со снопами и рабочими с молотом, полногрудой девушкой в трусах, майке и с веслом...) по пешеходной дорожке, погулять перед сеансом в кинотеатре «Дружба» (ныне Дом Культуры им. В.А. Холодилова), полюбоваться «морским» пейзажем, постоять на порожках «потёмкинской лестницы», послушать умиротворяющий плеск волны, подышать во всю грудь вечерним воздухом. А на любом транспорте можно транзитом проехать этот приют отдохновения, опустившись с западной стороны от сельской площади и выехав вверх, в село, за пожаркой. Или наоборот.

Что Паша регулярно и прodelывала.

Противоположный от села берег — крутая гора с полоской песчаного пляжа у подножия. Вот где было раздолье для любителей искупаться, позагорать в летний зной. Здесь же в былые лета — идеальное место для рыбной ловли на закидушки. Дно у берега было пологое, глубина набиралась плавно. Здесь купались все: кто умел и не умел плавать, дети и взрослые. Но женщины и девушки, всё-таки отдельно, немного подалее от общей купальни. Сюда же привилегированно причаливали и прогулочные лодки с отдыхающими, пожелавшими искупаться.

На самой горе тогда по всей длине Терновой балки располагались каменные карьеры. В рабочие дни гремели взрывы, здесь добывали известняк: дробили бут, резали штучный камень, грузили окол. Поэтому во время футбольных состязаний, очень, кстати, популярных тогда, между соседними сёлами, терновцев болельщики соперников называли «гаманами». Наши в долгу не оставались и донских называли «свистунами», а безопасненских — «лягушатниками». Прозвища эти были не случайными и имели за собой скрытый смысл и историю. Что касается «гаманов», то гаман на местном диалекте (у Даля этого значения нет), — необработанный известняк легко подъёмного размера. Мы, тогда, — пацаны, враждующие соседними улицами, иногда устраивали на общих огородах (когда улицы в разные стороны, огороды — вместе) перестрелки — побивание дру друга камнями. Как правило, это были земляные, засохшие, не рассыпавшиеся после вспашки комья, или гранаты кукурузных корней. Но часто в ход шли «боевые наступательные средства» — камни-саморожьи, или каморожьи (что, то же самое, замороженный камень — известняк), строго запрещённые уличной «международной конвенцией»... Тут уж без синяков, слёз и увечий («шишек», как правило) не обходилось. А, если доставалось большим каморожем, то пострадавший поднимал такой рёв!.. Порой, потерпевшему было не так больно, как обидно из-за вероломства противной стороны. И тут то уже, жалуясь друзьям-сорат-

никам, или когда доставалось ещё и ремня от родителей, или в междуличных по этому поводу переговорах-разборках, утверждалось, что ударили во-о-от та-а-аким!!! гаганом (или ещё, — гамаём).

В общем, «гаган» значит — дикий, неотёсанный, грубый, невоспитанный, наглый. Вот так вот...

Зато у нас был фирменный стадион, огороженный капитальной стеной из штучного камня с резными арками проходов, с каменной трибуной для почётных гостей и мачтами для флагов команд!

Заслонившись от карьерного грохота крутым переломом горы, в затишке, по берегам пруда с весны и всё лето до осени сидели рыбаки с удочками. Не было и для пацанов ничего увлекательней, как сидеть на тихой зорьке и следить за поплавком или колокольчиком закидушки, полуослепнув от солнечного зайчика в неподвижном зеркале воды. Да и приварок для дома от этого занятия был немалый. Одна беда, куревом баловались, зато об остальной дури тогда даже и не задумывались. Не до того было. Было чем заняться поинтересней.

ПРЯНИК

Впрочем, взрывы гремели не только на карьере.

Терновка, как уже сказано было, село большое, растянувшееся по течению речки на четырнадцать километров. Из-за удалённости друг от друга, части села требовали в обиходе именного определения. Сверху вниз, по течению Терновки, расположились: Головища (Колхоз), Центр (мы, дальше совхоз:) Курелевка, Кагонович, Сельмаш. Названия, понятно, тоже не случайные. Молодёжь этих составляющих села открыто, порой жестоко, враждовала между собой. Отчасти и поэтому, а, в основном, для рыбалки, хозяйственных и бытовых нужд, каждая часть общесельской территории старалась обзавестись по примеру центра своим, пусть небольшим, прудом, или ставком.

Народ у нас испокон веку (подтверждается историческими документами) лихой. Плодовит не только на таланты и героев, но и воров, отъявленных негодяев, изобретательных аферистов и прочих «блатных» у нас хватало всегда. Были и среди последних люди замечательные в своём роде.

А любят ли блатные рыбалку?

Оказывается — да! Так же, как и все живые, остальные законопослушные люди. И тому яркий пример — Пряник (Анатолий Пряников). Комиссар от блатных (икона стиля, как сейчас бы сказали), которому тогда уже в шестидесятые годы! сводило пальцы веером судорога арий-

ско-уголовного превосходства над фраерами. Изъяснялся Толян «суГубо применяя» рафинированное отточенное «Г», притом не иначе, как по фене, и так вычурно оригинально, что за Пряником следовало бы ходить по пятам всем настоящим и будущим уркам и, как на лекциях за профессором, конспектировать каждое его драгоценное слово, каждую блистающую мысль.

Толик мог усесться в любом людном месте на корточках по лагерному обычаю, сложив свой высоченный рост и невероятную худобу втрое, как складной аршин. Острые локти упирались в острые же колени. Длинные коричнево-грязно-зелёные от табака и анаши пальцы рук складывались в один кулак-клубок у подбородка. Тут же мог забить, засмолить косячок. Любил он это дело и прodelывал его часто в парке, усевшись в любом месте, прямо посреди пешеходной аллеи. В позе на корточках мог находиться часами, не испытывая никаких неудобств. Притом миролюбиво заговаривал с любым прохожим, несмотря на степень знакомства с ним и, невзирая на социальные признаки случайного собеседника. В общем, Пряник был парнем незлобивым, безобидным. Да чего там!.. — добрым, по большому счёту! Прожил, правда, недолго... Царство ему небесное!

Школьники на переменах окружали его, потехи ради (школа через дорогу от парковой ограды), но потом слушали, открыв рот. Толян был всё-таки тонким психологом. Не от хорошей жизни, конечно. И пацанов мог выстроить в своеобразную иерархию с прогнозом по общечеловеческим ценностным признакам с первых минут общения. И, надо признать, почти безошибочно. Школьные учителя таким даром экспресс-анализа — мгновенной оценки учеников — не обладали. Некоторых из них больше заботило, кто у подопечных родители. Это было решающим фактором в оценке детских способностей.

Но вернёмся к рыбалке.

Широта душевная: «Век воли не видать!» и категоричность, признающая только два вида «трудовой» деятельности: «Воровать, или не воровать!» (притом, воровать надо было непременно миллионы, а любить... никак ни меньше, чтоб, как только королеву (!?)), не позволяли блатным снизойти до мелочных удочек и закидушек.

... Бредень?..

«Ну, его ж надо таскать по уши в воде, надрываясь... Не-е-ет!.. Уж мы лучше с берега, покуривая. И не мелочась. Сразу чтоб рыбы с мешок!»

Динамитные шашки достал Рора — «парень квадратный, но деликатный».

Как оказался расходный материал строгой отчётности в руках Пряника и Роры нетрудно догадаться. «Порыбачить» решили на самом дальнем пруду в Сельмаше. Подальше от досужей общественности и чутких ушей единственного тогда на всё село участкового — Махлана, или «Петровича» (Ивана Петровича Пшеничного — фронтовика, личности легендарной, пользовавшейся заслуженным уважением даже в местном послевоенном криминальном обществе).

Гера-Рора, пристроив крысиный хвостик бикфордова шнура к «снаряду», засомневался:

— Не многовато-ль, Толь, будет?.. Три-то...

Пряник сомнения удавил в зародыше с издёвкой:

— «Г»ера, вот только пукать не надо!.. — слово показалось красноречивым и вытянуло из закопченных анашой мозгов очередную цельную, логически связную, резонную мысль. — Чем три раза пукнуть, лучше один раз звягнуть, «Г»ера... — произносить имя напарника Толяну, пожоже, нравилось «суГубо».

Потом он ещё добавил многозначительно, хоть и непонятно к чему:

— «Г»лупо было бы...

И, когда соратник уже присмолил от костерка фитиль, заполошно гаркнул на того:

— Кидай в камыши!.. Там косяк ходит...

Звягнуло так!.. что звон, показалось, поселился во всей Вселенной один! Всё остальное происходило будто в вязком прозрачном колышущемся масле.

Из камышей медленно поднялся в опрокинутое небо мутный громадный столб воды. Как перо из разбитой подушки, во все стороны пыхнули клочья камыша. Пропеллером закувыркались в небе, непонятно откуда взявшиеся, обломки бамбука. И, несусветным, леденящим кровью ночным кошмаром, подпрыгнула над растерзанными зарослями в невероятном смертельном салто огромным раздутым чёрным лягуном... тракторная камера, на лету превратившаяся в лоскутья.

В гулкие чугунные головы Толяна и Роры, как осколок, шмякнула страшная запоздалой своей непоправимостью догадка...

Минуты полторы спустя, как осел водяной столб, камыши в кромешном звоне бесшумно зашевелились, повергая в смятение и смертный ужас и в то же время порождая надежду на относительно благополучный исход происшествия.

Заставляющим цепенеть от ужаса загробным видением, весь измазанный в донной грязи, обляпанный с ног до макушки мерзкими грязно-зе-

лѣными шматками тины, обвешанный мокрыми лохмотьями утраченных одежд, появился не-то леший, не-то водяной — призрак человекоподобный. С остановившемся, бессмысленным взглядом, адским зомби, двинулся прямо на Пряника и Геру. Пряник, раздавленный в лепёшку случившимся, и напарник, потерявший всякую способность переварить ситуацию, только тем и спаслись, что из-за надорванной наркотой и алкоголем психики не способны были реально пережить случившееся. И потому вместе и одновременно подумали одно и то же, спасительное: «Сейчас будет взвиздеть...»

Но приведение (наверно контуженное) протопало лохмотьями ратерзаных резиновых сапог прямо по, сначала подкосившимся и не устоявшим, а теперь, парализованным страхом, ногам незадачливых рыбаков, так и не поднявшихся с земли, и, через костерок, — по морю, как по суху — удалилось по направлению к спускающимся к пруду огородам. Притом за водяным, спустя какое-то расстояние, очевидно, зацепившись крючком за лохмотья штанов, или сапог, толчками, двигался красно-зелѣный клоун пластмассового поплавка...

Друзья ошалело переглянулись и, поняв друг друга без слов, «подскочили» и бросились «бежать» на негнущихся ногах с «места преступления» в противоположную сторону, тоже — в огороды.

Через час, переведя дух и ободрившись, послали мелких пацанов с мешком собирать глушоновых карасей. Старшим «экспедиции» был назначен ещё маленький, но уже подающий «большие надежды» Вовик Собко. Пацаны вернулись с пустым мешком — рыбы не было... Собирать было нечего кроме нескольких подорванных лягушек, мирно плавающих вздувшимися белыми брюшками вверх, будто подставив их для загара полуденному солнышку, на успокоившейся глади пруда.

Пряник с Ророй понимающе проницательно переглянулись.

— ... Вот «Г»ад!..

Им даже в голову не могло прийти, что «призрак бессмертный» тут ни при чём, они сами стали жертвой обмана их же собственных «учеников». Вернее, самого способного из учеников-последователей — Вовика, который гениально спланировал и удачно осуществил очередную свою проделку.

Конечно, кое-что пацаны собрали, и не мало, но, как рассудил Вовик, и не так много, чтобы отдать Прянику и Роре. Наверное, кто-то их всё-таки опередил и «помог», что тоже не удивительно (уж больно громко «объявили» о «халаве» по округе...). Вовик же, как лицо доверенное, бывшее пока на побегушках, присутствовал при обсуждении Пряником

и Ророй последнего происшествия. Ситуацию «прорубил» и, не будь он Вовиком, загорелся азартом, дерзко попирая авторитеты, неосознанно применяя почерпнутые у того же Пряника навыки психоанализа, оставить главных забойщиков в дураках. Что удачно и проделал.

Ну, это всё так... к слову.. А по сути — дальше.

МИКЛУХА

История сего замечательного в сельской истории места продолжилась этим... городским... бабкиным внучком, затейливая судьба которого вернулась к Голубому Дунаю, где так счастливо выхватила мальчишку из холодных объятий бездны баба-мужик, нашедшая в себе мужество и решимость рисковать и, своим безоглядным унижением, заплатившая за жизнь двух пацанов.

Появился он снова в Терновке уже пареньком — девятиклассником. Посередине учебного года.

(В девятом же, но параллельном классе, учился дружок мой — Иван. И продолжение этой истории я знаю уже с его слов).

Что-то произошло с родителями этого паренька. Какое-то несчастье. Никто из школьников, как обычно, не знал подробностей. И никого из сверстников этот вопрос особо не интересовал. Но всем и без того было видно, что с парнем не всё ладно. Будто что-то угнетало, лишало активной жизнерадостности. Был он слегка заторможенный, что ли. Везде опаздывал и явно недобирал в юношеской эмоциональности. Иногда про таких говорят (в данном случае в буквальном смысле оправданно): «как в воду опущенный». Одноклассников не сторонился. Но как будто сам подталкивал себя к общению и даже проявлял какое-то понуждённое любопытство к жизнерадостным и азартным проделкам сверстников. Эта лёгкая приторможенность и неадекватность рядом с попытками ничем не отличаться и быть «как все» не вызывала понимания и доверия в сплочённом притёртом классном коллективе. Над парнем стали посмеиваться. Едва заметные странности превращались одноклассниками в объект издёвок и анекдотов, подчёркивались, доводились до абсурда. Элитой старших классов новичок был отвергнут, как предмет инородный, недождёпа и чудак. И дружбу водить ему приходилось с совсем уж неяркими фигурами. Теми ж жалкими троечниками. Никчёмными троечниками... Троечник троечнику — рознь! Не теми, иногда, необузданными прогульщиками, протестными хулиганами и стервецами — так сказать — подростками своенравными, трудными по причине своей внешкольной взрывной энергии свободолюбия. А, как раз, наоборот, — бесцветными,

безынициативными и неспособными вообще. Которых педагоги определяли одним словом: «недалёкие».

Но сам парень учился очень хорошо, в общем, и не прилагая к тому особых усилий. Наверное, сказывался прежний багаж — разница в уровне городского и сельского обучения. Из-за отсутствия достойных приятелей переживал он, похоже, не сильно. Угнетало его, скорее, что-то потаённое. Учителя, конечно, знали, в чём дело. Относились к нему, в отличие от сверстников, мягко и тактично, опасаясь ненароком обидеть, и всячески пытаясь защитить в агрессивной подростковой среде.

А тут ещё внешность... Мягкость, деликатность, интеллигентность горожанина подчёркивались несельским обликом. Прежде всего — это густые кудрявые волосы шапкой. То ли их было трудно состричь, то ли это было тогда модно — под Анжелу Девис. Но эта шапка вконец делала его обладателя замечательным в среде молодых людей с модными тогда у нас в Терновке «ёжиками», «боксами» и «полубоксами». Кроме того, придавала его обладателю чрезвычайную схожесть с исторически известным путешественником и исследователем диких племён Африки, Австралии, островов Малайского архипелага и Океании, маленький портрет, которого находился в учебнике, а большой в кабинете географии, — Миклухой Маклаем. Этот факт не мог быть незамеченным школьной братвой. И «кликуха» Миклуха Маклай неотвязно и надолго пристала к пареньку в сером городском костюмчике. Очевидцы же ещё одного происшествия с его участием не могут теперь вспомнить, как его звали на самом деле. Кроме того, с Миклухой Маклаем его роднила ещё и общая задача: установить добрые отношения с аборигенами, то есть — местными жителями.

У настоящего Маклая задача эта решалась легче — контингент был проще, наивней и доверчивей. Наш же Миклуха оставался в «расовой» изоляции, так и не став своим в многочисленных компаниях по интересам и, по сему, слонялся неприкаянный.

Жил он теперь, так сказать, на постоянной основе у бабушки. Хатка их находилась на заречной стороне нашего села, под горой. Улица так и сейчас называется — Подгорная. Если перейти по плотине или, как у нас говорят — по гребле, — то сразу налево от пруда.

Все его развлечения после школы теперь составляли неспешные прогулки по-над прудом в школу и обратно. Попутчиков не было, на заречной стороне жили к тому времени в основном старики. Но зато это невольное одиночество и неспешная созерцательность наиболее точно соответствовали его внутреннему состоянию. Видно, судьба в очередной

раз заботилась о нём. Тишина, шелест волны, просыпающаяся с приходом вешнего тепла природа: постепенно зазеленевшие берега, летящая с набухающих почек пирамидальных тополей восковая шелуха, оживающие кусты жёлтой акации на прибрежных склонах — всё успокаивало и лечило невысказанное. Главное оставалось — обойти стороной пьяные компании у Голубого, которые с десяти утра уже начинали собираться, иногда, как тучи, росли и набухали, а к вечеру в воздухе появлялись грозы угрозы: всё громче гремели раскаты мата, всё чаще блистали молнии взаимных оскорблений локальных конфликтов, переходящих в градобой драк, иногда — всеобщих!

Но с утра снова пригревало солнышко, пели, как ни в чём не бывало, птицы, старушки собирали под кустиками уцелевшие после вчерашнего бутылки и, даже, кое-кто, несмотря на раннюю весну, пытался посидеть на берегу с удочкой. К обеду всё возвращалось на круги своя...

Если всё это иметь в виду — жить можно! Миклуха иногда поднимался на горушку, бродил между пнями давно загубленного, ввиду нерентабельности, сада на склоне, опускался к Маслову роднику-колодцу в Дроновом яру. А иногда, — напротив, пройдя по своему обычному пути: по гребле, сельскому берегу пруда до Дуная, по пешеходной дорожке в парк — ходил в кино на первый вечерний сеанс или на детский — двухчасовой, без разницы... И очень часто — в библиотеку (Теперь — библиотека имени Андрея Бахтинова, драгоценного нашего земляка — замечательного поэта-романтика). Это — за парком, рядом со школой.

Чтение увлекало, как ничто другое и всё больше отбивало от компаний старшеклассников, ещё не знающих, как привлечь внимание уже признанных школьных красавиц иначе, чем как только шкодить в парке и всё пристальнее присматривающихся к Голубому. Постепенно эти кучки двочников, прогульщиков и хулиганов осваивали территорию парка. В попытках утвердиться не мытьём — так катаньем, не в учёбе — так в хулиганстве, всё больше сдвигались в сторону «взрослой» жизни. В прямом и переносном смысле. Уж в парке даже мужики старались обойти стороной их компании, расположившиеся где-нибудь в аллее, на сдвинутых массивных деревянных на литом ажурном чугунном основании, парковых скамейках. Сидели, как «белые люди», на спинках скамеек, грязной обувью на сидении. А в буквальном смысле происходила постепенная миграция этих шаек с верхней части парка, от школы, — к нижней и по пешеходной дорожке на берег пруда к Голубому Дунаю. И тут уж, наконец-то, происходило долгожданное посвящение во взрослую жизнь. Тут и участковый реже появлялся, да и то, чтоб, как и все нор-

мальные люди, хлопнуть на дармовщинку стаканчик-другой, заодно покровительственно поинтересоваться у хозяйки Шуры:

— Как тут у тебя, — окинув с превосходством положения взглядом «отдыхающих», — всё в порядке?

Реже тут можно было встретить и родителей, их благочестивых знакомых и соседей. Зато свободы и взрослой самостоятельности... гуляй — не хочи! Это не в школе за партой часами сидеть или заикаться и краснеть у доски, а потом выслушивать нотации и нравоучения.

Сбегали прямо с первых уроков. Шатались по парку, пропитываясь духом «вольности святой» и взрослой самостоятельности. А, пропитавшись, жаждали подвигов. Тут уж берегись случайный прохожий, беспечный зевака!..

Вся эта удалая гоп-компания постепенно опускалась к речке. И здесь, в ожидании неизбежного открытия Голубого, происходило самое интересное. Тут уж им на глаза не попадайся!.. Подростки становились особенно дерзки и агрессивны. В нетерпеливом ожидании попойки нервишки взвинчивались. Поступки, в потаённой борьбе за лидерство на микроуровне в компании себе подобных, приобретали особую резкость и жестокость.

Бабам из центра села приходилось кучками чуть ли не с боем пробиваться около Голубого на дойку коров, чтобы пройти к гребле и, через неё, на другую сторону пруда, куда пастухи опускали с горы стадо на водопой и обеденный отдых. Доводилось наслушаться и матов, и похабщины, и прочих «знаков внимания».

От подростков, которые уже к десяти часам подтягивались к речке, нередко перепадало рыбакам, и не только ребятишкам, но и взрослым.

Собиралась такая компания на бережку и поначалу вроде вполне безобидно начинала интересоваться клёвом, да уловом у мужика, пробравшегося по камням на сидушку с удочками. Лениво-невинный интерес плавно, но неуклонно перетекал в занятие более интересное — швыряние всё увеличивающихся в размере камней по поплавку с издевательски-подстрекательским:

— Смотри, клюёт!..

Потом, уже большими камнями (теми самыми, гаманами), — рядом с рыбаком — так, чтобы брызги летели прямо на него.

— Ого, какой сиганул!..

И если рыбак тут же униженно не ретировался под улюлюканье, оскорбления и пинки под зад, то дело заканчивалось изломанными удочками, заброшенным в пруд садком, разбитым носом, подбитым глазом,

а то и свёрнутой челюстью или выбитыми зубами. Тут уж отличиться и выделиться хотелось каждому.

Миклуха чудом пока избегал этих нечаянных встреч. Но уже оказался свидетелем того, как был остановлен пастушок, на лошади спустившийся с горы по какой то надобности в село и вздумавший проехать низом, мимо Голубого. Было начало одиннадцатого — как раз время покуражаться...

— Ну-к, стой!..

Конник придержал лошадь. Сдёрнуть бесседельного верхового не составило труда.

— Сла-а-азь... Почему без документов?! — и, переходя от бездумного куража к решению уже практической задачи. — Гроши е-е?..

Обобранный и униженный, с окровавленным лицом парень, обильно снабжаемый сердобольно-издевательскими советами, долго ещё ходил по берегу за перепуганной лошадей, так и не давшейся покататься тутошним хозяевам.

Но, как говорится, сколько верёвочка ни вейся, а конец известен... Нарвался и Миклуха, как ни берётся, на неприятности. И как будто время было позднее, неурочное. Все, кому не терпелось, давно уж разбрелись от Дуная, или же валялись с перебора, отдыхая по прибрежным кустам.

Возвращаясь из библиотеки, спустился через парк и, выходя по пешеходной дорожке, зажатой стенкой из бута огорода бесхозной хаты, с подворья которой мужики когда-то притащили на лёд двери, и высоченной стеной, сложенной на растворе, культмага «Ромашка», выкатился нос к носу к блатным. Попал, как кур в ощип. (Иван — мой дружок — «совершенно случайно», как он заявлял, оказался тогда в той компании). У тех видать сегодня была вечерняя «сессия». Припозднились... Может дело какое обтяпали и решили обмыть, а может подзаправиться «перед кино» или танцами. Но, кажется, было туговато с финансами. Складчина как раз и происходила. На выпивку уже хватало, а вот с закуской... Миклуха оказался, как нельзя кстати, конечно, как шанс поправить финансовое положение компании.

— О, дружок, ты-то нам и нужен. Подь сюды, Сеня.

Миклуха от неожиданности оторопел.

— Да не «Сеня»... — подсказал кто-то из компании.

— А хто?..

— Миклуха...

— Какой-такой Миклуха, — с Чапаевской интонацией, — почему не знаю?!

— Ну, как... Миклуха Маклай!

— Ах, Маклай!.. — продолжал куражиться горлан-гловарь. — А я-то сразу и не признал. Так-так... Ну, раз Миклуха, то хрен ему в ухо, — восторженный хохот. — А раз Маклай, — вытряхай малахай!

Заводила, определённо, был в благодушном настроении, так и сыпал прибаутками.

Кто-то куражливо взял несчастного под локотки, кто-то принял из его рук сумку, перехватил за нижние углы, перевернул, вытряхивая содержимое. Кроме выпавших под ноги книжек — ни закуски, ни денег. И вообще не было их у него.

— Дак тут только... духовная пища.

Дальнейшее развитие ситуации, впрочем, в любом случае было ясно без подсказки. Добра ждать не приходилось.

Миклуха резко отступил по дорожке в створ между стенками. Блатные легковерно приняли это действие за увертюру побега: «Ща-а-а, как ра-а-азвернётся, ка-а-ак побежит!.. Догоняй его тогда...»

Горячая кровь бухнула в легковерные головы, напрочь отменяя всякую осторожность и всякую возможность какого-либо неожиданного развития, казалось бы, стандартной ситуации.

Миклуха действительно развернулся... и первый дёрнувшийся за ним... в «погоню», получил удар со всего плеча, да прямо в челюсть... Парень рухнул, как подкошенный, как сноп, потеряв сознание, видно, ещё в «погоне». Второй, по инерции, не сообразив в чём дело, был сбит с ног, хоть и менее сокрушительным, но всё-таки — ударом потрясающим.

В лёгкую весёлую погоню больше никто не поверил. Но запал не угас:

— Ах ты, сука!..

Всё-таки действие было обескураживающее. Ничего подобного от этого валенка Миклухи никто не ожидал.

— Ах ты, сука!..

На этом как перемкнуло. Словарный запас иссяк. Куда что подевалось...

Миклуха времени не терял. У него не перемкнуло и словарного запаса хватало вполне. Он так же, как отступил, резко двинул вперёд:

— Каждого в школе поймаю, — пообещал с интонацией полной уверенности, — каждому харю расколочу!

Ну, тут он, конечно, горячился: были там и переростки, и такие, которых в школе днём с огнём не сыщешь. Но, всё равно, перспектива сойтись с ним один на один после случившегося, да ещё, если не на глазах у всей школы, то, по крайней мере, при возможных посторонних свидетелях,

не увлекала даже самых отчаянных из гоп-компаний. Пока же часть из них заполошно пыталась привести в сознание первого из пострадавших, поливая ему разбитое при бесконтрольном падении лицо речной водой из пивной бутылки, произошло событие вообще из ряда вон выходящее: его наконец-то «узнал» один из заводил-переростков Вовка Собко, категорически не признававший ранее и в упор не замечавший, как нечто ничкёмно-ничтожное, этого валуха Миклуху, бывшего его друга детства, крестника-соратника по ледяной купели, который так наивно-отчаянно, себя не помня, тогда пытался ему помочь выбраться на лёд. Вспомнил и... по имени... с применением уменьшительного суффикса «ок», как заведено у блатных между собой в обращении с равным, попытался замять происшествие мирным финалом. То есть совместной выпивкой — мировой. Что, конечно, не нашло понимания и было ожесточённо отвергнуто компанией чуть ли ни, как предательство.

Миклуха этот инцидент пропустил мимо ушей. (Вовик не интересовал его ни как друг, ни как враг. Вообще никак!) На пустяки не отвлекался и наблюдал недолго за приходящей в себя, брызгающей в бездейственной пока злобе отборным матом компанией, быстро оценив произведённое впечатление, присел, стребая левой рукой книжки. На рожон не полез, не торопясь, двинул обратно по дорожке, решив сделать по дороге домой крюк через площадь имени героя, с тоскою в душе ожидая засады на гребле.

Мысли, как он ни старался от них отмахнуться, всё время вились вокруг Вовика. Упрямо, не к месту, возвращались и неотвязно лезли в голову.

Проходя через площадь, с содроганием перед ожидаемой расправой, не к стати вспомнилось к тому же вдобавок, чьё имя она носит.

Герой Гражданской войны начинал конокрадом. И на этой самой площади, тогда — Базарной, (по рассказам деда, да и ни его одного) парнем, проиграл в кулачных масленичных боях поединок с более ловким, сильным и, надо полагать, более достойным противником. После чего, самым подлым образом, выхватив нож из-за голенища сапога, заставил победителя стать на колени перед ним. Обидчика, то есть победителя, ударить ножом мог легко! Никто не сомневался. На то и нож за голенищем.

Герой тогда уже не ведал страха и не признавал никаких моральных запретов. Главное было победить... любой ценой.

Потом нечто подобное, наверное, проделывал не раз, да и, впрочем, не он один, в бытность командиром красного партизанского отряда, а позже и командиром частей и подразделений в коннице Будённого

(У Бабеля в «Конармии» находил Миклуха косвенные тому подтверждения). Немало герой русской кровушки пролил. Братской кровушки... Ну а, до того, в первую империалистическую проявлял чудеса храбрости — полный Георгиевский кавалер, плюс офицерский чин. Герой, конечно... Внёс в своё время «неоценимый вклад» в решение демографической проблемы русского народа. В газетной статье того же Бабеля на смерть героя, напрашивалось продолжение основной мысли автора, которая звучала так: «Побольше б нам таких Труновых». Само выкатывалось: ... русских бы в России не осталось и вовсе. (И, тогда б уж точно, «древнейшая и насущнейшая необходимость всех времён и народов» — создание еврейского государства — отпала б сама собой ещё в гражданскую. Ох и размахнулось бы оно!...).

Вот такие нелепые думки приходили Миклухе тогда в голову. Но Бог миловал... Засады на грёбле не было. Да и сделано всё было в драке, с его стороны, весьма сдержанно, без куража и вызова. Против «коллектива» иначе нельзя. А может и дружок бывший, среди корешей, продавил-таки ему помилование...

Так, или иначе, Миклуха в который уже раз мысленно благодарил отца. Это его «молитвами» воспитание одноэтажного предместья города — «Форштадта» — не прошло для сына-подростка даром. Ещё в пятом классе местная шпана «заметила» его, как потенциального конкурента — жителя на их территории. Вопрос поставили на ребро: кто не с нами, тот — против нас!

Уже летом после пятого, как из рога изобилия, приводя мать в бесильную истерику, посыпались рассечения, «бланши» и «фингалы».

Не унывал только отец. Мать это просто бесило! Она начинала осыпать его упреками в безразличии к здоровью и судьбе собственного ребёнка, используя присутствие «пострадавшего», как дополнительный рычаг давления. Отец спокойно и резонно возражал:

— Нормального пацана эта шпана и должна бить. И обязана... Иначе, он никогда не научится драться, не станет мужчиной.

Мать, пытаясь успокоиться, тоже резонно интересовалась:

— А, если ему глаз выбьют, или инвалидом сделают?..

— От этого никто не застрахован. Не нагоняй страху. Страшней, если морально искалечат... Лучше спроси у него, дал он им сдачи, или нет. И, если — нет, то — почему? Спроси...

На что мать выразительно крутила пальцем у виска.

Не оказались лишними и два года занятий в спортзале Сельхозинститута, где была солидная секция бокса, в которую отец пристроил сы-

на-шестикласника, и где тренером был друг уже его детства — Кешка. Теперь — Иннокентий Петрович — заслуженный тренер. (Тогда выходцы из Терновой балки и не такие высоты брали!). Впрочем, подопечные, между собой, для краткости, ничуть не подрывая его авторитета, так его и теперь называли — «Кеша».

Кеша давал технику. Поднимал общий физический уровень. Тренировал выносливость. Учил двигаться, ставил дыхание. Отрабатывал ударную мощь.

Идеологическое наполнение, философию поединка, или же драки, закладывал отец. Эта закладка началась ещё до секции.

Упорство до упрямства, немногословие и, Боже упаси! — сквернословие в бою. Только необходимое коммуникационное общение между соратниками, если дело шло о драке. Сдержанность, хладнокровие, умение владеть собой в экстремальной ситуации, важность которого демонстрировалась тут же и наглядно на примере соседа. Этот самый сосед, «ожесточившийся неудачник» по определению отца, а, в общем-то, обыкновенный и, до поры, не заметный, имел свою баньку. В этой бане парились не только домашние: жена, измождённая вечной нуждой, и три сына, плохо учившиеся ввиду тяжёлой наследственности по его же, папаше, — хроника-алкаша — вине.

Баней этой, кстати, пользовались за небольшую плату и соседи в пятницу и субботу. Ну, так вот, этот папаша почему-то категорически не мог смириться с тем, что сыновья двоечники. Это окончательно переполняло чашу его терпения. Он ничего с этим не мог поделать, кроме как лупить «недотёп» нещадно. Почему это происходило обычно после того, как он побанится — неизвестно.

Доставалось и жене — Зинке, которая безропотно принимала всю ответственность за не сложившееся семейное счастье на себя. Была терпеливо вынослива, как кошка, и умна и находчива, как бездомная собака.

Свидетелями экзекуций над семьёй были и все соседи. И, поэтому, когда Жора отходил, принимал человеческий облик, просил прощения не только у Зины и детей, но и у ближайших соседей. Обязательно заходил и сюда, «к Николаю». Хотя хозяин гостя не жаловал, в очередное «окончательное» Жорино раскаяние не верил. И заявлял кающемуся в грехах соседу откровенно:

— Зарекалась свинья говно не жрать... Дело, конечно, твоё, хозяйское, но я тебя когда-нибудь самого приблюю...

Жорикова Зина была в курсе Николаевых угроз. И, когда Жорик в очередной раз, как обычно, после бани, начинал лупить очередного,

угодившего под горячую руку, «двоечника», притом увлекался «воспитанием» настолько, что заходил, бил, чем попало, и не мог остановиться, Зина, не смея открыто «подорвать авторитет отца» и разрываясь от жалости к сыну, незаметно выскальзывала вон и громко стучала с улицы, укрывшись сбоку, в своё же окно. Крики в доме тут же стихали. Через некоторое время Жорик с опаской выглядывал на улицу, спрашивал у шедшей уже за ним следом жены:

— А, кто приходил?

Зина, не моргнув глазом, сообщала:

— Да, наверное, Николай...

Но дело закончилось трагически. Зина всё-таки не выдержала и, во время очередной экзекуции, спасая ребёнка, чтобы остановить зашедшего в воспитательном раже муженька, окатила последнего борщом из кастрюли, прямо с плиты! Но и, мгновенно спохватившись, «охолонула» из... помойного ведра.

Борщ почти готов был. Посолить только не успела. Да, что о том жалеть! — мужа и отца семья потеряла... Жорик такого подлого удара от жены никак не ожидал.

Его... чистого... после бани... обварили... борщом, кипятком!

... Ну и что, что жиру в том борще почти не было?!

Жорик семью «безжалостно» бросил.

Всё это происходило у соседей на глазах. Николай только подставлял свои комментарии и выводил мораль для сына:

— Не думай, что все «такие» — слабые. Есть — сильные, очень сильные! Миллионы положат, пока...

И, секунду подумав, добавил:

— Только борщом... их можно остановить.

— Как?.. — недоумевая удивился сын. — Борщом???

— Именно!.. Ну да это, — высший пилотаж, для тебя пока недостижимый.

Продолжил на кухне за обеденным столом:

— Научись, для начала, хотя бы, за себя постоять. Кулаками. Свои преимущества, если такие у тебя обнаружатся, применяй только по крайней необходимости умеренно достаточно. Не кичись, не гоношись. Начнёшь куражиться — потеряешь всё! За лихостью показушной суть потеряешь... Будь осторожен. Против кулаков честных (ударение ставил на последнем слове) — есть кастеты, ножи, обрезки арматуры, труб, сзиди могут ударить... много чего есть. Я уже ни говорю об огнестрельном оружии. Человек, даже воин, ничтожен, по сути. Без Божьей помощи, не

убережешься. Как Ему угодить!.. Думай!.. В случае чего, помирать с чистой совестью, а может, — жить дальше калекой, не так страшно будет. Впрочем, тебе об этом думать рано. Хотя...

Через минуту продолжал:

— Когда сподобишься — освоишь простое — кулаками, тогда попросим тётю Зину научить нас высшему пилотажу — с борщом.

Мать, хлопотавшую на кухне, эта опасная бессмыслица явно раздражала. А планы перенять высокие, эффективные технологии борьбы с агрессором у соседки, вообще вывели её из себя:

— Ну, хватит! А то... я, вас научу... И, не когда-нибудь, а прямо сейчас. И, именно, борщом!.. Нашли, у кого поучиться!.. А ну, — выметайтесь от сюда!..

И выгнала, едва закончивших обед заговорщиков, из кухни, как мух — кухонным полотенцем.

Миклуха снова возвращался к своей теперешней сельской реальности.

Но всё же были связаны как-то Герой и Вовик!.. И, скорее всего, связь — ниточка эта — риск!

Рисковать — проходить по краю вероятно возможного, за гранью дозволенного. Жить полнокровной, насыщенной этим самым риском, жизнью!

Именно такие и выбиваются из общего ряда. В первую очередь, выбиваются физически — уничтожаются. Или превращаются в героев, первооткрывателей, дерзновенных творцов, предпринимателей, воротил бизнеса, политических деятелей, или же... воров и злодеев всякого рода.

...По обстановке, иногда — историческим условиям, кому, как карта ляжет. Как у Есенина: «Если не был бы я поэтом, то, наверно, был мошенник и вор!».

Чем, скажем, Вовик отличается от героя — Трунова? Да ни чем — время не то!.. Перевернулась система ценностных координат.

Попытаться оправдать его — «Миклуху» — в данной ситуации и в подобном окружении тоже риск, тоже авантюра. Ну, не раскаялся же он в своих грехах, не переродился... Просто столкнулся с более сильным, более морально устойчивым и самостоятельным противником (бывшим дружкой); трезво рассудил и сделал, как человек не глупый и беспринципный, соответствующую «историческую» ставку.

Тут он в своих рассуждениях о Вовике наконец-то смог поставить точку.

В школе уже на следующий же день почувствовалась перемена. Как распространились эти флюиды ведения о событиях вчерашнего вечера

у Голубого Дуная — неизвестно! Но переменялось всё и вся, как по команде. И те, кто вчера stalkивал и не давал подняться из ямы отверженца, сегодня откровенно, не смущаясь, заискивали.

Стало ещё тягостнее и как-то совсем уж одиноко и пусто. Надо было что-то делать. И, прежде всего, набраться терпения. Доучиться. А там...

Ненатужно поразмыслив перед лицом новых возможностей, Миклуха смог другими глазами взглянуть на своё положение в школьной, да и в нашей сельской жизни вообще. Теперешняя отстранённость после былой изоляции уже не казалась ему гнетущей и безрадостной. Это была, пожалуй, единственная возможность сохраниться, для того, чтобы реализоваться потом при более благоприятных обстоятельствах и менее неприятном окружении. Учился он неплохо и в городе, а здесь это постепенно стало выходить на первый план. Точные предметы давались довольно легко. Да и с гуманитарными особых проблем не было. Небольшие трудности были только с языками — предметами зачастую нелогичными по сути. Этому пришлось уделить особое внимание. Но иностранный и русский так и ушли четвёрками в аттестат. Выверять пришлось и линию поведения. Особенно в плане школьно-общественной и комсомольской работы. Вот уж к чему душа не лежала... Винавали был детский максимализм или юношеская цельность и неиспорченность?.. Скорее всего и то, и другое, а, главное, авторитет и жизненная позиция погибшего отца, который теперь никак не мог помочь сыну в решении таких непростых моральных вопросов. Но интуитивно угадывалось, что эта оголтело-активная позиция (формально общественная, а по сути, цинично эгоистическая, лицемерная) имеет целью своей получить устроиться в грядущей самостоятельной жизни, зачастую, за счёт ближнего своего, устроить карьеру, если не профессиональную, то, по крайней мере, советскую. Это Миклухе было противно. Вызывало внутренне гадливые чувства. Уж лучше в бандиты. Честнее...

И тут приходило на помощь то, что раньше отягощало. Всеобщее непонимание давало простор для того, чтобы воспользоваться этим непониманием своекорыстно. Саботировать и валять дурака не явно, никого не обижая, постепенно приобретает имидж чудака-растыки. Классная руководительница только вздыхала удручённо:

— Как же ты дальше жить-то будешь?..

Миклуха только непонимающе пожимал плечами, лишний раз подтверждая опасения опытного педагога. Что почему-то несказанно весело элиту класса.

Вот таким «несознательным типом» он был.

Но пока приходилось не жить, а выживать. Жили бедно, вдвоём с бабушкой. Деда завалило камнем на карьере. Произошло это довольно назидательно, когда дед проигнорировал «общество» и остался в разработке, а бригада ушла на перекур.

Дважды осиротевшие, — отец Миклухи замёрз на севере, где на сезонных работах водителем пытался накрутить длинные рубли, с, неожиданно быстро появившемся, отчिमом отношения не заладились, — жили на бабушкину пенсию. Пенсии, конечно, не хватало. Приходилось добирать подсобным хозяйством (впрочем, как и всем тогда терновцам). Держали и корову, и овец трёх, и свинку, и курочек, не говоря уже о водоплавающих — утках и гусях. Огород от хаты, как и у всех на Подгорной, опускался к самой мутнянке — Терновке. Речка по отводу за греблей покидала беспокойным потоком созданный, вернее — наполненный, ею «Сельский» пруд. Прямо за нижней стенкой огорода можно было, «не отходя от кассы», ловить пескарей и прочую мелочь, включая икрянок, маленькой сетью или даже старой занавеской, а то маленькой хваткой или сачком.

Огороды на Подгорной были роскошные. Зелень буйствовала сочная, яркая. Подпочвенная вода близко, земля заливная, речка прямо за стенкой, поливай только, не ленись! У многих тогда уже стояли водяные помпы. Для этих же целей местные умельцы иногда приспособливали компрессоры с ГАЗонов и ЗИЛов. Недолговечные, конечно, ввиду использования не по назначению. Зато — даровые по сути.

Миклуха же пытался восстановить дедову оросительную систему. Вода выкачивалась из колодца сверху огорода древним ручным колодезным насосом и по трубам и желобкам самотёком должна была расходиться по грядкам. А пока — таскали воду вёдрами из речки. С утра — бабушка, вечером — Миклуха.

Забот хватало, забот насущных, жизненно необходимых.

... Не политинформаций и не формальных комсомольских мероприятий, убивающих, по мнению «несознательного типа», всякий очевидный смысл и логику и, в то же время, подразумевающих этот самый скрытый, но угадываемый или предполагаемый «политический» резон; обучающих потаённо работать локотками. «Эдакая замаскированная условность, жизненная то ли мудрость, то ли мерзость... непонятно. Это — кому как, — рассуждал Миклуха, — все люди разные. На любителя, так сказать...».

Весна, лето пролетели мгновенно — осень, зима — тянулись. Друзей не было. Появилось время почитать — дело совсем уж бесполезное,

по нашим сельским меркам, но такое увлекательное ввиду серости его личного тогдашнего существования в Терновке. Так вот и дотянул до выпускных экзаменов.

Пролетели майские экзаменационные тревоги и волнения, оставив в сердце холодок: что дальше?.. Аттестат, всего лишь с двумя четвёрками, давал возможность попытаться осуществить мечту — поступить в Ставропольское военное лётное училище. Но не прошёл медкомиссию. Думки о Харьковском или же МАИ и, вообще, о столичных институтах, ввиду явной авантюристичности по причине более чем скромных материальных возможностей, отошли. Но Ставропольский политехнический был взят легко. Вселила уверенность и морально поддержала бывшая классная по городской школе, преподаватель иностранного, Раиса Дмитриевна Кольцова, которая теперь работала в политехе на кафедре иностранных языков. А в остальном всё было, как у всех зачисленных: вручение студенческих билетов, устройство в общежитие, для приезжих, осенние сельхозработы перед началом занятий и так далее. С единственной разницей, что у каждого это было бесподобно впервые. У Миклухи — как и у всех. Впрочем, никто его так больше не называл, да и сам он вскоре позабыл это прозвище, как нечто чуждое, нелепое, вполне удовлетворившись в общении именем своим — Юрий.

Сейчас оно уже редкое, а был такой момент, когда у рождённых в шестидесятые — самое популярное. Он и сам помнил то время по лёгкой ревности, когда почти каждый второй новорожденный мальчик получал это возвышающее, поднимающее на большие дела, славное имя. И счастливый его обладатель шёл уже по жизни, как октябрёнок с красным флажком — Юрий!.. И только суровые обстоятельства жизни обкатывали их, обламывая возвышенные амбиции, укладывая в общемиллионные шеренги-ряды, отряды-бригады, семьи-ячейки. («Единица — вздор! Единица — ноль!»). Но, что б мы без них, редких, ярких и таких недолговечных, делали?..) И независимо от того каждый из них оставался Юрием, как многочисленные списки с иконы, сохраняют частицу светлого образа.

Юрка и был таким списком. Хоть рождён был немного раньше и назван не в честь, — сохранял, как «продукт второй волны» что-то простое неброское и трогательное, человека, притом «первого»... В студенческой группе он не выделялся, пожалуй, ничем. Полугорожанин, полуселянин, не отличник и не балбес; поступивший, как будто сам, но и не без поддержки; не маменькин сынок, но и не отслуживший; ни хохол, ни еврей и, уж тем паче, — не кавказец. Русак, одним словом. В общем, был

в незаметной серединке. Средне и учился: не напрягался и нужды лезть в партийно-общественные активисты не испытывал. После сельхозработ сумел установить нормальные товарищеские отношения с однокашниками в группе и даже с немногочисленным, на технической специальности, девическим контингентом. Эти нейтрально добрые отношения умудрялся сохранять и в учебном процессе. Здесь основная трудность была, конечно, не дать сесть себе на голову кавказцам — ребятам ленивым в учёбе, при всех их спортивных достоинствах (поступивших по протекции земляков — руководителей спортивных секций при институте, как говорили, — «за баранов») спесиво гордых, со снобизмом болезненно-дикого превосходства. Эти гордые представители Кавказа, исторически привыкшие богатеть разбоем, обзаводясь невольниками, за счёт своих географических соседей иноверцев, то есть — неверных, постоянным давлением в учебной группе, угрозами насилия, прорывавшимися сквозь небрежно равнодушную маскировку на бытовом уровне, пытались обзавестись «рабами» в среде студентов своей же группы, усадить несчастных в «зندان» своих диких амбиций. Но дураков было мало... Поэтому основная нагрузка по сдаче зачётов и экзаменов опять возвращалась на плечи всё тех же тренеров-земляков, — ребят, впрочем, судя по всему, — пробивных... Плечи их были крепкими, традиции землячества неколебимыми, да и баранов на Кавказе хватало. Однако и кроме кавказцев была парочка, зачисление которых можно было объяснить только «чудом». К началу второго курса пара таких откровенных баловней судьбы отселялась, да две девушки смогли перевестись на экономические специальности. А потом, после зимней сессии, в группу пришёл новичок. Ну, не совсем новичок, а после академического с предыдущего потока — Сергей.

С виду простой сельский парень. Но простота эта, внешне, обладала ярким воплощением. Во-первых — курнос, голубоглаз, русоволос — остро контрастировал с городскими Эдиками, Максиками, Мариками и Валериками, не говоря уже о Русиках, Тофиках и Хачиках. Внешность эта обладала необъяснимой привлекательностью для внимательных глаз.

Юрка в первый же день поймал себя на том, что как-то заморожено, рассматривает это «чудо в перьях». А в дальнейшем заметил, что и каждый новый человек, будь то преподаватель или студент, а чаще всего студентки, задерживают на новичке взгляд, произвольно выделяя из массы однокурсников. Этот эффект не исчез и со временем, когда Сергей более-менее обжился в группе. Хотя вживание это происходило не просто. Держался он особняком, учился с прилежанием: внимательно слушал лекции, подробно конспектировал, на занятия приходил вове-

мя, не раньше и не позже, не прогуливал. Ни с кем не пытался сойтись умышленно. С кавказцами не общался вообще, держал дистанцию. На их «закидоны», ну, там... подсказать, подсобить, помочь, просто молча пожимал плечами и равнодушно отворачивался. Однако, покладистый, уравновешенный характер, серьёзность и основательность, которые, наверное, и определяют крестьянская жилка, притягивали и делали интересным объектом для немногочисленных представительниц девичьей части группы. Да и преподавательницы, поприсмотревшись к новичку, начинали проявлять особую неформальную заинтересованность в его успеваемости по именно их предмету, тем более помочь ему в этом было не трудно. Те же из них, которые преподавали Сергею ещё до академического, открыто выделяли его доброжелательным, уважительным отношением. Декан факультета, мимоходом заглянув на занятия группы, проявил живое участие к его успехам в новом коллективе. Не обошёл его вниманием и, посетив как-то аудиторию, где проходили занятия по иностранному — французскому, (там собирались, с бору по сосенке, «французы» со всего курса по специальности). Это произвело эффект. Причём никто ничего толком не понял — разговор декана с преподавательницей происходил на таком блестящем, искромётном французском, что только по разгоровшимся глазам и щёчкам молодой французенки можно было догадаться, что это и есть «весёлый легкомысленный французский флирт». Ну и, кстати, прозвучало несколько раз «мсье Горшков». Дальше можно было предположить, что проблем у Сергея с французским уже не будет.

В общем, Сергей оказался с содержанием, которое открывалось не сразу и не всякому. Тем трепетнее Юрка относился к взаимным симпатиям, наметившимся между ними благодаря, наверное, общим сельским корням, похожим судьбам, а, значит, — родственным чертам в характерах. К тому же жили они в общезнании в одной секции и часто забегали друг к другу по учёбе, да и так просто. На четвёртом курсе стали вместе ходить на вечеринки экономического факультета, где, в основном, был девичий состав, и представители технических специальностей были гостями желанными. Однажды «подрядились» ухаживать за двумя подружками, которые на вечере стояли особнячком в уголочке, и было видно, что гости они здесь не частые. Одну из них Сергей «не смог бы не заметить, даже если бы в зале собрались все красавицы экономического факультета, что б специально её затмить». Ну, так, по крайней мере, он утверждал позже. Затмевать-то было не чего — белый верх, чёрный низ! Это потом он рассмотрел простое, совсем не «прорисованное» русское

личико, волосы русые плотно стянутые в недлинную косу, перекинутую на грудь, которые подчёркивали, что голова маленькая, а шейка длиненькая. Выдающимся было разве что узкие плечи и детские ключицы в вырезе ворота, вызывающие нежную жалость и стремление беречь и покровительствовать. Впрочем, последнее, исправляла волнующе высокая грудь, явно без лифчика, доминирующими сосками торчащую из-под блузки, натягивающая складками снежных горных вершин белый тонкий ситец. Рюшечки, собранные в розетку, нежнейшего бело-белоголубого оттенка явно не справлялись с, очевидно, возложенной на них задачей: оборчатым облаком прикрыть эти, хотелось бы думать, пока не покорённые, вершины. Ну, может быть ещё, тонкая талия совсем не высокой сравнительно с рядом стоящей высоченной подружкой, фигурки... Да ещё, трогательно (в буквальном смысле) крутая линия перехода, уже ниже — от узкого таза — к акцентировано широким бёдрам ровных стройных ног.

— Надо признать, всё-таки, — подколот позже Юрка, — маленькая головка, длинная шейка, узкие плечи, тонкая талия, узкий таз, широкие бёдра — фигурка... восточная!.. Уж не Шаганэ ли зовут твою «персиянку»?

Сергей принимал иронию и с идиотской улыбкой растягивал:

— Ю-юлька... Ты не поверишь, триста лет под татаро-монгольским игом была!.. Надо спасать...

— Спасай, спасай... Только осторожно, смотри сам в плен не угоди!..

На самом деле, Юлька так была на Серёгу похожа, что Юрка только диву давался: светлорусая, голубоглазая, курносая, небольшая такая! В отличие от подружки, позднее «Юркиной» Галочки — брюнетки — гибкой, высокой, очень доброй, мягкой и женственной девушки.

Юрка, из ехидства, пытался представить себе какие у Сергея с Юлькой могут быть дети... — куклята! А ещё говорят, — одноимённые отталкиваются! Впрочем, подружились же разнополюсные Юлька и Галочка. Диалектика... Но это другое дело.

Впрочем, всё это парни «рассмотрели» потом. А в первый раз, боковое зрение сверлил этот тончайший, легчайший, воздушный, как искусный мазок Мастера, едва роняющийся с фоном, почти неуловимый для прямого взгляда переход тона — нежнейше голубое пятно сборки на бело-снежной кофте. И, диссонансом с «классикой», рядом в дорогом (наверное), насыщенно тёмно-синем вечернем платье присутствовала (другого слова не подберёшь) довольно высокая, да ещё на высоченных шпильках чёрных туфелек, смуглянка. У этой цвета подобраны были просто худо-

жественно. Украшения, как ближе рассмотрел Юрка, пригласив её на танго, — серёжки, кулон в глубоком декольте, браслетик с крошечными часиками на запястье — тоже оказались сапфирового цвета (и не подделка, как выяснилось позже), так шедшего волоокой смуглянке.

В общем, пара была внешне нелепой, при всех достоинствах каждой по отдельности. Развести их подальше друг от друга хотелось неосознанно. Что друзья-товарищи и начали помаленьку осуществлять.

Инициатором был Сергей. После небольшого совместного критического обсуждения заинтересовавшей их пары, подначал Юрку:

— А слабо тебе обаять эту «недосягаемую высоту»?

Юрка, сразу перетрусив, но из самоубийственного озорства перед другом, отчаянно, как в прорубь:

— Лег.. ко!

Сергей после первого же танго ощутил будто лёгкий, теплый, ровный ветерок пахнул в ещё не расправившиеся паруса надежд.

Так всё и началось.

Что детишек у Сергея с Юлькой будет много, Юрка не сомневался.

Будущий папаша уже не раз доказал, несмотря на их непродолжительное знакомство, свою основательность, состоятельность, цельность и последовательность. А главное, что просто восхищало Юрку — умение работать, и в частности, с «исходными данными и окружающими обстоятельствами». Шаги решительные по наитию, смелые, судьбоносные у Сергея получались. Там, где другой бы сломался, этот только выигрывал, порой авантюристически, неожиданно для самого себя. Эти «пробы пера» — определение границ своих возможностей — довели порой до курьёзов. Так иногда, сам себя не узнавая, в какой-нибудь явно нервно принуждённо скучающей, малоподвижной, а потому длиннющей, очереди, за справкой ли к специалисту, или чиновнику, на приём ли к врачу, Сергей вдруг, неожиданно оказывался в центре общего внимания и ловил себя на том, что увлечённо рассказывает исподволь «оттаивающим», «оживающим» окружающим, например, как (!) ... бурчал на Волге (молодой парень!.. бурлаков на Волге уже лет сто как нет!..). И рассказывал то интересно, с подробностями и профессиональными (бурлацкими) тонкостями. Никто всерьёз, конечно, его байку не воспринимал. Ну, разве что, какая-нибудь сердобольная старушка, или наивный дед начинали охать, качать головой и всплёскивать руками, подливая масло в огонь, простодушно-непосредственно переживая страсти, Сергеем накаляемые. При том «бурлак бывший» обстоятельно охотно отвечал на не серьёзные, иногда иронично-провокационные вопросы «публики».

В такие минуты Сергей сам на себя смотрел удивлённо, не узнавая, и как будто со стороны.

А если же среди слушателей находился не менее красноречивый «эрудит» и выводил под общий восторг Серёгу «на чистую воду», то «артист» и тут ничуть не смущался, заявлял:

— А я, что?.. сказал, что бурлачил?.. — изумлённо наигранно удивлялся. — Да??? — и тут же «выкручивался». — Ну, так это ж я оговорился... Не бурлачил, а... — после небольшой интригующей паузы, в течение которой «слабонервные» не выдерживали и начинали подставлять свои варианты («набрехал...» — к примеру) — а рыбачил...

Всё заканчивалось ещё большим восторгом:

— Вот брехун!..

Весело смеялся и сам рассказчик.

В такие минуты Сергей сам себе был интересен, как субъект посторонний, и, что с ним творилось, сам не мог понять. Где была причина, что являлось запалом этой мины протяжённого действия: «Вот, когда я бурлачил на Волге...», в чём цель?!

Ну, да это ладно!..

Но иногда с ним случались странности весьма серьёзного свойства.

Так уже Юрку потрясла и стала причиной долгих раздумий, обнадёживающих выводов на перспективу история Сергеева «академического». Этот факт цеплял, был контрапунктом, объяснял малые причины серьёзных поступков. Поэтому не раз становился темой «разработки». Юрка уже знал все тонкие нюансы детально. Через то и в себе начинал понимать кое-что, ранее от самого же потаённое.

Александра ЛЕБЕДЕВА

Александра Лебедева родилась в Москве. По образованию архитектор. С 1996 года живёт в Берлине. Поэтесса, прозаик, художница. Член художественной галереи «Клин». Лауреат международных литературных и художественных конкурсов. Билдредатор газеты «Писатель и мир» Издательского дома Международной ассоциации писателей и публицистов г. Рига. Член Берлинского литературного общества «Berliner Literaturbund». Публикации в газете «Российский писатель», в альманахах «Третий этаж», «Наше время», «Книга сказок», «Литературные страницы», «Шлосс Моабит» и в других литературных изданиях Германии и России.

Сводка мирного дня

Майский день. И бомба.
Детский сад. Рассказ ребёнка.
Трое погибших в сводке сегодня
От шестидесяти...пятилетней бомбы.

Взрослых мужчин бывалых
На площади Потсдама-славы
Легонько коснулась рука ребёнка
— Дядя, что такое ржавая бомба?

На улицах Потсдама и Берлина,
На улицах Праги, Харькова, Рима
В земле покоятся страшные силы
Тех отголосков войны всемирной.

Сегодняшний день. И плач ребёнка.
На площади взрыв ржавой бомбы.
Трое погибших в сводке сегодня —
В новом столетье от старой бомбы.

Сводка мирного дня:

26 апреля 2011 года. На территории детского сада в городе Потсдаме (Германия) нашли ржавую бомбу... Было эвакуировано шесть тысяч человек...

Пилотка, гармонь и песня...

Мы в майском лесу играем
И песни войны поём.
Народ вокруг собираем,
Сто грамм и для вас мы найдём!

Над озером стелется эхо,
Эхо прошедшей войны.
Седого солдата, забывшись на время,
В юность вернули мы.

Старик в ладони сжимает
Букетик гвоздик полевых
Рукой слезу, слезу вытирает
Вспомнив друзей фронтовых.

Старый солдат играет
В юность, вернувшись свою.
И водкой слезу, слезу запивает,
Вспомнив Смуглянку свою...

Над полем кружится эхо.
Эхо прошедшей войны,
И песни седые звучат до рассвета,
Их не забудем мы!

Солдат у берёзы, склонённой
Песню допел до конца.
Гвоздики лежали в траве запылённой,
Напомнив победы бойца.

**Пилотка, гармонь и песня...
пережили войну!**

Берлин, май 2012 года

Моцарт

В протуберанцах космоса
Рождённая звезда
Огненную музыку
На землю принесла.

Вонзилась бурей света
И ночь разорвала
Наполненная криком
Моцарта струна.

Пылающие страсти-
Страданье и любовь,
Пронизанные болью
Каскады жизни той.

Где реквием, взлетевшая
Над мирской толпой,
Музыка ожившая
В вечности иной.

Там играет блеском
Гения звезда,
И звучит в полёте
Моцарта струна!

Берлин, 2011

Как люблю я окунуться...

Как люблю я окунуться
В лучезарную росу,
Лепестками обернуться
В замороженном лесу.

И увидеть в ней зеркальной
Первозданную красу,
Жёлтый ветер поведальный,
В раскрасневшемся лесу.

Там орнаменты из листьев
 Мелкий дождик серебрит,
 И оранжевые кисти
 Лёгкий ветер теребит.

Лидия ДОВЫДЕНКО

Член Союза журналистов России, член Союза писателей России. Кандидат философских наук. Родилась в 1952 году в Могилевской области БССР. Закончила Гомельский государственный университет, историко-филологический факультет. Диссертацию защищала в СПбГУ. Автор 17 опубликованных публицистических и художественных книг.

К 200-летию победы в войне 1812 года. ПРАВДИНСК

Над городским пространством парит пятиэтажная башня церкви Святого Георга. Сегодня в этом здании православный храм.

Если подняться по узкой винтовой лестнице на самый верх колокольни, перед тобой откроется удивительная панорама Правдинска и его окрестностей. Взгляд притягивает река Лава, голубой змейкой струящаяся среди зелени. Электростанция из темно-красного кирпича, построенная в 1923 году, ярко выделяется на ней. Улочки Правдинска утопают в зелени садов и парка, в котором до сих пор сохранился памятник участнику Фридландского сражения генерал-майору Н. Н. Мазовскому. Этот памятник был возведен в 1868 году на месте маленькой часовни, построенной жителями Фридланда на могиле Мазовского и со временем к середине XIX века разрушившейся. Это 2,5 метра высоты четырехгранная стела из песчаника, украшенная орнаментом и надписью, которая в переводе с немецкого звучит так: «Генерал-майор Маковский, умерший смертью героя 14 июня 1807 года. Этот памятник обновлен Александром II, царем России, Вильгельмом I, королем Пруссии, а также офицерами гренадерского Санкт-Петербургского полка короля Фридриха Вильгельма III. 2 (14) июня 1868 года». К сожалению, в надписи допущена ошибка: фамилия Мазовского написана с буквой «к». К тому же

Мазовский командовал не Санкт-Петербургским, а Павловским гренадерским полком.

14 июня 1868 года этот памятник был торжественно открыт в присутствии прибывшего сюда императора России Александра II и прусского короля Вильгельма I Великого, прозванного Великим за то, что в 1871 году ему удалось объединить Германию в единую империю. Также сюда приехали офицеры Санкт-Петербургского гренадерского полка. Делегацию возглавлял их командир, генерал-майор А. С. Аллер.

Н. Н. Мазовский руководил во время сражения действиями арьергарда в составе Павловского и Санкт-Петербургского гренадерских полков, прикрывая Багратиона, командовавшего левым флангом. Он проявил во Фридландском сражении беспримерные мужество и героизм. Будучи раненым пулями в правую руку и левую ногу, генерал-майор не покинул поля боя. «Друзья! Умрем или победим!» — призвал своих гренадеров в очередную атаку Мазовский. Наскоро перебинтовав раны, он сел в нехитрое приспособление, которое смастерили и несли два могучих гренадера впереди его войска. Так он командовал им, пока не накрыло его картечью.

Обозленные французы после сражения обнажили тело мертвого генерала и повесили на городской площади. Жители Фридланда похоронили его вместе с другими павшими на кладбище Святого Лоренца, превратившееся сегодня в тенистый густой парк.

Портрет Н. Н. Мазовского всегда висел в кабинете генерала от инфантерии, графа А. И. Остермана-Толстого, которого Мазовский спас от плена в сражении при Прейсиш-Эйлау.

На улице Кутузова в городе Правдинске есть еще один памятник — это братская могила русских воинов. На стене бывшего госпиталя, сейчас там размещается детский сад, висит мемориальная доска, с закругленной верхней частью, с надписью: «Братская могила русских солдат, павших в сражении под Фридландом 14 июня 1807 года».

Под этой доской ниже, у самой стены, памятная плита с пятью вмонтированными в нее пушечными ядрами: 4 поменьше — по углам и 1 больше — в центре.

14 июня 1807 года состоялось здесь знаменитое Фридландское сражение. Командовал русскими войсками генерал Л. Беннигсен, который, как писал Наполеон, завел свои войска в «мокрый мешок», между рекой Алле и болотистой местностью. В три часа ночи французский маршал Ланн заметил, что русская армия, накануне вошедшая во Фридланд, готовится выступить в Кенигсберг. Маршал Ланн открыл огонь, и завязалась громадная битва, решившая исход войны, приведшая к Тильзитскому миру.

Русская армия в 46 тысяч войск протянулась в виде дуги, огибавшей Фридланд от нынешних поселков Киселевка, Ровное (Каршау, Генрих-

сдорф) до бывшего поселка Сортлака, который в 1923 году затоплен под водохранилище. Позиции русской армии были разделены Мюлен флюс (сегодня ручей Правда), который протекал по дну глубокого оврага. На левом фланге командовал войсками П. И. Багратион, на правом — А. И. Горчаков. В резерве находилось 20 тысяч человек с тяжелой артиллерией и 20 эскадронами у поселка Алленау (Поречье).

Командный пункт Наполеона находился в парке Постенен (поселок Передовое). Деревянный помост, с которого Бонапарт наблюдал сражение, сохранился до сих пор. Французское войско составляло 85 тысяч человек. Полками командовали Ланн, Мортье, Виктор, Удино, Груши. Наполеон, увидев ошибку Беннигсена, направил Нея в излучину реки. Русские войска сражались исключительно храбро, особенно кавалергарды под началом Кологривова.

Огромную выдержку и героизм проявили солдаты из авангарда под командованием генерала П. И. Багратиона. Несмотря на смелость и отвагу, накрытые огнем французской артиллерии, русские войска вынуждены были отступать, бросаясь в реку. Часть их попала в плен, большая часть утонула. После страшных потерь, утраты артиллерии Беннигсен отступил к реке Прегель. Английский посол Лорд Гутчинсон, который был при главной квартире русского главнокомандующего, писал о Фридландском сражении, отмечая необыкновенное мужество русских солдат: «Они победили бы, если бы только одно мужество могло достать победу».

Во Фридландском сражении участвовали будущие герои войны 1812 года: Ф. К. Корф, Ф. П. Уваров, Д. В. Давыдов, Н. А. Дурова.

Надежда Андреевна Дурова (1783—1866) — кавалерист-девица, первая в России женщина-офицер, писательница, о которой так высоко отзывался А. С. Пушкин. На территории Пруссии Дурова (штаб-ротмистр Александр Андреевич Александров) участвовала в сражениях под Гутштадтом, Гейльсбергом, Фридландом. В сражении под Гутштадтом она спасла раненого офицера и была награждена знаком отличия Военного ордена (Георгиевским крестом), за мужество и храбрость произведена Александром I в офицеры. Участвовала в войне 1812 и кампаниях 1813—1814 годов. В Бородинском сражении была контужена. Состояла ординарцем у М. И. Кутузова. Написала «Записки кавалерист-девицы», которые впервые были напечатаны в журнале «Современник» в 1836 году с предисловием А. С. Пушкина. Ей посвящены романы и повести, фильм «Гусарская баллада», опера А. В. Богатырева «Надежда Дурова». О Фридландском сражении она писала: «В этом жестоком и неудачном сражении храброго полка нашего легло более половины. Несколько раз ходили мы в атаку, несколько раз прогоняли неприятеля, в свою очередь, не один раз были прогнаны. Нас осыпали картечами, мозжили ядрами, а пронзительный свист адских пуль совсем оглушил меня...»

Денис Васильевич Давыдов за это сражение был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость» и прусским орденом «За достоинство».

Иван Александрович Вельяминов (1772–1837) — генерал от инфантерии и литератор, первым сделавший перевод на русский язык трагедии В. Шекспира «Отелло» — во Фридландском сражении был ранен в грудь и был награжден за поход 1807 года орденом Св. Владимира 3-ей степени и золотой шпагой с надписью «За храбрость», прусским орденом «За заслуги».

Прозаик, автор романов и тайный советник, Дмитрий Никитич Бегицев (1786–1855) участвовал во Фридландском сражении в составе лейб-гвардии Гусарского полка. После войны 1812 года стал губернатором Воронежа, а затем сенатором.

В «Записках» А. П. Ермолова рассказывается о полковнике артиллерии Бегунове, находившемся достаточное время во Фридланде, приводившем свою роту в порядок после трудных боев. Отправляясь на охоту в поисках дополнительных источников питания, Бегичев хорошо изучил местность. Во время Фридландского сражения он смог указать брод через реку Алле при отступлении российских войск. А. П. Ермолов, генерал от артиллерии, генерал от инфантерии за участие в боях в Восточной Пруссии награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость», орденом Святого Владимира 3-ей степени, орденом Святого Георгия 3-ей степени, алмазными знаками ордена Святой Анны 2-й степени.

За участие во Фридландском сражении генерал от кавалерии, московский генерал губернатор Д. В. Голицын награжден золотой шпагой с бриллиантами и надписью «За храбрость» и Орденом Черного орла Пруссии.

Геройски сражался генерал от кавалерии Н. Н. Раевский, проявлял мужество и храбрость литератор А. Я. Княжнин, будущий декабрист, подполковник М. С. Лунин, генерал-лейтенант В. Г. Костенецкий, генерал-майор Я. П. Кульнев, послуживший прототипом главного героя в повести А. С. Пушкина «Дубровский». Кульневу посвятил стихи В. А. Жуковский. Генерал-майор Александр Тучков со своим полком участвовал во Фридландском сражении и сумел продержаться в течение трех часов против неприятеля, превосходящего силы русских.

«... Каховский, генерал наш, сказал мне, — писала Надежда Дурова, — что храбрость моя сумасбродная, сожаление безумно, что бросаюсь в пыл битвы, когда не должно, хожу в атаку с чужими эскадронами, среди сражений спасаю встречного и поперечного и отдаю лошадь свою, кому вздумается ее попросить...»¹. Эти слова можно отнести в полной мере и к другим храбро сражавшимся солдатам и офицерам, проявившим блестящий ратный талант и необычайное мужество. И всякий, кто приезжает сегодня в Правдинск, отправляется в могиле участников Фридландского сражения, чтобы отдать должное их памяти.

---

¹ Н. Дурова. Избранное, М., 1984, С. 164

К 200-летию Бородинского сражения

Владимир МЕЛЕНТЬЕВ

От редакции: Владимир Владимирович МЕЛЕНТЬЕВ, профессор Санкт-Петербургского государственного университета авиаприборостроения, автор не только многочисленных научных работ, но и ряда историко-литературных публикаций предоставил журналу «Аврора» возможность ознакомиться с дневником Теодора фон Папета, капитана армии Наполеона, с которой он прошёл до Москвы и назад; несмотря на лишения, выжил и вернулся на родину в Пруссию. С немецкой пунктуальностью фон Папет вел дневник, в котором ежедневно описывал путь Великой Армии, делая попутно записки о русских городах и деревнях, об обычаях страны, архитектуре и о погоде. Дневник, написанный на немецком языке, хранился в семье его родственников как реликвия.

Находясь в Германии в командировке, В. В. Мелентьев получил разрешение от родственников фон Папета на перевод и публикацию дневника на русском языке. Ниже публикуется очерк проф. Мелентьева об этой уникальной находке и его анализ некоторых событий из дневника.

Карлсруэская находка, или «мед и деготь» в любовном треугольнике Россия — Франция — Германия

В конце апреля 2007 года по приглашению Европейского Космического Агентства (ESA) я оказался в Австрии в Зальцбурге, чтобы представить там доклад о результатах моих исследований в области спутниковой диагностики морского льда в районах репродукции гренландского тюленя в Белом море.

Город Моцарта красив, уютен, прелестная барочная архитектура, дворцы, соборы, музеи, музыка. Прекрасные сонаты великого австрийца для скрипки и альта в высококлассном профессиональном исполнении звучат прямо на улицах.

После окончания конференции мой давний друг д-р Йохен Хойслер, занимающийся изучением российско-германских культурных и инженерно-технических связей, с которым мы уже несколько лет договаривались о встрече у него на родине, приглашает меня хотя бы на несколько дней заехать к нему в гости в Нюрнберг, благо, что Зальцбург — «город соли» — расположен всего в пяти километрах от германской границы. Да, и вообще у них там в Европе, по нашим российским меркам, все рядом.

Доктор Хойслер интереснейший человек, сыгравший, так скажем, ключевую роль в том, что дневник капитана Теодора фон Папета попал к нам в Россию. Йохен — специалист в области электронного приборостроения, всю свою жизнь проработавший на фирме Сименс. Величайший патриот своего родного «свободолюбивого» города, он до сих пор переживает, что в результате наполеоновских войн Нюрнберг лишился статуса волевого имперского города, подчинявшегося только германскому кайзеру.

Нюрнберг, как я теперь хорошо знаю из его рассказов, никакая не Бавария, а уникальный по своей культурной и исторической значимости для всей Германии франконский город. А сама Франкония (нем. Franken) — это земля, удивительная по красоте и замечательным творениям человеческого гения; она во все времена была свободна, рождая великие умы и великие таланты. Даже язык общения на территории Франконии особенный, отличный от баварского — восточнофранкский диалект немецкого языка. Потеря независимости Нюрнбергом — результат «коварных происков» Наполеона, завоевавшего срединную Европу и установившего в ней собственные порядки.

В современной России д-р Йохен Хойслер не просто известен, но и знаменит своими интереснейшими докладами на многих международных конференциях и многочисленными публикациями, историко-художественными очерками о жизни и деятельности целой плеяды выдающихся франконских немцев, по «зову сердца» или по воле случая переселившихся в нашу страну и много сделавших для ее пользы и процветания.

Невозможно перечислять всех героев очерков д-ра Хойслера — франконцев и русских людей с немецкими или французскими добавками в крови, сумевших реализовать себя достойно в благодатных условиях старой России. Кто-то из них, славно здесь потрудившись, сделав или даже не сделав свой капитал, затем уехал умирать на родину, но очень многие и «свой приют последний» нашли в российской земле.

Среди героев очерков д-ра Й. Хойслера и такие выдающиеся военные инженеры как граф Густав Егорович Струве, его брат Аманд и их

компаньон — «московский 1-й гильдии купец» — тоже русский немец А. И. Лессинг. Эти люди стали пионерами российского мосто-, паровозо- и судостроения, основателями, как указано в соответствующем рескрипте императора Александра III, знаменитого машиностроительного завода в Коломне, работавшего, замечу, весьма успешно на Россию как во времена дружбы, так и во время её противостояния с западом.

Подход д-ра Й. Хойслера к изучению истории российско-германских связей необычен. Сам он — опытный высококлассный инженер — смотрит на проблему культурно-исторических исследований нестандартно — так сказать, с «инженерно-технической» точки зрения, то есть так, как «нормальные» профессиональные историки в силу специфики их образования смотреть не могут и не умеют.

Интерес к России, и именно в контексте сопоставления развития инженерной мысли здесь и в Германии, возник у него давно — с командировки во времена хрущевской «оттепели» в Ленинград по международному обмену между СССР и Западной Германией (оказывается, был и такой тонкий ручеек связи России с западом). В то время студентом он попал на стажировку в Ленинградский электротехнический институт, носивший тогда имя получившего экстерном диплом о высшем образовании адвоката В. И. Ульянова (Ленина).

Фон Папет командовал отрядом вольтижёров. Небольшая историческая справка. Вольтижеры (франц. *voltigeurs*) — легкая элитная пехота, специально натренированная в меткой стрельбе и ведении разведки, предназначенная быть в авангарде стрелковой цепи в качестве инициаторов атак других подразделений. Вольтижеры — гениальное изобретение «коротышки» Наполеона Бонапарта. До этого в пехоту набирались только рослые могучие и сильные рекруты, способные сражаться в рукопашном стыковом бою — их и в России тоже называли гренадерами. Однако за годы непрерывных наполеоновских сражений число «больших» высокорослых людей в Европе заметно поубавилось, поэтому и возникла идея создать подразделения легких пехотинцев и набирать в них молодых ребят, которые, увы, не вышли ростом, но ловких и умелых, храбрых и отважных, бесстрашных, способных устоять в передовой цепи в бою под жесточайшим неприятельским огнем. Но при этом и сами они должны быть меткими стрелками. Максимальный рост для вольтижера не мог быть выше 159,7 см и 162,4 см — для офицеров. Такого роста мой друг д-р Йохен Хойслер, и именно таким, я думаю, был и капитан фон Папет.

Хитроумный корсиканец этим нововведением убивал сразу двух зайцев. Снижение планки роста для призывников по всем пределам покоренной им

Европы позволило ему заметно улучшить тактические возможности пехоты и резко поднять численность Великой Армии, набирая ежегодно 40 тысяч ловких миниатюрных «маленьких» солдатиков. Цвет мундира вольтижеров был вначале синим, затем его заменили на белый. Но из-за сильной маркости они вечно выглядели грязными, поэтому Наполеон вернул им прежний цвет, так что Теодор фон Папет двигался в Россию в синей форме. Для людей сугубо штатских замечу, что введение в тогдашних армиях различий в цвете одежды было необходимо для управления войсками. Радио и спутниковой связи тогда еще не «напридумывали», и генералитету, чтобы играть в войну — «в солдатики», было необходимо хоть как-то различать различные свои, а также и вражеские подразделения.

В конечном счете военным гением Наполеона, вольтижерские роты стали выполнять важнейшие задачи «огневого прикрытия» гигантов гренадеров и фузилеров¹ — гранатометчиков. Использовали их для «выбивания» офицерского состава врага и для обороны важнейших «ключевых» объектов на поле боя. Эти действия своего подразделения вольтижеров даются Папетом при описании битвы под Можайском (Бородино).

Находясь в Нюрнберге в гостях у Йохана и его жены Линде, когда он рассказывал о новых своих идеях и планах, я только поражался размаху его деятельности и его результатам. Его прекрасно знают русские архивные работники Москвы и Петербурга, Ижевска, Екатеринбургa (в большинстве своем — высокообразованные дамы!). Его приездам бесконечно рады музейщики в Клину, в Коломне, в Царском Селе, в далекой, мало кому известной даже в России, нижегородской Выксе, удивительной историей и архитектурой. Он получает письма с Чукотки и Камчатки, в которых его благодарят за поддержку культуры коренных народов севера и сохранности палеоазиатских языков. Он приглашает к себе в гости в свой прекрасный Нюрнберг камчатских ительменов, аляutorцев, коряков (камчадалов, как их обидно и неправильно, называют порой столичные «великороссы»).

Во время разговора я обратил внимание хозяев на два парных портрета в старинных рамах, висящих над диваном над головой Йохена, и поинтересовался, кто эти люди.

«О, это мой четырежды прадед Фридрих Хойслер и его жена — моя прабабушка Агата, урожденная фон Папет. Она имела итальянские корни,

---

¹ **Фузилёры (фузелёр, фузельер)** (фр. *fusiliers* — стрелок из ружья) — в XVII в. пехотные солдаты французской армии, вооружённые кремневыми ружьями (*fusils*), по-русски называемыми фузеями, в отличие от мушкетёров, вооружённых мушкетами. (Википедия).

а он был офицер. Сражался против Наполеона, о котором мы в этот вечер много говорили, принимал участие в рейде знаменитых богемских «ночных разбойников» — черных егерей полковника Люцова, опустошавших наполеоновские тылы. — И тут же добавляет — Вы не поверите, но другой наш предок — брат Агаты Теодор — тоже профессионал военный воевал под знаменами «корсиканца». Участвовал в битве при Ватерлоо, где был ранен и от полученных там ран скончался. Русским это, наверное, интересно, но он участвовал в походе на Москву и оставил об этом записки».

Интересно — не то слово! Меня, как обожгло, и я, подобно охотничьей собаке, сделал стойку.

— А где находятся эти записки?

— В Карлсруэ — у моего младшего брат Дитмара. Он адвокат. Недавно вышел на пенсию, и сейчас серьезно занимается историей семьи и рода Хойслеров», — объяснил Йохен.

— А нельзя ли его увидеть, — осторожно спрашиваю я.

— Какие проблемы — сейчас позвоним!

Набирает телефон — немецкий я знаю лишь немного, но смысл разговора понимаю. Вначале идет краткое объяснение, кто я таков и откуда «свалился» братьям на голову. Затем много раз повторяющееся: «Да, да, да!» и трубка повешена на рычаг.

— Это возможно, и если Вы готовы, — обращается ко мне по-русски Йохан. До этого мы говорили временами по-английски, если глубокий смысл фразы вдруг становился непонятным. — Если Вы сможете, то завтра утром брат готов принять вас у себя.

Так делают дела в Германии. Я буквально опешил — стоило мне лишь заикнуться, и вот уже дело сделано: «Вы выезжаете, вас встретят, покажут, расскажут, объяснят!». Назавтра вся моя программа была выдержана точно по этой схеме — в 9.11 тик в тик прибытие поезда в Карлсруэ, встреча на вокзале, брат Дитмар, далее — машина, мы едем к господину Хойслеру почти что, как к себе домой, милая хозяйка Аннетта — преподавательница французского языка.

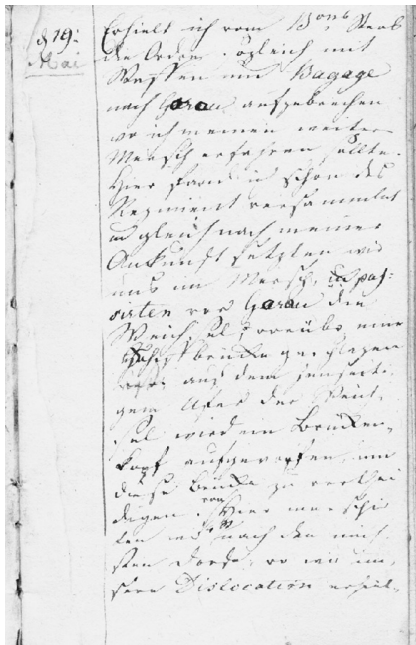
Хозяин знал мой интерес и цели моего приезда, поэтому мы переходим к наполеоновской эпохе и сложным взаимоотношениям Бадена с Россией, когда баденский маркграф, примкнув к союзу с французским императором, отправил свои войска в поход 1812 года. XIV армейский корпус Великой Армии целиком состоял из баденских и вюртембергских дивизий. В «обмен» на это он получил из рук Наполеона корону великого герцога и удвоил территорию владений за счет «подаренных» с «барского плеча» Констанцы, Страсбурга и части Базеля.

Тогда же внук великого герцога женился на приемной дочери Наполеона — Стефании Богарне, а баденская принцесса Луиза Мария Августа стала нашей русской императрицей Елизаветой Алексеевной. Благодаря этому родственному союзу с царем Александром I, герцогству удалось удержать свои позиции и после разгрома Наполеона, когда многие германские княжества исчезли с карты Европы.

Обед заканчивается, и приходит очередь дневника фон Папета. Мы перемещаемся в соседнюю комнату — адвокатский кабинет, весь заставленный шкафами с книгами. Хозяин дома открывает один из них и вынимает небольшую красивую коробку, в которой и находится вожденная карманного формата книга в обложке темной мягкой кожи. Здесь же вместе с оригиналом хранится и отсканированная на компьютере цифровая распечатка.

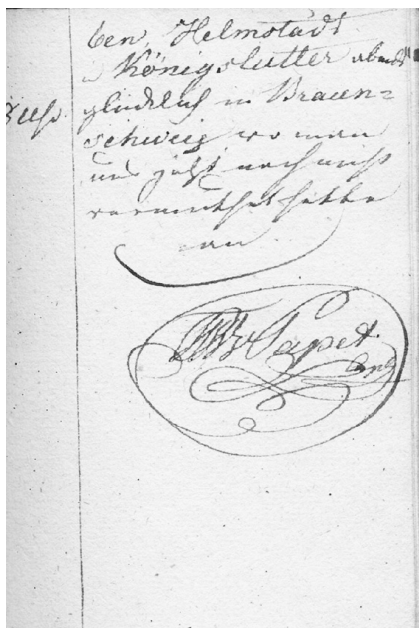
С осторожностью беру в руки этот исторический документ, побывавший в 1812 году в горящей Москве, бережно укладываю его на рабочий стол и с трепетом и волнением начинаю рассматривать последовательно каждую страницу. Их около 50-ти. А всего, по данным компьютерной

программы «статистика», там оказалось 543 абзаца, 2043 строки, 15954 слова, 104852 знака с пробелами!

Какой великий труд и какое усердие того, кто все это сочинил. Вспомним еще раз, кто такие вольтижеры — «застрельщики» атак, всегда готовые к исполнению приказа: «Выше голову и тверже шаг! Движение только вперед!». Вспомним, что капитан фон Папет писал свои записки не за письменным столом. Страницы дневника заполнялись вечерами у костра, ранним утром с восходом солнца, на привалах в минуты кратких перерывов долгих пеших переходов или, наоборот, стремительных маршбросков. Поэтому, хотя их автор был аккуратным педантичным немцем, но и у него случались не-

Первая страница дневника фон Папета.

Последняя страница дневника.

точности, описки, появлялись исправления, зачеркивания текста.

Какую колоссальную дотошную и кропотливую работу пришлось проделать потомку Теодора фон Папета, чтобы понять все это, в том числе и разобрать, простите, его каракули. И еще. Ведь все это было написано на ныне практически исчезнувшем «брауншвейгском» языке, с которого он перевел дневник на нынешний немецкий. Но и это еще не все. Помимо неблагодарной черновой работы по расшифровке текста, Дитмар сделал и развернутые комментарии, поместив их в Интернете на соответствующем сайте семьи Хойслеров: <http://www.amg-fnz.de/quellen/papet/einleitung.htm>.

Первая моя реакция — надо сделать все, чтобы об этой книге непременно узнали и у нас в России.

— Да, там действительно много наблюдений, интересного для вас, русских, — соглашается хозяин дома, и тут же любезно добавляет, что это было бы ему приятно, и поэтому все права на издание книги он предоставит мне безвозмездно.

Я с благодарностью принимаю это заявление господина Дитмара Хойслера:

— Не за горами годовщина Отечественной войны 1812 года. И как было бы замечательно, сделать это издание на нескольких языках!

В Петербурге за переводы дневника фон Папета с немецкого на русский взялась Татьяна Мельникова, отчества у артистов, как и у больших политиков, почему-то не приняты. Таня — театральный художник, делает костюмы для их собственного «кооперативного» кукольного театра, прекрасно знает немецкий и французский языки.

Большую работу по составлению текста и подготовке научных комментариев Теодора фон Папета проделал известный петербургский историк, публицист-философ Владимир Геннадьевич Рохмистров. В их ли-

тературной обработке неоценимую помощь ему оказывала талантливая «авангардная» писательница М. Н. Барыкова.

Скольких же, однако, прекрасных интереснейших людей мне довелось в итоге встретить благодаря и «через» капитана Папета.

Хочу отметить и поблагодарить выдающегося российского «музейщика» Виктора Евгеньевича Кулакова, директора Государственного Музея-заповедника «Хмелита», первым в России осуществившего издание полного текста дневника капитана Теодора фон Папета.

**Предисловие от д-ра Дитмара Хойслера,
потомка капитана фон Папета и нынешнего хранителя его дневника,
автора комментариев к «Запискам о русском походе»**

Теодор фон Папет происходил из офицерской семьи Брауншвейгского герцогства. Родился 19-го сентября 1791 г. в Маастрихте, где в это время служил его отец. Из-за ранней смерти отца мать в 1792 г. была вынуждена возвратиться в Брауншвейг. По целому ряду независящих от него исторических причин и обстоятельств его собственная военная карьера развивалась в армиях нескольких германских государств.

Службу он начинает в 1803 г. кадетом Брауншвейгской армии. Однако в 1808 году после присоединения Наполеоном его родины к Вестфальскому королевству становится младшим лейтенантом уже Вестфальской армии. Принимает в ее составе участие в Испанской войне и осаде Жероны 1809 г., а затем — в 1812 году и в походе Великой Армии на Россию, в котором из вестфальцев был сформирован отдельный VIII-й армейский корпус, начальниками которого были последовательно генерал Вандамм, король Жером и генерал Жюно. В 20-тилетнем возрасте фон Папет получает чин капитана и назначается командиром роты вольтижеров — специально обученных стрелков пехотинцев, отбывающих в русский поход. После его окончания он оказывается одним из 600 счастливых из 24 000 вестфальского контингента, отправлявшегося на «усмирение России» и оставшихся в живых.

Следуя семейным традициям, капитан фон Папет вел ежедневные записи во всех своих военных походах. Отец его, к примеру, который был участником войны за независимость Америки 1776—83 гг., подробно описывал ее события в дневнике, недавно опубликованном в США. В предлагаемом к изданию в журнале «Аврора» записках о русском походе Теодор Папет описывает не только обыденную солдатскую жизнь, но и свои впечатления о стране и её обитателях, о предметах русского быта и искусства, о церковной архитектуре, которая произвела на него большое впечатление.

Не считая постоянных стычек с казаками, он участвовал в следующих битвах: Смоленск (17 августа), Бородино (7 сентября), Москва (16 сентября), Вязьма (3 ноября), Красное (17 ноября), Березина (25 ноября). Особенно впечатляет его описание опустошительной переправы через реку Березину.

Вернувшись в начале 1813 года в родной Брауншвейг, фон Папет после ликвидации Вестфальского королевства с октября 1813 г. служит в том же ранге капитана, но уже в армии королевства Ганновер, имевшего давние коронные связи с Великобританией, так что во время войны за независимость (5-я коалиционная война 1813–1815 гг.) он принимает участие в сражениях на севере Германии, а в сентябре 1814 года и в Нидерландах. Во время битвы при Ватерлоо он получил тяжелые ранения, от которых после многолетних мучительных страданий и скончался 26-го января 1818 г. Похоронен Теодор фон Папет в Гёттингене на университетском кладбище, где недавно усилия родных и близких была обнаружена его могила и восстановлен надгробный камень, на котором сохранилась посмертная поэтическая эпитафия: «Он уцелел в пылающей Москве // и не пропал на Пиренеях // где для родной Германии своей // он шпагу обнажал // Но здесь его печальная мольба // осталась без ответа // И матери мольба не помогла // ей сохранить единственного сына // Он жертвой стал за мир для всех // и за покой немецким нивам // Я счастлив должен быть, что здесь в земле лежу».

Д-р Дитмар Хойслер, Июль 2012, Карлсруэ

Потомки фон Папета на Бородинском поле.

Опыт прочтения дневника командира роты вольгизеров брауншвейгца капитана Теодора фон Папета с позиций нынешнего дня

Дневник командира элитного подразделения наполеоновской пехоты — документ не столь давней истории, подробно день за днем описывающий события печально знаменитого многоплеменного похода европейцев на Москву в их временной последовательности. Он, безусловно, важен и интересен, поскольку прибавляет новые детали в «копилку» наших общих знаний о трагедии войны 1812 года, когда Наполеон, до этого 15 лет успешно воевавший со всей Европой и не знавший поражений, шел на Россию с войной, но, посрамленный, был принужден к бегству из ее пределов с остатками своей погибающей разгромленной прежде Великой Армии.

Обращение к истории двухсотлетней давности приобретает особое звучание и смысл именно сейчас во времена всеобщей нравственной растерянности и потери ориентиров в российском обществе в условиях свершающегося на глазах у нынешнего поколения «черного передела» Европы и разжигания очередного этапа противостояния на «старом континенте». После недавних торжеств по поводу окончания I-й и II-й мировых войн в год юбилея успеха русского оружия в Отечественной войне 1812 года нам предстоит задуматься о перспективах дальнейшего развития нашей страны и цивилизации в Европе и невозможности решения политических проблем с применением даже очень мощной военной силы, в том числе, с использованием армий, прекрасно подготовленных и непобедимых, как казалось многим, до походов на Россию французов и немцев, получивших по своей Березине и Сталинграду.

События вокруг случайно обнаруженного в Германии в Карлсруэ дневника участника похода на Москву 1812 года, сохраняющегося у его потомков, напоминают многие другие подобные истории счастливых обретений документальных свидетельств российской старины.

Публикация фрагментов дневника капитана фон Папета в «Авроре» ориентирована на самую широкую читательскую аудиторию, а не только на специалистов-профессионалов, знатоков наполеоновской эпохи. Очень хотелось бы, чтобы он попал в руки молодым читателям, у которых интерес к истории своей страны и мира ещё окончательно не пропал. Так что надо пробиваться к умам, сердцам, к национальному самосознанию российской молодежи, которым мы собираемся передавать нашу страну и нашу землю. Им жить здесь, им ей владеть, заботиться и пестовать ее. И при этом постоянно помнить, что в мире их нигде никто не ждет.

Публикация в журнале «Аврора», сохраняющем в тяжелейших современных условиях свою былую общероссийскую славу и известность, фрагментов дневника участника похода на Москву брауншвейгца фон Папета с оригинальными рисунками автора и подробными комментариями являет собой событие в культурной жизни России. Оно расширяет наши представления о кампании 1812 года, способствует узнаванию жизни и традиций нашей собственной страны, увиденной со стороны глазами «чужого» человека, иностранца, дает возможность совершить экскурс в историю противостояния России и Европы.

Для современного читателя особый интерес к содержанию записок капитана Папета в своеобразии взгляда на войну профессионального военного. Он явно хороший офицер, ответственный, организованный, типичный немец, готовый хорошо и качественно исполнить любое порученное дело, за которое он получает деньги.

Вот пример. Казалось бы, все рушится на белом свете 26 ноября 1812 года в день переправы через Березину — налет казаков, «мост, который стоил столько жизней», невероятнейшая давка, затоптанные люди, погибавшие в болоте, проваливающиеся под лед реки. А он при этом успевает сделать еще и зарисовку этой сцены, оценить вид и калибр оружия противника — «три пушки, среди которых одна гаубица», — и даже определить результативность стрельбы русских.

Капитан фон Папет таков, какими мы в России представляем немцев — дисциплинированными, послушно исполняющими приказы сверху, не обсуждающими их смысл и содержание. И пусть 15 августа он не обмолвился ни словом о дне рождения Наполеона, но нет в его записках даже строчки осуждения его неверных, пагубных для Великой Армии решений и поступков. Напомню и о том, как ровно через столетие наши русские остзейские немцы окажутся, по сути единственными, кто не изменит присяге Николаю II и будут спасать российскую империю от большевизма буквально до последнего патрона.

Немец брауншвейгец Теодор фон Папет, наверное, все-таки прав, когда беспрекословно подчиняется «начальству», назначенному ему, казалось бы, «со стороны» французами. Но для нас, русских, при нашем извечном анархизме и негативном отношении к любому проявлению над собой «насилия» власть предержавших это кажется, по меньшей мере, странным. Почитанием и трепетом наполнены страницы дневника с описаниями состоявшихся или потенциально возможных кратких встреч его подразделения с главнокомандующим войсками Вестфалии королем Иеронимом Наполеоном.

Jérôme Bonaparte (фр.), Girolamo B(u)onaparte (итал.), как известно, был младшим братом Наполеона Бонапарта, келейно, по-семейному назначившим его на должность «государя» полностью зависимого от Франции Вестфальского королевства, в состав которого вошло и родное для фон Папета Брауншвейгское герцогство. Конечно, все тут не столь однозначно и просто. В Вестфалии — самом крупном королевстве Французской империи в Германии, к примеру, как и по всей Европе, — Наполеон пытался создавать «образцовое государство»: была написана конституция, осуществлялся ряд реформ, отменено крепостное право, введена система частного свободного предпринимательства, введена метрическая система. И в то же время, казалось бы, Жером Бонапарт для фон Папета калиф на час. Но нет! Во время многодневного сражения с авангардом Милорадовича под Красным он делает многозначительную пометку в дневнике: «15 ноября. День рождения короля Hieronima!» Он помнит об этом в тот момент, когда «настолько мы ослабли, но в ста шагах впереди увидели линию казаков, насчитывавших около 2000 человек, и посередине две гаубицы и пушка, калибр которых я не смог определить!» Какой характер, какой пример вассальной преданности, казалось бы, случайному марионеточному сюзерену, который давным-давно покинул «своих» вестфальцев и Россию. Он в далеком теплом и уютном Касселе — столице подконтрольного французам государства, и совсем не факт, что вспоминает о погибающих от голода и холода «своих» солдатах. О самих французах в записках капитана Папета сказано предельно мало, почти что ничего. На той же самой Березине, к примеру, на том же мосту, «который стоил столькож жизней», лишь краткая пометка, в которой где-то глубоко подспудно все же видно и осуждение: «проследовали кареты маршалов и штабных офицеров (нагруженные преимущественно трофеями из Москвы)!» И еще не более пяти-шести ремарок без комментариев и без расшифровки: «Прошли французы». Текстуально одна и та же фраза, но и она с оттенком, что это иная, отличная от немцев, человеческая общность. Заметим здесь же, что французы в союзных им «чужих» дивизиях на большие должности назначали только «своих». Не доверяли, видимо, побаивались измены «инородцев». Впрочем, как нам теперь известно, небезосновательно.

Так что это не его война. И он тоже жертва, заложник игры амбиций и честолюбий больших политиков. Он наемник, находящийся на службе у людей, покоривших его страну. Он, вроде бы, и враг России — участвует в набегах голодающей французской армии на наши города и села, в захватах продовольствия, гонит несчастных русских пленников — простолюдинов,

солдат, крестьян на запад, видимо, во Францию. Оказывается, что данный вид государственного «бизнеса» существовал уже тогда в цивилизованной Европе, наряду с торговлей неграми и «поставками» рабов в Америку. Но при этом он мне все же симпатичен. Он страдает людям, пытается быть честным, старается по возможности платить за продукты, за еду, хотя в пути с него дерут «три шкуры» все подряд — поляки в Польше, евреи в Белоруссии и, вроде бы, свои ему — наши прибалтийские немцы из Вильно.

Нравится он мне и тем, что наблюдателен, похваливает русских за сметливость и за военное уменье. Так, в описании боя 19 августа с арьергардом русской армии при Валутиной горе, где у русских, по его словам, было более 10 000 кавалерии, он отдает дань уважения опыту и мужеству наших солдат: «Русские держались почти два часа, после чего отступили, потому что мы сильно превосходили их в численности!»

Или его запись от 23 июля об уровне военно-инженерной мысли в России: «Дошли до Борисова, маленького городка по ту сторону реки Березины. Здесь находилось заложенное русскими укрепление, закрывавшее дорогу из Польши. Оно оказалось не закончено, но то, что уже готово, сделано очень добросовестно!».

Конечно, впечатляет признание мужественного командира роты вольтижеров умение вести огонь русской артиллерии, которое он ощутил, простите за повтор, опять же, на собственной шкуре в «день Бородина» 7 сентября — битвы под Можайском по французской трактовке ее названия. Тогда участие вольтижеров фон Папета, как и многих других частей и соединений Великой Армии — и это известный факт — выражалось лишь в пассивном стоянии под обстрелом русских пушек.

Привожу эту запись в развернутом виде: «Я невероятнейшим образом стоял на открытом клочке, где был наиболее заметен русской артиллерии. В то время как остальные были прикрыты зарослями, я потерял множество людей под этим огнем. Но и в кустах нам не было покоя, потому что ядра и гранаты врага преследовали нас и там. Силы русской армии составляли 190000 против наших 300000. Их позиция была очень сильной, фронт защищен редутами!»

Замечательно, что и в дни бегства французов при оценках боевых возможностей противника, он остается таким же трезвым и обстоятельным экспертом, что, как мне кажется, и сохранило ему жизнь при отступлении великой разноплеменной армии из Москвы. Об этом свидетельствуют следующие строки дневника от 11 октября 1812 года: «Вышли отсюда, соединившись со 2-м батальоном 6-го полка, чтобы эскортировать пушки 6-го полка в находящуюся от города в 6-ти часах Верею, которую за-

нимал 1-й батальон того же полка, а там не только заняться добыванием фуража, но еще и очистить местность от крестьян и казаков, делающих эту местность небезопасной. На полпути, а именно в деревне Борисово, наш авангард натолкнулся на находящихся в ней одиночных казаков. Завидев нас, они тотчас отошли, но все время наблюдали за нами. Вскоре перед городом мы встретили целую колонну русской пехоты, скрывающуюся за перелеском, и несколько отрядов кавалерии, держащихся там же. Линия казаков, оказавшаяся на расстоянии выстрела, увидев нас, сразу отошла, причем в превосходном порядке».

Когда в Германии в Карлсруэ я впервые держал в руках дневник фон Папета, листая его страницы, плотно исписанные размашистыми витиеватыми завитушками букв старомодного почерка, признаюсь честно, я опасался, не окажутся ли они наполнены градом насмешек над моей страной и русскими людьми. Нет, их там не оказалось, и при внимательном прочтении я вижу всю объективность и доброжелательность оценок автора, широту и разносторонность пытливого его ума.

Замечу попутно, что когда я рассказывал об этих своих сомнениях в Санкт-Петербургском Институте Истории РАН, где меня попросили выступить, один пожилой маститого вида историк поддержал меня прямо из зала следующей репликой: «Вы напрасно волновались, г-н профессор. Ваш Папет, судя по его заметкам, просвещенный человек. А первые два десятилетия XIX века — это время наибольшей уважительности в отношении европейцев к России за всю новейшую историю!». Любопытное замечание специалиста, не правда ли?

Или вот еще одна запись фон Папета от 17 июля, где он, пытаясь понять устройство русской печи, топящейся по-черному, с укоризной замечает: «В деревнях жители не так бедны, как плохо их построенные хижинь», где «не видно печных труб, и дым выходит через вытяжку в квадратное отверстие в стене». Однако, разобравшись, что при этом «задымляется только верхняя половина жилища», а «печное отверстие направлено в комнату и недостатка в тепле нет», он признает достоинства такой хлебопекарной печи, на которой крестьяне ночью, когда уйдет весь дым из комнаты, ложатся спать. Замечу для современного читателя, что поступали так тогда в России и из гигиенических — экологических причин (в избе по-черному отсутствуют клопы и тараканы, которым, видно, не случайно когда-то дали имя прусаков), а также и из экономии, а вовсе не от бедности. Для «старых» русских это был проверенный веками своеобразный способ ухода от налогов, идущий еще от Золотой Орды и ранних правителей Москвы!

Капитан фон Папет впечатлителен и даже эмоционален. Меня, русского, умиляет его внимание к совсем чужой, казалось бы, ему культуре и обычаям, например, при виде так поразивших его воображение русских качелей или внешнего вида и внутреннего устройства православной церкви. Вот его записи от 24 августа, которые он сопровождает даже рисунком в дневнике: «Видел ветряные мельницы особенного устройства с восемью крыльями. У каждого трактира стоят качели. Видимо, эта забава очень любима русскими!» Позволю прокомментировать эту заметку. Я не раз бывал в Голландии, но, сознаюсь, ни разу не обратил внимания на число крыльев на голландских мельницах — а это, как известно даже нынешним российским школьникам, — один из главных символов этой страны!

Или его запись от 15 сентября, где он говорит о красоте резьбы наличников на окнах, обращенных фасадом к улице, и на внутреннее убранство деревенских изб: «Сами помещения украшены пестрыми изделиями и картинками. Они невелики, в них спит вся семья, которая порой бывает весьма многочисленной, и в них гораздо опрятнее, чем в Лифляндии, Польше и Эстляндии. Над окном обычно висит образ святого заступника, а перед ним, если люди не совсем бедные, всегда горит лампада. Каждый крестьянин, входя в комнату, приветствует образ, становясь на колени».

Нужно помнить еще и о том, что это записки очень молодого человека, который не растерял чувства прекрасного. Заметим, что как раз в «разгар», в буквальном смысле, русского похода ему исполнился только 21 год! Правда, в те века люди взрослели рано. И то, что выпало на долю Теодора 19 сентября 1812 года, и в самом деле, испытано немногими. День рождения застал его в поверженной Москве. Казалось бы, день двойного торжества. Вот как определял значение взятия русской столицы сам Наполеон: «Если я займу Киев, я возьму Россию за ноги; овладею Петербургом — возьму ее за голову; заняв Москву, я поражу ее в самое сердце!» Да, после таких заявлений нам, русским, приходится признать, что, если и не гений, то уж точно, исключительного ума был император Франции — предводитель той гигантской вражеской армады, навалившейся тогда на Россию.

Но в этот день в записках Папета не появляется ни слова ни о большом офицерском застолье, ни об уютной дружеской пирушке в своей компании. Нет, он фиксирует лишь следующее: «Почти весь город превратился в кучи пепла. Пожжены огнем только Кремль и небольшая часть города. По словам некоторых немцев, прибывших раньше нас, комендант, находившийся в городе еще за день до вторжения французов, отпустил на свободу нескольких отпетых преступников при условии, что они при-

несут в дома горшки со смолой и другие горючие материалы и подожгут их при появлении французов. Этим и была решена судьба Москвы!»

Из дневника фон Папета можно сделать вывод и о том, что разговоры об исключительной роли московского градоначальника графа Федора Васильевича Растопчина в вынужденном оставлении французами второй русской столицы есть сильное преувеличение, и обвинения в его адрес — напраслина. Пожар Москвы и уход людей из городов и деревень, из помещичьих усадеб были лишь частью общего плана, который действовал и до назначения главнокомандующим русскими войсками М.И. Кутузова. Программа уничтожения всего и вся на пути французов, чтобы ничего не доставалось врагу, осуществлялась с момента перехода границ России Великой Армией, имевшей под ружьем 600 тысяч «штыков», 1372 орудия и 160 тысяч человек резерва, располагавшегося «наизготовке» в Пруссии — недавней нашей союзнице. Общая же численность вооруженных сил России, противостоявших Наполеону, составляла лишь 210 тысяч солдат и офицеров при 903 орудиях.

При тройном превосходстве противника в живой силе и более чем полторном в артиллерии использование русским командованием тактики «выжженной» земли было вынужденным делом. И она себя оправдывала. Последствием этого стали массовые нарушения дисциплины и порядка движения французских войск, мародерство, воровство, где каждый тащит, грабит, выживает, как может.

Приведу ряд последовательных эпизодов из дневника фон Папета, наглядно иллюстрирующих процесс разложения армии захватчиков. «11 июля — Новогрудок, зажиточные горожане бежали; 13 июля — город Мира, запаса провианта в городе с избытком, наши люди «помогли» от него освободиться, большинство деревень покинуто жителями, а все, что в их домах было ценного, либо унесено, либо испорчено; 19 августа — прошли горящую деревню, в которой вынуждена задержаться 1-я гренадерская рота, чтобы пожар не перекинулся на главную улицу, иначе проход артиллерии был бы невозможен; 24 июля — миновали мост, наполовину сожженный русскими, марш был тяжелым; 29 июля — в деревне Александрина обнаружилось изобилие водки и все виды провианта; 17 августа — мародеры подожгли две деревни, пришлось сняться с места, и мы шли без остановок до Смоленска, вид горящего города и сторожевых огней всей французской армии представлял прекрасное (!) зрелище; 24 августа — весь путь буквально усыпан мертвыми людьми и лошадьми, а также обломками всевозможных конструкций, все деревни, попадавшиеся на марше, сожжены, все мосты уничтожены, и нашим инженер-

ным войскам приходилось их срочно наводить; 25 августа — бивак у маленького городка Михайловки, совершенно сожженного, на протяжении всего марша справа и слева пылающие деревни; 26 августа — город Дорогобуж весь в огне, как и везде, все местные жители бежали; 31 августа — вышли в 7 утра и в 10 пришли под Вязьму, город, который построен довольно просторно, но сожжен дотла, в нем насчитывалось более 30 церквей, не видно ни единого жителя, вероятно, все бежали вглубь страны, город совершенно разграблен; 1 сентября — лагерь у Теплухи, все зерно на полях убрано и, должно быть, увезено вглубь страны; 4–5 сентября — городок Гжатск едва ли не весь объят пламенем; 12 сентября — ночью начался пожар, нам пришлось выйти его тушить; 13 сентября — на всем пути сожженные деревни, на некоторых пепелищах ужасные останки; 15 сентября — снова сожженные деревни, вцелевших деревень никаких жителей, 24 октября (это уже обратная дорога к «дому» в Германию — *В.М.*) — некоторые деревни, которые мы проходили, оказались покинуты жителями, однако провиант мы нашли в изобилии; 28 октября — поезд экипажей Великой Армии чудовищен (!), здесь можно найти едва ли не все московские кареты; 31 октября — прибыли в Вязьму и устроили перед городом бивак, так как еды мало, а марши в последние 2 дня были очень тяжелыми, многие из нашего полка отстали, большинство из них попали в руки казаков».

И этот перечень можно продолжать и дальше. Какого гигантского масштаба ущерб был нанесен хозяйству нашей страны, городам ее и селам, русскому дворянству, купечеству, крестьянам!

Так что вся перечисленная сводка документальных свидетельств о разорении России, которые приводит в дневнике сторонний честный догошный наблюдатель — брауншвейгский дворянин фон Папет, — вполне годится для предъявления соответствующего иска в Международный суд в Гааге. Она же объясняет и причины, почему французы и их союзники так опасались прихода русских в Германию и Францию, почему боялись отмщения, ответных разграблений и поджогов Парижа «казаками, калмыками, монголами и прочими полудикими степными ордами», как предупреждали европейских обывателей газеты и специальные инструкции, печатавшиеся еще на «подходе» русских войск к столице Франции. И почему так облегченно вздохнули, как сообщает множество источников, когда мы их помиловали, не тронули, и не случилось ничего, подобного московскому кошмару.

Казалось бы, и вправду, война все спешит, и покорившаяся нам Европа поймет наш гнев и возмущение! Но не произошло этого ни в 1812-м,

ни в 1945-м, каких бы там собак не вешали на русских по давней злобе поляки и прочие «братья-славяне», во все времена готовые ринуться в травлю «старшего брата». И что особенно досадно, когда в ответ на лай из подворотни свои «родные» начальствующие невежды, не знающие истории страны, катаются теперь по миру и раздают направо и налево извинения, кому не попади.

О, всепрощающая, загадочная русская душа, о, не умеющий сердиться и оправдываться русский человек, о, Александр I Великолепный — последний рыцарь, джентльмен на царском троне. Надеялся, что война 1812 года станет последней, простил все «малые народы». Не знаю даже — я не эксперт по наполеоновской эпохе, — просили ли мы, русские, хотя бы каких-то контрибуций за разорение России и пожар Москвы.

И еще один, необходимый комментарий к дневнику фон Папета. Кому же, как не мне, посвятившему всю свою жизнь космической метеорологии, не разобрать записки участника французского похода на Россию с гидрометеорологических и географо-климатологических позиций.

Нынче, в эпоху колоссальнейшего технического прогресса, мы порой слышим о независимости человека от природы и соизмеримости антропогенных воздействий с естественными процессами. Тогда же, в век пеших переходов, кавалерии и гужевых обозов, солдаты и французской, и русской армий не могли, да просто и не имели права быть столь амбициозными. Их отношения к пространству и времени было иным. Они смиряли свою гордыню перед величием природы, внимательно следили, прислушивались к ее «причудам» в неведомой им ранее России, которая вдруг стала ареной военных действий.

И наш герой, хоть он «высокородный офицер», как величает он сам себя в своих заметках, в течение всего похода ведет себя предельно осторожно, фиксирует изменчивость ландшафтов на пути движения своего отряда, все перемены состояния погоды, от знания которых зависит жизнь — и его собственная, и вверенных ему людей, а, в конечном счете, успех или неуспех всей кампании. По этим же причинам он старается разобраться и понять обычаи и особенности поведения русского народа, включая, и методы ведения им хозяйства.

Вот некоторые наши извлечения на эту тему из дневника фон Папета. «27 июня 1812 года — пришли в Райгруд, среди прекрасного пшеничного поля устроили бивак, местность вокруг плодородна и прекрасна, дорога дурна и песчана; 29 июня — погода очень плохая, совсем мало обустроенной местности, сплошные сосновые и еловые леса, дорога ужасно плоха, солому для шалашей притащили из близлежащих дере-

вень (в этот день, согласно данным наших реконструкций метеорологических явлений, в районе наблюдалась сильная продолжительным гроза, возникшая на холодном фронте, сопровождавшаяся ливневыми осадками и градом); 5 июля — запрещено косить зеленый ячмень; 14 июля — Несвиж, довольно хорошо выстроенный русский город, выглядит весьма процветающим, прекрасно расположен, церкви в нем прелестны; 21 июля — прошли Смиловичи, небольшой городишко с виду довольно состоятельный, дорога очень хорошая, много леса, большинство жителей носит вместо ботинок сандалии, сплетенные из лыка (Так мило и изысканно называет он русские лапти — *В.М.*); 28 июля — березовая аллея (Интересное наблюдение о состоянии Екатерининского тракта обсаженного по указу императрицы рядами берез, между которыми предполагалась и пешеходная дорожка — *В.М.*); 13 августа — земли плодородны и хорошо застроены, колодцы встречаются очень редко, воду добывают из рек и источников или собирают дождевую (Важная информация о высоком качестве воды атмосферных осадков и проточных водоемов — *В.М.*); — 25 августа — давно не выпадало дождя, дороги песчаные, нестерпимо пыльно; 15 сентября — все деревни построены по одному образцу, в них один проход, являющийся главной улицей, идущей через всю деревню, перед каждым городком кузница, костюм мужчин — короткое, плотно прилегающее, подвязанное над бедрами платье, но без воротника, бабы большей частью безобразны, пытаются выделиться пестрым платьем, ноги толсто обмотаны, любимый напиток — Quas (!), перемешанная с водой ржаная и пшеничная мука; 29/30 сентября — из главного штаба приказ сопровождать транспорт с пленными в количестве 1300 человек, состоящих частью из крестьян, частью из солдат, бедные люди очень страдали, так как со дня пленения не получали никакой пищи (!), с голодной жадностью напали на полуразложившуюся падаль и разорвали ее на части, некоторые упали замертво; 5 октября — передали пленных гвардейским гренадерам и гусарам, которые должны сопровождать их до Смоленска, вместо 1300 передали 1100, остальные умерли, кто от недостатка пищи, кто от болезней (Сразу же вспоминается Толстой и его «Война и мир», Платон Каратаев, Пьер Безухов. И еще — оказывается, угон людей в Европу на принудительные работы не изобретение гитлеризма — *В.М.*); 25 октября — погода была туманной, наш «урожай» оказался богаче, нежели вчерашний, примерно 100 быков, овец; 26 октября — направились с нашим стадом скота к Можайску, прошли мимо поля боя (Бородино — *В.М.*), там нашли 2-х раненых русских, лежащих до сих пор здесь и поддерживающих себя тем

малым, что приносили им крестьяне (Страшный эпизод, но причина, по-видимому, в том, что окрестные крестьяне, знавшие о возможности угона во Францию, бежали, но нашлись и смельчаки, заботившиеся о солдатах— *В.М.*); поручили их перенести в один из находящихся неподалеку домов, но, по словам нашего врача, им не пережить следующего дня; 6 ноября — выпал первый снег (Очень важная информация, позволяющая сделать вывод, что зимний сезон 1812/13 года не был уникальным по времени начала холодов и по степени его суровости; более того, как следует из последующих записей от 19 и 26 ноября, он сопровождался возвратами тепла и оттепелями, так что не идет в сравнение с условиями зимы 1941/42 гг. во время германского нашествия, оказавшейся самой суровой за всю историю инструментальных наблюдений в северном полушарии. Массовая же гибель наполеоновских солдат объясняется, по нашему заключению, непригодностью экипировки французской армии к военным действиям в условиях России. — *В.М.*); 8 ноября — был очень сильный холод, дорога, раскатанная повозками и утоптанная войсками, стала гладкой как зеркало, по пути видели более ста упавших от изнеможения лошадей, которые не имели сил подняться на скользкой поверхности (Это тоже результат цикличности атмосферных процессов и смены поступления на Русскую равнину теплых и холодных воздушных масс. — *В.М.*); 12 ноября — множество людей окоченело от холода; 13 ноября — был очень сильный холод; 16 ноября — шли до Ляд, маленького городка, здесь встретили первых евреев, с которыми могли беседовать по-немецки, нечего и говорить, какая это была радость — снова услышать родную речь (!), смогли достать, хотя и очень дорого, немного хлеба (Мне очень близок здесь Теодор фон Папет в этой удивительной по искренности его заметке, действительно, как высоко мы ценим родной язык вдали от дома на чужбине, даже и такой испорченный немецкий, как идиш, ему и дорог и приятен. — *В.М.*); 19 ноября — наши великие страдания усугубились оттепелью (!), из-за нее дорога стала настолько плохой, что в некоторых местах мы утопали в грязи по шиколотку; 25 ноября — переправились через реку, по счастью, за несколько дней до этого подморозило, и переход через реку, оба берега которой болотисты, оказался возможен (И новое подтверждение справедливости моего вывода о гидрометеорологических условиях зимы 1812/13 гг., по среднемесячной температуре воздуха явно не выходившей за пределы средноклиматических значений, однако она сопровождалась сильными ветрами и снежными метелями — так что картина И. М. Прянишникова, написанная в 1874 году, как и другие, подобные полотна, не что иное,

как художественно-историческое обобщение «образа» эпохи — *В.М.*); 26 ноября — переправа через Березину, болото перед мостом растаяло (!), те, кто не смог попасть на мост, выталкивались в воду и тонули в реке, еще не замерзшей (эти строки лишний раз подтверждают вывод о невысокой суровости той зимы — *В.М.*); 8 декабря — дошли до Вильны, хотя это довольно значительный город, с огромным трудом нашли там хлеба на вес золота, холода 6, 7 и 8 декабря перешли все мыслимые пределы, мороз был 29 градусов (это еще раз — к вопросу о цикличности поступления волн холода и тепла на восточноевропейскую равнину — *В.М.*), в эти дни более 1000 человек нашли свою смерть, некоторые офицеры, не имевшие сил идти дальше, остались здесь на Discretion русских и, говорят, с ними очень хорошо обращались (!); 11 декабря — дошли до Ковно, последнего русского города, расположенного на Немане, здесь были огромные склады, которые частью сожжены, частью брошены разграбленными; 14 декабря — пересек границу с Пруссией на саях (!); 15 декабря — Гумбинен, прелестный прусский город».

Какое прекрасное, и опять, же какое чистое и искреннее завершение дневника русского похода при подведении итогов деятельности человека, исполнявшего в чужом краю чужую волю, и, наконец-то, оказавшегося почти в родных краях!

Заканчивая этот опыт разбора путевых записок капитана Папета, отталкиваясь от событий нынешнего дня, позволю высказать следующее суждение. Да, конечно, он солдат наемник, захватчик, пришедший на нашу землю, но не по убеждениям, чтобы покарать Россию, «увлеченную роком, поклявшуюся быть в вечном союзе с Францией и нарушающую клятвы», как заявлял Наполеон 26 июня 1812 года перед переходом Великой Армии через Неман. Говорил французский император тогда красно, с великим пафосом, но «подорожные» карты на территорию «потенциального» противника, пусть и плохие, не раз их подводившие, парижские генштабисты подготовили ему заранее, задолго до момента фактического объявления войны России.

Не отправлялся к нам брауншвейгец Теодор фон Папет и по «идеологическим соображениям», чтобы уничтожить полудиких «степных варваров и недочеловеков», как об этом позже объявляли некоторые из его единоверцев и соплеменников. Он дворянин, он офицер, профессиональный военный, ну, и, конечно же, прагматик, который шел сюда за заработком. Шел он в Россию, как я могу себе предложить после внимательного изучения его записок, и из любопытства — так скажем, для расширения кругозора.

При всей документальной краткости поражает, сколько места в них занимают, казалось бы, «сторонние» заметки и наблюдения, например, столь привлекательное и столь близкое мне восхищение капитана Папета «прелестной красотой» (собственная его ремарка) русских церквей на всем пути движения роты вольгигеров вглубь России. Примечательно, что один из трех рисунков в дневнике это план церкви в деревне Борисово вблизи Вереи. Не надо забывать при этом, что он представитель христианской конфессии, придерживающейся отличного от православия взгляда на божественное устройство мира, что все эти события разворачиваются в первое десятилетие XIX века, когда протестантизм был настроен особенно враждебно против ортодоксальной русской церкви.

Фон Папет явно много знает, неплохо образован, но у него есть постоянное желание расширять круг своих знаний, о чем свидетельствуют развернутые его выписки из истории Москвы, этнографические бытовые зарисовки. Он больше напоминает не солдата, а немецкого искусствоведа или поэта романтика, «прикомандированного» к Великой Армии, слагающего гимн красоте русской храмовой архитектуры, величию московского Кремля «со множеством башен, украшенных позолоченными набалдашниками (Knörfen)».

Для «доказательства» приведу одну лишь запись, очень типичную для этого удивительного немца, его умилений и восторгов от 26 августа 1812 года: «Город Дорогобуж. В 3 часа вышли снова, прошли через город, который был весь в огне, и заняли перед ним позицию. Сам город лежал на горе и, должно быть, был прелестен. Как и во всех русских городах здесь было множество прекрасных церквей!»

И в заключение позволю высказать одну очень простую мысль. Нам не надо ссориться! Так будет только лучше всем — русским людям, живущим в бескрайней заснеженной России, где климат и погода приходят нам на выручку при вражеских нашествиях, немцам — в их сентиментальной мудрой вдумчивой Германии, ну и, конечно же, французам — в их легкомысленной цветущей Франции.

Я этот опыт прочтения дневника командира роты вольгигеров капитана фон Папета из нынешнего времени завершаю на ноте оптимизма и надежды. И снова повторюсь и выскажу простую мысль, которая была выстрадана предшествующими поколениями людей в Европе, зачем сражаться нам и зачем ссориться. Пусть будет посрамлено безумие сил зла, развязывающих мировые войны. Мириться надо, дружить, понимать и уважать другие человеческие общности!

**ПОХОД НАПОЛЕОНА НА МОСКВУ
ГЛАЗАМИ КАПИТАНА ТЕОДОРА ФОН ПАПЕТА,
СОЛДАТА — НАЕМНИКА И ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА**

Перевод с немецкого Т. Ю. Мельниковой, комментарии д-ра Дитмара Хойслера и В. Г. Рохмистрова, редактор журнальной версии проф. В. В. Мелентьев.

Право на публикацию полного текста журнальной версии русского перевода дневника, а также фотографий его обложек, рисунков, выполненных рукой капитана Теодора фон Папета, а также отдельных страниц текста, безвозмездно передано издательству «Аврора» г-ном Д. Хойслером (письмо от July 26, 2012).

ДНЕВНИК¹

2 [июня]

В 8 утра мы получили приказ генерала Вандама² направиться в Отвоцк-Вельки, чтобы подготовиться к завтрашнему смотру перед королем [Жеромом]. Это место в полчасе от Карчева. Там же находится замок графов Поттоцких, расположенный очень красиво, но сильно обветшавший. Местечко выстроено значительно лучше, чем остальные польские деревни.

Двинулись отсюда в парадной форме, в суконных брюках и черных гамашах, прошли маршем через Гуру на то самое место, где однажды уже генерал Вандам делал нам смотр. Здесь мы ожидали короля [Жерома], который прибыл через полчаса, приказал полкам побатальонно проделать маневры, ходить строем и остался, кажется, очень доволен.

В 2 часа вернулись в место расположения.

В 1813 г. участвовал в сражениях при Абендсберге и Экмюле, но 19 августа под Кульмом был разбит и взят в плен. Отличался чрезмерной жестокостью. Во время Ста дней примкнул к Наполеону, но потом перешел на сторону Бурбонов. В 1816 г. был изгнан из Франции и закончил дни в Северной Америке.

12 [июня]

Был дивизионный смотр, которым Е. В. [король Жером] остался чрезвычайно доволен и дал это понять, выдав солдатам Gratification³ для улучшения довольствия.

¹ Приведены некоторые фрагменты из Дневника. Полный текст будет опубликован в журнале «На русских просторах» 2012, № 3 (12).

² Доминик Жозеф-Рене Вандам (1770–1830) — граф фон Юнебургский (1809), генерал (с 1793 г.), командующий 8-м армейским корпусом, был отозван по причине разногласий с королем Жеромом по вопросу снабжения армии, вследствие недостатка которого войска были вынуждены перейти на самообеспечение и нарушение дисциплины.

³ Денежное вознаграждение (фр.) Папет на немецкий манер пишет это существительное с большой буквы.

26 [июня]

Проводили смотр всей дивизией в парадной форме перед генералом Вандамом, где нам было прочитано объявление Францией войны России¹, после чего мы, выслушав его собственную краткую речь, обращенную к нам, высокородным офицерам², возвратились в лагерь.

В 9 вечера вышли отсюда на марш. В 10 прошли маленький польский городок.

29 [июня]

В 9 ¹/₂ выступили. Погода была очень плохая³. Сегодня по пути встретили совсем мало обустроенной местности, а все сплошь сосновые и еловые леса. Дорога ужасно плоха, а потому нам очень повезло, что сегодня не было большого

¹ Приказ Наполеона при переходе армии через Неман:

«Солдаты! Вторая польская война началась. Первая окончилась во Фридрихланде и в Тильзите. В Тильзите Россия поклялась быть в вечном союзе с Францией и в войне с Англией. Ныне она нарушает свои клятвы. Она не желает дать никакого объяснения в странных своих поступках, откуда французские орлы не отойдут за Рейн и тем не покинут своих союзников на ее произвол. Россия увлечена роком. Судьбы ее должны свершиться. Не думает ли она, что мы переродились? Или мы более уже не солдаты Аустерлица? Она постановляет нас между бесчестьем и войною. Выбор не может быть сомнителен. Идем же вперед, перейдем Неман, внесем войну в ее пределы. Вторая польская война будет для французского оружия столь же славна, как и первая. Но мир, который мы заключим, принесет с собою и ручательство за себя и положит конец гибельному влиянию России, которое она в течение пятидесяти лет оказывала на дела Европы. Наполеон». («Отечественная война 1812 г.» Сб. документов и материалов М.Л. Изд-во АН СССР, 1941, стр. 14).

После чтения приказа, как вспоминал Ф. Гиссе, «Вандам еще со своей стороны с присущей ему силой голоса грянул: «Наполеон перешел Неман 24-го числа сего месяца и оттеснил русских. Теперь мы идем вперед и победим. В 2-3 месяца все будет кончено! Тот, кто не имел мужества и сердца сражаться, тот еще вчера повесил свою шапку в бараке и обратился в бегство!» На это язвительное замечание было отвечено трехразовым «Vive L'Empereur!»». (Giese F. Kassel-Moskau-Kustrin. Tagebuch. Leipzig. 1912. S. 53-57; пер. А.В. Попов).

² У Папета «Hg. Off.» — сокращенное устаревшее «Hochwohlgeboren» — «высокородные» офицеры.

³ В этот день в 15 часов начался ураган со снегом и градом, сменившийся непрерывным ливнем, в результате которого за 24 часа во французской армии пало около 50 тыс. лошадей. Причем, потеря строевых лошадей составила 10000, а 40000 относится к обозным; артиллерия, например, потеряла четверть состава лошадей. Многими во французской армии гроза эта была воспринята как дурное предзнаменование, тем более что молниями были убиты три гренadera Старой Гвардии. Последствия этого урагана сказывались на личном составе армии в виде различных болезней, как людей, так и лошадей, еще целый месяц; личный состав умирал от дизентерии, а лошади — от простуд и незрелого зерна. Пехота, практически не имевшая военных столкновений, за месяц уменьшилась наполовину и практически все лошади были заменены трофейными. (Zamoyski A. «Napoleon's fatal marsh on Moscow», London, 2004).

В русских источниках о грозе, разразившейся над Великой армией, сведений нет. Однако многие западные мемуаристы отмечают, что гроза со снегом и градом в середине июня была ужасна. Эпицентр грозы был в районе Вильно; судя по тому, что фон Папет мало говорит об этом, вестфальцев она коснулась в меньшей степени.

перехода. Мы разбили лагерь на высоте в открытом поле у Ястржебна. Солому для шалашей мы притащили из близлежащих деревень, содрав ее с гумен.

2 [июля]

В 5 утра выступили. Так как через город Гродно мы должны были пройти в полном параде, нам пришлось надеть парадную форму¹. В час мы прошли его, перед этим переправившись через реку Неман. Это первый русский город в Великом герцогстве Литовском. При отступлении русские сожгли находящийся там мост. Через реку ведет понтонный мост, наведенный поляками. Город этот самый прелестный из всех, что я видел в Польше. Было поймано несколько задержавшихся в городе казаков. Дома по большей части построены плотно и улицы не слишком узкие, но нерегулярные. Он находится на небольшой возвышенности. Местность по эту сторону Немана гориста и плодородна. Хлеба стоят очень хорошо. Через четверть часа ходьбы от города мы пришли в лагерь, находящийся вблизи деревьев. Город, благодаря красивым церквям, изыщен.

17 [августа]

В 4 утра выступили и шли до 10 часов, после чего сделали привал и распорядились готовить пищу. Но поскольку какие-то мародеры подожгли две деревни, нам пришлось тотчас сняться с места и мы шли без остановок до самого Смоленска. Вид горящего города и сторожевых огней всей французской армии представлял прекрасное зрелище. Мы прошли лагерь французской гвардии, в центре которого находился бивак императора² [Наполеона] и, наконец, в час ночи пришли на правое крыло армии, где и устроили лагерь. Во время нашего прибытия город еще находился в руках русских, но после плотного обстрела был рано утром взят поляками, потерявшими при этом

---

¹ Гисе: «С развернутыми знаменами и гремющей музыкой мы перешли мост через Неман и с энтузиазмом продефилировали через город, мимо дворца нашего короля, который стоял на балконе с Вандамом. Жители восхищались опрятностью, красотой и хорошей выправкой войск, не замечая, однако, при этом, как голод привел в беспорядок все наши внутренности! Мы и Вандам знали об этом... Уже довольно часто он обращался к нашему королю по поводу регулярного продовольственного снабжения для нас и объяснял, что мы, при требуемых от нас тяжелых трудах и при стольких лишениях, не сможем долго их переносить. Вот и теперь, когда король выразил свое удивление сокращением нашего артиллерийского обоза, он дал волю своему языку и в пылу допустил выходку: “С такой артиллерией и с такими заморенными голодом войсками я ничего не смогу с честью сделать против неприятеля: если не будут предприняты лучшие приготовления со стороны администрации, я лучше откажусь от своего командования над вестфальцами!”. Следствием этой сцены, когда Вандам совсем не обратил внимания на личность короля, стало немедленно последовавшее лишение его верховного командования». (Giesse K. Op. cit. P. 59-60). Ох также писал, что «Вандам в Гродно поссорился с королем. Первый, опираясь на свои полководческие таланты и на якобы полученные от императора полномочия, полагал, что можно руководить королем, вследствие чего он поступал самовольно и хотел вмешаться в детали службы в вестфальской армии. Это привело к бурной сцене, следствием которой было то, что король отнял у Вандама командование вестфальской армией».

² У фон Папета — Kaiser.

очень много людей. Только часть города оставалась еще у русских, там собрался весь их гарнизон, который, впрочем, тоже скоро отступил и присоединился к своей армии.¹

31 [августа]

Вышли в 7 утра и в 10 пришли под Вязьму, где устроили остановку, чтобы переодеться в парадную форму. Затем прошли через город, который построен довольно просто, но сожжен дотла. В нем насчитывалось более 30 церквей. Не видно ни единого жителя, вероятно, все бежали вглубь страны. Город совершенно разграблен.

После часового марша пришли в лагерь.

2 [сентября]

Сегодняшний марш длился только 3 часа. Из приказа императора стало известно, что ожидается битва, и нам велели привести оружие в боевую готовность. В 4 часа состоялась генеральная поверка, на которой все досматривалось.²

В 6 вечера внезапно был получен приказ выступать. Мы шли только 3 часа прямо по Московской дороге, после чего разбили бивак у небольшой деревни.

6 [сентября]

Получили приказ из императорской штаб-квартиры немедленно прибыть на место сбора армии, которое находилось у большого замка *Smauke*³. В 7 вечера мы достигли его и нашли всю армию, собравшуюся для утреннего сражения. Мы заняли позицию на правом фланге, дальше нас были поляки.⁴

¹ Битва при Смоленске была первым крупным военным столкновением французов с отступающей русской армией. Барклай де Толли, командовавший Северной армией, и князь Багратион, командовавший Южной армией, проникнутые взаимной антипатией, вынуждены были здесь все же объединить свои силы. В битве погибло около 10 000 французских солдат и около 14 000 русских.

² Лоссберг: «Корпус, перешедший Вислу с 19 000 человек за это время успел потерять около 9 000» (Лоссберг. Указ. Соч. С. 27).

³ Такое слово невозможно не только в немецком, но и во французском языке. Вероятно, здесь в оригинале не совсем разборчиво написанное немецкое слово *Schaukel* — качели. Обычно все публикуемые воспоминания и дневники преждеверяются авторами по источникам и документам, в результате чего в них появляются фамилии, названия и картины действий, о которых автор не мог знать в момент происходящих событий. Здесь же мы имеем дело с невыправленной впоследствии непосредственной реакцией на происходящее. Похоже, сначала услышав название монастыря, расположенного на реке Колочи, фон Папет перепутал его с русским словом «качели» и зафиксировал Колоцкий монастырь как «Замок Шаукель». Тем более, что слово это совсем недавно (24 авг.) обратило на себя его внимание.

⁴ Согласно диспозиции Наполеона к началу Бородинского сражения на крайнем правом фланге французов у Старой Смоленской дороги располагался 5-й корпус Понятовского, 1-й корпус Даву (три дивизии) впереди и левее Шевардинского редута, рядом находился 3-й корпус Нея, за ним располагался корпус Жюно, подчиненный Нею.

На корпуса Даву и Нея, на корпус Жюно и конницу Мюрата была возложена задача атаковать левый фланг русских — Семеновские флеши. Корпус Понятовского получил

7 [сентября]

В $1/2$ 7 ударили общее выступление. Мы выступили в парадной форме и шли сомкнутой колонной с дивизией примерно 2 часа до места, где заняли побригадно позицию на высоте. Здесь до нас уже долетали вражеские ядра и гранаты, но ранило только нескольких человек. Все 80 гаубиц свели здесь в общую батарею армии, которая палила во врага с большим успехом. Мы двинулись сомкнутой колонной, прошли находящееся перед нами прикрытое кустами дефиле и построились перед ним против вражеской кавалерии, которая двигалась в направлении нас, но, заметив нас, не отважилась атаковать и отступила.¹ Тогда мы авансировались² снова и подошли к зарослям кустарника, где нашли несколько наших пушек, захваченных было быстро наскокнейшей русской кавалерией, и забрали их обратно. Обслуга и прочие артиллеристы убежали прежде, чем противник их достиг, но русские тоже вынуждены были их бросить. Здесь под орудийным огнем и картечью мы потеряли много людей. В конце зарослей мы построились для боя, но были тотчас замечены находящейся перед нами русской батареей, которая приветствовала нас картечью. Слева от нас стоял французский полк конных стрелков, однако он уклонился перед нашим фронтом вправо.³ Нашей зада-

задачу совершить обход левого фланга по Старой Смоленской дороге. Наполеон, посылая корпус Понятовского в обход, не знал о расположении в районе Утицы русских войск.

¹ Из воспоминаний адъютанта Наполеона Ф. де Сегюра: «Вестфальцы, которых Наполеон послал на помощь Понятовскому, проходили в это время через лес, отделявший Понятовского от остальной армии. Они увидели среди пыли и дыма наши отряды, которые отступали назад, и, приняв их — вследствие направления их движения — за неприятеля, начали в них стрелять. Эта ошибка, в которой они долго упорствовали, только усилила беспорядок» (Бородино в воспоминаниях современников. И.: «Скарабей», СПб, 2001. С. 233).

² От фр. *avancer* — двигать вперед.

³ Здесь любопытно привести свидетельство другого участника сражения, офицера 2-го кирасирского полка 1-го кав. корпуса А. Тириона: «Долго простояли мы здесь, ожидая пехоты. Наконец, подошла вестфальская дивизия и стала позади нас, отделенная от русских двумя шеренгами наших лошадей, совершенно нами прикрытая, но когда поворотом «повзводно направо» мы открыли интервалы между взводами, по которым пехота могла бы пройти вперед, стать перед нами и вступить в бой, то бедные вестфальцы, наполовину рекруты, изумленные подобной близостью орудий, а также и под впечатлением того обстоятельства, что мы собираемся отходить, начали кричать: «Wir bleiben nicht hier, wir bleiben nicht hier», — и пожелали присоединиться к нашему отступательному движению.

Это обстоятельство вынудило нас вернуться, чтобы поддержать, или, вернее, успокоить пехоту, по пятам которой шли наши лошади. Этим маневром мы продвинули пехоту эту к краю оврага, в который и заставили ее спуститься на несколько шагов, с расчетом укрыть людей от огня русской артиллерии, которая не могла уж теперь действовать вниз оврага. Эта пехота из оврага немедленно открыла огонь по артиллерии и прикрывающей ее кавалерии. Тогда русской артиллерии и кавалерии, очутившейся в 85 шагах под огнем пехоты вестфальцев, только и оставалось, что отойти назад и дать место своей пехоте, которая и завязала ружейный огонь с вестфальцами. Нас отодвинули назад, чтобы вывести из сферы ружейного огня...»

Впрочем, вероятно, здесь речь идет не о 23-й, а о 24-й дивизии вестфальцев.

чей было обойти левое крыло противника и ударить по нему вместе с находящимися справа поляками. Но поскольку последние все не показывались, мы оттянулись назад на 200 шагов в заросли, после того как 2 часа простояли под ужаснейшим огнем пушек и картечью. Оттянулись, так и не выполнив задачу.¹

Так как я невероятнейшим образом стоял на открытом клочке, где был наиболее заметен русской артиллерии, в то время как остальные были прикрыты зарослями, я потерял множество людей под этим огнем. Но и в кустах не было нам покоя, потому что ядра и гранаты врага преследовали нас и там. После 4-х часовой передышки мы получили от Aide de Camp² герцога [генерала Жюно] приказ выступить³ и с помощью поляков, которые, наконец, появились, отбросить часть еще стоящего левого крыла русских. Тем временем корпус маршала Нея взял защищавшие правое крыло и центр русской армии редуты и таким образом отбросил их правое крыло и центр.⁴

Наша бригада все также сомкнутой колонной пошла на штурм врага, который, казалось, в количестве примерно 3-х тысяч ждал нас у зарослей. Но он нашей атаки не выдержал и отступил к своей совершенно разгромленной армии, дав напоследок по нам несколько залпов, но с перелетом, так что раненых ими было немного. От нашей же артиллерии противник значительно пострадал.⁵ Слева от нас стояла 24-я дивизия. Так как в кустах еще осталось несколько русских стрелков, стреляющих по нам оттуда, все вольтижерские роты, в том числе и я с моей, были посланы, чтобы их оттуда выгнать.⁶

Большую часть из них мы застрелили, остальные убежали к своим. В 7 часов вечера битва была окончательно решена. Наши потери были немалые: 1 генерал-майор (Дама) убит, 2 генерала ранены (Тарро и фон Лепель), один легко ранен (фон Борстель). В нашем полку было убито 32 и ранено 200 солдат, из офицеров ранен полковник Лепель, а также капитаны Цейц, фон

---

¹ Корпус Понятовского продвигался очень медленно и вошел в соприкосновение с русскими егерями не ранее 8 часов утра. Оттеснив егерей и заняв деревню, корпус был встречен сильным огнем русских батарей. Опасаясь быть обойденным с левого фланга и отрезанным от главных сил, корпус Понятовского простоял в нерешительности до половины одиннадцатого. К этому времени на участок между Багратионовыми флешами и Утицей вышли передовые части корпуса Жюно. (См. Строков А. А. История военного искусства. Т. IV. Полигон, 1994. С. 358).

² Aide de camp — адъютант (фр.)

³ Лоссберг: «Восьмой корпус получил приказание продолжать уже начатое им движение на правый фланг для поддержания V корпуса в 1 час дня» (Лоссберг. Указ. Соч. С. 39).

⁴ Бои за Багратионовы флешы закончились к 11 часам 30 минутам.

⁵ Против Багратионовых флешей французские войска, усиленные корпусом Жюно, действовавшим правее корпуса Даву в обход укреплений с юга, имели значительное превосходство в силах; со стороны французов действовало 400 орудий, а со стороны русских — 300.

⁶ Лоссберг пишет, что их битва в районе Утицкого леса затянулась до 6 вечера, «после чего фон Охс выслал из всех полков вольтижеров, чтобы очистить лес».

Беткер и Шиммельпфенг¹, лейтенант Лангенекер; адъютант-майор² Бауке умер вскоре после ранения.³ Силы русской армии составляли 190 000 против наших 300 000. Их позиция была очень сильной, фронт защищен редутами.⁴ Потери с обеих сторон были оценены в 30 000, но в пропорции к нашим потери русских гораздо значительнее.

В $3\frac{3}{4}$ часа за русской армией находится город Можайск, отчего битва и названа его именем.⁵ Поскольку враг больше не показывался, мы устроили каре, составили ружья в пирамиды и развели рядом с ними костры.

8 [сентября]

Так как русские отступили и не выказывали больше желания начать все заново, мы оставались на тех же позициях.

16 [сентября]

В 7 часов вышли, переодевшись в парадную форму, чтобы войти в город *in grande tenue*⁶. Едва мы поднялись на небольшой холм, находящийся в полудне ходьбы от города и прошли находящиеся перед ним оборонительные

¹ Мартин Генрих Шиммельпфенг (1788—1856) начал службу с 1802 г. в Гессен-кассельском полку ландграфа, 1810 — вестфальская армия (с 1811 — капитан), участвовал в испанской и русской кампаниях; 1812 — взят русскими в плен; вступил в русско-немецкий легион; 1813 — взят в плен в Дании; 1839 — подполковник в Пруссии (30-й пехотный полк, стоявший в Кобленце, Трире, Люксембурге). Был женат, имел 12 детей.

² Полковой адъютант.

³ Генерал Тарро, раненый пулей в живот, умер к концу сентября. Лоссберг пишет: «Лепело оторвало несколько пальцев левой руки шрапнельной пулей... ранены поручики Бохинец, Ленгенекер и Краусгаар». Также Лоссберг пишет в 8 часов вечера этого дня: «Император поручил Жюно передать нам, что мы бились храбро. Ней оказывает нам честь и громко прославляет нас, а мы, вестфальцы, можем сказать с уверенностью, что заслужили его похвалу».

⁴ Заметка на полях: Их позиция была защищена, как говорится, *en cheval*; то есть оба их фланга были прикрыты с тыла.* Они стояли на небольшой возвышенности, их правое крыло и центр защищали nasкорo сооруженные редуты, левое крыло опиралось на лесок, занятый их *Traillleurs* (стрелками — фр.). Эти заросли, тянущиеся за их спинами на 2 часа пути, прикрывали их отступление. Об их кавалерии отзываются не очень благосклонно, говорят, они бросились в бой пьяными. Некоторые из пленных, которых мы взяли, говорили, что водки давали столько, сколько они пожелают. Их остальным войскам надо отдать справедливость.

* «Справа позиция русских войск прикрывалась рекой Москвой, а слева лесами, затруднявшими действия крупных группировок противника... Прикрытые фланги русской позиции затрудняли их охват и вынуждали Наполеона принять фронтальное сражение» (История военного искусства; т. IV, с. 347).

⁵ Заметка на полях: Битва у Можайска или Московская битва.

Так по французским документам называлась Бородинская битва. На основании этого «герой из героев» Бородина маршал Ней получил титул Князь Московский.

Можайск находится в 12 км от Бородинского поля. Новая и Старая Смоленские дороги сходились в 7 км от поля сражения. Фон Папелт пишет, что Можайск находится «в $3\frac{3}{4}$ часа за русской армией». Вероятно, вычитая то расстояние, на которое раскинулся лагерь русской армии между Можайском и Бородинским полем.

⁶ В лучшем виде (фр.)

сооружения, как нашему взору открылся город со множеством башен, украшенных позолоченными набалдашниками (Knpörfen). Он расположен очень живописно. В нескольких местах он уже горел, горели и все предместья, что убивало в нас надежду найти его еще населенным. Несколько нагруженных провиантом и сопровождаемых французами повозок свидетельствовали о больших для нас неприятностях, так как мы было уже обрадовались спокойным зимним квартирам. Перед городом¹ мы остановились, расположились колонной и составили оружие. От каждой роты послали в город по несколько человек, чтобы, раз жители оттуда сбежали, добыть припасов. Поскольку город еще мало пострадал от огня, я имел счастье его увидеть. Это Quodlibet² из дворцов и бедняцких хижин, стоящих друг перед другом как Голиаф рядом с Давидом.

19 [сентября]

Почти весь город превратился в кучи пепла. Пощажены огнем были только Кремль и небольшая часть города. По словам некоторых немцев, прибывших раньше нас, комендант, находившийся в городе еще за день до вторжения французов, отпустил на свободу нескольких отпетых преступников при условии, что они принесут в дома горшки со смолой и другие горючие материалы и подожгут их при появлении французов. Этим и была решена судьба Москвы.

28 [октября]

Выступили в 6 часов. Поезд экипажей Великой армии чудовищен. Здесь можно найти едва ли не все московские кареты. Мы прошли поле боя³ и находящийся в 3-х часах за ним монастырь, где был эстаблирован⁴ госпиталь. Жандармы задержали несколько наших экипажей, чтобы вывезти из этого госпиталя раненых.⁵ Часом позже мы разбили лагерь в раскинувшемся слева

---

¹ Лоссберг пишет «в Смоленском предместье» (Указ. Соч. С. 49).

² Quodlibet — что угодно (лат.). В данном случае — мешанина.

³ Из воспоминаний Ф.П. де Сегюра: «На этой покинутой местности валялось тридцать тысяч наполовину обглоданных трупов. Над всеми возвышалось несколько скелетов, застрявших на одном из обвалившихся холмов. Казалось, что смерть раскинула здесь свое царство: это был ужасный редут, победа и могила Коленкура. Послышался долгий и печальный ропот: «Это — поле великой битвы!..» Император быстро проехал мимо. Никто не остановился: холод, голод и неприятель гнали нас; только при проходе повертывались головы, чтобы бросить последний печальный взгляд на эту огромную могилу стольких товарищей по оружию, которые были бесплодно принесены в жертву и которых приходилось покинуть» (Сегюр Ф. — П. де «Поход в Россию». Записки адъютанта императора Наполеона I. Пер. с фр. Н. Васина, Э. Пименовой. Смоленск: Русич, 2003. С. 221).

⁴ От фр. *etabli* — основывать, учреждать. Имеется в виду все тот же Колоцкий монастырь, находившийся в 8 км от Бородинского поля.

⁵ Ф.П. де Сегюр пишет о раненых: «когда они увидели, что армия возвращается, что они будут покинуты, что для них нет больше никакой надежды, самые слабые из них выползли на порог; они разместились по дороге и протягивали к нам с мольбой руки!

Император отдал приказ, чтобы всякая повозка, каково бы ни было ее назначение, подобрала одного из этих несчастных, а наиболее слабые были оставлены,

от дороги еловом лесу.

3 [ноября]¹ *

Пришли в Дорогобуж и остановились на месте нашей прежней стоянки. Очень сильный голод. Я отдал 5 франков² за каравай пайкового хлеба и был рад, что он мне достался. Так, если лошадь, ослабевшая от недостатка корма, что часто случалось, падала, солдаты с яростью набрасывались на нее, разрывали на части и ели ее едва не полусырую.³

24 [ноября]

Пришли к Борисову, небольшому городку, населенному преимущественно евреями. Лежит на правом берегу реки Березина. Предместное укрепление единственного ведущего через эту реку моста оборонялось 8-ю тысячами

как в Москве, на поечение тех русских пленных и раненых офицеров, которые выздоровели благодаря нашим заботам. Наполеон остановился, чтобы дать время выполнить это приказание, и при огне брошенных нами и вспыхнувших пороховых ящиков он воспрянул духом, как и почти все мы. С самого утра многочисленные взрывы давали знать, что это приносились те жертвы, к которым нас принудили обстоятельства.

Во время этой остановки мы были свидетелями одного жестокого поступка. Нескольких раненых было помещено на повозки маркитантов. Эти негодяи, повозки которых были нагружены добром, награбленным в Москве, с ропотом недовольства приняли эту новую поклажу; пришлось заставить их взять; они замолчали. Но едва тронулись в путь, как они стали отставать; они пропустили всю колонну мимо себя; тогда, воспользовавшись временным одиночеством, они побросали в овраги всех несчастных, которых доверили им...» (Сегюр Ф. — П. Указ. Соч. С. 223).

¹ Сражение под Вязьмой.

² Это интересно сопоставить с воспоминанием капитана 30-го линейного полка 1-го пехотного корпуса Ш. Франсуа, раненого при Бородино и оказавшегося в Колоцком монастыре в госпитале. Находясь в монастыре на излечении, он «своему верному солдату... платил за яйцо 4 франка, за 1 фунт говядины — 6 франков и за трехфунтовый хлеб — 15 франков» (Бородино в воспоминаниях современников. С. 285).

³ Обер-лейтенант Вюртембергского полка корпуса Нея Христофор-Людвиг фон Иелин вспоминал: «Приготовлялось лошадиное жаркое очень просто. Кусок мяса павшей лошади накальывали на длинную палку, саблю или на штык и его держали над огнем, без соли, без приправ, без сала, — всего этого не существовало. От огня мясо больной лошади делалось отвратительно; из него капала желтая жидкость; когда оно обугливалось, его проглатывали с жадностью. Даже отвращение исчезло; мы готовы были есть пищу, годную для свиней; каждый соглашался питаться чем бы то ни было...»

Сперва начали убивать самых тощих лошадей, застреливая их на месте. Оставалось еще немного соли и приправ; но и это вскоре уничтожилось; стрелять лошадей уже перестали и прямо вырезывали куски мяса из живых лошадей. Несчастные животные, обливаясь кровью, дрожа всем телом, стояли как оглушенные и, наконец, падали обессиленные на землю. Французы прежде всего вырезывали лошадям языки, не добывая их окончательно. При этом отступлении нет ничего ужаснее воспоминаний тех зверств, которые люди совершали над людьми и животными» (1812 г. Записки офицера армии Наполеона фон-Иелина. Типография Т-ва И.Д. Сытина. Москва, 1912. Гл. 1).

поляков генерала Домбровского¹; два дня назад из Турции прибыла сильная 50-тысячная русская армия², которая взяла укрепление и сожгла мост. Так как наша армия была не в силах отбить его обратно, то нам, если мы не желали попасть в плен, было необходимо, не теряя времени, перейти реку, поскольку нам на пятки наступал преследующий нас русский корпус под командованием Витгенштейна, а мы были слишком слабы, чтобы вступить в открытый бой с двумя сильными корпусами, мы свернули вправо по реке и в двух часах от города протянули через нее два скудных моста. Вечером русские были побиты, в основном силами IX корпуса армии³, ибо остальные наши войска не были достаточно сильны. Было захвачено 6 пушек и 600 пленных. Исход дела решили кирасиры, которые неожиданно атаковали правое крыло противника и смешали его ряды.⁴

25 [ноября]⁵

Утром первые экипажи, правда, сначала орудия и повозки с боеприпасами, переправились через реку. По счастью, за несколько дней до этого подморозило, и переход через реку, оба берега которой были болотистыми, оказался возможен. Но кроме них и императорского багажа не переправилась больше ни одна повозка. Все полковое имущество⁶ и офицерский багаж остались на этой стороне. Одинаково кареты маршалов и штабных офицеров (нагруженные преимущественно трофеями из Москвы), которых оказалось очень большое количество. Так как царил невероятная давка, и можно было ожидать, что этот день из-за этого будет просто потерян, я отправился в находящуюся неподалеку деревню, чтобы пересидеть там это время. Там я нашел кое-какую пищу.

26 [ноября]

Днем в деревне внезапно начались крики, что приближаются казаки. Тотчас все находящиеся в деревне, в том числе и я, сорвались с места и устремились, буквально летя по воздуху, к мосту. Я почти достиг его, как на лежащей сзади возвышенности показалась толпа с 3-мя пушками, среди которых была

---

¹ Домбровский командовал 17-й дивизией 5-го армейского корпуса Понятовского.

² Прибывшая из Турции Дунайская армия Чичагова насчитывала в этот момент около 30 тысяч.

³ Имеется в виду достаточно свежий корпус Сен-Сира, командование над которым принял Удино. Корпус прибыл по приказу Наполеона с северного участка и соединился с корпусом Виктора, чтобы обеспечить переправу остатков Великой армии, насчитывавшей к этому времени вместе с подоспевшим корпусом до 60 тысяч человек.

⁴ Вероятно, здесь имеется в виду стычка корпуса маршала Удино с 3-х тысячным авангардом армии Чичагова, имевшая место накануне вечером. В результате этой стычки французы заняли Борисов, а Чичагов, не разобравшись в ситуации, отвел свою армию на правый берег и сжег мост.

⁵ Заметка на полях: Переход Березины. В немецком *Passage der Berezina* — это именно переход, в то время как французское *passage* можно перевести как переправа.

В этот день в Борисов прибыл Наполеон с гвардией.

⁶ Фон Папет употребляет здесь французское *effet* (имущество) на немецкий лад *Effect* — достижение. Возможно, он видел в этом дополнительный смысл — все, что было завоевано, награблено и вывезено из Москвы, все бросили.

одна гаубица, и они тотчас принялись обстреливать в страшном беспорядке толпящийся перед мостом людской хаос. О том, что мало какой снаряд не достиг здесь своей цели, нечего и говорить.

Что за страшная смерть постигла несчастных раненых, которые были затоптаны самым жалчайшим образом. Из-за большого количества столпившихся у переправы лошадей, болото перед мостом растаяло, так что большинство лошадей здесь попадало. Прилагая напряженные усилия, чтобы встать, они разбрасывали людей, которые, будучи теснимыми со всех сторон, большей частью погибали. Таким образом, чтобы добраться до моста приходилось перепрыгивать с одной лошади на другую. Кто соскальзывал и оказывался под лошадью, затаптывался следующими. Те несчастные, кто не смог попасть на мост, так как, зажатые в толпе, они уже не знали, в каком направлении двигаться и устремлялись куда попало, выталкивались в воду и тонули в реке, еще не замерзшей, потому что помочь им было некому. На самом мосту опасность была уже не столь велика. Мне посчастливилось в 4 часа пополудни оставить позади этот мост, стоивший стольких жизней. На другом берегу был лес.¹

11 [декабря]

Холода 6, 7 и 8 [декабря] перешли все мыслимые пределы. Мороз был 29 градусов. В эти дни более 1000 человек нашли свою смерть, к тому же мы еще были измучены голодом. Я переночевал у одной немецкой семьи, которая лишь за очень большие деньги решила дать мне что-то поесть. Так как по всей этой местности шныряли казаки, мы вышли уже в 11 вечера. Неко-

¹ Прилагается рисунок автора.

Современники, видевшие переправу на Березине, писали, что «между построенными неприятелем мостами расстоянием на 500 саженой поле и река так завалены мертвыми телами и лошадами, что местами можно было по ним идти пешком через реку» (см. М.И. Кутузов. Сборник документов, т. IV, ч. 2, с. 423).

Из воспоминаний Ларрея: «В ожидании постройки мостов гвардию и главную квартиру разместили на ночь с 24 на 25 ноября в замке князя Радзивилла, расположенном на расстоянии одного лье от моста, где предполагалось совершить переход.

Первыми перешли 1-й и 4-й корпуса, а затем и гвардия без препятствий безопасно достигла противоположного берега, но когда стали переправлять тяжелые орудия, то один из мостов рухнул, и дальнейшее движение остальной артиллерии, всех возов, телег и походного госпиталя приостановилось. Это привело в неописуемый ужас всех оставшихся на левом берегу.

К довершению несчастья, наскоро починенные мосты не выдержали и снова рухнули. Всякая надежда на спасение в эту минуту пропала. Потеряв голову, под влиянием отчаяния большинство кинулось вниз на лед, рассчитывая перебраться по льду на другой берег, но благодаря сильному течению река у самого берега не замерзла. Несчастные бросились вплавь, некоторым удалось переплыть это пространство, а другие тонули или гибли, затертые льдинами. Самые благоразумные и смелые бегут назад и сами отдаются в руки врагам, спасаясь от тех ужасов, свидетелями которых они только что были.

Переход через Березину стоил жизни многим людям всех состояний».

Французы потеряли на Березине до 30 тысяч человек (см. История военного искусства, т. IV, с. 394).

торые офицеры, не имевшие сил идти дальше, остались здесь на Discretion¹ русских и, говорят, с ними очень хорошо обращались. После 3-х дневного марша дошли, наконец, до Ковно [Каунас], последнего русского города, расположенного прямо на Немане. Его здесь называют Мемель, и он довольно большой, но плохо построен. Здесь, как и в Вильне, были огромные склады, которые частью сожжены, частью брошены разграбленными.

18 [января]

Шверин [Сквежина]. Здесь широко распространился слух, что в Ландсберге, городке, находящемся в 4-х часах отсюда, появились казаки. Поскольку с одной стороны была очень высокая вероятность того, что слух этот небезоснователен, а с другой — весьма неприятно, что все время приходится слышать это слово, мы наняли здесь почтовых лошадей и к вечеру через Мезериц [Мендзыжеч] и Франкфурт-на-Одере достигли Берлина.

---

¹ От французского «se rendre a discretion» — сдаться на милость победителя.

Вернисаж

Валерий ЛЕДНЕВ

Валерий Леднев – Народный художник России. Заслуженный деятель искусств Россиию. Лауреат международной премии имени Николая Рериха.

Профессор, кандидат искусствоведения, заведующий кафедрой рисунка факультета изобразительного искусства Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена.

Как я стал художником...

Часто задают вопрос: «Как ты стал художником?». Односложно тут не ответишь...

Перед глазами встает самая красивая на свете костромская земля, родная деревня Авдотьино. Я помню каждый домик в ней, и как в него войти, всех жителей; многие из них уже ушли, а в памяти моей они живы навсегда. Помню наш дом, большую семью — прабабушку, бабушку, дедушку, тетей, дядей, младшего братишку и, конечно, маму. Хоть мы и получили документ о гибели папы, но мы все вместе еще долго ждали его возвращения...

Вспоминается ясно, с множеством разных подробностей, детство. Это длинные, морозные, с большими сугробами зимы. В сильные морозы сидим дома, у печки, весь день шумно топящейся. К вечеру собираются подруги тети Вали на посиделки: вяжут, вышивают, прядут и поют удивительно стройно — песни и жалобные, и грустные, и веселые. А у входа в дом сидят парни — женихи. Играя в карты, поглядывают на своих красавиц. Веселое время Масленица — сколько радости: катание на лошадях, собиранье старых корзин для сооружения чучела масленицы, а потом

веселое ее сжигание. А какое наслаждение бежать по насту, куда хочешь, без дороги!

Бурный приход весны, с капелью и ручьями, с прилетом птиц и огромными разливами, которые приносили столько проблем: в школу не пройдешь — нет резиновой обуви, сидишь дома и плачешь. Но яркое солнце высушивает и разлив, и слезы. Приходит Пасха. В российской деревне это настоящий святой праздник. Готовятся к нему с большим усердием и старанием. Деревня становится вся чистой, прибранная, дома вымытые, притом у нас моют ветками можжевельника весь дом: пол, потолок, окна, стены. Входишь — словно в новый дом.

Но вот и лето! С ароматом лугов, шумом леса, с ливнями и громами, с поспевшей земляникой, черникой, малиной. Всегда с замиранием сердца спускаешься в погребную яму — деревянный сруб, набитый весной снегом и льдом, присыпанный сеном — настоящий холодильник. Там хранилась собранная земляника в корзинках, банках, плошках; до сих пор остро ощущаю этот чудный аромат. С волнением поднимаешь это все наверх — завтра едем в Кострому, на базар, это Волга, пароходы, много-много народу, каких только сцен не увидишь! Вот все дела на базаре завершены, и ноги сами тебя несут в Костромскую картинную галерею. И сердце стучит при встрече с картинами Сурикова, Репина, Левитана, Кустодиева.

В разгаре сенокос; загорелая, белозубая мама, усталая и самая красивая, жадно пьет прямо из бидона воду, которую я ей принес. Длинные дни, столько всего успеваешь: три раза сходишь в лес за ягодами, польешь в огороде грядки, искупаешься в пруду, и после вечернего чая засыпаешь, а в глазах мелькают ковром люди, ягоды, вперемешку с грибами и радугой через все небо.

Бежишь уже по разноцветному осеннему лесу и не понимаешь — это красные грибы или листья? Оказывается всего много. При всей сказочной красоте осени на деревенского жителя сваливается много забот, и большую часть с гордостью и ответственностью выполняем мы — дети.

Но вот и первое сентября. Школа. Первый класс. Учительница Валентина Ивановна Румянцева маленького росточка, вся такая лучистая, говорит негромко, но все слышно и понятно. О, чудо! У нее на столе разноцветные мелки. Преодолев боязнь, на перемене я изобразил на классной доске лесную птицу — дятла. И

так увлекся, что не успел стереть с доски свой рисунок. Входит Валентина Ивановна. Все встают. «Садитесь дети!». Взглянув на доску, строго спросила: «А это кто нарисовал?». «Это Леднев», — громко произнесла моя соседка по парте, Таня Румянцева, дочь учительницы. По мне прошел ток. Тишина. «Молодец, Леднев! — услышал я. — Если будешь любить рисование, учиться и много работать, будешь настоящим художником!». Какая-то горячая волна прошла по мне, стало солено во рту и защипало в глазах. С этого дня меня одни звали, а другие обзывали «Валерка-художник». А мне ничего не оставалось, как каждодневным своим трудом оправдывать это для меня великое слово — художник.

Интервью с Валерием Ледневым

Валерий Александрович, как вы считаете, что должно произойти, чтобы люди вернулись к духовным традициям, чтобы мир стал более нравственным? К сожалению, то, что происходит вокруг, свидетельствует о том, что психологи назвали «испарением морали».

Возможно, причина кроется в отношении к образованию, особенно, к школьному. Родители сегодня не проявляют особого интереса к тому, как и чему учатся их дети. Лишь бы сдать своих отпрысков с рук. Вспоминаю, как нас с братом воспитывала мама. Мы жили в деревне. Мама сама была малограмотна, но всегда встречала нас вопросом: «Как успехи?», просматривала дневники, интересовалась, какие занятия были, что проходили на уроках и что задали на дом. Мне кажется, что связь у родителей со школой, с педагогами была раньше более тесной. И самообразование носило несколько другой характер. Мы ходили в школу за шесть километров в мороз и дождь всегда с большим желанием и если нас по каким-то причинам не пускали, мы плакали, так хотелось в школу. А нынешние дети уже в начальной школе почему-то не хотят идти в школу. Ведь школа не только учит, но и воспитывает будущего гражданина.

Вы сейчас затронули очень важный момент. Да, что почти совершенно отсутствует в школе и вузе сейчас — это воспитание. Скажите, пожалуйста, возможно ли полноценное образование без воспитания?

В моей родной академии им. И.Е. Репина в его внутреннем круглом дворе, написано: «Живопись», «Ваяние», «Зодчество» и «Воспитание». С самого основания Академии будущих художников наряду с изучением предметов искусства воспитывали настоящих граждан Отечества. Так должно быть во всех учебных заведениях.

Когда я только начинал свою преподавательскую деятельность в вузе, у нас больше было живого общения со студентами. Преподаватели чаще, чем сейчас, собирали студентов, ездили вместе на выставки. Жили одной жизнью. А сейчас я как заведующий кафедрой не могу требовать этого от своих педагогов, которые

работают на двух, на трёх работах. Ведь зарплата, скажем, у ассистента на кафедре — восемь тысяч рублей! При этом преподают они качественно, а вот на воспитание студентов времени и возможности уже не остаётся.

Сейчас очень обсуждаемой темой стал образовательный уровень нынешних абитуриентов. Он действительно ощутимо снизился по сравнению со средним уровнем в 80-е годы? Несмотря на интернет, компьютерные и прочие технологии?

Да, к сожалению, с появлением ЕГЭ (какая-то даже аббревиатура неприятная!) к нам приходят поступать абитуриенты часто совершенно безграмотные. Ведь по написанному сочинению, по тому, как человек рассуждает о Пушкине, Достоевском, лучше всего видно, кто он есть. Сейчас же мы как будто «играем в тёмную» и принимаем людей ничего не знающих о русской литературе, истории. И так называемое «современное искусство», с его вывертами, активно пропагандируемое в прессе и телевидении — это, наоборот, попытки увести молодёжь от искусств. Сейчас молодые все эти эпатажи знают, а великого Сурикова — не знают!

Поступающие к нам как-то умеют рисовать. Но раньше, когда к нам приезжали абитуриенты со всей страны, мы принимали действительно талантливую молодёжь. Теперь слишком дорогие стали билеты, и сама жизнь подорожала. Наверное, если бы я сейчас приехал из своей деревни, я бы никуда не поступил. Да и страна стала меньше после того, как распался союз. Вспоминается жизнь в общежитии Академии художеств, девять студентов в комнате — все из разных республик и жили как родные братья.

Хочется отметить, что известные творцы и соиздатели вашего поколения, родившиеся до войны — вы, Владислав Чернушенко, Валентин Распутин — все из простых семей, росли без отцов, а кое-кто и в детдоме. Но, несмотря на колоссальные трудности, из вас получились настоящие гиганты в литературе, музыке, живописи! Как вы это объясните, и возможно ли сегодня появление подобных «гигантов» — новых Распутиных, Чернушенко, Гаврилиных, Аникушиных?

У современной молодёжи совсем другие интересы, чем были у нас, больше прагматизма. У моего поколения были другие ценности, больше мечтаний, романтики. Мы интересовались классиче-

ской музыкой, литературой, театром, посещали музеи, которых так к счастью много в нашем городе и конечно по настоящему без пропусков занимались на занятиях в Академии, ловили каждое слово своих наставников профессоров.

Я разговаривал с людьми, которые преподают на филологическом факультете СПбГУ. Они жаловались, что у студентов полностью отсутствует представление о литературе советского периода! В лучшем случае, они знают фамилии Ахматулиной, Евтушенко, Аксёнова, но не имеют представления ни о Шолохове, ни о Твардовском, ни о Казакове. Как вы считаете, есть ли выход из этого культурного тупика?

Да, сейчас и студенты, поступившие к нам учиться, к моему удивлению, совершенно не знают наших великих художников, писателей, живя в таком городе, где все рядом и доступно. Я не знаю, есть ли выход.

Уже лет двадцать, как наше образование направлено в ошибочное русло. Начинать искать выход из тупика надо со школьных программ по истории, литературе, да и по всем предметам — искаженных, непонятно кем составленных.

Расскажите о своей семье, о матери.

Моя мама — это образец трудолюбия. В моей мастерской — её портрет моей работы. Ей тут сорок пять лет. Я часто вспоминаю её, размышляю о её жизни... Мама осталась в двадцать лет вдовой с двумя детьми. А у бабушки с дедушкой было ещё восемь человек по лавкам. Мама работала в колхозе, как все, бесплатно. Мы, оба сына, помогали ей во всем. Родители должны показывать детям пример, как надо трудиться. Я, например, не знаю, что все эти банкиры показывают своим детям. Некоторые из нынешней «элиты» откровенно рассказывают в СМИ, как они начинали свою карьеру с того, что торговали джинсами. А сейчас они воспитывают своих детей. Хорошо хоть, что жить в России они не собираются. Это совсем другой слой, другая культура...

Все чаще задумываешься о нашей сегодняшней жизни. Омрачают многие явления. Словно вирус потребительство заражает наше общество и к сожалению молодежь. Двуличие и неискренность чиновников, пробившихся к власти, говорящих казалось бы красивые, дельные речи и тут же государственные

средства использующих как свой кошелёк. Происходит катастрофическое расслоение общества на демонстрирующих незаконно приобретенные богатства как свое превосходство над людьми, трудящимися честно и созидающими величие нашей страны.

Валерий Александрович, вы очень разноплановый художник, не замыкаетесь на одной теме. Это портреты, пейзажи, с видами как природы, так и города. Среди ваших работ я вижу много женских портретов. И не только русских женщин, но и китаянок. Очевидно, эти работы были сделаны после ваших поездок в Китай. И ни на одном портрете нет тёмного образа. Везде свет, вы воспроизводите светлые души. Скажите, это преобладающий мотив вашего творчества?

Да, во всем моем творческом багаже есть лишь две трагические картины, это «Благослови молитвой нас» — царская семья перед расстрелом и «Мать провожает отца на войну», посвященная моим родителям. В остальных же работах я всегда ставлю задачу — воспеть земную радость бытия...

А что может быть красивее женщины? В особенности это относится к русской женщине. И к русской земле. Я бывал в разных странах. Но когда приезжаешь в русские города — Ростов-на-Дону, Кострому, Новгород, даже в деревню, видишь там храм... У нас удивительная страна. Я недавно побывал на Соловках. Был поражён: как это монахи приехали туда и создали такой красоты оазис, всё вырастили сами, построили.

Вокруг много удивительного. Вот я и хочу своим творчеством дать людям надежду на то, что жизнь продолжается, несмотря ни на что, и она прекрасна. Чтобы не были пессимистами. Ведь когда встречаешь человека, и он тебе улыбается, то у самого настроение улучшается. Особенно в современном мире, так много трагедий, терактов, жертв, несчастий. Ведь одна из задач искусства показать как прекрасен и хрупок этот мир, который нужно спасать, охранять.

Что же касается женских образов, о которых вы говорили... Я пишу портреты не только молодых, красивых женщин. Однажды у меня была удивительная встреча со старушкой девяноста лет, Александрой Фёдоровной из деревни под Великим Новгородом. Там есть знаменитая церковь Нередица. Она была возведена для освящения яблок и открывалась только раз в году, и люди съез-

жались туда со всей Руси на Яблочный Спас. Там были необыкновенные фрески. Сейчас сохранились только плохонькие довоенные фотографии, лишь по ним можно теперь судить, какое это было чудо. Эта женщина со своим мужем охраняла Нередицу во время Великой Отечественной войны. Храм попал в полосу военных действий и обстреливался прямой наводкой. Муж Александры Фёдоровны, под яростным обстрелом немцев, собирал в корзины отбитые со стен артиллерийскими взрывами пласты фресок и погиб. Александра Фёдоровна, оставшись одна, сумела сохранить шестнадцать корзин с фрагментами фресок! Все они были разобраны и подписаны: на какой стене они располагались в храме, на каком ярусе и какой сюжет.

К сожалению, корзинам этим было суждено долго стоять, дожидаясь реставрации, в храме Софии Новгородской. А в 1968 году корзины понадобились для сбора картошки, их бесценное содержимое высыпали в одну кучу и перемешали. А ведь эти пласты можно было поставить на место и восстановить фрески! Великий новгородский реставратор настенной живописи Греков чуть не плакал, увидев такое варварство, найдя фрагменты и прочитав на них подписи Александры Фёдоровны... А ведь эта женщина никаких академий не заканчивала, но понимала и ценила великое искусство древнерусской фрески. Я написал её портрет на крыльце деревянного дома на фоне Нередицы. Церковь, конечно, восстановили, но фрески утрачены и часть стен покрыта белой штукатуркой.

Костромская земля гала России много великих имён...

Я думаю, что это не Кострома, а Волга. Кострома ведь на Волге. Там родились люди, которые любят природу, людей, наблюдают жизнь — и создают свои замечательные произведения. Такие, как Шаляпин, Горький, Островский. Ведь почему появился Шаляпин? На всём протяжении Волги жили люди, которые пели. Когда я рос, у нас в каждом доме в праздники пели. Во всех деревнях были гармонисты, были плясуньи и певуны, с такими чудесными голосами народ пел! Моя тётя Валя была похожа на Русланову и так пела, что и меня «увлекла». Я потом пел в университетском хоре. А ведь культура пения — это великая культура. Человек поднимается над землёй, парит. Недаром часто Владислав Чернушенко, великий руководитель нашей петербургской капеллы говорит — «песня это душа народа».

И сама музыка... У меня есть птичка — волнистый попугайчик. Когда ему хорошо, он прыгает и поёт. И я вижу, что он счастлив... Так же и человек. Я помню, идёшь с репетиции хора — летишь, как на крыльях!

Вы вспомнили Бориса Тимофеевича Штоколова. Расскажите об этом великом, незаслуженно забытом человеке.

Штоколова я услышал впервые в студенческом общежитии. Все мои девять соседей по комнате ушли, а я болел. Лежу один, и вдруг по радио зазвучал его голос... Кажется «Гори, гори, моя звезда»... и у меня слёзы по щекам потекли... Потом, когда он выступал в филармонии, я увидел афишу и побежал покупать билет. Потратил почти на половину своей стипендии. А он тогда ещё молодой был, красавец...

В третий раз мне посчастливилось услышать его в Эрмитажном театре. Пиотровский-старший сделал подарок женщинам — пригласил на 8 марта Штоколова, и Борис Тимофеевич пел женщинам свои романсы... Очень жаль, что он так рано ушел от нас. Такие певцы остаются в народной памяти на вечно.

Он бывал у меня в мастерской, сидел здесь, в этом кресле. Это действительно был великий певец и очень интересный человек. Он был начитанный, хорошо знал историю России, целый день мог рассказывать о личности и эпохе Бориса Годунова. Потому что он двадцать пять лет пел его партию. По рассказам Бориса Тимофеевича, каждый раз на сцене он сбрасывал по три, по четыре килограмма, потому что это мощный драматический образ, и петь приходилось весь спектакль, а сценический костюм весил около двадцати килограмм! И вот в таком костюме, представьте себе — ходить, гореть, петь мощным голосом! Это огромный труд. Я любил слушать эту оперу. Когда Борис Тимофеевич посмотрел мои работы, он попросил написать его портрет в роли Бориса Годунова, что я постарался сделать.

Вам доводилось встречаться со многими замечательными людьми, например, с Жоресом Алфёровым...

С Жоресом Алфёровым мы встретились совершенно случайно. Наши сыновья учились в одной школе. На одном из родительских собраний мы сидели рядом. Потом он забрал сына в школу при своём институте, им организованную. Позже я писал его

портрет, но он человек очень занятой и не мог просто сидеть, мне позировать. Я пришел к нему в институт. У Жореса Алферова были занятия с учительницей английского языка, которая помогла ему подготовиться к докладу на английском языке, кажется, в Германии. Все два часа, пока они занимались — я делал с него наброски. А потом написал портрет.

Над чем вам сложнее работать — над пейзажем или портретом?

На этот вопрос нельзя ответить однозначно. Вообще, художник постоянно собирает материал. Я должен каждый день работать. Это не значит, что я каждый день пишу по картине. Этюд — это как гаммы для пианиста. Вот выскочишь в эту осень, возьмёшь её краски... Пусть порой неудачно, всё равно это нужно делать постоянно.

Если я неделю не пишу, теряется уверенность, смелость в работе. Думается, это относится к любой творческой профессии. Как говорил Борис Тимофеевич Штоколов: «Если я не распоюсь, я начинаю увядать»...

Кому из учителей вы больше всего обязаны как художник?

Больше всего я обязан маме. И моей учительнице в первом классе, увидев мой рисунок, сказала: Может из тебя получится художник, если будешь учиться».

Валерий Александрович, у вас никогда не возникало желания уйти со своего пути?

Нет, у меня не было таких мыслей. Как-то раз и навсегда зарубил у себя на носу, что быть мне художником. Правда, меня чуть не «сманил» Григорий Моисеевич Сандлер, у которого я пел в хоре. На четвертом курсе он проявил ко мне интерес и назначил мне репетитора, чтобы я солировал хоре русские песни. А ведь он видел многих певцов, у него было 3 хора!

Даже Штоколов слышал, как я пою. Он сам заставил меня спеть на моём же юбилее. Я пригласил его на выставку ко мне в университет, и на банкете его попросили спеть. Но разве может великий певец петь на празднике? Знаете, как пошутил Шаляпин, когда его попросили спеть? Бесплатно поют только птички! Штоколов вышел из положения, сказав моему проректору: вот у

Валерия Александровича хороший голос, попросим его спеть. И мне ничего не оставалось, пришлось спеть.

Я начинал петь в доме культуры связи, потом перешёл в университетский студенческий хор Сандлера, который был очень знаменит. Сегодня я с удовольствием слушаю хор музыкального факультета нашего университета. Кстати, в своё время я со сватал туда Бориса Тимофеевича, и он преподавал у нас лет пять, стал профессором. Он вел собственный сольный класс: три баса и один баритон — ученики ездили к нему домой на Петровскую набережную, где он с ними и занимался.

Под ним, в том же парадном, жил композитор Андрей Петров, автор любимых народных песен, опер и балетов, здесь он написал оперу «Пётр Первый». Я приходил к нему в гости. Из окон была видна Нева и домик Петра I. И когда он при мне сел за рояль, я почувствовал, что должен объединить всё это в холсте: Андрей Петров за роялем, Нева, домик Петра... И я это всё старался воплотить в своей картине.

В ваших альбомах я встретил фамилии таких выдающихся художников, как Владимир Ветрогонский, Михаил Аникушин, у которого сейчас отмечается юбилей. Вам приходилось общаться с ними лично?

Да, и для меня это большое счастье. Друзьями их называть я бы не стал, так как один из них — ровесник моего отца, другой — еще старше. Скорее это мои учителя, у которых многому можно было научиться. Я их любил, уважал, бывал у них в мастерских.

В.А. Ветрогонский в течение десяти лет был у нас председателем ГАК — комиссии по защитах дипломов. А я у него на факультете графики в Академии художеств был членом ГАК. Мы вместе ездили в Китай и другие путешествия...

Говорят, что в Китае сейчас проявляют огромный интерес к нашей живописи. Это правда или вымысел?

Речь идет не только о живописи. Вчера по радио слушал выступление одного академика, имеющего непосредственное отношение к этой проблеме. Сейчас в Китае работают 580 тысяч иностранных специалистов. К каждому из них приставлен китаец, который перенимает у него опыт. Какая политика! Они скоро во всех жизненных сферах выйдут на первые позиции.

А что касается живописи... Ещё до перестройки в Советском Союзе училось очень много китайцев. Они прекрасно говорили по-русски. Со мной тоже учился студент-китаец Су Гаоли, который стал у себя на родине профессором. Они привезли в Китай нашу школу живописи.

Многие современные руководители художественных вузов Китая закончили нашу академию. Очень почитают творчество Андрея Андреевича Мыльникова и его школу.

Расскажите о своей поездке в Китай. Как вас там встретили?

В последний раз мы ездили в Китай с председателем Союза художников Петербурга с Альбертом Чаркиным, возглавляли нашу делегацию. Там проходила большая выставка. Уже в аэропорту китайцы поразили нас своим радушным приемом: подали огромный «Мерседес», впереди нас ехала машина полиции. В машину вместе с нами сели два врача — на всякий случай. Так мы приехали в крупный город Ланчжоу. На нашу выставку прибыло всё городское правительство. В нашей стране такое бывает редко!

Исключения, конечно, встречаются. Мне очень симпатичен один из заместителей губернатора нашего города — Василий Николаевич Кичеджи. Меня представил ему наш ректор Валерий Павлович Соломин. Кичеджи тогда приезжал к нам в вуз, произносил речь перед первокурсниками. Ещё мы встретились на фотовыставке о Соловках. Надо сказать, это была потрясающая выставка — огромные фотографии, изумительные виды монастыря, документы о его прежнем существовании и нынешнем возрождении, подлинные вещи, фотографии сосланных в ГУЛАГ и погибших осужденных. Кичеджи на этой выставке произнёс душевную речь, выступал не формально, хотя он — человек не искусства. Хорошо, когда чувствуется искренний интерес людей из правительства к нашей культуре.

Мы много говорили сегодня о людях искусства. Хотелось бы узнать, какое влияние оказала на вас литература. Кто ваши любимые писатели? Я имею в виду как из классики, так и из современных.

В первую очередь, это А.С. Пушкин. Он всегда со мной. Особо часто я перечитываю его письма. Поэзию Пушкина мы все знаем, а вот письма... Их читаешь, и словно этот великий писатель

обнажает перед тобой свою душу... Нет, это не пустое любопытство. Письма такого творца — произведения искусства! Это был великий человек. Ещё люблю поэзию — С. Есенина, Н. Рубцова...

А кого вы предпочитаете из ныне живущих русских писателей и поэтов?

Мои предпочтения — это Василий Белов, Валентин Распутин. Ещё — Фёдор Абрамов. Виктор Астафьев — чудный писатель, особенно мне дороги его ранние вещи, с описаниями деревенской жизни, про мальчишек. Эти писатели близки мне своими описаниями природы, людей.

Вы уже сорок третий год преподаёте изобразительное искусство. У Вас колоссальный педагогический стаж. Скажите, среди ваших учеников есть кто, кем вы можете гордиться?

Конечно, за все годы у меня учились сотни студентов. Но в большей степени мои ученики — те кто писал диплом под моим руководством. Их у меня было 5—6 каждый год. Многие из них стали учителями и директорами художественных школ, преподавателями нашего Университета и других вузов, хорошими художниками. Трое даже стали Заслуженными художниками. Поэтому согласен: есть ученики, которыми я могу гордиться!

Какие у вас творческие планы на ближайшее будущее?

Я сейчас работаю над новой картиной, посвященной А.С. Пушкину. Зачитываюсь его произведениями, дневниками, письмами... Вот читаю о том, как он ждал своих друзей в Михайловском, и представляю... Зазвенел колокольчик. Александр Сергеевич подбежал к замороженному инеем окну... Представляете? И я хочу изобразить его у окна. Он ждёт друзей...

На меня огромное влияние произвели поездки в Михайловское. И даже кощунственно я думал: повезло Александру Сергеевичу со ссылкой в такое красивейшее место России! Красота этих мест вдохновила его на создание поэтических шедевров.

Есть замечательный художник Сергей Репин, профессор Академии художеств. Большую часть своего творчества он посвятил воспеванию удивительной красоте этих мест и образа поэта.

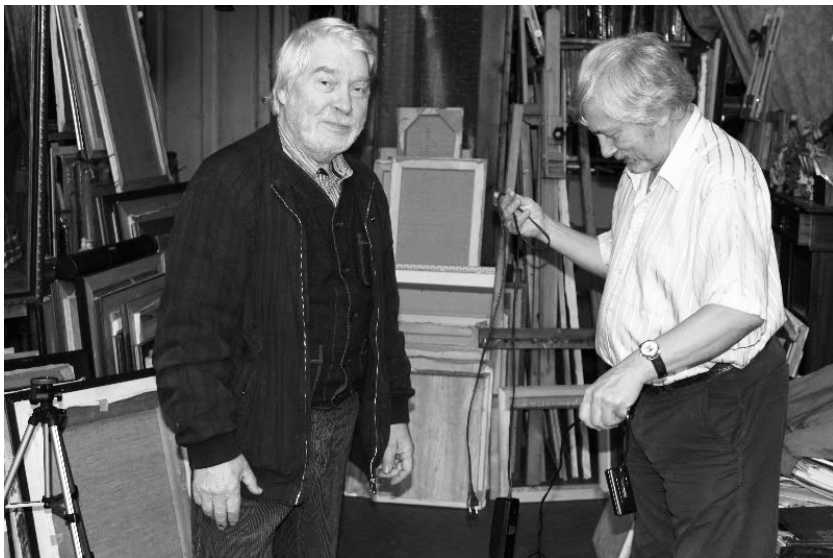
Когда вы работаете здесь, в своей мастерской, вы слушаете

музыку? И если да, то что именно?

Конечно, слушаю: Штоколова, Шаляпина. Люблю музыку Свиридова. У меня есть натюрморт, посвящённый Георгию Свиридову. Помню, как меня потрясло известие о его смерти. Под впечатлением я написал натюрморт с красными маками, посвященный памяти композитора. Да, это был гениальный композитор! Ещё люблю песни Валерия Агафонова, с которым дружил, когда учился в Академии. Всегда восхищался его виртуозной игрой на гитаре и глубокими знаниями русского романса.

Считаете ли вы, что учить студентов — это ваше призвание?

Призвание? У нас в училище в Костроме была педагогическая практика. Я на неё не пошёл. И тогда меня вызвал директор и сказал, что на месяц снимет меня со стипендии, потому что я не был на практике. А я-то учился на повышенную стипендию! Помню, что я тогда ответил Александру Ивановичу Бузину: «Я буду художником — или никем! Никого не буду учить». А видите жизнь как повернулась — уже сорок пять лет как преподаю и не мыслю себя без нашего университета.

Валерий Леднев и Анатолий Пантелеев

Валерий Александрович, как вы считаете — вы счастливый человек?

Вообще-то сложно ответить на вопрос, что такое счастье. Бывают светлые дни, а бывают — темные. Но, наверное, я счастлив, потому что живу в таком прекрасном городе, потому что занимаюсь любимым делом, работаю в замечательном Университете, где много талантливых коллег, дорогой для меня факультет, кафедра рисунка, которой руковожу уже тридцать лет и горжусь, что она развивается.

Я люблю свою семью. У меня заботливая красавица жена, родившая мне сына, отдающая много физических и духовных сил его воспитанию, а сейчас — красавице внучке, как две капли воды похожей на мою жену в юности, и внуку — школьнику, спортивному умному мальчику. Внучка уже учится в РГПУ им. А.И. Герцена. Она не пошла по моим стопам, получает специальность психолога... В моей жизни есть всё, что нужно человеку для счастья, поэтому — наверное, я счастливый человек!

Беседу вел Валерий Новичков.

Проза

Кира ГРОЗНАЯ

Кира Грозная. Живёт в Санкт-Петербурге. Практический психолог, преподаватель психологии. Защитила кандидатскую диссертацию по преодолению кризисных ситуаций. Пишет стихи и прозу. Автор двух изданных книг. Публиковалась в ряде печатных изданий России и зарубежья.

Виктория и Глория

Когда я сдамся — неважно, кому или чему: мужчине, материнскому инстинкту или преклонному возрасту — то уйду на покой и стану владелицей коннозаводческой фермы. Я пока не знаю, откуда у меня, обычной девчонки из посёлка Варакино, возьмётся деньги на ферму. Сейчас мне представляется, что деньги — не самая большая проблема в жизни. Их можно украсть в банке, заполучить, соблазнив преуспевающего мужчину, а может быть, похоронив мифического богатого дядюшку. Всё обязательно сложится, я уверена, потому что мне очень нужна ферма с большой конюшней. Это единственное условие, при котором я откажусь от счастья ежедневно сидеть на козлах с поводьями в руках, катая по городу влюблённых, приезжих или просто веселящуюся молодёжь.

Меня зовут Виктория, мне двадцать восемь лет. Из них без малого семнадцать я проработала кучером. И девять лет из семнадцати рядом со мной была она, Глория. Лучший друг и самое близкое существо на земле.

Я узнала её совсем малышкой. Годовалую Глорию, вместе с ещё одним жеребёнком и тремя взрослыми лошадьми, привезли к нам в конюшню в ту ночь, когда с сестрой нашей хозяйки случилось несчастье. Помню, меня тогда не настолько потрясло известие о том, что бандиты убили се-

мью фермеров и сожгли дом. Но у меня в голове не укладывалось, зачем эти сволочи подожгли конюшню.

В страшном пожаре погибли десять породистых лошадей. И лишь пятерых, в том числе мою девочку, чудом удалось спасти жителям близлежащей деревни.

Мы начали работать в паре спустя три года, но к тому моменту уже были практически неразлучны. И каждый день я находила минутку, чтобы забежать к Глории, покормить её с руки, погладить по щеке, ощутить на лице прикосновение мягких влажных губ.

Понедельник-вторник проходят в рабочем режиме. Заказов в будни меньше, чем в выходные, но без работы мы никогда не сидим. Ведь в нашем городе всего три фирмы, готовых предоставить желающим эксклюзивное удовольствие — катание по историческому центру Санкт-Петербурга в старомодной карете или пролётке.

В среду у меня выходной. И каждую среду я прихожу в гости к Сашке.

Сашка — ветеринарный врач. Как и Глория, он возник в моей жизни девять лет назад. Это он лечил Глорию от ожогов. Сашка приходил колоть моей девочке ронколейкин и обрабатывать послеожоговые раны. А раны, к несчастью, успели загноиться ещё до того, как мы, пережив бессонную ночь и приняв в свои стойла погорельцев, сумели дозвониться до офиса ветеринарной помощи.

Сашка оказался внимательным и сострадательным доктором. Всякий раз, осторожно промокнув рану стерильной марлей, он показывал мне отпечатавшийся на ткани слой пенящегося экссудата с резким запахом. И сокрушённо цокал языком.

Моя бедная девочка мучилась, но терпела, и только дрожь хрупкого тела жеребёнка, испарина на худых боках и взгляд передавали мне боль Глории. И тогда я закусывала губу, чтобы мне тоже стало больно. И по глазам Сашки видела, что он не знает, кого нужно больше жалеть: Глорию или меня.

После выздоровления Глория ещё долго оставалась пугливой и настроенной. Она не сразу научилась брать тёплый хлеб или морковку из моих рук. Зато потом мы подружились и стали неразлучны.

Я похожа на Глорию: чтобы приручить меня, нужно время.

Вот и Сашке это удалось не сразу.

У Сашки большая квартира в центре Питера, на Литейном. Раньше тут размещалась коммуналка, где прошло детство Сашкиной жены Оле-

си. А до революции 1917 года весь дом принадлежал Олесиной бабушке, немецкой баронессе.

За десять лет брака Сашка с Олесей продали Сашкину квартиру в Дачном и выкупили остальные комнаты. Получилась приличная трёшка. Правда, детей у них нет. Наверное, это потому, что, по словам Сашки, все последние девять лет он любил только меня, а Олесю «не хотел огорчать». Впрочем, на этой теме я стараюсь не застревать.

Сашка называет мои еженедельные приходы «фиалками по средам». Это он позаимствовал откуда-то из классики.

— Пришла, — радуется Сашка и обнимает меня. — Хочешь борща?

— Спасибо, я пообедала, — отказываюсь я. Поскольку есть борщ, сваренный Олесей, и спать с её мужем — это верх наглости.

Мы целуемся в прихожей, всё плотнее прижимаясь друг к другу, и как-то незаметно перемещаемся в кабинет Сашки. Там стоит жёсткая односпальная кушетка. В квартире, конечно, есть удобная двуспальная кровать, но она — супружеская. Поэтому наша с Сашкой страсть умещается на кушетке.

Итак, мы обнимаемся, переплетаемся, возимся на тахте и тяжело дышим; потом минут десять отлёживаемся в объятьях друг друга, пытаюсь привести в норму разобранные эмоции и мысли; потом, наконец, встаём и приводим в порядок разобранные тела.

А дальше — сидим на кухне, пьём кофе и беседуем. Делимся несущественными новостями, которые произошли за неделю у каждого из нас. Продолжаем вечер до того момента, когда можно будет снова переплести руки-ноги и упасть на Сашкину тахту, перед тем, как распрощаться до следующей среды.

В шесть вечера, за два часа до прихода жены, Сашка торопливо запирает за мной дверь, на прощание не то чмокнув, не то клонув в шёку.

Я еду по городу, погрязая во многокилометровых пробках, на своём «фольксвагене», таком стареньком, что на нём запросто мог разезжать какой-нибудь немецкий генерал, участвовавший во второй мировой войне. Приятная расслабленность, лёгкость, ощущение полноты бытия, вызванные свиданием с Сашкой и еженедельной «дозой любви», разбавляются радостью от мысли о скорой встрече с Глорией. Ведь я обязательно навещу её перед сном и покормлю свежими овощами из своих рук.

Глория — красавица, вороной масти, с классическим чёрным пятном на лбу. Пятно по форме напоминает грушу. Ещё у неё черные хвост и грива, с краплениями контрастно-белого: кончик хвоста и нижние пря-

ди в гриве цвета белил. Очень редкий окрас. Всё в моей девочке — и её масть, и стать, и осанка — свидетельствует о хорошей родословной.

Глория — более совершенное создание, нежели я. У неё и зрение острее, и слух тоньше, и обоняние развито лучше, чем у человека.

Наверное, в своей прошлой жизни я была лошадьё, вроде Глории. И в жизни будущей снова стану лошадьё. Глория же родится на свет человеком, чтобы было кому кормить меня из рук и направлять мой бег.

Знаете, а ведь я с раннего детства бредила лошадьёми.

В окрестностях посёлка Варакино часто гостили цыгане. Табор разбивал лагерь с яркими палатками и облезлыми вагончиками возле небольшого озера и застревал там на несколько месяцев.

Мы с ватагой мальчишек прокрадывались в молодой ельник у озера, чтобы понаблюдать цыганские будни. Кочевые люди базлали на непонятном наречии, жгли костры, стирали свою одежду в озере и развешивали сушиться на кустарнике. Голая детвора плескалась возле берега.

Ох, как завораживали нас цыганки, со смуглыми грубоватыми лицами, статные и яркие, как экзотические птицы! Особый восторг среди прочих женщин вызывала древняя, с землястая лицом, мумифицированная бабка, ряженная в многоцветные юбки, в красном платке, бусах и браслетах, с трубкой во рту. Впрочем, было в таборе для меня кое-что поинтереснее старухи...

Да, разумеется, лошади! Старые, измождённые, они вызывали острую жалость. Их хотелось кормить и выхаживать, гладить свалывшиеся гривы, врачевать болячки и струпы на худых телах. Меня уже тогда болезненно тянуло к лошадьём.

Однажды я целое лето гуляла с цыганским мальчишкой Баро. Конечно, если трактовать буквально, мы не столько «гуляли», сколько прятались от взрослых. Ночи напролёт валялись в траве, глядя на россыпи созвездий. Моя голова неудобно лежала на его твёрдой руке, и болел затылок, но я боялась пошевелиться и вспугнуть степь.

Дома в тот период было холодно и неуютно. Мама уже несколько месяцев лежала в больнице в областном центре. Отец, как привидение, бродил из угла в угол. Сестрёнка проводила дни у соседской девочки.

Я учила Баро правильно произносить русские слова, и сама повторяла за ним странные фразы, не зная их смысла: «мэ тут камам», «мэ битэро тыджевау на мужинав», «ту мэ лахтём». Мы катались верхом, я сидела позади своего друга, и когда он переходил на галоп, прижималась к нему и ощущала грудью торчащие лопатки. Ещё мы купали старую рыжую ло-

шадь, и моё сердце ухало вниз, как при катании с крутой горки, когда я тёрла скребницей костлявый конский круп и раздутые бока...

А потом цыгане исчезли, прихватив с собой всё, что «плохо лежало» во дворах и сараях местных жителей. Из нашего двора пропали алюминиевый тазик и плетёный коврик, о который мы вытирали ноги. Поселчане сустились, вызывая милицию, составляя перечень исчезнувшего добра. Отец угрюмо пил, не принимая участия в общей шумихе. Мне было тоскливо. Я скучала по Баро и лошадям...

В том же году, ближе к зиме, умерла мама. Меня отправили в Питер к тётке, маминой сестре. Она жила на Ташкентской — одной из самых грязных и запущенных питерских улиц, неподалёку от железнодорожной насыпи. В компании новых друзей я довольно скоро исследовала и насыпь, и тот мир, который располагался за ней. А за насыпью находились: свалка металлолома, гаражи, авторемонтные боксы — и конюшни, принадлежащие частной фирме «Эскорт»...

Через полгода я уже подрабатывала в фирме помощником кучера. Почти забросила школу, и только ценой тёткиных шантажа и угроз мне удалось с грехом пополам получить аттестат...

Что ж, если быть честной, училась я слабовато. Химия, физика, алгебра с первых же уроков и навсегда стали изошрённым наказанием, придуманным специально для нерадивой девочки Вики.

Зато как девочка Вика любила книги! Причём с особым удовольствием, запойно, читала про лошадей. В моей прикроватной тумбочке гостили замусоленные, зачитанные до дыр книжки с «лошадиными» рассказами Эрнеста Сетон-Томпсона, Александра Куприна, Дика Френсиса, Михаила Веллера. Тётка периодически отнимала их у меня и возвращала только на каникулах. Я носила книжки в портфеле, прятала под матрац, прикрывала учебником на занятиях и дома, когда делала вид, что учу уроки. Знаменитые лирические героини «Изумруд» и «Фаворит» подарили мне свои имена, которые я присваивала вымышленным друзьям и будущим возлюбленным.

Больше всего меня расстраивало, что рассказы про лошадей часто заканчивались трагически. Моих любимых героев убивали наповал человеческая жестокость либо бездушие. Я не могла удержаться от слёз, когда они гибли. А тётка, слышав всхлипывания, подкрадывалась к письменному столу и проворно отбирала у меня книжку.

— Хватит по конюшням таскаться, — сердилась она, видя моё непоколебимое упрямство и преданность лошадям, — учишься, получай аттестат, поступай в институт. Иначе так и пропадёшь в своём... хлеву...

В четверг мы с Глорией работаем только до шестнадцати часов. На вечер у нас другие планы. Хозяйка, которая ценит своих кучеров (а нас, девушек-лошадниц, у неё всего-то шесть), считается с нашим графиком, и даже предоставляет мне свой грузовичок с шофёром.

В машине Глория ведёт себя спокойно и с достоинством. Я сижу на скамеечке в открытом кузове, по дороге угощая её любимым лакомством. Чаще всего это свёколка, морковка или яблоко. Мы едем за город, где находится реабилитационный центр «Солнышко». В центре работают две местных лошадки и моя Глория. А также врач, педагог-дефектолог, конюх — и ещё один психолог, помимо меня...

Да, вы не ослышались! Увещевания тётки возымели своё действие. Я поступила в институт. Пусть не сразу после школы, и не совсем туда, куда хотелось (а я мечтала выучиться на тренера лошадей), но всё-таки поступила, и сейчас учусь на четвёртом курсе университета физической культуры, спорта и здоровья имени П. Ф. Лесгафта. Через год я получу профессию спортивного психолога. Но я не собираюсь работать по специальности, внушая волю к победе команде футболистов или какому-нибудь прыгуну с шестом. Сейчас для меня самое главное — то, что образование позволяет раз в неделю заниматься вторым любимым делом: вести реабилитационные группы для «особых» детей. Мы с Глорией помогаем этим детям развиваться.

Говорят, что ни одно животное не способно справиться с такой задачей лучше лошади. Ну, разве что дельфин. Но ведь не каждого «особого» ребёнка можно заставить плавать и нырять. Вот посадить на спину лошади — это запросто.

Сейчас у меня в группе восемь детишек, от семи до десяти лет. Правда, на лето осталось только пятеро. А в августе и вовсе группа закрывается на коллективный отпуск. И я знаю, что к сентябрю успею не только соскучиться, но и истоскаться по своим маленьким питомцам...

Их привозят мамы или бабушки. Лошади приручают детей, а вовсе не наоборот, как происходило веками, когда животные приручались людьми. Дети кормят лошадей с руки, катаются у них на спинах, расчёсывают пышные гривы. А те прикасаются к взлохмаченным головкам своими мягкими губами, осторожно и трепетно, боясь спугнуть зарождающееся доверие.

Конечно, «особым» детям такая дружба на пользу. Значит, мы с Глорией приносим пользу. И когда я вижу, как Олешек, который ковыляет-то с трудом, восседает на спине Глории, или Вадик, ещё два месяца назад до истерики, до заикания боявшийся лошадей, осторожно трогает ручкой её тёплый бок и бормочет: «Лолия...», — я даже не пытаюсь сдерживать слёзы.

А дома — тоска и уныние.

Отец снова запил. Люська, его сожительница, ходит смурная и покрикивает на нас с сестрой и племянницей. Я не реагирую и не огрызаюсь. В какой-то степени даже сочувствую мачехе. Всем известно, что отец спился после смерти мамы. Люська тоже это знает, и бесится именно поэтому, а вовсе не из-за отцова пьянства.

Каждый запой отца сопровождается одним и тем же ритуалом. Он достаёт из заветной коробки и расставляет повсюду мамины фотографии. Прокручивает на реликтовом проигрывателе исцарапанную пластинку с её любимой песней. Люська хлопает дверью, убегает в сарай и рыдает в компании двух старых велосипедов, сломанной швейной машинки «Зингер», детской коляски и ванночки, запомнивших нас с сестрой Танькой крохами...

Маму я помню смутно, хотя она умерла, когда я была уже подростком. Тётка говорит, что мне достались в наследство мамины рыжие волосы и независимый характер. А сестра Танька — покладистая, в отца. Так и терпела бы побои мужа, если бы он по пьяни не утоп в польные вместе со своим трактором. И моя племянница, Альбинка, тоже пошла в породу отца.

Я чищу картошку на ужин и думаю о том, какие скучные люди мои домочадцы. И что если б Люська не вносила оживление своими скандалами, мы бы, наверное, засохли с тоски. Из всей семьи мне ближе всех тётка. В ней есть что-то от мамы. И она всегда приглашает пожить у неё. Я понимаю, что тёткин муж не будет явно против, но неудобно их стеснять.

Хоть в конюшню переселяйся, думаю перед тем как заснуть. И улыбаюсь, представив свою раскладушку, трюмо, книжную полку, одежду на вешалке — в стойле Глории.

А что, наверное, это не самая безумная мысль, которая когда-либо приходила мне в голову. Гораздо безумнее была посетившая меня два года назад идея увести Сашку из семьи...

Я хмурюсь: нашла что вспомнить.

А потом всё куда-то уносится и закручивается воронкой. И вот уже я сплю, и мне снится смеющийся Сашка, и его жёсткая кушетка, и коридор бывшей коммуналки, перетекающий в узкую мощёную улочку. И мускулистая спина Глории, бегущей передо мной в упряжке. И мои дети, танцующие на маленькой площади, у церкви с синим куполом. В руках детей — белые цветы, и они так слаженно движутся и так чисто поют! Меня переполняет счастье, как в детстве, когда мы с мальчиком Баро купали лошадь и смотрели на звёзды...

Для многих пятница — это уже выходные. Поэтому в пятницу нам предстоит бурная трудовая смена. Я купаю Глорию, до блеска надраиваю крутые бока. Украшаю шелковую гриву блёстками. Кормлю мою девочку ячменём и репой. Потом привожу в порядок прогулочную двухместную коляску с откидным верхом.

Ну, что поделаешь, не люблю крытую карету. Когда вызывают кучера с каретой, на заказ отправляются Наталья, Яна, Антонина или Вера, и в карету запряжены две лошади. Бывает, на горизонте появляется клиент, который заказывает карету с четвёркой лошадей. В таком случае на козлах сидят Наташа с Антониной, самые крепкие девушки в нашей фирме. А Маша, как и я, работает только со своей лошадей и ездит только в коляске.

Сегодня не по-летнему ветрено, поэтому я беру с собой два пледа — для клиентов. И мешок с морковью и яблоками — для Глории.

Первый заказ — в полдень. Гороховая улица, отель «Старая Вена», где ждёт молодая пара из Владимира. Влюблённые приехали в Санкт-Петербург на экскурсию, и он решил подарить ей Северную Столицу.

Девушка нравится мне безоговорочно. Она рыжеволоса, как и я, милويدна и восторженна. У неё вздёрнутый носик, она немного косит, а когда смеётся — хохочет, запрокидывая голову — похожа на молодую лошадку.

Парень немного постарше, брюнет. Он выглядит сдержанным и уверенным, хотя мне, повидавшей самых разных мужчин, и не одну сотню пар, заметно, что его смущают собственные девайсы: дешёвый пиджак, потёртые туфли и «окание».

— Оленька, когда я здесь учился, центр города ещё не был таким благоустроенным, — говорит он, налегая на каждое «о», и — я чувствую это даже лопатками — густо краснея.

— Вадюша, куда мы едем? — звенящим голоском спрашивает Оленька.

— Не знаю. Куда захочешь, туда и поедем.

— Но я тем более не знаю, — хохочет Оленька, — а вдруг ты завезёшь меня в петербургские трущобы и бросишь!

— Ну, ты скажешь... А впрочем, придумал. Девушка, давайте-ка к Адмиралтейству.

— Хорошо. Командуйте, — отзываюсь я и натягиваю поводья.

— Дальше поедем к Медному Всаднику, потом — мимо Исаакиевского собора на Фонтанку, и по набережной — в сторону от Невского. Проедем мимо института путей сообщения, посмотришь, Оля, где я учился.

А ведь с первого взгляда в этом парне трудно заподозрить романтика! Хотя с иными в нашем бизнесе редко сталкиваешься.

Следующий заказ — четырнадцать ноль-ноль. Сенная площадь, respectable вида мужчина. Мы едем по Садовой, сворачиваем на Гороховую, и через несколько кварталов останавливаемся возле серого дома, где вскоре появляется дама. На вид ей за сорок, но она моложава и ухожена. Правда, с первых же мгновений в коляске её начинает раздражать буквально всё: и тряска по неровной дороге («девушка, потише, не дрова везёте!»), и старые пледы («ах, почему я не взяла из дома пальто, знала ведь, что ветрено...»), и маршрут («чего мы не видали на Мойке?»). А сама дама так же непреодолимо начинает раздражать меня.

И все последующие два часа она пилит и пилит своего мужчину, который реагирует на свирепость женщины с удивительной кротостью. Кажется, он даже заискивает перед ней.

Господи... отвязалась, слава тебе. Вперёд, Глория!

Следующий заказ — шестнадцать ноль-ноль, Конюшенная площадь. На этот раз ко мне подходит женщина. У неё тёмные волосы и концептуально мешковатый наряд, подчёркивающий худобу.

— Придётся подождать пять минут. Мой друг сейчас выйдет, — говорит она, улыбаясь. — Знаете, я его пригласила помочь перевезти мебель. А у нас сегодня... особая дата.

И смеётся, предвкушая удивление друга. Мы с Глорией тоже смеёмся. У женщины звонит телефон, и она, продолжая игру, говорит в трубку: «Пора, спускайся. Конечно, мусор захвати обязательно!».

— Ну что, вперёд, — весело командует она.

Мужчина уже вышел из арки и стоит на мощёной дороге, остолбенело глядя на наш экипаж. Он постарше моей заказчицы, и выглядит внушительно: высокий, плотного телосложения, излучающий уверенность и силу (неважно, что в данный момент он почти растерян). Мне в образе нового пассажира мерещится сходство с военным атташе в отставке.

Брюнетка хохочет, протягивает руку, помогая другу забраться в коляску. Они оживлённо переговариваются, её возгласы и смех разбавляются глубоким, хорошо поставленным, как звук оркестровой трубы, баритоновым собеседника.

— Девушка, как вас зовут? — окликает меня брюнетка. — Вика? Слушайте, Вичка, поезжайте по Невскому налево, дальше — на Садовую. Оттуда — на канал Грибоедова, и вперёд, вперёд, вперёд... а потом я скажу, когда развернуться и ехать обратно, к Спасу-на-крови...

Я киваю, легонько подстёгиваю Глорию, напоминая девочке о повороте, натягиваю поводья.

Сейчас, в отличие от первой половины дня, безветренно. Сквозь стук копыт Глории я слышу, о чём они беседуют.

— ...Канал Грибоедова, бывший Екатерининский канал, сооружён на месте речки Кривуши во второй половине XVIII века. Через него проложен двадцать один мост, — говорит мужчина голосом профессионального экскурсовода. — Кстати, сейчас мы проезжаем настоящие трущобы Достоевского...

— Тут и в наши дни трущоб хватает, — подаёт голос женщина, — ведь примерно треть всех сквотов, да мастерских художников и скульпторов, находится именно в этом районе.

— О, познания богемной женщины! — мужчина смеётся. — Кстати, тебе, как литератору, должно быть известно, где жила Сонечка Мармеладова? Мы сейчас проезжаем её дом. А чуть дальше, на другой стороне, в доме номер 104, обитала старуха-процентщица...

— Здесь и сейчас тяжёлая аура. Я не смогу тут жить.

Они пьют шампанское на набережной Мойки. Брюнетка кутается в плед. В двух шагах от моих пассажиров, у генерального консульства Франции, осоловевший полицейский лениво наблюдает за нарушением общественного порядка, не двигаясь с места и не подавая голоса.

Я вылезаю из коляски, прохаживаюсь, разминая затёкшие ноги. Обмениваюсь впечатлениями с Глорией, скармливаю ей половинку яблока, вторую съедаю сама.

Брюнетка с фужером в руке подходит к нам. Мужчина задержался у спуска к воде. Брюнетка гладит Глорию по щеке, треплет за гриву.

— Какая красивая лошадь! — изумляется она. — Как её зовут?

— Глория. Глаша.

— Вы отлично смотрите в паре. Я обязательно напишу про вас, девочки, — обещает она. — Точно, напишу рассказ, или даже целую повесть.

— Вы — писатель? — изумляюсь я. — Вот это да... Никогда не видела настоящего писателя.

Женщина усмехается и достаёт из сумочки книгу.

— Вам на память. От автора...

— Спасибо! Тогда подпишите!

И она пишет размашистым почерком поперёк титульного листа: «Виктории и Глории — в память о 12 июля».

Двенадцатое июля — это сегодняшняя дата. Что она может значить для них, мне неизвестно.

После прогулки по каналу Грибоедова и набережной Мойки, исколесив весь исторический центр Санкт-Петербурга, мы оказываемся у Никольского собора. Мои пассажиры скрываются в храме и пропадают минут на двадцать.

Скучая, ожидаем снаружи. Я листаю книгу новой знакомой. Мимо, с задорным цоканием и возгласом «эге-е-ей!», проносится Машка на своём грязно-белом в яблоках Себастьяне. Из салона свешивается четверка галдящих подростков: два пацана и две девочки.

— Чего ты тут мокнешь? — успевает выкрикнуть Машка, прежде чем скрыться за поворотом. А ведь и вправду дождь пошёл, а мы с Глорией даже не заметили.

Возвращаемся на Конюшенную площадь. Глория неторопливо трусит, тоже, по-видимому, переполненная впечатлениями...

— Потрясающе, — замечает мужчина, — как это вы залихватски переехали двойную сплошную линию!

— И в пробках не застряли ни разу, — подхватывает брюнетка.

— Это реальные преимущества возницы! — весело кричу я, полуобернувшись к пассажирам. — Главное — не забыть, когда садишься за руль.

— Вот, наконец, и дождь... Нет, даже град, да ещё такой крупный!

На Конюшенной площади я высаживаю своих пассажиров, и они, не боясь промокнуть, ещё несколько минут стоят, улыбаясь, и машут нам вслед. В такую погоду самое время завершить конную прогулку. Сейчас вот придут домой, сварят глинтвейн, сядут к телевизору, укрывшись одним пледом...

Я чувствую мимолётный укол зависти, но тут же отгоняю зависть. Глория весело ржёт, и её прощальному кличу вторит дальний рокот грома, а дробный стук копыт по брусчатке разбавляется лёгким, почти невесомым постукиванием крупных градин.

Нет, это не конец нашей смены! На Миллионной улице ждёт ещё один пассажир.

Он молод (на вид — чуть за тридцать), в светлом элегантном костюме, но без галстука. Креативная причёска: волосы взбиты волнами на макушке, а затылок приподнят. Выстрижены машинкой две зигзагообразные змейки у левого виска. Странно, при совершенно безумном хаере мужчина не производит впечатления неряшливости, или богемности, хотя и в глазах его проскальзывает безуминка. В руках у него букет, в котором, по меньшей мере, тридцать одна белая роза (так я определяю навскидку).

Мужчина запрыгивает в коляску и говорит:

— Миллионная, одиннадцать.

У него глуховатый неглубокий голос.

Мы с Глорией послушно ведем его по указанному адресу. По дороге мужчина разговаривает по мобильнику. Глуховатый голос, уже с иными интонациями, увещевает:

— Спустись, пожалуйста. Ну, я тебя прошу. Нам нужно поговорить.

Потом полуминутная пауза — и снова:

— Жду у подъезда. Пожалуйста, выйди.

Мы недолго околачиваемся у дома под номером одиннадцать. Из подъезда появляется девушка. Она выглядит, как сон. Или как модель, сошедшая с подиума. У девушки пышные белокурые волосы до лопаток. Длинная шея, заточённая в колье, ослепляющее алмазным блеском. Прямые узкие плечи. Аккуратная грудь и тонкая талия, подчёркнутые неопишуемой блузкой с широким поясом из металлических пластинок. Стройные ноги, заманчиво выступающие из косого выреза бежевой юбки. А туфли... но о туфлях я умолчу, только стыдливо подогну ноги в своих кучерских штиблетах.

Девушка направляется к нам, а впечатление такое, что она парит в воздухе. Мужчина прыгает на землю, подходит к девушке. Протягивает букет. В этом жесте — безбашенный призыв: хочешь, я положу к твоим ногам весь мир? Только свистни...

Девушка, не меняясь в лице, несколько секунд смотрит мужчине в глаза. Потом её взгляд перетекает на руку с цветами, и, наконец, на нас с Глорией. И я понимаю: девушка нас не видит. Мы для неё — лишь часть спектакля с цветами, коляской, лошастью и кучером.

И девушка произносит — вполне обычным, даже не слишком мелодичным голосом — фразу, призванную содействовать моментальному пробуждению:

— Мне от тебя ничего не надо. Свали в туман.

Пауза.

— Эля, прошу тебя...

— Ты что, плохо понял? Позвать папу? Или сам дорогу найдёшь?

— ...

— Пошёл ты *** и ***!!! — немелодично орёт сказочное видение, отталкивая руку с цветами.

Я прихожу в себя чуть раньше мужчины. Девушки-оборотня уже нет поблизости. Лицо мужчины бледно, но сквозь бледность вокруг носа и губ проступают красные пятна. А что, если ему понадобится медицинская помощь? Но нет, кажется, он уже взял себя в руки.

Тётка всегда говорила, что в критических ситуациях я моментально собираюсь, и, пока остальные психуют и тупят, включаю «резервный мозг» и действую чётко и уверенно, как хирург. Видимо, сейчас именно такая ситуация, поскольку я на удивление хладнокровна. Беру мужчину за рукав и говорю:

— Поехали.

Он вяло дёргает рукой, пытаясь высвободиться.

— Вам незачем тут стоять. Лучше не станет. Поехали.

— Куда? — спрашивает он с усилием, поднимая на меня тёмные от боли глаза.

— А куда вы собирались её везти? — спрашиваю я.

Он усмехается:

— В ресторан.

— Ну, что ж, зачем менять планы на вечер. Вы можете покормить меня. Моя смена закончена.

И мужчина, смерив меня долгим взглядом, после паузы отзывается:

— Хорошо. Едем.

Мы сидим в «кабинете», отгороженные занавеской от остальных жующих посетителей. Когда нам приносят горячие блюда, я впервые за день ощущаю, как сильно успела проголодаться. Ведь, помимо половинки яблока, моему желудку с самого утра не перепало никакой пищи.

— Как вам бифштекс? — будничным тоном интересуется мой спутник. — Не сыроват?

— Спасибо, я люблю именно такой, слегка недожаренный.

— Хм... а вот креветки, очевидно, вы не особо жалуете...

Я стыдливо киваю:

— Они скользкие...

— Понятно.

Что тебе понятно? Что бывают девушки, которым не приходилось есть креветки?

— И ещё... вы совсем не пьёте, — замечает он. — Так всегда, или только со мной?

— Видите ли, я — кучер. Это всё равно, что за рулём. Правила менее строгие, но ты так же отвечаешь за чужую жизнь. И так же не позволяешь себе сесть на козлы в подпитии.

— Понятно, — он присасывается к коньячному бокалу, опустошает его и снова наполняет. — Ну, может, хотя бы винца заказать, а? Вино ведь не считается?

— Вино — тоже алкоголь, — я умею быть принципиальной.

— О, да ты правильная девочка, — он поднимает левую бровь и тычет в меня указательным пальцем.

Мы что, уже перешли на «ты»?

— А вы не очень-то вежливы, — парирую я.

— Это верно, — соглашается он. — Но, подумай, будешь ли тут вежливым, если имеешь дело преимущественно с неинтеллигентными суками.

Возмутительно грубо, что ни говори. Я не нахожусь с ответом, и только пожимаю плечами.

— Прости, — он вдруг мрачнеет. — Представляю, что ты обо мне подумала. Я — хамло.

Я не оспариваю сути сказанного (пусть в другой раз выбирает выражения), но мягко возражаю, что, дескать, у него был «трудный день»...

— Ты знаешь, — перебивает он меня, — а я ведь, по большому счёту, её, наверное, и не любил... И сейчас мне противно. И стыдно, что ты оказалась рядом в такой момент.

Да, сейчас, безусловно, стыдно — впрочем, стыд этот будет недолгим, потому что ты никогда меня больше не встретишь, а в случае встречи не вспомнишь, не узнаешь и т.д.

Я, конечно, не говорю этого вслух.

— Кстати, меня зовут Андрей, — вдруг спохватывается он и протягивает ладонь для рукопожатия.

— Я — Виктория. А лошадка — Глория, — говорю я. И осторожно пожимаю его руку с тонкими пальцами.

Моя рука несравненно грубее. На ладошке мозоли, ногти никогда не знали маникюра, кожа на тыльной стороне шершавая, как у лошади...

И вдруг он подносит эту ужасную руку к губам и целует!

Ещё один позор. Если бы я была утончённой натурой, то непременно бы расплакалась.

— Возьми розы себе, — предлагает Андрей. И тут же хмурится. — Чёрт, ты скажешь, что это очередная бестактность, да?

Хм, смешно.

— Я не люблю розы, — отмазываюсь я, — они для меня слишком вычурные.

— А какие цветы ты любишь? — интерес в его голосе кажется искренним.

— Герберы.

Он хмурится:

— Элитные цветы для любимой пейзажки.

Ну, а, собственно, кто я есть?

Пожимаю плечами:

— Пейзанки тоже любят цветы.

— Извини, не хотел тебя обидеть, — его рука накрывает мою. — Я тебе благодарен... за находчивость и мужество. Я это очень ценю. Спасибо.

— Пожалуйста, — говорю я.

И на этом всё заканчивается, не начавшись. Мой протеже как-то стремительно, в одночасье надирается. Последние его осмысленные действия — это дарение цветов смущённой официантке и оплата счёта за ужин. А потом — сознание покидает respectableную оболочку, и на мои плечи ложатся новые хлопоты. Приходится волочь его к коляске, рыться в карманах, отыскивая паспорт с пропиской, везти тело по указанному адресу (это на Петроградке), безуспешно звонить в дверь, искать в карманах ключи от квартиры, укладывать мертвецки пьяного на диван...

А лошадка уже устала. И просится в стойло.

Жаль, что не попрощались, думаю по дороге домой. И что не договорили. Вот если бы у нас с Андреем была возможность снова встретиться... если бы...

В субботу, рано утром, раздаётся Сашкин звонок. Меня он застаёт по дороге в офис.

— Привет! Поехали на озеро сегодня вечером, — предлагает он. — Шашлыков поедим. Я соскучился.

Мы не так уж часто видимся в промежутке между средами. Ну, невозможно пренебречь Сашкиным желанием провести со мной время на природе.

— Но... а работа как же? А твоя благоверная — не обеспокоится?

— Всё в порядке, Олеся уехала к маме на выходные.

Что я слышу! Возможность продолжить вечер у Сашки не просто маячит — она откровенно подмигивает..

— А работа... Ну, поменяйся с Машей послеобеденным заказом. Мы же так редко куда-то выбираемся...

Всё, уговорил! ... В это утро у меня всего два заказа: семья с маленьким ребёнком и престарелая супружеская пара. Особенно трогательными выглядят старички. Они сидят в коляске притихшие, как мышки, держатся за руки и с детским восторгом смотрят на проносящиеся мимо композиции Петербурга. И мы с Глорией везём их осторожно, бережно, боясь расплескать нежность, притихшую за нашими спинами.

Наконец, я освобождаюсь, доставляю Глорию домой, в конюшню, и в пятнадцать ноль-ноль заезжаю за Сашкой.

Озеро Красавица в обрамлении сосен похожа на инопланетный синий глаз с длинными ресницами. Мы сознательно выбираем место, где хуже спуск в воде, предпочтя уединение комфортному купанию.

Вообще-то здесь нельзя жечь костры, и Сашка с мангалом углубляется подальше в лес. Я купаюсь в неудобном месте, плаваю голая, как русалка без хвоста. Интересно, бывают ли рыжие русалки, или только зеленеволосые?

Потом мы едим мясо и запиваем: Сашка — красным сухим вином, я — безалкогольным пивом.

Последний яркий пазл в сборной картинке — это мысль о том, что счастье, наверное, и выглядит примерно так...

Меня распирает желание рассказать Сашке историю Андрея. И я рассказываю, эмоционально, сбивчиво:

— Понимаешь, этот парень, Андрей, пригласил её покататься в коляске с лошастью... купил шикарные розы...

Сашка перебивает:

— Ну, у богатых свои причуды... Сколько стоит пару часов покататься? Больше десяти тысяч? Да-а-а... и ты ещё ему сочувствуешь... Он, наверное, эту лохудру купить хотел... а она злилась, понятное дело, хотя сейчас всё покупают и продают.

Сашкин взгляд красноречивее слов, он словно говорит: а вот я, Сашка, никого не покупаю, наши отношения чисты и бескорыстны.

В смысле: если что-то кого-то не устраивает — тот может валить на все четыре стороны, потому что его ведь «никто не купил» и не удерживает.

Почему всё, что составляет нашу жизнь — ценности, приоритеты — может вот так внезапно перевернуться с ног на голову?

Впрочем, я — не философ, чтобы задаваться бессмысленными вопросами и тратить жизнь на поиск ответов. Я просто внезапно чувствую усталость и пустоту. От чего я могла устать? От Сашки, от «половинчатой» жизни, а может, от необходимости терпеть жизнь нынешнюю, до той долгожданной черты, за которой я снова стану лошастью?

Хочется подняться на ноги и заорать голосом девушки-оборотня:

— Пошёл ты ...!!!

Сашке видит, что со мной что-то происходит, и обеспокоен этим.

— Эй, ты чего? — спрашивает он испуганно.

— Мне срочно нужно домой.

— Да что случилось-то?

— Отцу плохо, — говорю я первое, что приходит в голову.

Сашка понимает больше, чем показывает.

— Ладно... созвонимся, — говорит он, не то расстроено, не то обижено.

Я вхожу в конюшню. Там терпко пахнет разгорячёнными лошадиными телами, навозом и пряной травой. В стойле меня встречают блестящие глаза, похожие на коричневые камни, отшлифованные морем. Мягкие губы влажно тычутся в мою шею.

Я глажу Глорию по лицу — никогда и ни при каких обстоятельствах не назыву его мордой. Нежно провожу пальцами по губам, вокруг глаз и ноздрей — я знаю, где у неё самые чувствительные места.

— Глашуня, — шепчу я, прижимаясь к тёплой щеке, называя свою девочку самыми ласковыми уменьшительными именами, — Глашка, Лорка... Если бы ты знала, как хреново...

Как жить, если вокруг кипят «роковые страсти» и происходят чьи-то лучшие свидания, а ты — лишь кучер на козлах кареты чужого счастья? Если человек, которого считала самым родным, за неимением иных претендентов, ничуть не романтик? Если он прагматичен, как счетовод, и прижимист, как Скупой Рыцарь? Подскажи, научи, Глория...

Срок жизни, отведённый рабочей лошадке — восемнадцать лет. Значит, через каких-нибудь восемь лет ты станешь никому не нужной дряхлой старухой, моя дорогая. И я, тридцатишестилетняя карга, тоже буду уже никому не нужна.

Я никогда не выйду замуж. Зато у меня будет собственная конюшня. И почётное место в ней займёшь ты. Будешь стоять в просторном стойле и питаться деликатесами...

Возвращаюсь в реальность от влажного шлепка по лицу. Глория ласково лизнула меня, жалея и в то же время одёргивая: эй, Вики, а ну хватит скулить! Ты же сильная девочка.

И слёзы высыхают.

В воскресенье у нас снова бурная смена. Пять заказов подряд, последний из которых — в двадцать ноль-ноль. Все заказчики, как на подбор, милейшие люди. А я впервые в жизни с нетерпением жду, когда смена закончится, и можно будет упасть на кровать и отключиться от всего, легонько покачиваясь, как на волнах или в коляске — признак первой стадии долгожданного сна...

Сашка добился одного: меня тошнит от романтики.

В восемь вечера я, по указанию диспетчера, забираю последнего пассажира на Горьковской. Я вижу, как мужчина отделяется от подземного перехода и идёт к нам, и на мгновение сомневаюсь, не сон ли это.

Потому что передо мной Андрей. Только на этот раз у него в руках большая охапка разноцветных гербер.

— Привет, — говорит он. И вдруг запрыгивает — не в коляску, а на кучерское место. Садится рядом, потеснив меня.

А потом командует:

— Через Троицкий мост, дальше — на Миллионную.

Неужели он снова решил пригласить эту... не подберу слова... прокаяться и поужинать?

Мы едем к Дворцовой площади. Я искоса посматриваю на своего пассажира, досаждая на его бесхребетность. Определённо, этим миром правят жестокосердные белокурые мымры.

И вдруг... он кладёт цветы мне на колени. И окликает:

— Глория!

Ну конечно, он перепутал, кого как зовут! Позвонил в наш офис и вызвал Глорию. А вместе с ней прислали меня.

— Вообще-то меня зовут Вика...

Он удивлённо приподнимает брови.

— А Глория — та, что бежит впереди.

— Понятно... Кстати, меня зовут Андрей.

Забыл, что уже представлялся. И неудивительно.

— Очень приятно. Но скажите, Андрей, почему...

— Что? — он смеётся.

— Почему вы меня нашли? — спрашиваю прямо.

— Я же говорил: ценю находчивость и мужество.

— И куда мы едем?

— Куда мы едем, решать тебе.

И я решаю:

— Тогда — на озеро. Посёлок Варакино...

Да, пусть таким оно и будет, лучшее первое свидание в моей жизни!

Смотреть на звёзды, скакать верхом, прижимаясь к острым лопаткам впереди сидящего, купать в озере вороную лошадь. Чтобы сердце обрывалось и ухало вниз, словно с крутой горки, и от необъяснимого счастья ныло в груди.

Игорь Анатольевич Поляков, родился 23 апреля 1970 года в городе Симбирске.

В 1994 году окончил Ульяновский Политехнический Университет.

Живёт и работает в Петербурге. Автор рассказов, повестей, литературной критики.

Тише, говорит...

Я оживлен, я в беспокойной и нервной тревоге. Из зала, огромного, как дирижабль вокзала, я выплеснут толпой на улицу. Кто мог подумать, что ещё недавно, находясь в безлюдном, необитаемом предместье, в окружении бесконечных лесов и низеньких домиков, я уже сегодня, буду взволнованно и счастливо прохаживаться по улицам этого великого города.

Через ослепительные блики витрин, сквозь свет и разноцветные огни, я плыл по нагретой мостовой, устремляясь вглубь проспектов, шоссе и петляющих переулков. В тени больших домов я шагнул на оживленную площадь и, провожая взглядом длинный, как сигара, автомобиль, почтено застыл перед его непогрешимой роскошью. Намытые до блеска витражи зеркал и изогнутые поручни дверей тысячекратно отражали на своей поверхности его неторопливое и снисходительное движенье. И женщины. Я не мог себе даже предположить, что такое многообразие красивых, изысканных женщин может одновременно расхаживать по дневному тротуару. Белые и кремевые тона лиц, шлейф дорогих духов и долгий рассеянный взгляд куда-то поверх твоей головы, в неизвестную и таинственную перспективу улицы — я был восхищён и неудержимо рад городу, который дарил так много своего тепла, очарования и величавого блеска.

Уже вечером я думал уехать к морю, к его одиночеству и задумчивой тишине, чтобы город не смог надолго пленить меня. Но сейчас я хотел

его широты и бесконечности, я хотел его неудержимой энергии и вечной тайны.

Я приехал по приглашению моего университетского товарища и должен был подготовить материал для его газеты — но разве этим была занята моя голова? Как начинающему автору, — говорил он мне, — моему имени будет полезно появиться с передовицы его издания, — но мне так редко приходилось бывать в городе, и я был полон таких волнующих ожиданий и надежд, что неудержимо я стремился как можно дольше не думать о предстоящей работе. И уже через несколько минут, распахнув подле дверей тяжёлые драпри, я сидел в небольшом кафе за столиком, у самой витрины. Официант подал мне кофе и две теплые французские булочки, и быстро съев одну из них, я вспомнил, что по приезду должен был купить трубку, именно трубку, с душистым табаком и спичками, чтобы оказавшись в городе неторопливо выкурить её за столиком, у самой витрины.

Не раздумывая, я выбежал на улицу и в ближайшей табачной лавке, не особо выбирая, купил первую попавшуюся на глаза, изогнутую, как саксофон, трубку. Если бы меня встретил мой университетский товарищ, он не поверил бы увиденному — я никогда не курил, и тем более трубки. Но я был полон таких ожиданий от предстоящего отдыха, в которых была немислимая свобода, какая-то неуголённая поспешность попробовать всё, что недоступно мне было в той глуши среди бесконечных лесов и низеньких домиков, что мой каприз казался невинным и оправданным.

По мостовой, выстроившись длинными рядами, прошагала колонна молодых людей. Одинаково одетые, чеканя шаги чёрными ботинками, они внесли в окружающую суету ещё большее оживление и торжественность. В обыкновенном строевом шаге, в молчаливой солидарности синхронно движущихся людей присутствовала необъяснимая и завораживающая сила. Я был едва ли старше каждого из них, но в ровной поступи шагающих, я ощутил свежесть молодости и упрямую внутреннюю сплоченность, совершенно неизвестную мне в моём возрасте. И чем больше я находился в городе, чем больше я впитывал в себя его противоречивого движения, его красок, света, необъяснимого очарования и беззаботного счастья, тем глубже проникала в меня его тайна, непередаваемо волнующая, непостижимо пьянящая, но остающаяся для меня нераскрытой загадкой.

Я помню, что тогда перешёл на противоположную сторону тротуара, и направился к дверям кафе, не отрывая взгляда от колонны. И всё с тем

же не оставляющим меня чувством восхищения и неудержимой радости, протянул руку чтобы войти в покинутое мною помещение, — но здесь — это в первый раз произошло тогда, я услышал над собой приглушенный скрежет или скрип, точно недалеко от меня кто-то граммофонной иглой провёл по невидимой пластинке и — остановился. Я подумал, что в голове или ушах зашумела кровь, такое иногда случалось со мной, но снова, спустя мгновенье, я услышал такой же отчётливый, шипящий скрежет, точно звук исходил сверху, от телеграфного столба. Я поднял голову и увидел провода, окна домов и линию карниза, но ничего, что вызвало бы то, что я услышал, не заметил. Я быстро прошёл в кафе, к своему столику, и снова заказал официанту горячий кофе, и, растягивая каждое движение, зажег трубку и затянулся горьковатым, густым дымом. Я не был избалован в жизни достатком и мои потребности были не выше средних желаний, и когда в редкие часы мне выпадала возможность побывать в спокойном уединении и безотчётно погрузится в приятную расслабленность — я не замечал происходящих событий. И в ту минуту, я тоже быстро забыл о случившемся, посчитав произошедшую странность всё тем же неподвластным моему пониманию секретом города; и, больше по необходимости на что-то смотреть, я неторопливо перевёл свой взгляд на вошедшую в кафе пожилую пару и молоденькую девушку, скорее даже ребёнка. Они прошли вглубь зала и остановились у столика, где мне хорошо было видно лицо седоватого мужчины, пригласившего их сесть, и девочки.

Мне не часто удавалось наблюдать такой искренний, неподдельный восторг исходящий от ребёнка, вероятно, по случайности попавшего сюда со своими опекунами. И так как девочка с трудом сдерживала свои эмоции, казалось, что вся она светится добрым и радостным светом. Таков был и седоватый мужчина, спокойно и внимательно кивающий на тактичные и мягкие просьбы пожилой женщины, и к моему тихому уединению за столиком, в этом случайном рассматривании незнакомых мне людей, я почувствовал какое-то необходимое и желанное дополнение.

Воздух плыл под потолком кафе голубоватым прозрачным туманом и рассеивал во мне остатки самых безобидных тревог и волнений. И было уютно и хорошо. Было уютно и хорошо, и где-то за окном ударил колокол, и через минуту послышался приглушённый перезвон ещё сотен колоколов — и воздух над городом внезапно ожил и наполнился гулом и не стихающим шумом то ли праздничного благовеста, то ли весёлого и настойчивого призыва к чему-то. Но я не удивился и не испугался этого. Со спокойной уверенностью и доверием, я ощутил лишь приятную

закономерность случившегося. И если бы вчера я не был бы в безлюдном предместье, и в моей душе ещё не стёрлись ощущения монотонной обыденности провинциальной жизни, я подумал бы, что вот так, всегда, я сидел за этим столиком, дышал сладким сумраком кафе и слушал этот далёкий гулкий звук, льющийся над городом с высоких серых башен замков и остроконечных больших часовен. И помню, как на память, мне пришёл тогда знакомый куплет какой-то старинной, забытой песни, у которой я не знал ни конца, ни начала — и эту песню мне захотелось запеть, запеть во весь голос, не стесняясь его открытой громкости и прямоты. Я уже глубоко вздохнул, чтобы открыть рот и приступить к пению, но, вовремя сдержался и прогудел носом, не останавливаясь, всю песню без слов. Мне не нужно было что-то объяснять людям, и я не старался в себе искать оттенки каких-то сомнений — я знал, что никто, из тех кто жил в городе, не понял бы меня. Для всех окружающих, жизнь в этом великолепии, была лишь обычной привычкой, а мне она открывалась коротким признанием и случайным подарком. И если бы мой университетский товарищ помнил бы об этом также как и я, он не предлагал бы мне написать о городе, он повёл бы меня по его мостовым и бульварам, по его черепичным крышам и чердакам, и показал бы все его закрытые кладовые. И если его кварталы и даже паутину улиц мы смогли бы пройти быстрым шагом, его недра домов и тёмные тоннели переулков можно было бы обходить и исследовать годами и не постичь до конца их глубины и загадочного смысла.

Мне было немного досадно, что происходящее я принимал как вынужденную необходимость, но потом стало легко и весело, точно и себя и свои мысли, я увидел со стороны. Я позвал официанта и попросил включить музыку или радио — в кафе было необычно тихо и от отсутствия привычных звуков, сумрак, висевший под потолком, казался более густым и плотным. Я посмотрел на девочку, она живо слушала объяснения женщины, и глаза её изредка, с интересом, поглядывали в мою сторону. И когда заиграла тихая мелодия, она восторженно захлопала в маленькие ладошки, и забавно, как это делают дети и совсем молоденькие девушки, закачала головой, мечтательно поворачиваясь на стуле. Я улыбнулся, и седоватый мужчина, обратив на меня внимание, приветственно кивнул мне, потрогав руками, лежавшую на столе шляпу.

В это время в кафе забежал мальчик, и, вынув из перекинутой через плечо сумки пачку газет, протянул их кому-то за стойку. Из открытой двери, вместе с его приходом, ворвались звуки улицы и колокольного звона, и плотные драпри при входе вздрогнули и ожили. Я наклонил го-

лову и с сочувствующим интересом стал рассматривать происходящую сцену — у нас, в неподвижной и отсталой глуши посёлка, почту изредка, по выходным, приносил угрюмый, пожилой почтальон. Мальчик взял со стойки приготовленную для него конфету и поспешил к выходу. И тут, снова, как было тогда у табачной лавки, громогласно прозвучало отчетливое скрежетание, точно здесь в кафе, разорвали плотную и очень прочную материю. Звук был таким же, как я его слышал раньше, только теперь он прозвучал более отчетливо и явно, с различимыми интонациями похожими на чей-то хриплый и сорванный голос. Сначала я подумал, что это идёт от мальчика, потом решил, что это музыка или плохая трансляция эфира, но увидев его спокойное неподвижное лицо, предположил, что мне всё показалось и то, что я принимал за непонятный шум, слышал только я один. Мой взгляд пробежал по полумраку кафе, по большому стеклу витрины и остановился на девочке. Она не двигалась, и глаза её, до этого беззаботно и живо глядевшие на окружающие её предметы, испуганно и неподвижно смотрели на меня. Через минуту она повернулась и внимательно взглянула в ту сторону, откуда я тоже, ещё недавно, слышал тревожные и глухие надрывы.

Официант по-прежнему неторопливо протирал за стойкой посуду и тихая мелодия, не искажая тона, ровно играла в глубине зала. Девочка снова посмотрела на меня, и я, точно в отражении охвативших меня неприятных ощущений, увидел в её взгляде тот же внезапный испуг и недоумение — она слышала то же, что и я!

Моё любопытство взяло верх, я возбуждённо поднялся с намерением всё узнать и объяснить себе, но — остановился. Я почувствовал в своей голове слабое шипение, именно почувствовал, а не услышал, точно по мембране моего уха кто-то пальцем отбивал завораживающий ритм неизвестных коверканых слов. Мне удалось сделать всего один шаг, и снова, прямо передо мной, воздух разорвался пугающе резкой вибрацией, и — внезапно и оборванно замолчал...

Я мог предположить досадную неосторожность, случайность или, даже, чью-то злую шутку от окружающих меня людей — мне много, по молодости, приходилось испытывать на себе подобных действий, но происходящее было не похоже на самую запутанную логику человеческих поступков. И кто на улице, у табачной лавки, мог преследовать и ожидать меня, чтобы так замысловато шутить с приехавшим на один день провинциалом?

Пожилая пара спокойно посмотрела на меня и, седоватый мужчина, любезно сказав что-то в мою сторону, жестом пригласил к своему столику.

— Вы слышали это? — спросил я его. Он вопросительно приподнял брови и непонимающе улыбнулся. — Вы слышали это? — спросил я его снова и заметил, как девочка не отрывая от меня встревоженного взгляда, потянулась к седоватому мужчине и, прикрывая ладонью губы, что-то быстро сказала ему. Мужчина изменился в лице и недоверчиво осмотрелся.

Я не хотел ждать от него ответа — я понял что он ничего не знает. То, что касалось моего слуха, и проникало в него странными, громкими колебаниями, было понятно мне и маленькой девочке.

Я был твёрдо уверен, что выясню всё у официанта и поспешил тогда обратиться к нему, но сделав шаг в его сторону, снова почувствовал странный звук, и вместо глухого и kloкочущего треска, уже отчётливо и внятно, услышал произносимые слова, различимые фразы и напряженный тембр незнакомого голоса.

Это неслошь от безобидного старого репродуктора. Он висел на стене, и я мог свободно подойти к нему и без труда отключить неразборчивую, искажённую трансляцию вырывавшуюся из сетки его динамика. И чем меньше становилось помех, тем яснее была слышна речь с ровными паузами и нетвёрдым произношением, словно говоривший её, читал им впервые увиденный текст.

С твёрдым намереньем завязать разговор с пожилой парой и девочкой, я быстро обернулся, но увидел, что они торопливо расплачиваются и направляются к выходу. Я хотел было окликнуть их или привлечь к себе внимание, — за короткое время они были единственными свидетелями происшедшего, — но только девочка также внимательно и напряжённо посмотрела на меня, и, коротко моргнув, отвела свой взгляд в сторону, выйдя с пожилой женщиной за дверь.

Я вернулся к своему столику и решил пробудить в себе прежнее настроение, но мой кофе остыл, трубка потухла и от бывшего воодушевления не осталось и следа. Теперь я думал только о спокойном отдыхе и покое, и хотел тишины и одиночества; я хотел тишины и одиночества и не желал больше слышать говорящего из репродуктора человека!

Мне нужно было поскорее отвлечься, чтобы не проводить время напрасну. В городе, я мог бы назвать тысячи мест, где хотел бы я быть, и где мне доставила бы удовольствие простая прогулки или рассматривание случайного прохожего шагающего возле меня по серому тротуару. И вспомнив это, я сразу оживился, и попросил официанта подать мне газету.

Спустя минуту моей радости и восторгу не было предела. На передовице самой уважаемой и популярной газеты, которую я развернул, была

большая статья моего университетского товарища. От начала до конца, занимая добрую половину только одним заголовком, она возвещала о достижениях современности, о растущем благополучии и эволюционном прогрессе. В каждой строчке пульсировал оптимизм и вера в благонадёжность существующего миропорядка.

С ним было трудно не согласиться, я не мог возразить ни одной его фразе. Не только город, но и десятки других стран жили выбором большинства, делая возможным без условностей прежнего мира вести свободную и независимую жизнь. Возможно, здесь повинна была моя молодость и мой оптимизм, но подтверждение всему сказанному, я наблюдал вокруг себя почти каждое мгновение.

Чувствуя прилив гордости за своего приятеля, ещё держа газету развёрнутой, я окинул глазами окружение, невольно ожидая встречаемых и сочувствующих взглядов, и незаметно для себя, перевёл взор за стекло витрины, и во всём, что привлекало мой взгляд, видел осмысленное и устроенное равновесие, в каждом случайном жесте — непоколебимую основательность и слаженную гармонию.

Я успел ещё пробежать глазами половину газетной полосы, и в безмятежном и ровном удовольствии, вспомнил, что впереди, почти целый день свободный от дел, от неотложных обязанностей и спешки. И, незаметно для себя, в незатейливой импровизации, легко придумал несколько строчек своей будущей статьи о городе, о которой недавно, я не хотел даже и слышать. Всё это так развеселило меня, что я снова почувствовал в себе прежнее волнующее счастье, с которого начался день, но всего через секунду, сковывая напряженным напряжением своё вдохновение, невольно вздрогнул, и с досадой на внезапную перемену, услышал впереди себя знакомый хрипящий шум. Отбросив газету в сторону с намерением положить этому конец, я решительно подошёл к месту, где висел репродуктор. Из потемневшего корпуса, напряжённо и гулко, то усиливаясь, то смолкая, рвалось неразборчивое и срывавшееся с тона сообщение. Я многозначительно кивнул официанту на вздрагивающую от звука овальную панель и пальцем постучал по ручке переключателя. В охватившем меня порыве, я был уверен, что официант отключит громкий звук и рассыплется в извинениях, но он неторопливо оторвался от протираемой посуды и, любезно наклонив голову, безмятежно застыл, ожидая, что я о чём-то спрошу его. Несколько мгновений я надеялся, что он ответит мне, и я снова обрету покинувшее меня спокойствие, но чем дольше он медлил, тем мучительней и неприятней становилась затянувшаяся пауза.

Не желая на этом останавливаться, я выбежал на улицу и подошёл к табачной лавке, смутно предвидя, что услышу что-то похожее на прежнее скрежетание и всему случившемуся, найдётся какое-то простое и убедительное объяснение. И точно ответом на мои мысли, вибрации похожие на человеческую речь, до этого неуверенно и глухо гудевшие из динамика в кафе, стали доноситься откуда-то сверху, как тогда, в первый раз, но казались более резкими и объёмными, и каждая фраза, звучала теперь как отдельный рубленый слог, какого-то бесконечно длинного слова. Я поднял голову и увидел на телеграфном столбе тёмный рожок громкоговорителя, из которого разносилась чёткая и нарастающая по темпу речь. Мне показалось, что её слышат все на большой, многолюдной улице и я, чтобы проверить себя ещё раз, показал на громкоговоритель случайному прохожему. По выражению его глаз, по спокойной и равнодушной мимике незнакомца, я понял, что он ничего не слышит. Если бы его слух был заполнен теми же звуками, что и мой, произнесённую мною фразу, он бы не смог понять. Ему пришлось бы отвести меня в сторону или приблизить своё ухо близко к моему лицу, чтобы узнать, о чём я спросил его. Но он не сделал этого, и в возникшей между нами паузе я отрицательно покачал головой и молчаливо зашагал по площади.

В сковавшем меня волнении, я пошёл по мостовой, бесцельно рассматривая пёстрые прилавки, и втянув голову в плечи, отчаянно закрывался ладонями от разносившегося надо мной тяжёлого и яростного крика. Мне предстояло пройти несколько улиц и удалиться в свежую прохладу переулков, прежде чем голос из репродуктора, пронизывающий сам воздух, постепенно стих и оставил меня.

Я был уязвлён и раздавлен происшедшим. И помню, что тогда, унося в себе удаляющиеся звуки голоса, я стал вслушиваться не только в нагнетаемую интонацию речи, но попытался различать фразы, слова и смысл произносимого. Для меня это не казалось сложным, и, спустя несколько мгновений, очень просто получилось. Но понимая о чем говорил невидимый оратор, понимая направленность и суть его слов, я не пытался даже уяснить, зачем мне нужен был весь этот суровый и чужой набор разрозненных эмоций, и снова, как и прежде, я хотел побыстрее освободиться от этого и пойти спокойно гулять по улицам, не ощущая назойливого и вездесущего преследования.

Я решил, что необходимо попытаться вернуться к тому состоянию, какое владело мною в самом начале моего приезда в город. И вспомнив про тихое приятное кафе и не докуренную трубку я подумал, что нужно

подыскать что-то очень близкое этому, и снова, окружив себя спокойным ритмом движений и красок, подумать о университетском товарище, о проходящих мимо женщинах и, просто, о красивой и устроенной жизни, пленяющей меня своим завораживающим и ослепительным блеском. И лишь отдалённо желая ещё что-то понять, мне хотелось увидеть случайное подтверждение или хотя бы отдалённое объяснение того факта, что я не один различаю, как все репродукторы в городе, непрерываемо и вероломно, пытаются донести до окружающих, какую-то важную и тревожную информацию. И вскоре, устремляясь в петляющую глубину улиц, я покружился у высоких начищенных дверей отеля, походил возле полукруглых арок каких-то домов и случайно шагнул на бегущую ленту металлической дорожки, уносившую случайных зевак к высокой стеклянной двери в глубине освещённого коридора.

То, что неожиданно открылось передо мной спустя минуту, было забываемо и волнующе-грандиозно. Я оказался в высоком просторном зале, с воздушным стеклянным куполом, вздёрнутом вверх на несколько этажей по стенам которого, сквозь прозрачные цилиндры шахт лифтов, тянулось несколько широких и светлых ярусов заполненных бесконечным количеством столиков и мягких диванов.

Это был огромный ресторан, такой, какие бывают только в больших и красивых городах привыкших к спокойной изысканности и немислимой новизне интерьеров. Одновременно здесь могли расположиться и обедать несколько сотен человек и, едва ступив на полотно мягких ковров, под рассеянный дневной свет невидимых витражей, я почувствовал их многочисленное и явное присутствие. Мне не пришлось долго ждать — уже через мгновение, подхваченный под локоть метрдотелем, я учтиво усаживался на свободный столик в центре зала, и всматривался в развёрнутое передо мною меню. Впереди, по бокам иверху, на высоких и недосыгаемых ярусах, неторопливо разговаривали, звенели посудой и смеялись люди. Кто-то вставал и уходил, кто-то, как и я, располагался поудобнее, создавая вокруг себя непрерывный и ненавязчивый шум мебели, одежды, шаркающей обуви и произносимых слов. Я осмотрелся, и то ли от идущего со всех сторон несмолкающего фона человеческих голосов, то ли от мнимого уюта от скопления огромного количества людей, мне стало, наконец, спокойно и хорошо.

Я снова почувствовал прежнее очарование города, но теперь оно было сконцентрировано и приближено моему взору так близко, что протянув руку, я мог его даже потрогать. Невольно, я любовался глубокими полутонами теней и внезапно вспыхивающими, искрами дорогих кам-

ней и брильянтов. Я попросил официанта принести мне самое обычное блюдо, подаваемое к этому времени суток и немного вина. Как только он удалился, я развернул сложенную вчетверо плотную узорчатую салфетку и легко и непринуждённо записал карандашом несколько ёмких и содержательных предложений. То, о чём я недавно не хотел даже думать и откладывал как невыученный урок, весело овладело моими мыслями и зажглось в моей голове ослепительным горячим светом. Моё вдохновение не требовало подготовки и, наполняя меня кипучей энергией, широкой и щедрой волной выплеснуло на шероховатую поверхность бумаги глубокие образы, меткие афоризмы и парадоксальные сравнения. Уже снова я стал мечтать о тихом море с задумчивым и неторопливым дыханием прилива, о теплом песке пляжа, и о приятном чувстве покоя, которое я не променял бы ни на какие блага мира. Я хотел поскорее всё рассказать о городе и освободиться от его безграничной и искушающей силы. Порой я не успевал за мыслью, и когда карандаш от нетерпения рвал салфетку, я брал новую и также быстро заполнял её неровными убегающими словами. Отдалённым воспоминанием, я воскресил в воображении статью моего университетского товарища и старался писать не хуже его уверенно и слаженного стиля. Но, не желая с ним соперничать, я невольно стремился превзойти его каждой незначительной фразой, каждым словом и немым восклицанием.

Возле меня старательно и чинно прошла красивая пара. Отсвечивая атласом чёрного фрака и легкими отблесками декольтированного платья, она привлекла к себе внимание всего ресторана. И то, что не могли ощутить дальние ряды высоких ярусов и дорогих залов, мне представилось наблюдать почти вблизи своего небольшого столика. Пара удалилась в мягкий полумрак отдельного кабинета и уже через несколько минут в его прикрытую занавесом дверь спешили стройные и услужливые официанты.

Меня переполнила стихийная радость, почти безумное ликование, я даже почувствовал гордость и с трудом сдерживал в себе ещё дюжину эмоций. Я наблюдал, как передо мной происходила непостижимая метаморфоза, открывающая таинственный и сокрытый смысл города. Я видел, как преображался человек, как менялся его облик, как он красиво мог одеться и пользоваться недостигаемыми благами мира, имея необходимый достаток и неограниченность в материальных средствах. И в этом было бесконечное преимущество города, его большой ценностью и центром его притяжений. В своей газетной публикации мой университетский товарищ лишь отчасти был близок к цели, я же, открыл самую суть

увиденного, и проник в запретные недра всего осмысленного и упорядоченного мироустройства. Мне, обычному провинциалу, удостоилась почётная участь рассмотреть и понять это, и сидя в большом, красивом ресторане, вместить написанное в несколько предложений на этих простых узорчатых салфетках.

Откинувшись на спинку кресла, я безмятежно посмотрел вокруг, и только теперь вспомнил, что меня уже давно не тревожит ни рокочущий настойчивый голос, ни надоедливый треск из репродуктора и вообще никакие посторонние звуки и шорохи. Возможно, это происходило от отсутствия на всём безграничном пространстве даже слабого намёка на работающее радио или самый безобидный ретроспектор. Но как только я об этом подумал, в уши мне ударили барабаны и несколько громких труб пронзили воздух танцевальными ритмами. Впереди, на мозаичном полу под самым центром стеклянного купола, четверо подвижных музыкантов виртуозно выдували из меди незатейливые ноты, и несколькими струнами загудел огромный тёмный контрабас. Воздух, до этого густо насыщенный ароматами дорогих сигар, изысканной еды и экзотических напитков, задвигался и поредел от людей, и на площадке возле оркестра появились танцующие пары.

У меня не было причин сетовать на резкий фон производимых музыкантами звуков — я не был глубоким знатоком подобного искусства, но удовольствие, испытываемое от того, что его, вместе со мной, слышат все присутствующие и, что в мою голову не врывается ни один лишний и несозвучный ему шум, заставило меня спокойно и увлечённо отбивать пальцами схожую по его ритму мелодию.

Я выпил принесённое официантом вино, закурил трубку и пленённый обаянием и торжественностью обстановки, вышел на широкую мраморную лестницу. Когда я находился внизу, в центре зала, всё богатое великолепие отделки я мог наблюдать только издали, отдельными фрагментами. И теперь, обходя объёмные холлы, замысловатые уютные ниши и бесчисленные столики, с нескрываемым удивлением рассматривал увиденное. Я заметил, что на каждом этаже, в самой неприметной и скрытой дали, играл свой небольшой оркестрик. В начале, я подумал, что увижу привычную светящуюся панель или знакомый силуэт динамика, но когда, сквозь освещённый настольными лампами полумрак, подошёл вплотную к негромко издаваемым звукам — увидел несколько человек с музыкальными инструментами и успокоенно отошёл в сторону. Куда бы я ни заглядывал или случайно ни попадал, рассматривая многообразное великолепие интерьеров, я не слышал искусственного

тембра передатчика, везде меня окружала только живая музыка, живой звук и живая речь человеческих голосов.

Теперь моё внимание не было сковано, и я не отвлекался на случайные колебания и вибрации летавшие под куполом, и только сейчас, раскрепощённо прохаживаясь по мягким дорожкам переходов, ощущал свою так долго ожидаемую свободу. Я живо представлял, как будет рад мой университетский товарищ, как удивиться он написанной статье, как станет настойчиво и обходительно уговаривать меня остаться работать в его газете, но принимая его гостеприимство и благодарно кивая головой — я не смогу задерживаться у него ни на минуту — я поспешу поскорее покинуть город. Мой взгляд уже зажался далёких синих горизонтов, пустынных широких равнин, маленьких домиков и спасительной необитаемости провинциальной жизни. Уехав, я проведу весь вечер у моря, на песке остывающего пляжа, и, быть может изредка, буду вспоминать мой случайный визит в эти обставленные роскошью стены.

Я вышел на балкон и, опершись руками о полукруглый поручень, взглянул с высоты на играющий оркестр. Там внизу, у пустыющей площадки, образуя одеждами разноцветное пятно, танцевали пришедшие с боковых ярусов люди и, от освободившегося возле меня пространства, стало непривычно тихо и покинуто.

Мне хорошо было видно всё многообразие человеческих лиц, причёсок, украшений и казалось, что своим взглядом сверху, я охватываю нечто большее, чем то, что мне приходилось наблюдать. Мне, не имеющему высокого достатка, а порой, и постоянного заработка в жизни, было бы дерзостью думать, что своим нечаянным присутствием, я ровняю себя с этим высоким и недосягаемым обществом. Но, находясь на таком почтительном расстоянии друг от друга, меня согревала тихая надежда, что спустя годы, я буду к нему намного ближе, чем думаю.

Надо мной возвышалось ещё несколько этажей с большими залами и открытыми зимними террасами и мне хотелось подняться к самому стеклянному своду гигантского купола. Я подошёл к хромированным дверям лифта и в прозрачной тонированной капсуле, мягко и незаметно вознёсся к вестибюлю последнего яруса ресторана. Со стороны, где я вышел, терраса соединялась с массивным холлом и переходила на открытый широкий балкон под самым основанием шпиля и, шагнув в его пределы, я с волнением остановился на его площадке.

Когда я осмотрелся, то в удивлении замер и не посмел сделать ни шага — наблюдая снизу масштабную конструкцию, я даже не мог себе вообразить каковы настоящие размеры этого колоссального сооруже-

ния. Со всех сторон, над центром просторного зала, сходились тяжёлые железные балки, круговыми дугами, уносящими свои изогнутые линии в самое небо. И на всё расстояние, сквозь пространство титанического каркаса, открывался величественный и прекрасный вид, раздвигая на многие километры бесконечную перспективу всего города.

Где только хватало моих глаз, я видел остроконечные часовни соборов, багровую черепицу домов и лабиринты улиц. Мне даже не нужно было предполагать, где начиналась окраина или завершал свою линию последний городской квартал, передо мной, точно на ладони лежал весь необъятный город.

Я посмотрел на далёкую кромку горизонта, где в прозрачной полоске лазурного небосвода в синеватой дымке исчезающего леса растворялась само присутствие земли. Там было море. Даже его, неповторимую и воображаемую в мечтах реальность, я увидел с этого вздёрнутого вверх постамента.

Мне были видны все извивы каналов, выгнутые спины мостов, зелёные островки парков и гирлянды аккуратно посаженных деревьев. На каждой площади, у каждого заметного памятника или на любом открытом месте я наблюдал бесчисленное количество людей, автомобилей и прогулочных экипажей. Если бы мне было доступно вездесущее зрение и я бы смог видеть одновременно несколько мест на земле, то и тогда, я не объял бы и половины того, что мне посчастливилось рассмотреть в те удивительные минуты.

Мне захотелось крикнуть и привлечь к себе внимание. Я хотел, чтобы весь город посмотрел в мою сторону и замер бы в ожидании того, что я сказал бы ему. Это не было бы тем пространственным монологом, которым говорил в своей статье мой университетский товарищ, и конечно, не стало бы повторением того, что мною было записано на узорчатых салфетках. Увидев город с такой невысказанной высоты, я открыл бы всем его совсем иную, непознанную правду.

Я подошёл к краю балкона, распростёр руки в стороны и уже готов был произнести своё первое слово, но неожиданно, меня заставило замолчать прозвучавшее на весь зал громогласное сообщение. Распространяясь многократным эхом, оно походило на неразборчивое бормотание, и сначала, я принял его за монотонный голос диктора объявляющего на вокзале о прибытии поезда. Как вынужденный, но необходимый фон в жизни каждого заведения, это событие доставило мне только временные неудобства и, как и следовало, я не обратил на него внимания. После такого обилия положительных эмоций, ничего другого я и не мог предположить, и, склонив голову набок, терпеливо и понимающе стал

ожидать, когда досадная помеха наконец исчезнет и снова установившаяся тишина позволит мне произнести задуманную речь. Но когда, спустя время, бормотание постепенно перешло в отчётливое произношение, и голос, звучавший казалось в каждом атоме воздуха, стал приобретать знакомые очертания, я неподвижно застыл у балконного поручня и изумлённо прислушался. Я боялся себе признаться, что в мой слух, на время покинув его, смог снова вернуться преследующий меня повсюду странный голос из репродуктора. Ещё сохраняя в себе слабую надежду, что это не так, я тревожно взглянул на то, что могло бы опровергнуть мои опасения, и тихо прижался к перилам. Не проявляя никакого беспокойства, в длинных полукруглых рядах обеденных залов шло неторопливое течение ресторанной жизни. Официанты разносили блюда, бесшумно входили и выходили посетители и за каждым столом неслышно велись спокойные, размеренные разговоры. Я посмотрел вниз на широкое пространство холла, от играющего оркестра до меня не доносилось ни звука, и музыканты, двигаясь у инструментов, беззвучно надували щеки и ритмично колотили палочкой по немым тарелкам барабана. Контрабас, погруженный в молчание, дрожал своими струнами и был также неумолимо спокоен и нем, и не касался моего слуха ни одной нотой. Над всем насыщенным людьми пространством звучал только один повелительный и напряжённый голос, сокрушительно и неумолимо бросая на окружающих надрывные, клочущие фразы.

Я выглянул с балкона и посмотрел на стены и на прозрачные шахты лифтов и туда, где можно было увидеть привычные тёмные пятна динамик или рожок громкоговорителя. Но нигде, куда бы я хаотично не бросал свой взгляд, я не встречал ничего похожего на подобные предметы. Голос исходил снизу и с боков, отражался от купола и появлялся с самого верха, и, как бы я не стремился определить его единый источник, присутствие его становилось вездесущим.

Обхватив голову руками, я попытался закрыть уши. Мне не хотелось верить в то, что, обладая достаточным представлением о главной тайне города, я снова подвергался нападкам какой-то ещё более грозной и неразгаданной силы. Проникая сквозь пальцы, проходя в самую глубину моего слуха, каждое слово и интонация произносимых голосом фраз, ясно различалась мною и молниеносно доносилась моему рассудку. Я почти физически ощущал, как они вонзаются в мой мозг, безжалостно рая его своим вторжением.

Пробежав по коридору, я опустил руки и принялся невольно слушать, что пытается рассказать мне невидимый оратор. Я думал, что поняв

смысл и значение сказанного, я смогу избавиться от неприятного ощущения и что-то объяснить себе. Не разбирая направления своих шагов, я спустился по лестнице, обошёл плотно усеянный посетителями зал у широкого балкона и поспешил к лифту. По пути, я задел рядом стоящий столик и уронил зажжённую лампу, но не обернулся и не стал останавливаться — в охватившем меня отчаянье, я не замечал вокруг себя ни мебели, ни людей, ни расстояний. Отскакивая от стеклянных стен и удваивая свою силу эхом, голос безжалостно гремел словами негодующих проклятий и не давал возможности опомниться. По мере того, что улавливал мой слух, я чувствовал, как во мне происходила мучительная борьба, свергающая с постаментов, все мои прежние идеалы. Кажется потом, уже спустившись вниз зала, я толкнул локтем танцующую пару и закричавшая женщина в облегчающем платье, падая, ухватила меня за рукав, ожидая очевидной помощи, но я, не задумываясь, оттолкнул её, отбросив оброненное в мои руки блестящее кольцо.

Подобно раскатам грома, раскальвая пополам гигантское пространство, сорванный яростью и гневом голос, говорил о страшном предательстве, о лжи и всепроникающем лицемерии. Ещё недавно гремевший как приговор только мне одному, он обращался теперь, казалось, к каждому в зале и беспощадно врывается в самые укромные уголки потревоженной совести.

Я подходил к разглядывающим меня людям и настойчиво спрашивал: «Что же это такое? Этого не должно быть? Послушайте, что вам говорят...» — и шёл дальше, задевая чьи-то локти, плечи и бессмысленно просил о помощи.

Не снижая своего сокрушительного накала, голос выкрикивал надоевшей обличающие фразы о борьбе, о грядущих разрушениях и необходимой подмене ценностей жизни. Детонируя в каждой частице вещества, куда он попадал, он разрывался подобно смертоносному снаряду, проникая в самые недоступные глубины осязаемых предметов.

На мою не рассказанную правду о городе, невидимый оратор шквальным потоком обрушил свою правду, собранную в веских и прямых доказательствах. Каждое произнесённое слово, которое я слышал, было противоположно моим чувствам и даже оттенкам моего недавнего настроения — я содрогался от их скрипучих хрипов и рваных интонаций. Но являясь для меня болезненно чужими и даже враждебными, они властно меняли мои мысли, заставляя переходить от их категоричного неприятия, к уверенному признанию и слепой вере.

Я воображал говорящего из невидимого динамика человека стоящим на высокой трибуне в присутствии замороженных слушателей — такой

эмоциональный напор речи не мог бы родиться в пустом безлюдном пространстве. И поднимая невольно свой взгляд к самому своду стеклянного купола, я представлял его живое воплощение на балконе верхнего яруса, где я сам ещё недавно находился. Не выходя за пределы здания, ограничивая своё проявление в замкнутых стеклянных стенах, его голос, казалось, распространялся над всеми крышами домов, над запруженными оживлёнными улицами, над большими куполами, и высокими часовнями. И когда он говорил о войне, я слышал лязг железа, взрывы бомб и выстрелы орудий. И когда он говорил об окружающей жизни, я чувствовал кипящую ненависть, жгучую обиду и неутолимое отчаянье. И, поддаваясь неудержимому призыву его слов, я мог бы встать в строй и взять оружие идти в бешеную кровавую атаку, чтобы в багровом зареве битвы добыть себе славу или безызвестную гибель.

С той минуты, когда я смог различить первые сказанные фразы, во мне уже не существовало прежних иллюзий, и теперь, подойдя к оставленному мною столику с несъеденными фруктами, я достал из кармана цветные узорчатые салфетки и бросил их в пепельницу вместе с потухшей и недокуренной трубкой. Я не верил теперь в то, что недавно написал на этих измятых клочках бумаги. Окружавшее меня невозмутимое спокойствие, казалось мне фальшивым и выдуманным. Ещё недавно владевшее мною ощущение свободы и тихого упоения сменилось чувством холодной непримиримости и желанием мести. Мне хотелось остановить музыку, сорвать с женщин брильянтовые ожерелья, ударить по лицу услужливого метрдотеля и весь сверкающий блеск драгоценностей бросить тому существу, что разодрал бы своим голосом их непроницаемый и мёртвый слух и наполнил его ужасом и смыслом раскрывшихся фактов. Всему оставленному роскошью ресторану я показал бы истинную ценность его вычурной и помпезной жизни.

Проталкиваясь сквозь оживлённый поток входивших посетителей, я накричал на круглолицего толстяка с коричневой сигарой, опрокинул поднос с пирожными и наступил на хвост маленькой собачке, спущенной пожилой дамой на поводок. Если бы тогда меня смог увидеть мой университетский товарищ, он не поверил бы своим глазам. Перед ним стоял бы совершенно незнакомый ему человек и, наверное, наша встреча оказалась бы последней.

Решив покинуть ресторан, я поспешил к выходу, ожидая, что за его пределами, смогу, наконец, незаметно скрыться в переулках и навсегда покинуть город. Я уже не хотел ехать к морю — его прохлада теперь не прельщала меня. Мои мысли были охвачены пожарами и боями, и их

острота и предельный накал настойчиво подгоняли меня искать себе то ли союзника, то ли одинокую жертву.

Незаметно проскочив несколько шумных улиц, я вышел на широкую уложенную булыжником площадь и, только теперь остановился и посмотрел вокруг. Небольшими группами на её каменном пространстве стояли люди, и спокойно подняв головы, смотрели в небо. Я выжидающе замер и уже скоро почувствовал в себе потребность в движении и желание поскорее уйти с площади, как вдруг снова услышал знакомый голос, нестерпимым набатом роняющий над головами людей отчётливый и ровный строй тяжёлых непререкаемых слов. Очевидно, всё это время я просто не замечал этого и привык к его постоянному присутствию в своей голове. Окружающие меня люди всё так же неподвижно стояли и смотрели в небо и настойчиво не покидали своих мест.

Как и прежде, я снова слышал слова гнева и ранящей боли, и к моим обострённым чувствам добавился напор сдавленной пружины, готовый расправиться во мне в любую минуту. Я тронул за плечо впереди стоящего человека в шляпе, державшего за руку маленькую девочку, почти ребёнка, но он не заметил меня и продолжал неподвижно стоять и что-то рассматривать в дали высоких облаков.

— Что происходит? Чего вы ждёте? — нетерпеливо спросил я, снова прикоснувшись к его плечу.

— Тише... — услышал я, опустив взгляд в сторону произнесённых слов, и увидел повернувшееся ко мне лицо девочки. Она поманила меня к себе рукой и сложив ладошки возле своих губ сказала снова: «Тише...».

Я наклонился, и удивлённо вспомнив в её лице знакомые черты девочки из кафе, спросил:

— Что? Я не слышу, что вы сказали...

Звучавшая в воздухе речь стала громче и сгустилась до ощутимой осязаемости, и, вбирая в себя все посторонние звуки, повисла над площадью. Небольшие группы людей неподвижно вытянулись, застыв в немом оцепенении, и ревущий клочочущий голос невидимым шквалом бросал в их сторону слова негодования и проклятья. Вокруг не было места куда бы не попадал его надрывно-отчаянный и разрывающий пространство тембр.

Девочка близко придвинулась ко мне и, строго погрозив пальцем, прошептала: «Тише, говорит Гитлер...».

Виктор Тихонович Сенин, журналист, писатель, автор книг прозы и публицистики. Работал корреспондентом газет «Советская Россия» и «Правда», затем руководил Ленинградским телевидением, с мая 2002 года назначен председателем Межгосударственной телерадиокомпанией «Мир», где проработал семь лет. Действительный государственный советник III класса.

Гнездо сорокопута

Маленькая повесть

На золотом крыльце сидели
Царь, царевич,
Король, королевич,
Сапожник, портной,
А кто ты такой?

Детская считалка

1

Во сне Иван горько плакал. Мама услышала всхлипывания сына, подошла к его постели, повернула спящего на другой бок, поправила сползшее одеяло. Постояла, прислушиваясь к ровному дыханию мальчишки, тихо поцеловала и перекрестила.

— Набегается за день с друзьями, и ночью покоя не знает, — сказала, вернувшись к мужу.

— Растёт парень, и снятся подвиги. Нам в его возрасте атаман Бурнаш из «Неуловимых мстителей» покоя не давал во снах, а ему

семейка Адамсов или Годзилла. Включи телевизор: по всем каналам стрельба да мордобой, похищение людей, издевательства. Симпсоны или страшилища, пожирающие людей... Паразиты!

— Не разрешай смотреть!

— Не разрешай... Мы с тобой в поле с рассвета до заката, а он дома один. Бабушки нет, чтоб приструнила...

Нет, не снилась Ивану семейка Адамсов, и вампиры кровожадные не преследовали. Видел парнишка во сне, казалось, давным-давно забытое, что приключилось осенью...

После уроков решил Иван рвануть в балку. Она тянется за околицей села, пересекая холм с выгоном для выпаса домашнего скота и птицы. В балку с высохшим руслом ручья и глинистыми обрывистыми склонами мало кто навдывается. Поэтому склоны тут пестрят дырами стрижиных гнезд. При появлении человека птицы вылетают из нор и несутся с криком, то взмывая в небо, то стаяй падая вниз и рассеиваясь у самой земли. Стрижиные гнёзда мальчишки не трогают — останавливает старое поверье: кто разорит гнездо стрижей, у того хата горит.

Глухая балка — любимое место пацанов, надёжное укрытие от сторожей, охраняющих бахчу. Совершив набег, с арбузами в руках пацаны скатываются в балку и чувствуют себя тут в безопасности. Не каждый сторож отважится сигануть с обрыва за мальчишками — можно и шею свернуть. Да и надобности нет гоняться за детворой из-за нескольких арбузов. К тому же сами сторожа в детстве тоже таскали арбузы с колхозного поля.

Бежать по улице невтерпёж. Сокращая путь, Иван юркнул в сад. Вишни клонили ветки, сплошь усыпанные спелыми ягодами. Сорвав горсть, парнишка бросил вишни в рот, и через дыру в заборе перелез к дому Митьки Березюка. Выбравшись на подворье, увидел друга.

— Как тебе моё изобретение? — ничуть не удивившись появлению Виноградова, сказал Митька и показал руль, мастерски выгнутый из толстой проволоки. — Руль для обода. А обод какой!

Обод у Митьки отменный: от велосипедного колеса, лёгкий и поворотливый. Не железный обруч от бочки для засолки огурцов, который и повернуть резко не так просто. Велосипедному ободу позавидуешь. Кто из родителей отдаст тебе переднее колесо от велика? Вдруг понадобится!

— На гору пойдём? — спросил Митька. — Ребята собирались пойдти.

— Побежали!

Властвовал сентябрь. В полях и на огородах разлит покой, захлела в камышовых берегах речка Томаковка — ни птичьего пения, ни мальчишеского веселого крика. В прозрачном чистом воздухе кружится паутина бабьего лета. Лишь голоса женщин, собирающих яблоки в саду, нарушают тишину пространства. Душа волнуется и не может осознать причину волнения, которое трогает и томит загадочной неопределённостью и ожиданием. И вдруг догадываешься: осень крадётся полями, лето прошло, улетели птицы, скоро упадут на землю утренние туманы и закружатся жёлтые листья.

За сельским кладбищем (оно раскинулось за балкой) мальчишки остановились. Кладбище всегда отпугивает отстранённостью от окружающего мира, тишиной и покойниками, которые, как рассказывают, вяляются по ночам. Поэтому мальчишки не любят сюда приходить.

В полях отрывисто и без эха раздавались отдаленные выстрелы.

— Зайцев бьют, — говорит всё знающий Митька Березюк. Он садится на выгоревшую за лето траву, срывает стебель чабреца, разминает в пальцах и нюхает. — Сезон охоты открыт.

Подошли пацаны во главе с Жоркой Губиным.

— Всё базарите? — сказал Жорка. — Собрались играть в жмурки, так давайте играть! Я вожу, — и чвыркнул слюной сквозь редкие передние зубы.

Жорка второй год учится в четвёртом классе, в пятый его не перевели из-за сплошных двоек. Классный руководитель измучилась с ним, но исключить из школы не может, права не имеет. Родители на Жорку махнули рукой: как получится по жизни, так и получится. Тайком Губин курит, грязно ругается. Он ничего и никого не боится, ворует, что лежит без присмотра. Школа Жорке осточертела, он мечтает избавиться от неё и пойти работать на железную дорогу. Там хорошо платят.

— Почему ты должен водить? — возмущается Сашка Белихин, самый принципиальный среди ребят.

— Потому, что кончается на «у», — отвечает Губин. — Прошлый раз игра закончилась на мне! Забыл?

— Ладно, Саш, пусть Жорка водит, — вмешивается в спор Виноградов.

— Ты, Иван, не заступайся! — Губин снова чвыркает слюной. — Он давно на кулак нарывается.

— Не пужай, я уже пужатый, — говорит в таких случаях дед Тимоха, — отвечает Белихин.

— Тимоха тут при чём?

— К слову пришлось.

— Умник. Получишь у меня...

— Хватит вам! — не выдерживает Иван. — Как сойдётесь, так в спор и в драку. Злой ты, Жорка.

— Злой? Да, злой! Злой! Тебя отец порет?

— За что? — опешил Иван.

— А меня порет! За то, что корова в огород забрела, порет! За то, что куры горох поклевали, порет!.. — Жорка заплакал, размазывая слёзы по лицу. — Домой пришёл, а батька пьяный. Увидел меня, палку схватил...

Всем жаль стало Жорку. Все сразу простили его.

— Ладно, чего там... — сказал Иван, чтобы успокоить Губина. — Нам тоже попадает. Махни рукой. Одумаются родители...

— Одумается отец, когда меня в армию заберут...

В степи раздался выстрел. Тут же за кладбищем прозвучал второй. Мальчишки прислушались и быстро сменили тему разговора.

— Охотники стараются, — сказал Сашка Белихин. — Будет у кого-то жаркое из зайчатины... Жорка водит! Считай, Жора!

Губин хитро прищурился, выбирая простака, на ком он и отыграется, застучает первым и заставит потом побегать по кустам. Каждый из участников игры понимал намерение Губина, приготовился не оплошать и обхитрить Жорку. Он ловок, но и остальные — не профуки.

— Считаю до двадцати! — предупреждает Губин, выказывая тем самым великодушие: видите, мол, какой я, не до десяти отсчёт веду, даю время спрятаться.

Начав отсчёт, Губин лёг на землю лицом вниз.

— Раз... два... три...

— Не подглядывать! — закричал Митька Березюк. — Он, чертяка, из-под руки зырит! — И накинул Жорке на голову чей-то пиджак.

— Пять... шесть... семь... восемь... — терпеливо отсчитывал Жорка, — девять... десять...

Пацаны бросились в разные стороны. Каждый стремился побыстрее найти укромное место, залечь и затаиться, чтобы выждать и в удобный момент броситься к месту, на котором тот, кто водит, не вправе тебя застучать. Губин терпеливо отсчитывал секунды.

Перепрыгивая через кусты сухой верблюжьей колючки, Иван подбежал к зарослям дерезы. Но понял, что лишь обколется, а спрятаться не сможет. Развернувшись, парнишка помчался к кустам боярышника, упал на землю и по-пластунски забрался в самую середину кустов.

— Кто не спрятался, я не виноват! — выкрикнул Жорка, поднимаясь с земли. — Иду искать!

Почувяв себя в надёжном укрытии, Иван перевел дух, осмотрелся, чтобы удобнее расположиться и в нужный момент, когда Жорка отойдёт подальше от штрафной черты, вскочить и рвануть к финишу. Осмотрелся уже спокойнее и замер от ужаса. Прямо на него, не мигая, уставились глаза, большие и круглые, чуточку на выкате.

Это был подстреленный заяц. В его глазах застыли страх и мольба о пощаде. Иван готов был выскочить из кустов и заорать во всё горло, но что-то удерживало. Скорее, жалость и любопытство: так близко видеть косога не приходилось.

Не двигался парнишка, не шевельнулся и умирающий зверек. Из раны на голове животного сочилась кровь и стекала по мокрой слипшейся шерсти. Заяц смотрел на мальчишку уже без страха, смотрел обречённо и доверчиво, как бы прощаясь, а не взывая о помощи. Он тихо расставался с белым светом и будто спрашивал Ивана: за что вы убили меня? Сморгнул, уронил слезу и снова устремил взгляд на парнишку.

Плохо соображая, Иван выполз из кустов боярышника и задал стрекача.

— Иван! Виноградов! — закричал на радостях Губин и быстро вернулся к штрафной площадке. — Я тебя застукал! Ты теперь водишь!

— Там... Там в кустах подстреленный заяц лежит... — переводя дух, сказал Иван. — Он умирает...

— Чего сдрейфил? Объясни толком! Заяца испугался?

— Сказал же! Умирает!..

Игра не заладилась, пацаны без боязни выходили из укрытий.

— Что за спор? — поинтересовался Митька Березюк.

— В кустах боярышника заяц умирает. В кровини.... А глаза большие, на меня смотрят... Я и драпанул. Чем я могу помочь?

— Покажь место! — потребовал Губин. — Охотники подстрелили, ясное дело.

В молчании ватага поспешила за Иваном. Раздвинув ветки куста, Иван снова увидел зайца. Только теперь серый вытянулся, взор затянула поволока, а по телу животного пробежала предсмертная судорога.

Не говоря ни слова, Губин кинулся к зайцу, схватил его за задние лапы.

— Чур, мой! — И без объяснений бросился с добычей в село.

— Повезло! — Только и произнёс Митька Березюк. — Такого зайца домой притащит. Мяса на семью... Дурак ты, Виноградов! Дурак!..

— Раззява!.. — разозлился Сашка Белихин. — Первый увидел подстреленного зайца, а Губин воспользовался моментом. Лопухнулся ты, Вань. Наткнулся на добычу, так и тащи матери! Жорка теперь насмехаться будет: обманули дурака на четыре кулака...

С полным безразличием выслушивал Иван укору товарищей. Перед глазами стояла поразившая его картина: умирающий заяц, большие тёмные глаза, полные боли, невыразимой тоски по свободной степной жизни, которую оборвал выстрел.

Отряхнув машинально брюки, Иван поплёлся по тропинке домой. Разбрелись и остальные. Выгон с балкой погрузились в тишину сгущающегося вечера. Птицы не подавали голосов, пустовал и выгон — телят и гусей хозяйки давно загнали в сарай.

Иван ступал по дороге, жалел длинноухого и корил себя. Впрямь непутёвый, правильно говорит Митька Березюк, когда видит промашку Ивана. Промашка и вышла: не он, Виноградов, а Жорка Губин оказался проворнее и сметливее, воспользовался замешательством и утащил добычу.

Возле дома Ивана догнал Митька Березюк, обнял за плечи:

— Расстроился?

— Немного...

— Плюнь! В нашей жизни столько зайцев будет!.. А Жорка — жмот. Нет, чтоб с тобой поделиться... Лучше пойдём завтра по арбузы. Сторожа съехали, курени только остались. А мы с тобой арбузы в бурьянах поищем. Все собрать работники не могли.

На следующий день Губин с гордым видом хвалился, какая вкусная получилась зайчатина. Мать потушила в духовке, а к мясу сварила макароны спагетти. Отец и тот спасибо сказал добытчику, давно зайчатины не ел. Слушал Иван и думал, что правильно всё сложилось. Жорку родители похвалили, часто ли такое случается. Схватил бы Иван зайца и убежал домой. У Виноградовых пахло бы тушёной зайчатинной, а Жорку отец поколотил бы за ротозейство...

Приключившееся со временем забылось, улетучилось из памяти. Зимой Иван ставил с отцом возле лесополосы петли на заячьих тро-

пах. Вбивали в мёрзлую землю гвозди — крепили ими дуги из стальной проволоки над следами пробежавших зайцев. На стальных дугах оставляли зависшие петли из телефонного провода. Утром проверяли капканы и возвращались с добычей. Зайцы попадались в петли, которые сдавливали пленника тем сильнее, чем яростнее он сопротивлялся. Дома снимали с оттаявшего зайца шкуру, напяливали на деревянную распорку, смазывали кожу с отметинами жира жидким ржаным тестом. Мясо разделявали, складывали часть в латку, чтобы приготовить жаркое, а оставшееся отправляли в морозильную камеру холодильника...

...Забылось давнее, и вдруг привиделось во сне со всеми подробностями. Значит, сохранили клеточки мозга событие, возвратили Ивана в прошлое. Раздумывая, пришёл Иван к новому своему открытию: хорошее и плохое в поступках не забывается, а сохраняется в тайниках памяти крупными опытами, формируя суть человека. От того, что перевесит в жизни, хорошее или дурное, и складывается характер личности, достоинство.

2

Перед уходом на работу мама напоила Ивана молоком, велела съесть кашу и булочку с маком.

— Дома посиди, не бегай к Березюку. А то встретитесь, Жорку Губина позовёте и воюете в балке. Во сне вчера плакал.

— Сон плохой видел.

— По телевизору ужастиков меньше смотри. Правильно отец говорит: посмотритесь страшилищ да вампиров... За хозяйством присмотри, не маленький уже. За наседкой с цыплятами следи. К соседям в кукурузу уходит, копается там, червей выискивает. Вчера у бабки Бальвихи коршун цыпленка унёс. Чуть не забыла: крапивы кабану нарви!

— Крапива жалит!

— Рукавицы возьми в кладовке. И серп там. На гвозде висит.

— Ладно, нарву.

На дороге за калиткой притормозила машина, раздался женский окрик:

— Татьяна, выходи! Опаздываем!

— Ну, побежала... — Мама чмокнула Ивана в макушку, схватила узелок с едой и хлопнула калиткой. Выскочив вслед, Иван посмотрел, как трогается грузовик с женщинами в кузове. Мотор натужно

взревел, скрежетнули шестерни коробки передач, и машина покати-
ла по дороге, оставляя за собой клубы пыли.

Жать крапиву рано, повянет до того, как дать кабану. Захотелось
Ивану спелых вишен. Снял висевший на заборе бидон, привязал к
ручке бечеву и повесил бидон на шею. Руки свободны, собирай те-
перь ягоды горстями. Солнце греет, куры кублятся в тени деревьев.
Разгребают землю и, добравшись до сырости, нежатся в прохладных
ямках.

Выбрав дерево, на котором уродило ягод больше, Иван взбирается
повыше, усаживается на толстой ветке. Срывает тёмные вишни — са-
мые сочные бросает в рот, сглатывает густой сладкий сок, и, выплю-
нув косточки, распевает любимую мамину песню:

Скакал казак через долину,
Через кавказские края.
Скакал он садиком зелёным —
Кольцо блестело на руке...

По рукаву сорочки ползёт божья коровка. Солнышко — так на-
зывают в селе красненького жучка с чёрными точками на спине. За-
метив божью коровку, Иван следит за её передвижениями. Жук спе-
шит по своей природной занятости, деловито осматривается и ползёт
дальше. Подставив палец, Иван позволяет жуку забраться на самый
кончик пальца, произносит наговор:

Солнышко, солнышко,
Полети на небо.
Там твои детки
Кушают котлетки...

Божья коровка, словно прислушалась к пожеланию мальчишки,
на мгновение замерла, расправила крылышки и взлетела, растаяв в
воздухе.

Хорошо Ивану: маленькая польза — помог жуку, а приятно, на
душе лёгкость. Прилетит солнышко к деткам, расскажет о хорошем
человеке, которого встретило на старой вишне.

Наполнив ягодами бидон, Иван слезает с дерева, спешит в хату.
Достал из буфета деревянную ложку и миску. Усевшись на крыльце,
принялся мять ягоды в миске. Отжал мякоть, осторожно вылил сок
в кружку. Густой тёмно-вишневый сок с пузырьками на поверхности

источает нежный аромат. Невесть откуда прилетела оса, уселась на край кружки, ползает туда-сюда, норовя сползти вниз. Того и гляди, свалится в сок и зажужжит, пытаясь выбраться. Отогнав назойливую гостью, Иван выпил кисло-сладкий сок.

— Чем занимаешься? — раздался голос за калиткой.

Встав, Иван увидел Сашку Белихина. В соломенном брыле и полотняной рубахе с вышивкой на груди, Сашка напоминал Незнайку из мультфильма. Над Белихиным потешается вся улица, но он не в обиде. Мать до сих пор кормит Сашку из ложки, а до пяти лет кормила грудью. Дед ругает внука, мол, растёт телок телком. Когда Сашка прибегает домой из школы, мать ловит сына во дворе, заталкивает в дом и насильно усаживает за стол. Велит съесть обед. Сашка ковыряется ложкой в миске, вылавливает гущу и норовит ускользнуть из комнаты.

— Горюшко ты моё! — Кричит мать, хватая сына за рубаху, усаживает за стол и, подвинув поближе миску, насильно запикивает еду, ждёт, когда сын прожует и проглотит пищу. И тут же подносит ложку с борщом.

Клацнув клямкой калитки, Иван выходит на улицу и садится на скамейку под старым ясенем. Сашка примостился рядом, болтает ногами. Улица безлюдная, только куры бродят по дороге в поисках просыпанного из машин зерна.

— Айда на гору! — предлагает Сашка.

— Крапивы кабану мамка велела нажать...

— Успеешь! Солнце когда в зените будет!

— На горе что делать?

— Губин с Березюком собрались самоход испытывать!

— Какой самоход? — насторожился Иван.

— Они к ручке возка приладили два колеса от детского велосипеда. Получилась самоходка на четырех колёсах. Садись и кати с горы.

— Здорово! — Иван не сдержал восхищения. — Настоящий джип! Побежали!

С горы спускается накатанная машинами дорога. Изредка протарахтит по ней телега, а то самосвал, гружённый сеном, — шофер сокращает путь к ферме. Ехать по асфальту — крюк делать, горячее зря жечь. А так свернул на грунтовку — и ты возле коровника.

На дороге и решили пацаны испытать самоход. Затея, правда, пугала. Управлять возком на скорости нет возможности. Оплочал — и в

мгновение полетишь вверх колёсами. О плохом ребята старались не думать. Возок притащил Митька Березюк, благо родители на работе, запретить некому. Колёса от детского велосипеда нашёл на свалке Губин. Он и надоумил приладить колёса к дышлу возка.

— Как управлять будете? — поинтересовался Белихин. — Попрёт в сторону — и кувырнёмся...

— Вечно ты со своими соображениями! — разозлился Губин. — Сидел бы дома, если боишься. Ну, кувырнёмся...

— Идея, братцы! — воскликнул Белихин. — Надо к ручке, на которую насажены колёса велосипеда, вожжи привязать! Потянул на себя правую вожжу, самоход покатила вправо. Надо нам повернуть влево, тяни левую вожжу!

— Мудёр! — С восхищением одобрил Губин. — До хат домчимся, а там и вожжи раздобудем. Держитесь, пацаны, покрепче!

С криком и гиканьем мальчишки уселись в возок. Сашка Белихин подтолкнул самоходку и запрыгнул на ходу. Набирая скорость, возок покатила с горы, подпрыгивая на ухабах. Страх заставлял мальчишек вжиматься, но отступить было поздно. Самоходка катилась всё быстрее, в любую минуту могла опрокинуться, но сомнения в её надёжности отброшены.

Отчаянные вопли мчавшихся с горы переположили стада гусей. Гогоча, вожаки тянули шеи, издавали заполошные крики. Гусакам вторили гусыни. Птицы срывались на бег в попытке подняться на крыло и уйти подальше от опасного места.

Влетев в заросли сирени на углу подворья бабы Василины, самоход остановился. Ругать незваных гостей некому: баба Василина давно перебралась к сыну в город, а на усадьбу никто не зарится, чтобы купить хотя бы за полцены. Подворье пустует, заросло лебедой и лопухами по стреху.

Опомнившись и радуясь тому, что обошлось без опасных приключений, мальчишки с победными криками потащили возок на гору.

Спohватился Иван, когда солнце стояло в зените, и тень от его фигуры падала под ноги. Вспомнил наказ матери, ужаснулся и помчался к дому. Прибежав, достал из колодца ведро воды, вылил в пустое корыто. На плеск воды со всех уголков сада сбежались куры, жадно пили, задирая вверх клювы, наслаждаясь влагой.

Достав мешок и серп, Иван поспешил за сарай — там буйно кустилась молодая крапива, стелилась берёзка с белыми цветами, похожими на граммофончики. Набил Иван мешок крапивой и потащил

к загородке сажа, в котором похрюкивал кабан. Вытряхнул из мешка кабану молодую крапиву с берёзкой в перемешку, перевел дух. Оглянулся по сторонам, что ещё сделать полезного, а тут и щеколда калитки звякнула, мама на обед приехала. Села на скамейку под яблоней, отдыхает.

— Ой, ноженьки мои... — сидит и приговаривает. — Ой, рученьки мои... Водички бы холодной попить...

Кинулся Иван к колодцу, застучал коловорот. Расплёскивая воду, поднял полное ведро. Поставил ведро на скамейку, и бегом за кружкой.

Попила мама, вытерла губы ладонью:

— Холодная!.. Зубы даже ломит.

Иван вертится возле матери, не знает, чем угодить. Чистое полотенце принёс, положил на колени. Стоит в ожидании.

— Всё хорошо, сынок. Не беспокойся.

Тут и череда из проулка появилась, встречаются хозяйки бурёнок, заводят в сарай.

— Открывай ворота, — просит мама, — не то махнёт Ночка по кустам да в кукурузу. Моду взяла...

Вошла круторогая корова во двор, поспешает в сарай, из которого доносится жалобное мычание телёнка. Привязал Иван корову к яслям, разворошил отаву.

Мама передохнула, лицо и руки ополоснула под рукомойником, по хозяйству хлопочет. Отнесла кабану варево, подойник с забора сняла, воды тёплой в миску эмалированную плеснула, чтобы корове вымя вымыть, полотенце через плечо перебросила, и пошла Ночку доить. Слышно, как ласково разговаривает со своей любимицей, массируя вымя, покрикивает подоброму на телёчку — лезет та в нетерпении под корову.

Без дела Иван не сидит: куры по двору бродят — зачерпнул в чулане из мешка совком зерно, сыпанул хохлаткам по ноги. Набросились куры на корм, только хвосты и торчат.

Из хлева выходит мама с полным ведром молока. Посмотрела на кур, похвалила сына за помощь.

— Молока парного попьёшь?

— Попью...

Подставляет Иван кружку, мать осторожно наливает молоко и спешит в дом. Мальчишка пьёт молоко, густое и сладкое. Пьёт и сморит на яблоню возле колодца, на дикую голубку, которая сидит на

проводах, и подаёт голос: «Дедуська, дедуська»... Смотрит на разлогую грушу под окнами хаты и думает, как хорошо и удивительно жить в мире, где ждёт тебя столько открытий. Где есть отец и мать, друзья, балка со стрижиными гнёздами, речка Томаковка. Ты волен наловить рыбы, а захотелось — забежал в кукурузу, наломал початков и вари себе в удовольствие. Нет надобности торговаться, спорить на базаре. Всё вокруг твоё. Как и небо над головой, широкая степь с поющими жаворонками. Радуется Иван своему счастью и не предполагает, что всё сохранит его память в чистоте и неприкосновенности на долгую жизнь, будет согреть душу воспоминаниями.

3

— Сынка, вставай! Вставай, родненький! — Мама тормозит Ивана, просит подниматься. — Бежать мне надо. Не забудь молоко на масляной отвезти.

Натянул Иван штаны, рубаху под ремень заправил — и бегом на улицу. Тени от деревьев пролегли по двору, трава покрыта обильной росой, словно в серебре. Побежал Иван по росе и едва не закричал от холода. А тут Пиф, бернская овчарка, подошёл сзади, толкнул боком и ласково смотрит на Ивана, мол, чего дрожишь, благодать какая: прохлада и покой. Потрепал Иван пса и шмыгнул в дом.

Ополоснув лицо и почистив зубы, сел Иван завтракать. Съел варёное яйцо, кусок домашней колбасы. Кашу мама сварила, но к каше Иван не притронулся. Хотя мама говорит, что каша по утрам полезна организму. Остатки еды сложил в миску и отнёс Пифу. Отыскал под кроватью сандалии, обулся, и, выкатив из-под навеса возок, погрузил на него бидоны с молоком, поспешил за калитку. Пёс увязался за мальчиком, но Иван приказал:

— Пиф, сидеть дома!

Пёс послушно повернул во двор.

Пустынная улица кажется шире и просторнее. Во дворах горланят петухи. Прокукарекает один, тут же ему вторит соседский. Протарахтел мимо трактор с прицепом. Видно, поехал тракторист в поле за зёлёнкой для скотного двора.

Вышагивает Иван по дороге, пыль от ночной росы отяжелела, не клубится под ногами, а растекается, как цемент. Красный круг солнца поднялся за речкой и застыл, как бы раздумывая: разгораться ему или помедлить, чтоб подольше продержалась в садах прохлада. Кажется, что солнце можно потрогать руками: добежал до речки, пере-

плыл, а дальше бегом по лугу. Вот он, круг солнца, горячий, как раскалённый в горне лемех плуга. Толкнёшь, и покатится солнце полями и буераками...

На маслобойне стучит движок сепаратора, перегоняет молоко до той поры, пока собьются комки масла. Дед Фёдор — седой, в белом халате, спешит принять молоко, записывает в заборную книгу, сколько литров Иван сдал. Сверяет по лактометру жирность молока.

— Доброе молоко сдаёт Татьяна Виноградова! — говорит дед Фёдор с похвалой в голосе. — Ни у кого в селе нет молока с такой жирностью.

Приятно Ивану слышать похвальные слова о матери, и сам старается держаться достойно.

— Корова у Виноградовых — одна на всё село. Шотландская порода, — отвечает деду лаборант Полина. Из-под белой косынки у молодухи выбились локоны. Полина прячет их, но непокорные густые пряди упрямо выбиваются снова, оттеняя белое лицо женщины с крутым изломом бровей. — Редкая порода коров в наших краях.

— Купить бы у Виноградовых тёлочку..

Возвратился Иван домой, бидоны ополоснул, вверх дном на заборе повесил, а сам — в сад. Вишни клонят ветки со спелыми ягодами. Сорвал Иван горсть — и в рот. Сорвал несколько абрикосин, пожевал и выплюнул — зелёные.

Вышел из сада на солнце, подумал о Жорке Губине, но от намерения встретиться с ним отказался — скучно с Губиным. У Жорки на уме одна жестокость. То лягушек калечит, то ящерицам ноги отрывает. «Коль у них хвост отрастает, когда теряют в минуту опасности, — говорит с ухмылкой, — может, ноги отрастут?».

Недолюбливает Иван Губина. Унизить того, кто слабее, поизголяться над ним, — это для Жорки в порядке вещей. Как и грязно выругаться. Возьмет и ни с того, ни с сего даст мальчишке щелбана. Да такого горячего, что у подвернувшегося под руку слёзы на глазах.

Иной раз Иван пытается найти оправдание поступку Губина. Может, потому он такой, думает Иван, что отец пьяница, а мать на сына махнула рукой. Каким вырастет, мол, таким и вырастет. Работает она продавщицей в сельмаге, после работы часто задерживается и выпивает с бобылкой тёткой Настей. Дом Насти, открытый ветрам, не имеет ни забора, ни деревца под окнами. Лень Насте вишни посадить, хотя они большого ухода не требуют. И сама Настя одним днём живёт: в получку у нее пир горой, а через неделю занимает Настя денег на хлеб.

Лучше навестить Березюка, решает Иван, приободрившись. В хозяйстве Березюков бредень хранится, можно сбежать на речку, карасей наловить.

Отыскал Иван под навесом сарая обруч и руль, выбежал за калитку, толкнул обруч и, управляя рулём, покатил колесо по дороге, свернул в проулок. Разлетелись перепуганные куры, метнулся в сторону телёнок, но веревка удержала. Телёнок смиренно уставился на бегущего, а Иван помчался дальше, едва не угодив в свежие коровьи лепёхи.

Друга Иван застал за работой. Митька окучивал цветущую картошку. В селе каждый мальчишка и грядки прополет, и огурцы польёт, и ягоды в саду соберёт на варенье или на продажу. Но Митька умел увильнуть от поручений матери по хозяйству. Корову пасти, в магазин сбежать — это, пожалуйста, а полоть или окучивать картошку... Работа для девчонок, считал. А тут окучивает картошку со всей серьёзностью.

— Отец пригрозил: не помогу матери — в Москву не возьмёт, — хмуро объяснил Митька. — Знаешь, как хочется Москву посмотреть? Кремль там, Красную площадь...

— Думал, на рыбалку пойдём...

— Пойдём. Пять рядов окучу, тогда и махнем на речку.

Иван промолчал, глядя на длинные ряды картошки. В селе картофель хозяйки сажают с расчётом, чтобы на зиму семье хватило. И кабану осталось.

— Тяпка найдётся? — спросил Иван.

— На гвозде под навесом...

Сбежал Иван к сараю, выбрал тяпку, из косы сделанную, а потому лёгкую и острую, встал рядом с другом. Солнце припекает, пот по лицу катится, а Иван взмахивает тяпкой то справа, то слева от кустов, старается не задеть ростки картофеля с белыми соцветьями на макушках. Увидела бы мама сноровку сына, то-то бы удивилась. Дома его не заставишь, а тут старается наперегонки с Митькой, да с такой ловкостью и умением.

Скрипнула калитка, во дворе появилась тётка Марфа, мать Митьки. Увидела на огороде работников, руками всплеснула:

— Да будь она неладная, картошка эта! Смотреть на вас жалко. Мало того, что впрягла в работу своё дитё, так и Ванюшку. На себя трудиться заставила, скажут люди. Кидайте эту прополку!

— Выполним норму, тогда и отправимся, — ответил Митька, разрыхляя землю тяпкой.

— Ой, кидайте! Сама управлюсь! Не каменная, неужели не понимаю, что на речку вас тянет. Поешьте и бегите!

Подхватив бредень, ведро для рыбы, мальчишки поспешили на речку. По меже между огородами вышли на пустырь с кустами колючей дерезы, одиноко растущим абрикосовым деревом. Абрикосина давно одичала, даёт мелкие плоды, но спилить ни у кого не поднимается рука. И красиво, и посидеть в тени можно, любуясь лугом и речкой. За пустырём просторный луг. Когда-то росли здесь вязы и клёны. Старики вспоминают, что под сенью деревьев возле речки Томаковки парни и девчата устраивали гулянки, танцевали и пели под гармонию. Когда колхозу понадобился строительный лес, деревья спилили. Остались одни пни, но и они долго не простояли — превратились в трухлявые гнилушки, заросли дёрном. Теперь на лугу пасут коров и лошадей.

На речке ни души. Ветерок рябит воду, и она переливается солнечными бликами. На середине реки из воды выпирает большой валун. В часы купания детвора забирается на валун и сигает в воду вниз головой, что доставляет ныряльщику огромное удовольствие. На другом берегу Томаковки в камышовых зарослях скрипит и скрипит коростель, посвистывают камышовки, подает трели оляпка: «дзит — дзит»...

— Поташим бредень к тем кустам осоки, — говорит Митька, указывая на кусты с метёлками. — Там рыба и стоит.

Раздевшись до трусов, мальчишки забредают в реку, волоком тащат за собой бредень. Вода тёплая, на дне попадают раковины — перловицы, и приходится ступать осторожно, на ощупь, чтоб не раздавить случайно раковину и не поранить ногу.

— Заводи! Заводи свой край! — шипит Митька, боясь громким голосом напугать рыбу.

Раздвигая плечом воду, Иван спешит вперёд, попадает на глубину и окунается с головой, но не выпускает из рук причалку бредня. Вынырнув и почувствовав под ногами илистое дно, огибает куст осоки. Воткнув в ил причалку, осторожно подбирается к кустам. Осока тихо покачивается. Дрогнул стебель, это толкнула его рыба. В жару караси прячутся в осоке или в камышовых зарослях, отыскивают корм, поднимающийся со дна в тёплой воде.

Присел Иван — только голова и возвышается над водой, а руками осторожно обшаривает узловатые корни. Торопиться нельзя: заденешь в спешке рыбину, уйдёт на глубину. Нащупали пальцы покатый

бок карася, замерло у Ивана сердце. Карась в полуденную пору сыт и ленив, если и коснёшься его, не уплывет. Воспринимает твое прикосновение, как прикосновение другого карася. Медленно ведёт Иван пальцами по спине рыбины, только бы добраться до жабр, а там и сожмет пальцы. Почувствовав легкое движение жабр, Иван вцепился в них руками. Ударил карась хвостом, но поздно: вытащил Иван рыбину из воды, закричал в радости:

— Попался, который кусался!

— Не ори! — прикрикнул на друга Березюк, но тут же забарахтался в воде с добычей в руках.

— Есть почин, Ваня!

— Сам чего кричишь

— Так удача какая! Пофартило нам!

Выбрались мальчишки на берег, перевели дух, и спешат из ивовых прутьев куканы делать. Продели сквозь жабры в рот рыбин прутья с узлом на конце, — это на случай, чтобы карась не сорвался. Вырыли в песке ямку поглубже, воды напустили и бросили рыбин в образовавшееся озерцо.

— Бредень к тому берегу потянем, — говорит Митька. — Вдруг повезёт, язей наловим. За камнем повернём обратно.

Ташат мальчишки бредень, вровень идти норовят, чтоб рыба не уходила. Только бы гузырь не зацепился за корягу или камень — тогда пропало дело. Ташат, дышат надрывисто, а не остановиться. Ударил карась хвостом у самой поверхности, перемахнул через сеть, только его и видели.

— Поспешай! — злится Иван. — Медлим, а рыба уходит. Такой карасище сорвался.... К берегу поспешай! К берегу!

Выбрались пацаны на сушу, отдышаться не могут, а глазами бредень обшаривают, есть ли рыба. Белеют животы карасей, у ребят и усталость как рукой сняло. Бросились к бредню, запрыгали в радости. Мокрая сеть в тине, пахнет болотиной. В ячеях застряла густера. Рыба так себе, кости сплошь. Несколько язей попало. Лежат безвольно, ртами воздух хватают. Вьюны извиваются по-змеиному, уползти к воде норовят. Поднялся Митька, ловит брезгливо вьюнов, и в речку бросает. В селе вьюнов мало кто ест. Бабки говорят, что в ночь на Ивана Купала вьюны со змеями целуются.

Вытряхнули рыбаки сеть, промыли от тины. Крупных карасей поделили по-братски и нанизали на куканы, а оставшуюся рыбу собрали в ведро. Теперь можно купаться и понырять вдоволь. С ра-

достным криком бросились мальчишки в прозрачную тихую гладь, поплыли наперегонки.

Выбрел Иван на другой берег. В камышах духота, мягкий ил под ногами. Варакушка шныряет. То выскочит из зарослей на открытое место, то упорхнёт. Уселась на ветку, забыла об осторожности, запела. Но спохватилась и улетела.

На ветке гнездо камышовки из сухих стебельков и пуха усохших цветов татарника. Глубокая чашечка, подвешенная краями к веткам. Внутри гнездо выстлано волосом. Гнездо пустое, птенцы давно оперились и покинули родное пристанище. Побежал Иван к воде и поплыл к другу.

— Пора по домам, — говорит Митька, глядя на облако.

— Пора, — соглашается Иван. — Ты носи связки с карасями, а я возьму ведро. Бредень понесём вдвоём.

— Как скажешь, — соглашается Митька. — День сегодня удачный.

— Не то слово, — отвечает Иван. — Рыбы наловили, накупались...

Поднялись мальчишки на взгорок, обогнули заросли дерезы и поспешили знакомой стёжкой в село. Взлетали из-под ног кузнечики, пахло разогретой польнью и чабрецом, мешали пройти разросшиеся кусты татарника.

На исходе дня, когда жара начала спадать, а тени от деревьев пролегли через дорогу, забежал Сашка Белихин.

— Кулеш собрались варить возле балки. Придётся?

— Спрашиваешь!

— Прихвати пшена стакан и сала шмат. Только сало бери старое!

— Сам знаю. Для кулеша сало требуется пожелтевшее, на солнце проявленное.

Варить кулеш — праздник для мальчишек. Собирается ватага на излюбленном месте, каждый приносит свою долю продуктов — стакан пшена, куриную ногу или сала кусок для жаривания. Словом, что у кого найдётся. И колдует кашевар над казаном, добавляя в кулеш лавровый лист, укроп, шкварки. Побулькивает в казане варево, смиренно ждут мальчишки, усевшись в круг возле печки, сложенной из нескольких кирпичей. Каждый со своей ложкой и миской, терпеливо наблюдая за стараниями Белихина. Он сейчас главный распорядитель, царь и бог для ватаги. Даже Губин притих и беспрекословно выполняет приказания, бегаёт за сушняком для огня.

— Соль принёс кто-нибудь? — спохватывается Белихин.

— У меня почти половина пачки! — вскакивает Митя Березюк, радуясь собственной предусмотрительности.

— Порядок! — отзывается Белихин.

Куски курятины в казане разварились, пшено тоже допрело и загустело, аромат аппетитно пахнущего кулеша нагоняет слюнки. Снимающая пробу, повар долго смакует пищу и остаётся доволен.

— Подставляйте миски! — командует Белихин и с щедростью накладывает кулеш. Себе черпает из казана в последнюю очередь.

Обжигаясь, мальчишки едят кулеш, удобно разлѣгшись на траве и с удовольствием поглядывая на товарищей. Дома от борща с мясом и сметаной отворачиваешься, а тут ел бы кулеш и ел. У всех прекрасное настроение, забыты обиды, каждый готов поклясться на кругу в верности и нерушимой дружбе.

— Добавки можно? — спрашивает Жорка Губин, облизывая ложку. — Отродясь такого кулеша не ел.

— Подходи! — отвечает довольный Белихин, зачерпнув полный половник кулеша. — Кто желает добавки? Виноградова благодарите. Сало принёс хорошее. Потому и кулеш отменный. Подходите, братцы! Подходите! Всем хватит!

Красное солнце опустилось за горизонт, выгон пустеет. Хозяйки вводят телят и коз, уходят на покой стада гусей — впереди вожак, за ним, чинно переваливаясь, вышагивают гусыни и подростки гусята.

Тишина окутывает выгон и сельскую улицу. Только цикады стрекочут в кустах сирени, которая отцвела по весне. Сухо стрекочут цикады в садах, кажется, что сам воздух наполнен стрекотанием. Пение цикад заставляет Ивана прислушаться и удивиться неповторимым звукам. Не утерпев, парнишка осторожно приближается к кустам. Ступит на шаг и затаится, ступит и снова пережидает, в нетерпении увидеть цикаду, которая издает сухое стрекотание.

Цикады каким-то неведомым чутьём улавливают приближение человека, пение обрывается. Иван тоже замирает в ожидании. Цикада застрекочет и умолкнет, застрекочет смелее и умолкнет. Успокоившись, цикады возобновляют пение по всему саду и стрекочут без умолку.

Ступив на шаг, Иван раздвигает ветви сирени в том месте, откуда раздаётся сухое стрекотание, и видит на листе зелёного кузнечика с короткой головой и сильно выделяющимися глазами. Передние прозрач-

ные крылышки длинные, а хоботок короткий. Расправляя крылышки, цикада приподнимается, надувает бока и издаёт звук, шевеля выростами на груди.

Разочарованный тем, что увидел, Иван смотрит спокойно на цикаду, замечает на ветке второго зелёного кузнечика, но он уже не вызывает удивления. Мальчик спокойно уходит, а цикады стараются, заполняя своим стрекотанием вечернюю тишину.

Усевшись на лавке под ясенем, обхватив руками колени, Иван смотрит на усыпанное звёздами небо. Взошла вечерняя звезда, большая и яркая, застыла на небосклоне. Выше россыпи звёзд и созвездий, поспешает куда-то Большая Медведица. Над ней чуть в стороне застыла Полярная звезда. Оторвалась звёздочка и поплыла по небу наперекор мирозданию. Удивился Иван, а потом догадался: спутник совершает очередной виток вокруг земли. Проводил взглядом быстро удаляющуюся звёздочку и опять задумался, пытаюсь понять мир и себя во Вселенной. Есть он, есть родители. Иного нет, не было и не будет. Зачем является человек на свет? Конечно, для радости. Собственной и радости тех, кто рядом.

Надо жить в радость, думает Иван, глядя на усыпанное звёздами небо, на белеющий Млечный путь. И не покидать родные места. Иначе измается душа, ночами будет сниться речка Томаковка, звать к себе. Как и луг, пасущиеся кони, обложной дождь, когда никнут под тяжестью влаги деревья и кусты, земля дышит покоем. Стоишь босиком, накинув на голову мешок, и замираешь...

4

— Пацаны, жаворонки в гнезда сели! — говорит Жорка Губин и хитро улыбается. — Айда на конюшню воробьиные гнёзда драть! Там их только!.. Вся стреха конюшни в дырах.

— Айда! — подхватывает Белихин.

На конюшню мальчишки любят приходиться. Манят лошади в стойлах. Конюхи по вечерам разрешают гонять лошадей на водопой. Или позволят отогнать табун на луг, и можно промчаться в галоп по улице. Почувяв свободу, кони скачут во весь опор, а пацаны, вцепившись в гривы, подгоняют лошадей, на глазах взрослых показывают удаль и сноровку заправских наездников.

Заслышав топот табуна, мало кто останется равнодушным. Взрослые спешат за калитки, завистливыми взглядами провожают несущихся свободных коней.

Окружив конюшню, мальчишки высматривают свежие дыры в стрехе. Кто притащил лестницу, кто взобрался товарищу на плечи, старается дотянуться до гнёзд. Потревоженные шумом воробьи выпархивают из укрытий, но птенцы покинуть гнёзда не могут, не научились летать.

— Подсолнухи расклёвывают, паразиты, — говорит Губин, засовывая руку в дыру, и радуется. — Попались тёпленькими!

Вытащив птенцов, Губин спрыгивает на землю:

— Ну, желторотики, прощайтесь с белым светом.

Иван держит в руках птенцов, оперившихся, но пока беспомощных, с голыми пузиками. Воробьи не вырываются, обречённо посматривают по сторонам и на мальчишку, дожидаясь участи, какая им выпадет. Ивану жаль птенцов, он готов вернуть их в гнездо, но удерживает нерешительность, боязнь выглядеть трусом в глазах ребят.

— Смотри, как надо с ними расправляться! — кричит Губин и с размаха бьёт птенца об дерево. Ударил и отбросил окровавленное пернатое. — Огороды опустошают! — И добывает второго. — Чего смотрите? Китайцы, говорят, воробьёв истребили, урожаи на полях и рисовых плантациях спасают.

Примеру Губина последовали остальные, бездумно уничтожая птенцов. Не хотел Иван убивать птицу, но решимости противостоять не хватило. Не отважился перечить, мешать общему настроению. Размахнувшись, ударил птенца о стену. Но удара не получилось, птенец остался живой и невредимый. Удар пришёлся по костяшкам пальцев. Иван ударил по стене снова. На руке появилась кровь, из глаз от боли покатались слёзы. В злобе на самого себя, жалея обречённую на смерть птаху, Иван повторил удар, еще удар, и схватился за разбитую руку.

— Эх ты!.. — Жорка отобрал у Ивана птенцов. — Воробья убить не можешь!

Зажав голову птенца между пальцев, Губин сомкнул пальцы в кулак. Тельце воробья болталось теперь на тонкой шее. И тут Жорка взмахнул кулаком, резко рванул вниз. Голова птенца осталась зажатой между пальцев Губина, а тельце полетело в траву.

— Дурак! Дурак ты и есть! — закричал Иван, зажимая кровоточащую рану на руке, и бросился прочь.

— Чего он? — удивился Белихин. Но получилось это у него как-то натянуто и безвольно. — Чего распахивался? Подумаешь, нескольких птенцов сгубили. Да их стаи над хатами кружат...

— Что случилось? — увидев сына в крови, всполошилась перепуганная мать. — Михаил! Михаил! Принеси перекись водорода! И бинт! Руку Иван поранил!

Появился отец, увидел разбитые костяшки пальцев на руке сына, изменился в лице:

— Кто тебя побил? — закипая гневом, спросил Ивана. — Губин? Говори прямо!

— Сам поранился! — Иван заплакал и уткнулся матери в кофту.

— Как это сам? — не поверил отец. — Кого покрываешь?

— Правду говорю! Сам руку разбил! Жорка Губин позвал разорять гнезда воробьиные, а птенцов заставил умертвить! Отрывал головы. Или убивал об дерево. Я не смог...

— Ты один не смог? Или ещё смельчак нашёлся?

— Я один. Но я струсил, пап, струсил! Не решился прямо Губину перечить. Я тоже пытался одного воробья убить...

Отец обнял сына и прижал к груди. Слезы снова брызнули из глаз Ивана.

— Не смог я, папка! Не смог плюнуть Жорке в глаза и уйти. Струсил я!

— Беда на мою голову! — причитала мать, смазывая раны мазью и накладывая бинт. — Ты, отец, виноват! Не уделяешь ребёнку внимания. Работа лишь на уме...

— Успокойся, мать. Мы сами с сыном разберёмся в этом деле. — И повернул мальчишку к себе, обнял его голову ладонями. — Ты не струсил, сынка. Ты не осознал до конца происходящее, подчинился законам ватаги. Подрастёшь и поймёшь. Поймёшь, что доброе на земле надо защищать. Может, голову сложить, но не дать слабого в обиду. Не дать калечить природу, губить речку Томаковку. Людей вон сколько. И каждый живёт своим, думает и оценивает мир по-своему. Один обустроивает этот мир, а другой норовит на свой манер жить.

— Но почему все послушались Губина? И Сашка Белихин, и Митька Березюк. Им ведь тоже было жаль птенцов, а не подали вида.

— Азарт, наверное, сработал. Или нет у них силы воли. Мал ты или велик духом — это зависит от твоего характера, твоей решительности. Нужно иметь смелость постоять за себя, других не дать в обиду. Помоги ближнему осознать себя, обрести силу справедливости.

— Как же я могу знать, чего не следует делать? Ведь ты не всегда будешь рядом!

— Сердце подскажет, сынок.

— Ты часто говоришь: тот достойный человек. Разве у этих людей нет недостатков? И они всегда поступают правильно?

— Почему же? Недостатки есть, но у людей, о которых говорил тебе, достоинств больше, собственное мнение имеется. Они отличают добро от зла. И этим богатством дорожат. Человек соткан из поступков, остальное — подготовка к ним.

— Сложно понять...

— Сложно, сынок. Был такой писатель: Антуан Экзюпери. Почему был? Есть, коль читают и перечитывают его книги. Поищи в школьной библиотеке. Он написал сказку «Маленький принц». Сказка и о тебе. Когда Маленький принц обратился к королю с вопросом, как и ты ко мне, Король ответил: суди сам себя. Это самое трудное: судить себя, сынок. Если ты сумеешь правильно судить себя, значит, ты поистине храбр и мудр.

Отец и сын помолчали. Каждый думал о своем.

— Слушай, папа, вот вы с мамой станете старенькими и умрёте. Я вырасту и тоже умру, вырастут и умрут мои дети. А что дальше? Вымрут люди, в конце концов, и никого не останется на земле?

— Как — никого? — засмеялся отец. — Род человеческий будет длиться бесконечно.

Сказал и задумался о конце света.

Вдоль виадука, по которому подаётся вода для полива, растут пирамидальные тополя. Виадук старый. С бетонными желобами. Склоны виадука поросли лебедой и щерицей. По краю одной из сторон виадука протоптана стёжка — по ней по выходным спешат люди на базар. Так путь через сад короче.

Вода по виадуку течёт тихо, только трава колыханием выдает течение. Воду подают от насосной на берегу речки Томаковки. Толстые трубы из воды поднимаются по крутизне берега в сад и упираются в бетонный резервуар. Иногда в трубы с водой засасывает рыбу; караси, окуни, попав в виадук, прячутся в траву. Пройдёт мимо прохожий, вспугнёт рыбину, и ударит она хвостом, плещется по мелководью.

Мальчишки знают об этом, заворачивают иногда к виадуку и бродят по воде, закатав до колен штанины брюк.

С полной пазухой яблоч Иван возвращается по виадуку из Николаевки, посёлка за садом. Навещал школьного приятеля. Приболел тот, и учительница попросила проведать парня, домашнее задание на неделю передать.

Увидев тополя вдоль виадукa, Иван решил забраться на дерево и с высоты полюбоваться заречьем. Получив за речкой наделы, хозяева выращивают там картошку, капусту, огурцы и помидоры. Многие поставили на участках домики — временки, в них ночуют по выходным.

Забравшись на тополь, Иван оглянулся по сторонам и стал забираться выше, чтобы иметь обзор с высоты птичьего полёта. Осторожно перебирался с ветки на ветку, пробуя каждую ногой, надёжна ли, зная, какое хрупкое дерево тополь. Чуть пережал, и треснет ветка пополам. Это не вяз, который сгибается до земли, не ломаешь даже при старании.

Над головой тревожно прострекотал сорокопут. Птица кружилась в тревоге и кричала, пытаясь отогнать пришельца. Усевшись на ветке, сорокопут вертел головой, косил коричневым глазом, рассматривая мальчишку. Рассматривал сорокопута Иван, так близко видеть птицу не приходилось. Пролетали сорокопуты прежде над головой, стрекоча по-сорочьи. А тут — протяни руку и можешь погладить пепельно-серую спину. Надхвостье у сорокопута беловато-серое, через глаз проходит чёрная полоса. Хвост чёрный с белыми перьями по бокам.

Глядя на сорокопута, Иван догадался: беспокоится птица не напрасно, видимо, гнездо поблизости. Иначе сорокопут не поднимал бы крик и не кружился над головой. Мальчишка присмотрелся к переплетению ветвей и не ошибся в предположении: на разлогой ветке темнело гнездо из сухой травы и конского волоса, подобранного птицами на дорогах.

Подтянувшись, Иван увидел в гнезде птенцов. Они сидели на мягком пуху, тесно прижимаясь друг к дружке. Почти оперившиеся, но ещё не окрепшие и не готовые к полёту. По какой-то причине птицы поздно свили гнездо и сделали кладку яиц. Может, прилетели в эти места с опозданием. Или разорили люди старое гнездо по недомыслию.

К птенцам Иван не притронулся, зная, что осторожные взрослые птицы могут жестоко обойтись с детёнышем, который побывал в руках человека: откажутся кормить, а затем вытолкнут из гнезда, чтобы уберечь остальных. Перепёлка в минуту опасности поступает еще страшнее: убивает перепелят ударами клюва и улетает.

Парнишка рассматривал птенцов, а с ветки наблюдал за ним сорокопут. Доверчивость птицы тронула сердце мальчишки.

— Не прикоснусь к вам, — сказал Иван, — и гнездо не буду разорять. Живите спокойно.

Спустившись на землю, Иван оглянулся по сторонам, чтоб удостовериться: нет ли поблизости кого из знакомых. Не увидел ли кто его лазанье на дерево.

Гнездо сорокопута стало маленькой тайной. Вспомнив о птицах, Иван пробирался к тополям в одиночку, залезал на дерево и подолгу рассматривал птенцов с заедами в уголках клювов. Птенцы привыкли к появлению человека, тянули шеи, требуя жуков или кузнечиков, — их приносили родители. Иван боялся одного: как бы кто ни наткнулся на гнездо и не разорил по недомыслию. Место оживлённое: рабочие насосной станции здесь ходят, на базар и с базара люди спешат.

— Чего зачистил в сад? — неожиданно спросил однажды Митька Березюк. — Забегал к вам, а мать сказала, что ты опять к виадуку помчался. Яблоки ходишь красть?

— Абрикосы, — соврал Иван. — Краснощёкий уже поспел...

— В балку играть не приходишь.

— Работы дома полно... То корове мать просит травы накосить. То за цыплятами и утятами надо присмотреть...

— Мне тоже достаётся. Вчера мать заставила корову пасти. До быка корове вздумалось. Пришлось от стада отлучить, чтоб другим не мешала пастишь, зараза. То она бодается, то на других коров запрыгивает...

— Надо родителям помогать. Кто сделает, если не мы?

— Ты прав, — ответил Митька со вздохом. — Матери одной не разорваться...

— Чудно получается: счастливый человек, выходит, не тот, кто гуляет в удовольствие, а тот, который делами занят.

— Выходит... Мы с тобой картошку пропололи, попотели изрядно, а мамка до сих пор нет-нет, да и похвалит.

— Разберись тут: в футбол поиграть охота, а тебя корову пасти заставляют. Выполняешь через силу, а потом приятно. Получается, что трудиться необходимо. О лодыре никто путного слова не скажет. Умер, опустили в яму, засыпали землёй и разошлись...

— Говоришь, как папка мой, — сказал Березюк и улыбнулся. — Он напоминает мне о пользе труда. Дело постигай, говорит, его за плечами не носить, а в жизни может пригодиться.

— Заболтались мы. Побегу.. Мама скоро с работы придёт, — сказал Иван, подав на прощание руку. Отошёл и обернулся: — Правильно мы решили: помогать родителям!

— Ещё как правильно! — прокричал Митька.

Яблоко белого налива сорвалось с ветки, прошелестело в листве и упало на землю. Подняв его, Иван вытер ладонями и откусил. Жевал сочную мякоть и думал, чем бы заняться полезным. На речку бежать не хотелось. Лучше мешок травы накосить, решил про себя, мама останется довольна. Но вспомнил маму, и отбросил намерение косить траву, поспешил в дом. Родилась другая интересная идея. Налил бутылку молока, отрезал кусок колбасы и добрую краюху хлеба. Отобрал несколько красных помидоров, только вчера сорванных на грядке. Уложил харч в сумку и вышел на улицу.

Оставив позади выгон, Иван поднялся на гору и зашагал в степь по дороге. На обочине бетонные столбы с натянутыми на белые изоляторы электрическими проводами. Вокруг столбов разрослась щирца, перевитая берёзкой. Бабки называют берёзку повиликой.

Дорога нырнула в подсолнухи. Отломив половину жёлтой головки подсолнуха, Иван вышелушивал на ходу семечки, бросал в рот и сплёвывал сыроватую шелуху. Идти по дороге среди подсолнечников жарко — ни тебе ветерка, ни простора. Подступают с двух сторон стеной подсолнухи, клонят головы. Выбежал на дрогу суслик, встал на задние лапы, замер столбиком, рассматривая идущего. Испугался и юркнул в норку. Иван прошёл мимо; была бы вода поблизости, можно залить в норку. Суслик вылез бы и сдался. Ковырять палкой сухую землю — напрасная затея. Сняв рубаху, Иван поспешил на ток — там и работает мама. Решил навестить её. Шел и представлял, как обрадуется, увидев сына.

Стена подсолнечника оборвалась, открылось сжатое поле с копами обмолоченной соломы на стерне. В безоблачном небе кружит кобчик, изредка издавая свое «ки-ки-ки».

Из стерни выпорхнул жаворонок, и, поднимаясь ввысь, запел. Иван замер в предчувствии неминуемого исхода: кобчик заметит жаворонка и в мгновение схватит птаху острыми когтями. Кобчик увидел с высоты добычу, камнем упал вниз. Жаворонок метнулся из стороны в сторону, стремясь к спасительным подсолнухам. И тут случилось непредвиденное: кобчик со всего налёта напоролся на провода электролинии. Перекувырнувшись в воздухе, хищная птица упала на дорогу.

Подбежав, Иван присел возле умирающего кобчика. Из клюва птицы вытекала кровь, тёмные зоркие глаза помутились. Под серо-чёрным оперением распростертых крыльев белели острые когти.

Оставлять кобчика на съедение муравьям стало жалко. Поднял Иван мёртвую птицу, отнес на обочину дороги, где земля мягче. Вы-

рыл ямку и похоронил кобчика. На холмике поставил крест, сделал из веток бурьяна. Посидел в молчании, спохватился и поспешил дальше.

Хутором в степи показался ток с буртами зерна, навесами, рядом веялок. Подкатывают к веялкам самосвалы, сгружают зерно, доставленное от комбайнов. Женщины дружно подхватывают зерно деревянными лопатами, бросают на ленты транспортёров. Другие работницы перелопачивают провеянное зерно на площадке. Сохнет скорее для отправки на элеватор.

Миновав весовую, Иван поспешает мимо грохочущих решетами веялок, всматривается в лица женщин, по глаза повязанных белыми косынками.

— Ваня! Сынок, тут я! — доносится голос мамы от буртов пшеницы.

Мама стоит на самом верху сваленного зерна, облокотилась на черенок лопаты и смотрит на сына. Сбежав с кучи зерна, обнимает Ивана, целует в макушку.

— Зачем пришёл, Ванюш?

— Поесть принёс. Тебя увидеть захотел.

— Ах ты, кровиночка моя! По маме соскучился. А в сумке что?

— Молоко. Колбаса с хлебом. Помидоры.

— Да у нас на току кухня! Вон столы под навесом. Но от домашнего молочка не откажусь.

— Татьяна, не случилось чего? — окликнула от веялок соседка.

— Сынок поесть принёс!

— Поесть? Позавидуешь тебе! Такого заботливого сына растишь!

— А то как? И счастлива!

Работа не ждала, мама заторопилась.

— Отдохни в тенёчке. Вместе домой поедем.

— Пойду я. Дома тоже работы полно.

— Ну, иди. Может, арбуз возьмёшь? Привезли нам сегодня с баштана. Сладкие да сочные!

— Возьму.

Мать принесла полосатый арбуз, выпросила у кого-то хозяйственную сетку, опустила в неё арбуз и перекинула сыну через плечо за спину.

— Донесёшь?

— Донесу, мама.

— Устанет плечо, на другое перебросишь. Иди, мой хороший.

Зашагал Иван знакомой дорогой в село. Идёт, к пению жаворонков прислушивается. Жаворонки взлетают со стерни, зависают в небе, часто взмахивают крыльями. Помашут и замрут, опускаясь к земле. Но тут же с новой силой замашут крыльями, поднимаются всё выше и выше, распевая, словно стеклянные шарики перекатывают в горле. Без песни жаворонков и степь была бы беднее, осиротевшая вроде.

Свернул Иван к кустам бузины чёрной, передохнуть решил. Лёг на траву в тени, ноги раскинул, руки под голову положил. Лежит, смотрит в небо, пение жаворонков слушает. Слушал трели в поднебесье, слушал да и уснул, убаюканный покоем, чистым степным воздухом.

Проснулся, когда солнце, перевалив за полдень, Ивану в лицо заглянуло. Потянулся Иван сладко, вскочил на ноги, арбуз подхватил и поспешил в село.

Послышался позади стук колес телеги. Оглянулся Иван — мажара приближается, запряженная парой гнедых лошадей. На арбе возница и две женщины сидят, ноги свесили, семечки лужагут.

Уступил Иван дорогу, но возница остановил коней.

— Садись, хлопец! Подвезём до проулка!

Обрадовался Иван такому совпадению, быстренько залез в мажару, и покатила она по дороге, поскрипывая на ухабах. Женщины о своём судачат, семечки грызут. Достают из сумки по горсти, бросают семечки в рот и сплёвывают шелуху.

— Угощайся семочками! — сказала одна из молодых.

Так и сказала: семочками. И достала из сумки полную горсть. Иван тоже грызёт да сплёвывает. В селе каждая хозяйка в субботу или воскресенье сковороду семечек подсолнечника нажарит, подругу или соседку на беседу пригласит. Усядутся в тени на траву, семечки лужагут. Разговаривают и лужагут, только шелуха по подбородкам сползает. Не разойдутся до той поры, пока сковорода не опустеет.

Размышлял Иван да сплёвывал лужгу, а с горы село открылось: речка, дома в садах, пирамидальные тополя вдоль дороги.

Возле проулка мажара остановилась.

— Рукой до хаты подать, — сказал возница, — а нам на конюшню.

— Спасибо вам!

— Слезай не спеша. А то кавун уронишь...

5

Прибежал Иван домой, курам зерна сыпанул, воды в корыто налил. Кабану поесть отнёс. И задумался: что ещё полезное сделать?

— Зря скучаешь! — донёсся из-за калитки голос Митьки Березюка. — Бежим на луг! Лошадей туда погнали! Может, конюх Курило покатаётся разрешит. Обещал научить тебя ездить верхом? Обещал! Слово сдержу! А то скажешь: Березюк — болтун.

— Уж так сразу и скажу. Как будто не знаю тебя.

Поспешили мальчишки знакомой стёжкой на луг. Возле колодца с поднятым журавлём стреноженные кони пасутся. Подняли головы при появлении мальчишек, и за своё принялись. Сделает лошадь прыжок, другой, и дальше траву щиплет. Конюх Курило сидит на пеньке, косу настраивает: насадил литовку пяткою на косьё, и закрепляет, вбивая в кольца клинья. Закончил работу, отошёл в сторону, сделал несколько взмахов косой.

— Порядок в танковых войсках. Вечером корове травы накошу в низине. Отава там подросла.

— Дядя Степан, разрешите Торпеду взять покатаётся, — попросил Березюк. — Ваню Виноградова хочу научить ездить верхом на лошади.

— Торпеда воду возила на поля. Её не трогай. Динка сегодня на простое. И кобыла смиренная. Объезжайте. Уздечку возьмите!

— Спасибо, дядька Степан!

Обрадованный Митька схватил уздечку и помчался к вороной кобыле из породы верховых лошадей: лёгкая голова, длинная шея, высокая холка. Помчался, не веря в удачу. Уж больно легко всё складывается.

Подбежали мальчишки к Динке, лошадь перестала пастись, уши прижимает, мол, не мешайте, а то укушу. Но Митька смело набросил уздечку, поправил намордник и вдел удила. Перекинул через голову поводья, кобыла и успокоилась.

— Подержи! — попросил Ивана, а сам присел под лошадью, быстро снял путы. — Садись!

Иван постарался запрыгнуть на круп лошади, но с первого раза не получилось.

— Подрасти надо, кавалерист! — засмеялся Митька. — В другой раз подводи коня к пню. Или к горке. И запрыгивай. Многие так начинали. А сейчас... Ногу давай! — И Митька подставил сцепленные ладони. — И-раз! — скомандовал и подтолкнул друга вверх.

Забравшись на лошадь, Иван поправил поводья, прижал голыми пятками бока кобылы.

— Не пукай на скаку! — приказал Березюк.

— Чего не делать? — не понял Иван.

— Не перди! — Березюк засмеялся. — Если кто пукает, сидя на лошади, то у коня на крупе болячка появляется. И не заживает долго... Держись! — Митька хлестнул кобылу кнутом конюха.

Пошла Динка рысью, а Иван, осмелев и подчиняясь азарту, ударил кобылу пятками. Сорвалась Динка в галоп. Вцепившись в гриву, удерживая равновесие, чтоб не сползти случайно набок и не полететь под копыта, Иван подгонял и подгонял Динку. Подстёгивая лошадь, Иван позабыл обо всём на свете, нёсся вскачь. От бега захватывало дух, хотелось орать от радости, от того, что ты и лошадь — единое целое.

Опомнился Иван, когда достиг излучины реки. Сюда редко когда добирался. Перевел дух, развернул кобылу и уже смело помчался к табуну.

Ближе к вечеру на луг прибежал Сашка Белихин с ребятами с нижней улицы. Пацаны разожгли костер, сбежали к огородам, тайком нарыли картошки, принялись печь в горячей золе. Не заметил Иван, как стемнело, зажглись в небе звёзды, а за рекой завис молодой месяц.

Пора было спешить домой, родители заждались. Тишина окутывала землю, под сенью ночи притаились сады и огороды, слившись в единое целое. Над головой пролетела запоздалая птица, прошумела взмахами крыльев. Возле клуба заиграла одинокая гармонь. Иван остановился, прислушиваясь к покою, долго смотрел на звёздное небо, на серп месяца.

На виадукe Иван встретил ребят. Столкнулся с ними так неожиданно, что даже испугался. К счастью, вовремя слез с тополя, забирался на дерево полюбоваться птенцами, они собрались в полёт. Ватага возвращалась от насосной. Ловила там раков, которые теперь лениво шевелились в целлофановых пакетах с водой.

— Повезло! — сказал Иван.

— Повезло... Скажи, пофартило! — ответил Жорка Губин и привычно чвыркнул слюной. — Вон сколько выдрали из нор! Знаю, чего бродишь здесь. Гнездо сорокопута от нас скрываешь. — Сказал и злорадно улыбнулся. — Говорили мне, но не верил. Теперь убедился. Показывай!

— Идите, куда шли. Ничего не стану показывать, — ответил Иван. — Набрехал кто-то...

Как назло, сорокопут подал тревожный крик и пролетел над головами мальчишек.

— Набрехал, говоришь! Шалишь, брат. Здесь гнездо! Не стал бы сорокопут над нами кружить. Найдём и выпотрошим, понял?

Сорокопут снова появился, прокричал предостерегающе и скрылся в листве тополя.

— Там гнездо! — сказал Губин. — Кто полезет?

Отступить было поздно. Иван пришел к простому и ясному пониманию происходящего: гнездо сорокопута, которое он оберегал от посторонних, никто не защитит, кроме него самого. Вспомнил слова отца и решил: он, Иван Виноградов, должен спасти птенцов. Иного пути нет, и звать на помощь некого. Мальчишки не поймут его поступка. Из-за чего геройствует? Подумаешь, гнездо сорокопута. Сколько гнёзд ещё встретится? И за каждое драться?.. Силы, конечно, не равные: Жорка старше и крепче.

— К тополю не пойдешь! — сказал Иван, удивившись собственному спокойствию.

— Ты запретишь мне? Или за тятькой побежишь? — сказал Губин, насупившись. — Да я тебе рыло расквашу!

— Рыло у свињи. А ты хуже свињи. Жлоб ты, Губин.

Ватага такого оборота событий не ожидала. Все стояли притихшие и растерянные.

— Пошёл вон! — зло произнес Губин, набычившись.

Казалось, сама земля пришла Ивану на помощь: под ногами оказался увесистый ком высохшей грязи. Отвалился от колеса в дождь, и остался лежать на обочине дороги. Схватив окаменевший ком, Иван крепче расставил ноги. Приготовился к схватке.

— Пойдешь к гнезду, расшибу голову!..

— Ты? Ботинки мои лизать будешь! — Губин грязно выругался. — Марш с дороги, бздюх! — И, кинувшись, схватил Ивана за чуб.

Дальнейшее произошло так быстро, что стоявшие в ожидании пацаны ничего понять не успели. Они были уверены, что сила на стороне Губина. Виноградову в драке не сдобровать, достанется от безжалостного Жорки по полной мере. Но Иван, пружинисто развернувшись, сделал подсечку и ударил обидчика зажатым в руке комом сухой земли. Заорав, Губин упал на траву. Из разбитой головы у него стекала кровь и капала на рубаху.

— Отцу расскажу, как ты меня!.. Бандюга! Отец не простит! Не появляйся в нашем переулке!

Подняв с земли картуз, Жорка машинально отряхнул его, напялил на голову, поморщился от боли.

— Запомню, Виноградов! — И пошёл в село, махнув рукой на дружок. Обернулся, погрозил кулаком: — Запомню!

Следом молча поплелись остальные. Остался только Митька Березюк. Он уселся на обочине и молчал.

— Жорка тебе не простит, — сказал он, покусывая травинку. — А здорово ты его! — И засмеялся. — Не ожидал от тебя такой хватки. Если честно, то я на твоей стороне. Если бы Жорка ударил тебя, я бы вмешался.

— А до этого стоял и помалкивал...

— Как надо было поступить? Как? Жорка столько над нами верховодил. Привыкли, побаивались... А ты не сдрейфил. Всегда рассудительный, помирить всех стараешься. А тут в драку полез.

— Промолчать? Отступить? Пусть он и дальше птенцам головы откручивает, так? А завтра он нас воровать поведёт. Не согласен! Должен же я уметь постоять за себя и других!

— Сам додумался?

— Отец надоумил.

— Сложно жить на свете...

— И отец говорит: сложно, а разобраться надо, чтобы тобой не понукали, как скотиной. Всё дело в твоём выборе. Приходит время, когда ты должен встать на защиту справедливости. И стоять до конца. Тогда уважать тебя станут. Надо научиться судить себя по совести.

— Ты прав... А птенцы сорокопута покинули гнездо. Не достать их.

Подняв голову, Иван увидел сидящих на ветке четверых птенцов. Они сидели рядышком и клонили головы, словно старались рассмотреть своего защитника.

Со стороны поля на село надвигалась туча. Она ширилась, разбухала, заволакивая небо. Природа притихла, насторожилась. На дороге появился вихрь и помчался, кружась и подхватывая солому, обрывки старых газет. Вихрь выдохся и затих, только мусор медленно оседал на землю.

За селом полосонула молния — резко и отрывисто, как при коротком замыкании. Прогремел дальний гром, словно кто-то большой ступал по железной крыше.

— Сейчас хлынет ливень, — сказал Березюк. — Бежим под дерево!

Молния извилисто полосонула по тёмному небу, тут же оглушительно прогремел гром.

— Под деревом стоять страшно, — сказал Иван. — Вдруг молния в тополь ударит?

— Не дрейфь! А страшно, перекрестись. Как мама моя делает, когда гром над хатой грохочет.

Упали первые капли, потом зачастили. Шум дождя надвигался с шелестом и хлынул в полную силу. Волглая тишина окутывала сад. Дождь лил и лил, на дороге образовались лужи, мутная вода катилась по канаве. Раскаты грома с сухим треском раздались над селом. С испугу Митька даже присел.

— Ну, даёт!.. Не угодила бы молния в конюшню...

Видно было, что Митька боится ударов грома, боится молнии. Научен горьким опытом, наверно, помнил, как год назад молния угодила в дом на краю улицы, и люди, сбежавшись, едва погасили огонь.

Сорвавшись с места, Иван выскочил на дорогу и запрыгал в радости. Не удержался и Березюк, схватил Ивана за руки, подпрыгивал по грязи, припевая:

Дождик, дождик,
Припусти
На бабкины капусты...

Мальчишки месили грязь на раскисшей дороге и радостно распевали знакомую закличку:

На дедовы дыни,
Чтоб росли, как свиньи...

На востоке прояснилась полоска чистого голубого неба. Полоса ширилась, дождь утихал и отходил в сторону речки. Громовые раскаты стали глуше и отдалённее, словно доносились из-под земли...

Дебют

Александра ИНИНА

Александра Инина. Живёт в г. Орёл. Работает в области рекламы, дизайна, копирайта и полиграфии. По образованию – учитель биологии и географии.

На сайте Стихи.ру является редактором конкурса «Литературный Фестиваль Рунета» и креативной творческой площадки «Выход Из Под Контроля».

Сказка

В домике маленьком тихая тишь и
бродят по спальне сонные лапы.
Розовой кисточкой – птичьей гречишкой
красит по ниточке пряжу заката

Марья Моревна. Проденет иголочку,
пуговка солнца за ниткой потянется
и потеряется в складочках полночи.
И потечет ароматами чайными

и разговором то слово, то за слово
в темную глушь за окошко на улицу.
Лишь не спугни – видишь ласково, счастливо
тени касаются, тени целуются.

пинать бы эти знаки препинанья
и пни французским супом поливать
чтоб зацвели, не как-нибудь, а луком —
на трубке-ножке шарик-голова

сиреневыми ежится цветами
и лёжа облаками колдовать:
лети-лети тоска, печаль, разлука
тянись-тянись густая синева

рисуй мне жизнь кузнечиковым звуком
вкрапляя только вкусные слова

Гиацинтовое

Когда причалив, сбрасывает трапы
Фелюга белая под парусом косым
И цедит гиацинт
Целебный лунный запах
И гладь рябит
И томно или топко
В любви, где брода нет и наугад
Бредет моя бессонница с котомкой,
Готовая стихи шептать за взгляд,
Тревожит завитки цветов лиловых
И лабиринт изогнутых краев,
Лелея хриловатым горлом слово,
На имя так похожее... твое.

Слова светлячкового бога

я тебе подарю светлячкового бога своих лесов
у него лепестковые крылья агатовые глаза

по ночам он влетает в окно и садится на мой висок
чтоб узнать всё что я не успела тебе сказать
(Света Чернышева)

Ночью приходит твой шепот. Пуста, легка
Узкая плоскость ладони скользит по простыни
И не находит,
Как не находят
В кармане
Спичечного коробка
С листками глухой крапивы и бронзовкой.
Странные,
По зыбким барханам идут караваны солнц,
Каждое стать могло апельсином в руке оазиса:
Сладким, взрывным,
Только
Погонщики времени ставят песок на кон
И сыплются зерна его и всё катятся, катятся.
Не было у меня имен, но как-то тобой звалась
И отзывалась пальцам играющим на предплечье
Лепестковую музыку,
Беззвучный вальс
Кленовых крылаток-семечек,
Игрушек бога.
Милый,
В ту ночь Земля оторвалась
от Вечности.
Ты сказал: ненадолго...

Последнее дон-кихотство

Как мало осталось гнева — бессильный плач
Ветров исхудавших, белесые снега ребра
Под тонкой накидкой — где слава былых Ламанч,
Растрепанной бабой взывает над мертвым сугробом

Зимы Росинант ненадолго рванется вскачь
Но удаль былая его дон-кихотства глохнет

Последняя битва — и солнца крыло-палаш
Вращаясь срывает надежду. Без крика и вдоха

Растает все то, что напела метели юла
И что-то наступит...
Весна, настроенье... эпоха

Стёклышко

Небо до срока прячет свои ответы,
Дует на воду.
В огненном молоке
Сумерки тонут,
Тонут поля-клетки,
Завтрашний день
В утреннем сундуке
Прячется голубем,
Прячется зернышком в сердце
Чистое светлое стёклышко в тёмном песке.

Лунные полёты

А ну-ка, где моя любимая метла?
Шепнуть — земля, прощай и небо здравствуй,
И пить ночных ветров лекарство,
И не черна, и не бела —
Прозрачна. Подставляя плечи, щеки
Пушистым облакам, черпая их горстями
Одета лишь в недавние касания
Любимых рук — в невысказанно коротком
Потоке улученного свиданья.
И прятать смех в шифонный лунный свет
Как будто будней
не было и нет.

Всё хорошо

Все хорошо, мой солнечный,
 Все хорошо.
 Тонкий осадок горечи,
 Абрис карандашом —
 Ты между мной и полночью,
 Между мной и водой —
 Донной водой, маракотовой.
 Ты между мной и стрелой
 Тонкой тоски костяной,
 Рядом почти что, вот он ты —
 Между моим одиночеством
 И мной.

Алексей ЗАЙЦЕВ

Зайцев Алексей Викторович. Родился в 1982 году в Краснодаре. Окончил юридический факультет Института Экономики и Предпринимательства. Член Союза Писателей Москвы. Лауреат международного литературного конкурса «Златен кан». Публиковался в журналах «Юный техник», «Кольцо «А», «Эдита», «Пролог», «Литературный Башкортостан», «Стетоскоп», «Реальность фантастики» и др.

У вас в желудке НЛО

- У вас в желудке НЛО, — проговорил доктор Сидоров, извлекая из горла Кулехина эндоскоп.
- Что? — переспросил Кулехин.
- Неопознанный летающий объект, — сказал врач.
- Это шутка?
- Нет. Это факт. Эндоскопическое исследование четко показало, что у вас в желудке поселилась маленькая летающая тарелка.
- Вот черт... и что же мне теперь делать? — Кулехин почесал затылок.

— Понятия не имею. В моей практике подобного случая еще не было.
— Так, значит, именно эта тарелка и...
— Да, скорее всего именно она и ударила током профессора Дегтерева, когда он пытался исследовать ваш желудок.

— А почему же вас не ударила?
— Без понятия, — эндоскопист Сидоров снял с рук перчатки из латекса.

— Так что же мне теперь делать?
— Возвращайтесь пока в палату. Там будет видно.

Недовольно поморщившись, Кулехин сделал, как было сказано. В палате, кроме него, лежало четыре человека.

— Ну как? — спросил усатый мужик, имени которого Кулехин так и не запомнил и чья кровать стояла прямо напротив его кровати.

— Да чертовщина какая-то, — неуверенно сказал Кулехин, — НЛО они там нашли какое-то...

— Что нашли? — удивился усатый.

— НЛО, вроде...

— Шутишь что ли? — спросил кривоносый Андрей, чья кровать стояла слева от Кулехинской.

— Не, серьезно, — сказал Кулехин, — у вас, говорит, в желудке неопознанный летающий объект. Это, говорит, видимо, он ударил током профессора Дегтерева.

— Во дела! — рассмеялся усатый. — Совсем врачи допились! Видимо, не разбавляют свой медицинский!

— А может у него и вправду там тарелка, — сказал грязноватый Иван, чья кровать стояла слева от кровати усатого. — Кто знает?

— Бред. Тарелки даже в небе еще никто не находил, только фотографии делали. А тут в желудке! Ты сам-то понимаешь, что говоришь? — сказал усатый.

— Все когда-то бывает в первый раз, — парировал Иван.

Кулехин лежал на кровати и молча глядел в потолок.

— И чё они теперь с этой тарелкой тебе делать будут? — спросил Андрей.

— Пока сами не знают. Отправили вот в палату.

— Наверно, будут анализы брать, — предположил Иван, — кровь там всякую...

— А толку-то? — усмехнулся усатый. — Если это пришельцы, они всегда спрячутся успеют! Пришельцев какими-то там дурацкими анализами не возьмешь! Они ультрафиолет включают — и ищи их, как иголку в стоге сена!

— Я слышал, что в Японии пришельцы скрылись прямо из военной тюрьмы, — вставил молчавший прежде Тимофей, чья кровать стояла прямо посередине палаты.

Тут вдруг дверь открылась, и в палату вошел заведующий хирургическим отделением доктор Карен Аристокесян. Он молча окинул всех взглядом и, строго сдвинув брови, твердым голосом произнес:

— Так, быстро собирайте свои вещи и убирайтесь вон из палаты. Все, кроме Вадима Степановича.

Кулехин вопросительно поглядел на заведующего.

— Да, Вадим Степанович, вы можете остаться, — приторно улыбаясь, сказал Аристокесян.

— А мы? — возмутился усатый. — Мы, между прочим, тоже больные, нам тоже лечиться надо.

— Перебьетесь, — проговорил Аристокесян.

— То есть как это? — рассердился кривonosый Андрей. — У меня, между прочим, тромбы на ногах. Их надо оперировать.

— Поговори мне тут еще, — сказал Аристокесян, — щас вызову охранников, они тебя в одну секунду с лестницы спустят.

— Это безобразие! — сказал Тимофей.

— В общем, у вас пять минут, чтобы собрать свое барахло и уйти! — сказал Аристокесян.

— Пойдите, Карен Шавлович, вы хоть объясните нам, в чем мы виноваты. Почему вы нас прогоняете? — заискивающе спросил усатый.

— Палата нужна для наблюдения Вадима Степановича. У него очень серьезный случай, и я, как честный человек и ответственный специалист, должен предоставить ему для пребывания максимально комфортные условия.

— Что же это он, один во всей палате будет лежать? — недовольным голосом спросил Тимофей.

— Именно так, — кивнул Аристокесян.

— Так палата же на пятерых человек, — сказал Иван.

— Была на пятерых, а будет на одного Вадима Степановича, — сказал Аристокесян.

— А с какой это стати? — возмутился Андрей. — Чем это мы хуже? Мы такие же пациенты и тоже хотим лечиться. Имеем право, если на то пошло!

— Ах, имеете право?! — ехидным голосом сказал Аристокесян.

— Да, имеем право! — сказал Андрей.

— Ну, это мы сейчас посмотрим, — Аристокесян нажал на расположенную на стене зеленую кнопку, и спустя минуту в палату вошли четыре огромных охранника.

— Выкиньте отсюда всех, кроме этого, — сказал Аристокесян, указав пальцем на Кулехина.

— Карен Шавлович, Карен Шавлович, — засуетился усатый, — я вот еще поблагодарить вас хотел, — с этими словами он сунул в карман Аристокесяна несколько денежных купюр.

— Пойдите, — сказал Аристокесян, — усатого выкидывать не надо. — Просто переведите в другую палату. Пусть располагается.

— Спасибо вам огромное! — кланяясь, проговорил усатый.

— А этого, — Аристокесян указал на кривоносого Андрея, — с лестницы спустите!

— Хорошо, — хором сказали охранники, после чего сгребли в охапку Андрея, Ивана и Тимофея и вынесли их из палаты.

Следом, таща за собой вещи, выбежал усатый.

— Ну вот, — улыбаясь, сказал Аристокесян, — помещение очищено, можете располагаться, Вадим Степанович. Вечером дам распоряжение, чтобы лишние кровати из палаты вынесли.

— Спасибо, — только и сказал Кулехин.

— Не за что, Вадим Степанович, не за что! — проговорил Аристокесян. — Вы теперь у нас знаменитость. Звезда, так сказать! Уникальный случай в науке, так сказать! Открытие в медицине!

— Да? — вяло спросил Кулехин.

— Конечно! И, кстати, раз уж я к вам зашел, не подпишите ли вы мне кой-какие бумаги, касаемые вашего излечения?

— Конечно, — сказал Кулехин, вставая с кровати.

— Там, знаете, всякая ерунда, про анализы, про обследования...

Кулехин молча взял ручку и подошел к Аристокесяну.

— Где надо подписать? — спросил он.

— Лучше нигде не подписывать, — сказал неожиданно вошедший в палату хирург Семенов.

— Что вам здесь надо? — зло спросил Аристокесян.

— То же, что и вам, — жестко парировал Семенов, — позвольте почитать документки? — он выхватил из рук Кулехина документы и дважды подозрительно хмыкнул.

— Вы что себе позволяете, Семенов? — рассердился Аристокесян. — Хотите, чтобы я вас уволил?

— Да увольняйте, ради Бога! Вот только не надо право первооткрывателя болезни желудочного НЛО, присваивать себе! — сказал Семенов.

— А кто же тогда, по-вашему, первооткрыватель?

— Ради бога, Аристокесян, не стройте из себя дурака!

— Вы что себе позволяете?

— Короче, если хотите, чтобы я позволил вам считаться первооткрывателем этой болезни, прямо сейчас издавайте приказ, дающий мне право оперировать больного на эксклюзивных началах!

— Что это значит?

— Это значит, что вы войдете в историю, как первый человек, открывший неизведанную прежде болезнь желудочного НЛЮ, а я — как первый человек, сделавший операцию больному с этим диагнозом.

— Семеонов, вы в своем уме?

— В своем, в своем, можете не сомневаться! Ну, так как? В противном случае, я все равно не дам ему подписать эти ваши бумажки!

— Ладно, это можно обдумать, — смягчился Аристокесян.

Кулехин молча переводил взгляд с одного на другого.

Тут дверь снова открылась, и в палату вошел эндоскопист Сидоров.

— Послушай, Сидоров, какого черта ты рассказал этому жулику про НЛЮ в желудке моего пациента? — спросил Аристокесян.

— Мне показалось, что случай довольно интересный, и я решил поделиться им с Семеоновым, — проговорил Сидоров.

— Все-таки вы, эндоскописты, чрезвычайно глупы, — сказал Аристокесян, — в желудках лазаєте, а в душах человеческих совсем не разбираетесь!

— Вы хотели, чтобы я эндоскопом ему в душу залез?

— Я хотел, чтобы ты хоть немного соображал, кому можно доверять, а кому нет. Неужели не ясно, что это жулик чистой воды?

— Так, ну хватит, — ошетинился Семеонов. — Подписываешь приказ или нет?

— Ладно, черт с тобой, — сказал Аристокесян, — неси бумагу.

— Что еще за приказ? — поинтересовался Сидоров.

— Что за Аристокесяном регистрируется право считаться первооткрывателем желудочного НЛЮ, а за мной — право сделать первую операцию в этой... так сказать, области.

— Постойте, — проговорил Сидоров, — а как же я?

— А что ты? — зло спросил Аристокесян.

— Но это ведь я первым увидел НЛЮ в желудке Кулехина.

— И что же? — сквозь зубы проговорил Аристокесян.

— Значит, по справедливости, я и должен считаться первооткрывателем этой болезни, — сказал Сидоров.

— Кто не успел, тот опоздал! — улыбаясь, проговорил Семеонов.

— Но это же нечестно! — сказал Сидоров.

— Причем тут честность? — рассердился Аристокесян. — Первым открыл желудочное НЛО я, поскольку я заведую этим отделением. А ты просто на меня работаешь, и делаешь все по моей указке. Ты просто исполнитель. Вся творческая часть работы лежит на мне. Поэтому я открыл, а ты исполнил.

— Нет, — покачал головой Сидоров, — я так не согласен. Сначала все думали, что у него просто хронический гастрит. Профессор Дегтерев начал проводить ему эндоскопическое обследование, и тут вдруг упал на пол от сильного удара током. И только я сумел провести обследование должным образом и обнаружил в желудке пациента НЛО. Значит, я и есть его первооткрыватель!

— Послушай, Сидоров, — проговорил Аристокесян, — ты что, хочешь, чтобы я тебя уволил? Это я запросто! Одним махом!

— Я просто хочу справедливости, — сказал Сидоров.

— Ладно, черт с тобой, премия в размере оклада тебя устроит?

— Устроит, — сказал Сидоров.

— Кровопийца. Но чтоб письменно отказался от первооткрывательства! — проговорил Аристокесян.

— Хорошо, — сказал Сидоров.

Тут вдруг в дверь вошел гастроэнтеролог Иванов.

— Еще одного черти принесли, — проговорил Семеонов.

— Ты что, и этому разболтал? — зло сверкнув глазами, спросил Аристокесян, глядя на Сидорова.

— Ну... а... я же не знал, что речь пойдет о первооткрытии...

— Тебе чего тут надо? — спросил Семеонов толстого гастроэнтеролога.

— Дорогие коллеги, — робко проговорил Иванов, — хочу вас поздравить с уникальным открытием. Сидоров и я только что...

— Только не надо врать, что ты тоже принял участие в обнаружении НЛО, — проговорил Семеонов.

— Что значит «врать»? — обиженно проговорил Иванов, поправляя левой рукой очки.

— Проваливай отсюда, толстяк, здесь тебе ничего не обломится! — сказал Аристокесян.

— Да что вы такое говорите, Карен Шавлович, — проговорил Иванов, — мне, как человеку порядочному, довольно обидно слышать такие вещи.

— Ну и дурак же ты, Сидоров, — сказал Семеонов.

— Если на то пошло, я бы мог и тебе не рассказывать! — парировал тот.

— Я, Карен Шавлович, — продолжал меж тем Иванов, — принял активнейшее участие в обнаружении неизведанной прежде болезни и постановке диагноза! Я, если хотите знать, уже даже рецепт пациенту выписал!

— Какой рецепт, Иванов, что ты мелешь? — покраснел от ярости Аристокесян.

— Я прописал ему геркулесовые каши, чтобы смазать поверхность летающей тарелки.

— Чего? — переспросил Семеонов.

— Смазать поверхность летающей тарелки, чтобы она не царапала своим металлическим корпусом желудок. А еще бананы! — невозмутимо проговорил Иванов. — И оmez.

— Ну конечно, без оmeза вы, гастроэнтерологи, никуда! — ухмыльнулся Семеонов.

— Больше ты никому не успел разболтать? — спросил Аристокесян, глядя на Сидорова.

— Только специалисту УЗИ, — сказал тот.

— Понятно... короче, сколько ты хочешь, Иванов? — спросил заведующий отделением. — Как ты понимаешь, право первооткрывателя останется за мной.

— А право первой операции — за мной, — сказал Семеонов.

— А право премии в размере оклада — за мной, — добавил Сидоров, чтобы не отставать от коллег.

— Ну, тогда мне бы хотелось хотя бы тыщ двадцать, — сказал Иванов, почесав правой рукой толстый живот.

— По рукам, — сказал Аристокесян.

— Кхм, кхм, — раздалось вдруг в палате.

Все резко оглянулись и посмотрели на издавшего эти звуки Кулехина.

— В чем дело? — спросил Аристокесян.

— Ну, мне бы это, как его, — проговорил Кулехин, — я ведь, это, тоже, как бы, право имею.

— На что это? — строго спросил Аристокесян.

— Ну, на НЛО это. Оно ведь вроде как бы, это, мое получается.

— Чего? — переспросил Семеонов.

— Ну, желудок мой, значит — и НЛО тоже мое! — осмелел Кулехин. — А потому, хочу за него сорок пять тысяч... долларов!

— Ты что, пилюль местных переел? — рассердился Аристокесян.

— Оmeза, не иначе, — усмехнулся Сидоров, поглядывая на Иванова.

— Ну, как хотите, — проговорил Кулехин, — тогда продам права первооткрытия другой больнице!

— Ах ты, скотина, — сорвался наконец Аристокесян, прыгая на Кулехина и начиная его душить, — я тебе дам! Продаст он! Мое, честно обнаруженное!

— Бейте его, Карен Шавлович, — приговаривал Сидоров. — Так его, дезертира!

— Лучше всего в живот, в живот, братцы! — кричал гастроэнтеролог. — Живот — особенно уязвимая часть тела.

— Я ему сейчас ноги оторву, паразиту! — схватил Семеонов Кулехина за ноги.

— Бей его, Семеонов, так его, предателя! — приговаривал Сидоров.

— Да все вы не так делаете! — сказал Иванов. — Я же говорю, в живот его надо!

Он подошел к Кулехину и ударил его в живот левой рукой.

В ту же секунду в животе у Кулехина что-то зазвенело, потом он громко ойкнул и выплюнул маленькую летающую тарелку. Тарелка сразу же увеличилась в размерах и ударила электрическим разрядом всех, кроме Кулехина.

Аристокесян, Семеонов, Сидоров и Иванов в одно мгновение превратились в прах.

Летающая тарелка секунд двадцать повисела в воздухе, а затем, разбив окно, вылетела на улицу и поднялась в небо.

Кулехин сидел на кровати и молча глядел на разбитое окно. Потом перевел взгляд на оставшийся от врачей пепел.

— Да уж, похоже, больничного мне теперь не видать, — мрачно проговорил он.

Быстро обувшись, Кулехин выбежал из палаты.

— Куда вы? — спросила его хорошенькая медсестра Лизонька.

— На работу, пока не уволили! — на бегу пропыхтел Кулехин.

Харакири для возлюбленной

Она принесла мне набор японских ножей и сказала, что если я ее понастоящему люблю, то должен совершить харакири. Я просто обалдел! Я и прежде считал, что у нее бывают заскоки, но такого не ожидал.

— Как ты не понимаешь? — продолжала она. — Когда ты совершишь харакири, ты не умрешь, я тебя оживлю. Я изучала древнюю китайскую магию и смогу тебя воскресить.

Я изучал дзэн, но все равно не мог реагировать на ее слова спокойно. Хотелось либо рассмеяться, либо заплакать.

— Ты совсем меня не любишь, — грустно сказала она, вертя в своих, еще секунду назад безобидных ручках один из острых японских ножи-ков. — Не даешь мне реализоваться как личности.

Я смотрел на нее, и никак не мог понять, шутит она или нет.

— Это совсем не больно! — она провела ножом по моей ладони.

Капля алой, как вишня, крови упала на пол. Упала в форме Инь-Ян.

— Ты что, сдурела?!! — вскрикнул я, отдергивая руку.

— Я бы и сама могла совершить харакири, но ведь ты не изучал древней китайской магии и не сможешь вернуть меня к жизни...

Я задумался о том, как могло получиться, что я встречался с этой девушкой уже одиннадцать месяцев. Ответа было два:

1. Она необычайно красива

2. Она отлично разбирается в элитарном кино.

Сейчас оба ответа казались мне неубедительными. Рука с ножом снова оказалась слишком близко. Я поспешил отойти в сторону.

— Какой ты нудный, — она отбросила нож на чайный столик и устало упала в кресло.

— Я все еще продолжаю надеяться на то, что это всего лишь глупая шутка, — проговорил я.

Она печально вздохнула и закатила свои прелестные глазки. Черт, ну почему у красивых девушек всегда что-то не в порядке с головой?

Тем временем она встала, подошла к бару, достала оттуда бутылку текилы, и, налив себе в бокал этой кактусовой гадости, залпом ее выпила.

— Вкусно? — спросил я сквозь зубы.

— Ничего... — она улыбнулась. — Ты все еще на меня злишься?

— Согласись, предложение твое звучит просто безумно.

— Безумно... Как же ты любишь это слово! Пойми, это не безумно, это весело и... романтично.

Я скептически улыбнулся.

— Ты классный парень, но у тебя есть один большой недостаток.

— Я всегда просыпаюсь позже тебя?

— Ты всегдаходишь от возможности поэкспериментировать.

— Черт, да о чем ты говоришь?!! Какой эксперимент?!! Ты ведь, по сути, предлагаешь мне покончить с собой!

— Значит, ты не веришь в мои колдовские способности?

Я громко послал весь мир к чертям и сказал ей, что ухожу.

Внезапно в дверь ввалился Артем, наш общий приятель, и, по совместительству, мой лучший друг. Я уже и забыл, что попросил его зайти.

— Что такие хмурые? — спросил он.

Моя сумасшедшая возлюбленная рассказала ему о своей проблеме.

— Старик, — Артем посмотрел на меня с удивлением, — неужели ты откажешь своей любимой девушке в таком пустяке?

— Что? Ты шутишь?

Я рассмеялся.

— Ничуть! Я сам видел, как она покупала книги о Лао-Цзы и что-то еще по китайской философии...

— Ну, хватит...

— По-моему, ты поступаешь просто не по-джентльменски.

— То есть ты считаешь, что я должен себя зарезать, да? — я уже не говорил, а нервно и громко кричал.

— Я считаю, что как истинный мужчина, ты должен совершить ради своей возлюбленной тот подвиг, о котором она тебя просит.

— Максимум, на что я согласен, это помыть посуду! — усмехнулся я.

— Неужели ты совсем не веришь?! — спросила меня возлюбленная, срывающимся от слез голосом.

Внезапно раздался звонок в дверь. Я, воспользовавшись возможностью улизнуть от двух психов, пошел открывать. На пороге стоял дядя Митя. Дядя Митя был нашим соседом, работал на стройке и всегда находился в состоянии легкого похмелья.

— Шо вы разорались на ночь глядя? — спросил он, дыша на меня водочным перегаром.

— Да так...

Тут он увидел слезы на глазах моей дамы и посчитал, что его долг войти и во всем разобраться. Я не стал ему мешать. По сути, я был даже рад неожиданному союзнику в этой сумасшедшей компании.

Дядя Митя шатаясь, подошел к моей «колдунье» и спросил:

— Кто ж тебя, лапонька, обидел?

Меня удивила ее реакция. Она все ему рассказала.

— Сосед! — новоприбывший посмотрел на меня взглядом а-ля «Ты меня уважаешь?» и продолжил. — Ты ж мужик? Мужик! А енто что значит? А енто значит, что должен выполнять желание женщины! Бери свой нож, и делай, шо тебе говорят, а мы тебя потом воскресим. Если чего, то у меня в квартире йод и зеленка есть.

Артем покровительственно протянул мне похожий на меч кинжал. Я молча вертел его в руках, не зная, как выпутаться из этой чертовой ситуации.

Снова раздался звонок в дверь.

— Я открою, — сказал Артем.

На сей раз к нам пришли соседи снизу — две девочки лет четырнадцати, похожие друг на друга, как две капли воды. Выяснилось, что мы их немного затопили. Я, спохватившись, побежал выключать в ванной воду. Мне показалось, что пролилось не так уж и много...

— Ух, ты! Как тут у вас интересно! — хором сказали девочки, взглянув на красивый клинок в моих руках и на странный китайско-шаманский наряд моей возлюбленной.

— Вот этот молодой человек решил ради своей любимой девушки совершить харакири, — сказал Артем, указывая на меня пальцем.

— Мой сосед! — с гордостью проговорил дядя Митя.

— Но он же погибнет... — с сомнением в голосе произнесла одна из девочек.

— Не волнуйся, милая, — сказала моя возлюбленная, — я волшебница, я изучала древнюю китайскую магию и смогу его оживить.

— Ух ты, как здорово! — в один голос воскликнули девочки. — А можно нам остаться посмотреть?

— Конечно! — ответила моя возлюбленная.

— Смотри сосед, не посрами, — сказал дядя Митя, похлопав меня по плечу.

— Между прочим, я его лучший друг, — отрекомендовался в это время девочкам-соседкам Артем.

— Наверное, приятно дружить с таким смелым человеком? — спросила одна из девочек.

— Еще бы! — сказал Артем.

В тот же миг все взгляды устремились на меня. Я вспоминал все матерные слова, которые знал, чтобы высказать их все сразу собравшимся сумасшедшим.

Неожиданно кто-то снова позвонил в нашу чертову дверь.

Артем пошел открывать.

На пороге стоял бородатый мужчина с видеочамерой и молодая симпатичная девушка.

— Скажите, это у вас уже три года зимой батареи не топят? — спросила она.

— Нет! — крикнул я из середины комнаты.

— Значит, мы не в тот дом вошли! — печальным голосом произнесла новоприбывшая.

— Скорее всего, корпусом ошиблись, — предположил дядя Митя.

— А это какой? — спросила девушка, оказавшаяся журналисткой.

— Первый, — ответил я.

— А нам второй нужен, — пробормотал мужчина.

— Снимать, что ли, будете? — спросил Артем.

— Да, передачу о том, как плохо живет наш согражданин. Представьте себе, три года не топят! — сказала журналистка.

— Я бы таких расстреливал, — проворчал дядя Митя.

И все почему-то согласно закивали. Все, кроме меня. Я снова почувствовал себя не в своей тарелке.

— А у нас тут шоу покруче будет! — подали голос девочки-соседки, которые, по всей видимости, умели разговаривать только вдвоем.

— Да ну?! — журналистка сразу оживилась.

— Вот этот молодой человек, желая продемонстрировать миру, что на свете еще существует настоящая любовь, решил совершить ради своей возлюбленной хакакири.

— А потом я его оживлю, — как бы между прочим, вставила моя возлюбленная.

— Но это же просто чудесно! — воскликнула журналистка. — Мы просто обязаны заснять это на камеру! Это так романтично!

Она окинула меня восхищенным взглядом:

— Знаете что, молодой человек, вы настоящий рыцарь! Как бы я хотела, чтобы и ради меня тоже кто-нибудь совершил хакакири!

«Совсем бабы дурили», — пронеслось у меня в голове.

— А что, если мы завтра сделаем прямой эфир? Народ должен видеть своих героев! Пусть мужчинам станет стыдно, что они не способны ради любви на такой подвиг, как вы! — она с благоговением взглянула мне в глаза.

— Да идите вы все к черту, — заикаясь, проговорил я.

Благоговение сменилось недоумением.

— Он стесняется, — пришел мне на «выручку» Артем. — Ведь он задумывал все это как бескорыстный поступок ради любви. А теперь прямая трансляция...

— Вы стесняетесь? — журналистка так странно улыбнулась, что мне показалось, будто бы она предлагает на ней жениться.

Тут в дверь вошли мои родители.

«Спасение! — пронеслось у меня в голове. — Теперь все будет в порядке».

— Что здесь происходит? — сурово спросил отец, осматривая собравшихся.

— Ах, вы — родители этого юного героя?! — воскликнула журналистка, и подошла к отцу, крепко его обняла.

— Поздравляю тебя с таким сыном, сосед! — сказал дядя Митя, целуя отца в щеку.

Артем просто расплакался на радостях. А девочки-соседки позвали к нам своих знакомых.

В квартиру набивались все новые и новые люди. Узнавая причину столь позднего сбора, они все приходили в восторг, хвалили моего отца за то, что воспитал такого геройского сына, истинного рыцаря и джентльмена, и не переставали восхищаться моим мужеством, моей верой в любовь и верой в любимую. Вскоре комплименты подействовали как надо, и мои родители... благословили затею с глубочайшей радостью.

Было два ночи. Народ все прибывал и прибывал. Я не знаю, откуда он брался. Мне было все равно. Все целовали, хвалили, обнимали меня. Кто-то даже изъявил желание со мной сфотографироваться, «пока я еще живой». Со всех сторон доносились комплименты и восторженные замечания. Моя возлюбленная расстелила в спальне постель и, раздевшись, ждала, когда гости уйдут, и мы останемся с ней одни. Сегодня ей очень хотелось «побыть со мной». Сегодня она сильно меня любила.

Я стоял среди толпы сумасшедших, сжимая в руках изящный японский нож. Все вокруг шумело и двигалось, но для меня все замерло и стало подобным сну. Я не мог понять абсурдности происходящего. Как это могло случиться? Что вообще случилось? Весь мир за несколько минут встал с ног на голову. Все разумное с улыбкой щеголя нацепило себе на тело смирительную рубашку. Неужели я — единственный здравомыслящий человек в этой квартире, в этом доме, в этой стране, в мире?

— Не забудь, завтра прямой эфир! — сказала мне на ухо журналистка Анжела, и, легко поцеловав в губы на прощание, отправилась в постель к моей возлюбленной.

Я в течение долгих, бесконечно-долгих микросекунд рассматривал блестящий в моих руках нож. Гладкий и острый. Он начинал нравиться мне все больше.

Весело усмехнувшись, я широко раскрыл глаза и с размаха ударил длинным, как меч, ножом себе прямо в солнечное сплетение.

Критика

Золотая осень поэзии в Санкт-Петербурге

Не только хроника событий

20 сентября 2012 года

Закончилось лето, вернулись поэты, и бурно взметнулись в Петербурге поэтические волны. Раньше встречи поэтов проходили в обычном трамвае, который двигался по рельсам, а собравшиеся поэты читали там свои стихи. Вместо трамваев появились комфортабельные теплоходы, даже с буфетом. Почему бы и не почитать стихи над невскими волнами? Это так романтично! А тут явился и прекрасный повод — юбилей Центра современной литературы и книги на набережной Макарова, которому исполнилось 15 лет, где регулярно проводятся поэтические вечера, творческие встречи и юбилеи петербургских мастеров пера. Впрочем, иногда и заезжие гости появляются на сцене этого зала. Итак, руководитель ЦСЛК Дмитрий Каралис (Союз писателей Санкт-Петербурга) в единении с Алексеем Ахматовым (Санкт-Петербургское отделение Союза писателей России) — руководителем ЛИТО «Молодой Петербург» — решили отметить юбилей турниром поэтов с многообещающим названием «Избиение поэтов».

20 сентября, к назначенному времени пииты разных возрастов от грудного (одиннадцатимесячный младенец сосредоточенно сосал соску на руках у молодой женщины) до Галины Гампер, внесенной на руках почитателей, и почти всех ЛИТО и творческих союзов СПб, включая «Театр поэтов» Владимира Антипенко, ЛИТО «ПИИТЕР», представителей областных ЛИТО, публикующиеся на страницах «Невского альманаха» и молодёжные группы постмодернистов, в прекрасный солнечный день собрались на Университетской набережной, чтобы, покачиваясь на волнах невской поэзии, принять участие в турнире. Предполагалось соревнование двух квинтетов с выбором лучшего поэта жанра: авангардистов и поэтов традиционалистов.

Турнир поэтов должен был дать ответ на вопрос, к какому же берегу должна плыть современная поэзия, а высокопрофессиональное жюри

выбрать в каждой пятерке лидера. В состав жюри, которое возглавил Алексей Ахматов, входили эксперты: от традиционалистов — Е. Каминский и А. Леонтьев, а от постмодернистов Е. Лукин и В. Бауэр. Над ними возвышалась фигура «эксперта над экспертами» — Б. В. Аверина, профессора филологического факультета СПбГУ. Тем не менее, даже столь высокопрофессиональному жюри должны были помогать голоса зрителей... А тут, увы!, вступали в силу не объективные реалии, а интересы «стаи», простите, тусовки. Но объективность решения жюри в конкурсах — это утопия. И если жюри признало победителем в поэтическом конкурсе постмодернистов Евгения Макарова (Мартына Балалая Питерского), то это его право, хотя, с моей точки зрения, его театр одного актёра, который Г. Муриков охарактеризовал как «... звуко-символизм», которому поэт придаёт «... особое терапевтическое воздействие на человеческую психику», к поэзии постмодерна имеет такое же отношение, как бузина к киевскому дядьке. Я отнюдь не хочу умалить тем самым его поэтическое творчество, где часто сыплется искромётный юмор, тем паче, что победителей не судят, но la noblesse oblige — положение обязывает — соблюдать законы жанра всё-таки надо и жюри.

В соревновании поэтов классического стиля скрестились шпаги творческой мастерской недавно умершего Юрия Шестакова, которую представляла член Союза писателей России с 1999 г. «энергетическая поэтесса» Екатерина Кульбуш, и поэтов «Молодого Петербурга»: как уже вошедший на почетный олимп членов СПР — Алексей Лебедев, так и только стоящий у заветной входной двери — Максим Грановский. Эта тройка сразу заняла призовые три места в «классическом» квинтете. Жюри, в котором не было ни одной представительницы слабого пола, галантно отдало свои голоса единственной женщине из соревнующегося квинтета — Е. Кульбуш. Ан не тут-то было. Вмешалась, вспомнив события на Болотной площади, группа поддержки Максима из тусовки «младопетербуржцев». А поскольку эта группа на правах организаторов действия была одной из самых многочисленных, то над невской водой взмыла вверх зелёная волна (зелёная не в смысле вихря баксов, а из-за зеленого цвета карточек для голосования). Толерантное жюри дрогнуло и присоединило голоса зрителей к голосам членов жюри. Но как отказаться от принятого уже решения? В классической поэзии победителями становятся и Кульбуш, и Грановский.

«Нет правды на земле, но правды нет и выше», — вспомнила я великого классика русской поэзии. На мой взгляд, вне конкуренции был Алексей Лебедев, стихи которого возвышались над творчеством других

участников турнира так же, как капитанская рубка над пассажирским салоном. Но главная цель была достигнута: бунт на корабле был *толерантно* подавлен, и «избиение» поэтов должно было перейти к следующему этапу — «напоения» поэтов, как вдруг...

«Человек за бортом!», — объявил в микрофон Алексей Ахматов. Нет, это была не шутка. Не ставший победителем в квинтете постмодернистов самый юный участник Петр Орлов решил обмыть нанесенные «избиением» раны в невских холодных водах. За ним, сбросив кожаную куртку и туфли на шпильках, в пучину невских вод ринулась его поклонница или единомышленница. Теплоход развернулся, проходивший мимо «Метеор» тоже изменил свой курс, пытаясь спасти пловцов, корабли причалили к берегу, спасатели побежали искать «утопленников». Но куда там, они ускользнули от погони, вылезли на каком-то полуострове и скрылись в зарослях кустарника. Дионисийское продолжение турнира как-то смазлось этим экстримом. У открытого микрофона кто-то попытался читать стихи, зазвучало народное творчество ЛИТО из Приозерска под баян, но внимание слушателей рассеивалось между этим происшествием и желанием погасить стресс одной-двумя стопками. Теплоход, набирая скорость, летел к причалу Университетской набережной.

А что до ответа на поставленный вопрос, то мнение было единодушным: и та и другая ветвь поэзии имеет право на жизнь. А впереди была еще большая программа встреч с поэтами в рамках фестиваля «Полилог».

28 сентября 2012 года

В Книжной лавке писателя состоялась встреча с бывшим обозревателем «Литературной газеты» журналистом и поэтом Борисом Ивановичем Лукиным. Он посетил Санкт-Петербург с тем, чтобы представить свой самостоятельный проект — очередной выпуск антологии «Наше время». В свет вышел уже третий том антологии, в которой приведены краткие биографии и примеры творчества писателей, названных составителем антологии «шестидесятниками».

Во вступительном слове Борис Лукин рассказал о том, что во время его работы обозревателем «Литературной газеты» он, знакомясь с присылаемыми в газету стихами и прозой, увидел, как много талантливых, вполне сложившихся писателей в нашей стране. Они пишут, иногда издают небольшими тиражами книги «по месту жительства» и ... совершенно неизвестны широкой читательской массе. И вот, чтобы восстановить справедливость и в расчете на будущих историков литературы, преподавателей и студентов филологических факультетов, которые — в словах

составителя прозвучала надежда — будут изучать литературу «шестидесятников», Борис Лукин решил выпускать антологию произведений «шестидесятников» и *бесплатно* рассылать её по вузам и библиотекам страны. Что можно сказать? Только выразить восхищение гражданским подвигом «шестидесятника» Бориса Лукина, который не только сформулировал проект, но и осуществил его. Некоммерческий проект требовал немалых финансовых вложений. И снова Борис Лукин находит решение. Он скромно упомянул о том, что вовремя вспомнил о своем сокурснике по Литературному институту, который достиг определенного положения, но не в литературе, а в бизнесе, с которым журналист и обсудил этот проект. Повезло! Поэт и финансист поддержал идею не только идеологически, но и финансово. Не буду, в отличие от Б. Лукина скрывать имя спонсора — страна и будущие историки литературы должны знать подлинных защитников культуры. Некоммерческий проект с бесплатным распространением и тиражом 2000 экз., (если верить выходным данным 3-ьего выпуска) требует немалой суммы финансовых вложений. Два издательства включились в этот проект: Литературного института и журнала «Юность». А если к этому добавить ещё многочисленные презентации в различных городах России от Владивостока до Смоленска, то... хочется снять шляпу перед организационным талантом Бориса Лукина и пожелать ему всесторонних успехов в деле увековечения творчества «шестидесятников». Пришла пора назвать имя спонсора, портрет которого украшает в числе прочих поэтов обложку третьего выпуска антологии. Это банкир и известный спонсор ряда литературных проектов и премий — Дмитрий Александрович Мизгулин.

А теперь вернёмся к «шестидесятникам». Вообще в литературоведении шестидесятниками XX века (были шестидесятники и XIX века) называют тех писателей, которые заявили о себе в литературе во время хрущёвской оттепели. И, естественно, это был один из первых недоуменных вопросов к Борису Лукину. Вопрос оказался традиционным. Последовал ответ, что шестидесятниками составитель антологии называет своё поколение, тех, кто родились в десятилетие с 1960 по 1970 год, то есть поколение теперешних сорокалетних. В заключительной статье к 1-му тому Игорь Михайлов, главный редактор «Юности», выразил уверенность в том, что это поколение состоялось. Будем надеяться, что это так, хотя, честно говоря, взглянув на обложку 3-ьего выпуска, я узнала из 32 фотографий, только Лидию Сычеву, Дмитрия Мизгулина и Николая Зиновьева. Фотографии последнего часто появлялись в «Литературной России» из-за скандала (дискуссией это было трудно назвать из-за лек-

сики и аргументации, используемой защитниками поэта из г. Кореневска), вызванной статьёй В. Шемшученко о его творчестве и вопросом, заданным редакцией: он гений или нет. Но теперь, благодаря вышедшим трем томам антологии, всех литераторов поколения сорокалетних будем узнавать в лицо.

Второй, не менее интересный аспект проблемы, — это принцип отбора избранных авторов в антологию. Борис Лукин сообщил, что он сам как составитель производит отбор зерен от плевел. Но у него много корреспондентов по всей России, которые присылают ему информацию о местной литературной жизни, изданные книги авторов. А он уже как составитель делает выбор, определяя, достоин ли автор войти в антологию для изучения будущими историками литературы или останется в безвестности. Антология — это, конечно, не библиографический справочник, который должен представить с максимальной полнотой весь литературный процесс региона или страны, так что... Хотя вопросы, конечно, остаются. Читатель настоящего дня и будущий литературовед отнюдь не всегда может согласиться с оценкой составителя.

Борис Лукин отметил также, что, благодаря выходу первых двух томов антологии, уже нескольким поэтам, ушедшим из жизни, на родине поставили памятники. Вот ещё один положительный аспект программы — сохранение памяти о деятелях культуры на родине.

Следует также отметить, что составитель антологии не забыл о прознесенном на I-ом съезде писателей СССР сталинском лозунге о создании национальных литератур: в первый том антологии включены стихи северных народов как написанные на русском языке, так и в переводах с национальных языков на русский. Поскольку многие переводы сделаны самим составителем, хотелось бы уточнить у него, как и у других переводчиков стихов, метод работы: авторы перевода владеют языками северных народов или работают с подстрочником, так сказать, по мотивам стиха, оставляя в стороне его фонетическое звучание. Впрочем, увидев на титуле антологии надпись: «Литературный фонд «Дорога жизни» и вспомнив Дмитрия Мизгулина, одного из персоналий антологии, поэта и президента «Ханты-Мансийского банка», основателя премии «Югра», думаю, что решения I-го съезда писателей СССР вряд ли сыграли большую роль в выборе этого направления антологии. Другие времена, другие лица.

В рамках хроникального репортажа вряд ли можно дать развернутую картину литературного процесса, аналитический разбор творчества поколения «сорокалетних». Я полистала первый том антологии, посвящен-

ный стихам тридцати трёх (уж не возраст ли Иисуса Христа ограничил выбор числа авторов?) авторов «от Москвы до самых до окраин...», посмотрела стихи третьего тома (во второй том вошли только прозаики). Поколение, брошенное «мэтрами», вышедшее в «люди» в переломные трагические 90-е годы прошлого века, что же оно хотело и хочет донести людям, какой след оставить в жизни России? Увы! Революционных бурь не видно, взгляды в прошлое авторам малодоступны — детские годы совпали с трудностями «развитого социализма». Бытописание, и благословение теперь уже официальной православной идеологии, — последняя тема расцвела пышным цветом не только в стихах, но порой и в автобиографиях. «Жизнь всегда вела через испытания, которые Господь посылал в наушение», — так пишет о себе составитель Борис Лукин. Или:

С Богом все пути открыты...
 Заплутал — Господь не выдал
 И не свёл с ума. (...)
 Вроде бы прощать не гоже,
 Но и враг с крестом...

А если враг не с крестом, а с полумесяцем, например, как тогда? Но поэты поколения сорокалетних стараются уйти от социальных проблем кто куда. Андрей Расторгуев (Екатеринбург) возлагает надежды на слёзы Божьей матери:

Так в земле моей и водится
 С Покрова до Покрова,
 Пока плачет Богородица,
 Моя Родина жива.

Москвичка Е. В. Исаева, ностальгически вздыхая о великой княгине Елизавете Федоровне и ушедшей монархии, видит свой путь в том же направлении:

Куда идти в России, как не к Богу,
 Во все другие стороны — обрыв.

А ведь русский народ в своей вековой мудрости тоже обращался к богу: бог не выдаст, свинья не съест. Так что же случилось с всемогущим? Выдал-таки Россию на съедение бандитско-олигархической своре? А потерянно-растерянное поколение сорокалетних занято не поисками путей выхода из тупика, не ищет путей к прогрессу, а стремится к средневеко-

вой мгле и мракобесию, считая это «духовной стезей»? И только иногда замечает, как орловский поэт, незасеянные поля в Черноземье и общий упадок. Правда, в его стихотворении «Родина» вроде бы звучит призыв найти выход:

Дойдѣшь до чѣрного столба,
Сверни направо.
Твоя здесь скорбная судьба,
Твоя держава.

Но почему же всё-таки направо? Почему не налево? Ведь всегда левый край — это символ революционности и прогресса, а правый — реакции. Поколение сорокалетних не помнит «Левый марш»? Или сознательно уходит от него в бытописание, якобы патриотического толка. Нина Обрезкова из Сыктывкара представлена в антологии вот таким «шедевром», который я привожу полностью:

Есть мужчины, которым рожаешь детей.
Есть — которым стихи.

Не правда ли, какой взлёт философской мысли?! Не говоря уже о том, стихи ли это? Или вот ещё:

Бабушка, покажи мне
Свои грибные места.
Бабушка, покажи мне
Свои ягодные места.

Слава богу, что в этой автопародии поэтесса остановилась только на ягодных (хорошо, что не ягодичных) местах бабушки и не вспомнила о сером волке и Красной шапочке.

Самоуничтожение, свойственное рабам божьим, звучит и в стихотворении Т.А. Кановой из села Кольель в Республике Коми:

Мне ли промолвить дано несказанное?
Мне ли обещано Богом нетленное?
Кто я такая, усталая, странная,
Чтобы заглядывать во Вселенную?

Ну, что до несказанного, то о нем, «синем» и «нежном» ещё в начале прошлого века все сказал Сергей Есенин. А вот на вопрос: «кто я такая» — ответ дан в автобиографии — учительница математики. О визите к ней, чуть ли не захлебываясь от восторга (так мало свойственного москвичам

при визитах в провинцию), рассказывал на встрече Борис Лукин. Она вышла их встречать с топором в руках, но не для самообороны, а потому что дров нужно было наколоть! Какая оригинальная мизансцена!

А вот мне после почтения стихов учительницы стало грустно: это ли «сеятель знания на ниву народную»? Но, может быть, профессиональные знания в области математики выше её стихов и «философских» раздумий о жизни в жанре «стихи». Хотелось бы надеяться.

Правда, поэты антологии находят и другой выход в этой жизни. Александр Борисович Ромахов, поэт из Воронежской области (1961–2007 гг):

Не верую в Бога и в чудо,
 Но верую, верую в Русь!
 Я верую в память потомков,
 В их бережность, что ли...
 И в грусть —
 Когда, бестолково всё скомкав,
 Возьму — да и просто
 сопьюсь.

Или:

Бытие в дырах снов залатаю —
 В перемать — гнилью прежних дорог..
 Вот как, значит, оно, помирают
 От тоски — кто от водки не смог!

Если отбросить непонятное «оно» (бытие?) в предпоследнем стихе, то встаёт вся жизнь не только сельского поэта с взглядом, «потухшим с хмельного прогара», но и драматическая жизнь спивающегося народа. Сильные стихотворения! Но какой знакомый мотив: «... Тот трюм был русским кабаком,/ И я склонился над стаканом,/ Чтоб, не жалея ни о ком,/ Себя сгубить в угаре пьяном».

Естественно, что, как нельзя объять необъятное, так и трудно ожидать в антологии стихов одного уровня. Наряду с настоящими стихами А. Ахматова, Е. Полянской, некоторыми стихами Н. Зиновьева и А. Рассторгуева вдруг видишь подлинные «шедевры» безграмотной с точки зрения русского языка и смысла графомании. Москвич В. В. Пуханов представлен в антологии, в частности, таким стихотворением:

Во глубине времен бесовских
 Я прятался в штанах отцовских.
 Он в них на фронт пешком *ходил*,
 В них Сталина *похоронил*.

Приходится только посочувствовать Иосифу Виссарионовичу в его бескорыстии (в отличие от власть-имущих рыночной России): у вождя всех времен и народов, оказывается, был только китель, а вот штаны ему отдал отец лирического героя В. В. Пуханова (читай — отец самого поэта).

Впрочем, от листания страниц антологии пора мне вернуться к действию на её презентации. А тут уже лились потоки стихов тех избранных представителей поколения сорокалетних, которым посчастливилось стать персоналиями антологии Бориса Лукина. Свои стихи читали Е. Полянская и Е. Родченкова, А. Расторгуев и А. Ахматов, а Борис Лукин познакомил присутствующих не только со своими стихами, но и со стихами А. Ромахова.

Презентация состоялась, проект был принят слушателями с интересом и с удовлетворением от уверенности составителя антологии, что работа будет продолжаться, будут выходить следующие тома, будут появляться все новые имена поэтов и прозаиков, будут сделаны новые открытия. Борис Лукин заверил присутствующих, что он продолжит этот проект даже в том случае, если вдруг кризис коснется его спонсора. Но он всё равно его продолжит, найдутся другие желающие вложить свои средства в этот благородный проект. Удачи, Борис!

Ну, а что касается вклада «шестидесятников», простите, поколения сорокалетних, в отечественную литературу, то, будем надеяться, критики скажут своё веское слово уже сейчас. Думаю, что им будет, что сказать!

А впереди ещё были встречи и встречи...

29 сентября 2012 года.

В полдень в Центре современной литературы и книги на набережной Макарова состоялось открытие фестиваля «Полилог» и представление участников. Хозяин ЦСЛК Дмитрий Каралис приветствовал участников, пожелал им интересных встреч и творческих удач и передал микрофон Роману Круглову, редактору «Молодого Петербурга», и Татьяне Богатыревой, которые выступили в роли ведущих фестиваля в последующие дни. Фестиваль, как это принято сейчас подчеркивать, уже обрел статус международного, поскольку были представители русскоязычных изданий не только из России, но и из бывших союзных республик, обретших государственный статус — Беларуси и Молдове. Речь шла о судьбе русскоязычных писателей и журналов, о контактах с литературными журналами России.

Глеб Арханов (псевдоним Алексеева Юрия Игоревича), член редколлегии журнала «Литературная Немига», заместитель главы Пред-

ставительства русских писателей Беларуси при Санкт-Петербургском городском отделении Союза писателей России, член Союзов писателей России и Беларуси, говорил о ситуации в родственной славянской стране — Республике Беларусь, где большинство читающего населения русскоязычны. В то же время в молодой республике выходит около трёхсот печатных изданий на белорусском языке и только один журнал — упомянутая «Литературная Немига» — на русском языке. Конечно, такая ситуация с русским языком не может радовать не только писателей, но и большинство жителей страны. Он рассказал также о представительстве белорусских писателей в Петербурге, где их 25 человек, о создании совместного писательского союза между Россией и Беларусью, а в заключение выступления почтал свои стихи. Как и многие современные поэты, Глеб Арханов обращает свои взоры к религии. Цитирую фрагмент одного из его стихотворений:

Мы — за стенами, как все оглашенные,
 Мы равнодушны, мы немые и глухи.
 Мы — оглушенные, мы — отрешенные.
 Если и ждем, то костлявой старухи.

Братцы, уважьте, и душу уставшую
 Вы окуните в сияние светов.
 Братья! Услышите мольбу просиявшую —
 Речь монастырскую русских поэтов.

Речь русских поэтов Беларуси была услышана не только присутствующими. Стихи Глеба Арханова доступны петербуржцам: совсем недавно вышла в НППЛ «Родные просторы» его книга «Зеркальный ковчег», не говоря уже об Интернете.

О проблемах русскоязычных писателей говорил и поэт из Молдовы Сергей Пагын. Там поднялась очередная волна национализма, активно идут процессы румынизации языка (по данным на 2004 год в стране живут 5,9% русских), а в Союзе писателей Молдовы нет ни одного русского. И всё же... Русскоязычные писатели живут и выживают. В качестве большого достижения С. Пагын отметил выпуск в 2001 году справочника «Русская литература Молдовы в конце XIX — начале XXI века». Один раз в три месяца выходит на русском языке журнал «Русское поле» (главный редактор Олеся Рудягина), который финансово поддерживают Посольство Российской Федерации в РМ, Российский Центр Науки и Культуры и Конгресс русских общин РМ. И, конечно, Интернет стирает границы,

дает возможность читателям ознакомиться с литературным творчеством русскоязычных поэтов бывших союзных республик, разбросанных ныне по разным национальным государствам. Что касается судьбы самого Сергея Пагына, то она, прямо скажем, сложилась весьма удачно: член редколлегии журнала, лауреат двух российских премий — «Молодого Петербурга» и премии им. Николая Гумилёва — «Заблудившийся трамвай», на его стихи написаны песни: «Нам по вере воздастся...», «К сорока у Бога просишь спокойных снов...».

А затем Сергей Пагын прочитал стихи о «неизреченном и исповедимом мире», о свече, которая «защёлкает в руках». Обратив внимание на духовную (в смысле «божественную») направленность его стихов, обратилась к поиску в Интернете. Что есть, то есть. Вот одно из типичных стихотворений:

Моя душа пустячное любила:
в продольных трещинах хозяйственное мыло,
оставленное кем-то на полу,
на верстаке светящуюся стружку,
щербатую, надтреснутую кружку
с чайнками, прилипшими ко дну.
Родство ли это, давнее желанье,
чтоб в замкнутой глубинке мирозданья,
где снег стоит, как в стьлой бане дым,
и день проходит меж ночами боком,
предельно личным, милосердным Богом
я так же был замечен и любим? (Курсив мой — Т.Л.)

Ну, что касается души, то её, как и родителей, не выбирают, какая уж досталась, с той и живешь: «пустячная», — так с пустячной, великая — так с великой. А вот то, что поэт любим «богом», — это не вызывает сомнений. Среди нескольких десятков поэтов «Русского поля» Молдовы он замечен, а не затерялся ли бы он на русских просторах России среди сотен тысяч других поэтов? Ответ на этот вопрос, думаю, должны дать читатели.

Д. Н. Каралис, связанный родственными корнями с Молдавией, вспомнил о юбилее: Молдавия была присоединена к России в 1812 году после русско-турецкой войны 1806–12 гг. Он вспомнил о поэте XVIII века Кантемире. Мне представляется, что его «сатиры» актуальны и сегодня, например:

Гордость, леность, богатство — мудрость одолело,
Невежество знание уж местом посело;
То под митрой гордится, в шитом платье ходит,
Оно за красным сукном судит, полки водит.
Наука ободрана, в доскутах обшита,
Из всех знатнейших домов с ругательством сбита.

Ну, чем не современная Россия, — подумалось мне.

Расцвет культуры во всех областях происходил в Молдавской ССР, когда появились, например, стихи Н. Савостина, возникла детская литература, создавались многочисленные музыкальные ансамбли. Нынешняя Молдова обязана России своим подъемом, но ее руководители не хотят этого признавать, даже попытались отменить День Победы на фашистской Германией и ввести траурный день Советской оккупации.

Деятели культуры Молдовы говорят о необходимости государственной поддержки культуры. Но, увы! А в постперестроечной России разве намного лучше? То же полное отсутствие бюджетной поддержки многих «толстых» журналов или совсем крошечная бюджетная подпитка, те же поиски спонсоров, та же очередь главных редакторов перед ними с протянутой рукой.

Кстати о спонсорах. Ведущие фестивалей перед каждым мероприятием, (а выступающие, как правило, начинали свои выступления с благодарности) называли имена спонсоров. Это Фонд финансовой поддержки и содействия развитию науки, культуры и искусства «Финансы и развитие». Во-первых, присоединяюсь к благодарностям: спасибо! Во-вторых, нужно назвать тех, кто болеет за отечественную, впрочем не только отечественную, но русскую литературу: это Дмитрий Мизгулин президент фонда «Дорога жизни» и Алексей Улюкаев — оба поэты, оба финансисты. Д. Мизгулин — президент Ханты-Мансийского банка, А. Улюкаев — первый заместитель председателя Центрального банка РФ. Прямо скажем, не слабо! Это благодаря им удалось организовать этот уже международный фестиваль, для участия в котором приехали главные редактора или их заместители и сотрудники журналов: «Юность», «Знамя» и «Дети Ра» (Москва), «Подъём» (Воронеж), «Урал» (Екатеринбург), «Аврора» и «На русских просторах», также собрались руководители и участники различных ЛИТО Петербурга и Ленинградской области. И все они рассказывали о своих журналах, представляли своих поэтов, читали свои стихи. Из петербургских журналов до фестиваля не снизошло, пожалуй, только руководство журнала «Звезда».

Владимир Коркунов, критик, выступающий на страницах «Знамени» и «Детей Ра» поделился волнующей его проблемой — мыслим ли мы как русские — и рассказал, поскольку он сам родом из г. Кимры Тамбовской области, о своей теме: региональные образы в литературе. Ну, что ж, неплохая тема о малой родине, думаю, что это направление следует приветствовать, в отличие от его стихов (осмелюсь выразить свое мнение). После выступления прозвучало вот это его стихотворение:

В законе, в разбуженном шорохе палой листвы,
потерялись твои шаги —

(даже тени закутались в кроны).

Там — машины на восемь рядов, здесь — на два.

Я считал до пяти,

а потом отвернул иконы.

И так тесно мне стало в этой пустой душе,

в оболочке подушной, которая пахнет тобою.

Я потом разучусь забывать о тебе. (Это гордость шуршит

По ночам, задевая опять за живое.) (...)

И как прелюдия

перед чем-то сложным (да нет — простым),

навевающим в душевной комнате паранойю,

Я уйду — где неслаженный веток ритм

Не дает увязаться с покоем.

Я буду спокоен.

Ну, что можно сказать? Поэт понимает, что его лирический герой грешит, обращаясь к любви земной от любви к богу. Есть такой православный обычай — перевернуть иконы к стене, если в комнате творится что-то грешное. Правда, его лирический герой «отвернул» иконы, а не перевернул. Посмотрим словарь В. И. Даль: «ОТВЕРТЫВАТЬ, отвернуть что, вертеть отпирая, открывая, вынимая; вертом, вертя освобождать». Что-то странное, действительно граничащее с паранойей, творится с героем стихотворения: он не только «отвернул» иконы, но ему «тесно» в «пустой душе» (Кому тесно? Уж не раздвоение ли личности? — Т.Л.), да ещё и в некой «подушной оболочке» («подушной» — это от подушки или от «подушного налога?») в «душной» комнате! Впечатляет, не правда ли? Столько вопросов и раздумий о судьбе поэта-критика рождает это небольшое стихотворение. Слава богу, финал оптимистичен: не суицид, не палата № 6 в каком-нибудь жёлтом доме, а *надежда* и даже *уверенность*, что лирический герой (читай — автор) *будет спокоен*. Так пожелаем ему

действительно спокойствия над Кимрскими региональными образами и при критическом осмыслении текстов представляемых им журналов.

От Москвы перенесемся на Урал. Андрей Расторгуев, член редколлегии журнала «Урал», поэт, журналист, публицист, бывший председатель Союза писателей Екатеринбургa порадовал своим выступлением: в Екатеринбургe создана «Ассоциация писателей Урала», которая распростерла свои крылья от Екатеринбургa до Коми на севере, до Волги на западе, до Кемерово и Алтая на юго-востоке. Судя по тому, что журнал «Урал» выходит регулярно, да ещё там целая страничка отдана «для ширяния» камчатскому критику Василию Ширяеву, с финансированием там всё в порядке, по-видимому, что-то каплет из бюджета сего Урала. Это позволяет литераторам не молчать, а высказывать свои мысли и чувства, поскольку «... человека от кита отличает даже немота». Не знаю, удастся ли уральским поэтам, подобно киту, гудеть в дыхало или их голос не так громок, но «.. иным даровано доньне /чутья слово уголками рта», как утверждает в прочитанных стихах Андрей Расторгуев.

Следуя официальным религиозным догмам, поэт не обходит вниманием библейские темы. Так, в «Русской карте» он провозглашает себя почти атеистом:

Я и в Господа слабо — не то, что в судьбу или карму:
одному не под силу — сумеем рядком да ладком...

Он вроде бы удивляется, сожалея о распространении христианства:

Ни эллина, ни иудея —/ литая словесная связь...
Здоровая вроде идея, / а всё-таки не прижилась.

Немногое сонную совесть / большее берёт за живьё,/
чем эта еврейская повесть / во всех вариантах её. (...)

Что тут возразишь? Впрочем, вопрос есть: что же так берет «за живьё» лирического героя А. Расторгуева: Ветхий завет с богоизбранностью евреев или, быть может, Новый завет с его идеями апокалипсиса для всего человечества, исключая 12 колен израилевых? Трудно сказать, но поэт не скрывает свою радость от того, что:

Старинная вроде идея:/ ни эллина, ни иудея —/
а всё-таки не умерла.

Грустно, когда поэзия идёт на службу к чуждым религиям, а поэту приходится идти в слуги к чуждым народам. Вот только юмор спасает. На встрече Расторгуев прочитал одно из последних своих стихотворений, в котором он признался, кому он служит.

Кто собаку завёл — обязался подённой рутинной,
и поди разбери, кто прислуга, а кто господа... (...)
В меру всякая тварь мировой благодати причастна,
и, наверное, в белое солнце и чёрную тьму
я хоть этому сукину сыну служу не напрасно
и не зря омываю шершавые лапы ему.

Не напрасное служение собаке («сукину сыну») это констатация факта или «сукин сын» — это метафора, олицетворяющая собой бандитский олигархический режим, которому служит поэт своим творчеством? Вопрос, как говорится «имеет место быть».

Ответ на вопрос о «служении», о роли России в мировой жизни, дал в выступлении Г. Н. Ионин, доктор педагогических наук, профессор педагогического университета. Он сказал, что предназначением России всегда было — всемирное единение; оно в настоящее время, к сожалению, разрушено. Ту же роль единения людей играет и поэзия. Своё выступление Г. Н. Ионин закончил стихотворением, посвящённом памяти его убитого сына. Борис Лукин снова представил свой проект — Антологию сорокалетних.

А дальше слово было предоставлено руководителям ЛИТО и поэтам — членам Союза писателей. Алексей Ахматов порадовал присутствующих своими юмористическими стихами, Галина Гампер прочитала стихотворение о рыбаке, сидящем у реки. Но это было её стихотворение, а не классическая сказка о рыбаке и рыбке. Постмодернист Евгений Попов, рассказал о самом большом своем творческом достижении — он вырастил в этом году 400 кг картошки. В свете этой информации показались вполне оправданными его стихи, в которых он признался, что «страшно утонуть в эпосе жизни». Но, тем не менее, Евгений Попов не утонул в прозе жизни и ему удалось совместить уборку картошки на даче с участием во всех мероприятиях фестиваля «Полилог».

Член Союза писателей России Валентин Голубев в выступлении, обращаясь к присутствующим поэтам, подчеркнул необходимость сохранять национальные корни. При этом он сослался на исторический пример Самуила Яковлевича. Маршака, который до революции в 1911 году после поездки в Палестину выпустил книгу стихов «Сиониды». Вот фрагмент одного из стихотворений из этой книги.

Я был в деревне Феллахов бедных — Аногот. —
Там рос и жил великий, древний
Пророк, оплакавший народ.

И глядя на немые камни
Жилищ, раскинутых окрест,
Я долго думал, как близка мне
Печаль суровых этих мест.

Поэт рассказал о том, что Маршак всю жизнь скрывал то, что он автор этой книги, опасаясь репрессий за свои сионистские взгляды и стихи по еврейскому вопросу, хотя несмотря на то, что он писал всю жизнь на русском языке, но стихи о малой родине несут национальный колорит. В. Голубев сказал также о том, как в Советском Союзе преследовались проявления в творчестве национальных корней. Мне пришлось выступить с опровержением этого заявления, мягко говоря, не совсем исторически правильного.

Что касается национального колорита в творчестве раннего Маршака, вероятно, он есть. Но стоило ли так пугаться сионистских воззрений в те годы, когда одним из первых декретов советской власти был принят декрет об уголовной ответственности за антисемитизм, а отнюдь не за сионистские взгляды. Этот декрет Совнаркома РСФСР «О БОРЬБЕ С АНТИСЕМИТИЗМОМ И ЕВРЕЙСКИМИ ПОГРОМАМИ» был принят 12 апреля 1918 года и подписан председателем Совета Народных Комиссаров Вл. Ульяновым (Лениным), управляющим делами Совета Народных Комиссаров Вл. Бонч-Бруевичем, секретарём Совета Н. Горбуновым. А что касается преследования литературы на национальных языках народов СССР, то наоборот уже в августе 1934 года, на I Всесоюзном съезде советских писателей, были подведены итоги периода становления многонациональной советской литературы, развития национальной литературы народов, населяющих Советский Союз на их родных языках.

В заключение своего «исторического» экскурса в национальные проблемы литературы В. Голубев прочитал свои последние стихи о «фантомной боли отлетевшей души».

Встреча в ЦСЛК закончилась. Продолжение поэтических бдений было перенесено в соответствии с программой в Дом писателей на Звенигородской, который встретил участников безалкогольным фуршетом, но с бутербродами, чаем, кофе и фруктами. Подкрепиться было необходимо — впереди предстояла ещё многочасовая встреча, так сказать творческие отчеты участвующих в фестивале ЛИТО.

Стартовали птенцы ЛИТО Галины Гампер. Она заняла место за столом президиума, вызывала по очереди своих подопечных и руководила их действиями: прочитай ещё, или прочитай такое-то стихотворение.

Первым «на ковер» был вызван Олег Ильин, который читал стихи из цикла о метро. На синей ветке прозвучало признание, что «мы крысой шушерой шуршим», на красной ветке поэт вспомнил Пушкина, которого убили «технократы», а когда «поезд» свернул на оранжевую ветку, прозвучали призывы казнить большевиков, «... на дыбу их!». Небезопасно-таки пользоваться петербургским метрополитеном им. Ленина. Мне показалось, что это один из любимых учеников мэтрэссы; она предложила ему почитать ещё. И прозвучало стихотворение, в котором лирический герой говорит, что он войдёт «как валькирии вождь». Неплохой образ, вообще говоря, но... В скандинавской мифологии предводительницей (командиром) валькирий является Фулона, валькирия золотого копья, женщина, которая вместе с подругами должна уносить тела погибших воинов в Валгаллу. Любопытные аллюзии, не правда ли?

Галина Гампер продолжала представлять своих питомцев — Светлану Дергачеву, Егора Птицина. Последний сообщил, что он считает свои «детские» стихи. Но стихи оказались не детскими, а медицинско-педиатрическими. Сначала Егор прочитал стихотворение про УЗИ, где видит свою неродившуюся ещё дочь, потом, после её появления на свет льются потоки сладеньких родительских чувств и переживаний. А поток пиитов Лито Гампер продолжался: Наталья Настина, Григорий Князев, — «любви космической посланец», дошедший «до крайнего предела», — Калерия Соколова, которая сожалеет, что они «(мы) ещё не живали». (Не видя распечатанного текста не могу утверждать, что правильно написала глагол: Возможно, что они ещё не «жевали».) Миронов Николай поведал миру, что «вот так и слепнут сотни тысяч». Печально, конечно. Но, если говорить о моём восприятии поэтических потуг слушателей ЛИТО Гампер, то они произвели на меня удручающее впечатление, кажется, что присутствуешь не на поэтическом вечере, а в клинике не совсем здоровых людей. Но, подчеркиваю, что это моё *субъективное впечатление* от восприятия стихов «на слух». Нужно читать распечатки текстов.

Евгений Макаров, победитель конкурса авангардистов «на воде» представлял не ЛИТО, а самого себя, так сказать театр одного актёра. Рассказал о своих опытах над расшифровкой медицинских рецептов излечения больных (не знаю, терапевтических или душевнобольных), заложенных в слове, чем повеселил присутствующих, заслужив от Г. Гампер определение жанра своего творчества: это не поэзия, а эстрада. Не спасло его даже то, что он прочитал свои юмористические стихи, в частности про лужу.

Весьма многочисленными были выступления поэтов от «Молодого Петербурга» с семнадцатилетней уже историей, на посту руководителя которого Алексей Ахматов сменил Евгения Лукина. Первым выступил Игнат Смоленский, сын недавно скончавшегося писателя, кинооператора, актёра Петра Кожевникова. Оператор котельной, снабжающий теплом Центральный район СПб, он прочитал остроумное стихотворение, где звучали такие строки: «Не состоялась летаргия...», а речь шла о принцессе, которая не знала «про отопительный сезон». Тему о трагической любви продолжила Татьяна Богатырева, одна из ведущих фестивалей: «Закрываю глаза, чтобы лучше тебя разглядеть. / С каждым схожим с тобою лицом **предаваясь разврату**, / продолжаю мертветь.». Высокие чувства!

Свои стихи читали Екатерина Дедух, москвич Андрей Гришаев. Поэту хочется на природу, «послушать уток крякающих», а приходится заниматься мышами в ведомстве Дёмина:

По ведомству Дёмина мышь/ По ведомству Дёмина моль/
По ведомству Дёмина пыль/ По ведомству Дёмина ноль, —

а поэту хочется остановить прекрасное мгновение:

Я сказал: «замри, минута»,/ Но она не замерла./
Растянулась почему-то, / Покружила и ушла. (...)
Я запомню ту минуту./ (...)
Ту, которую не звал я,/ Не упрасивал: «замри!»/
Потому не опоздала./ Потому всегда внутри.

Прекрасное мгновение выросло до минуты, а она «всегда внутри» поэта. И стихотворение превращается в автопародию.

Андрея Гришаева сменяют три Юлии: Чернявская, Гордеева и Морозова. Юлию Морозову, автора двух книг, лауреата премии «Молодой Петербург» волнует «жилищный вопрос», тот самый, который (по словам Воланда) испортил москвичей. Впрочем, и петербуржцы в этом от них не отстают: «Ты сходи в ГБР и купи пару метров печали», — советует поэтесса своему любимому в стихотворении «Жилищный вопрос», поскольку основания для печали есть, и весьма драматичные:

Между нами мелькают/ названия памятных станций:
«Голодранкино»,/ «Лохино»,/ «Дольщики»/ и «Мышеловка».

Юлия Морозова в поиске: «Ищу двадцатый век.», — напишет она в одном стихотворении, а находит.. «Исповедь графомана»:

Осточертело тыкать, якать,/ вскрывая душу натошак,/ как банку кильки драгоценной, / просроченной на пару лет,/ чтоб мой читатель ночью, денно/ всё бегал, бегал в туалет.

Правда, это стихотворение на этом представительном форуме не прозвучало. Но следует отметить, что для поэтов «Молодого Петербурга» проблема «несварения желудка» не сходит со сцены: раньше Вера Мелехова писала о «поносном следе», оставляемом в поэзии. Трудно не согласиться с мнением А. Ахматова, написавшем в предисловии к книге Ю. Морозовой, «сколь непроста жизнь творческого человека». Однако! Стоит ли доходить до такого самоуничужения младопетербурженке, стоящей ещё на пороге жизни. Оптимизму-с побольше, воли к победе. Но нет, молодежь, увы! делает попытку обратиться к богу:

Поверь, Отец, если б вдруг узнала,
что Слова не было изначала,
что Ты молитв никогда не слышишь,
рванула б с крыши.

Как это старо, однако! И как не по-христиански для христианки. Самоубийство — великий грех. Так что, покрестившись, страдай, терпи, молись, крестись на купола, целуй иконы в надежде на грядущие райские кущи.

Стихи Юлии Гордеевой, которые она читала, публицистичны и драматически социальны; они охватывают период от хрущёвской оттепели (думаю, что понаслышке): Город хрущёвский попахивал пивом, / Каждый второй шёл с пропитым лицом, / Маленький мальчик выводит курсивом / Мат пятитярусный перед отцом. / Город подобен безликой деревне, / Где неизвестен глагол «создаём» (...)

до постперестроечного времени:

В пространстве неприкрытого цинизма / Под сводами седеющих небес / Мне вспомнилась эпоха коммунизма, / Идущая с сегодняшней вразрез.

(...) К нам пришёл «прогресс», / Диктуя рынка хищные законы, / Блюда во всём свой шкурный интерес. / Но раньше, без мобильных телефонов / И даже интернетовских сетей, / Нам письма приносили почтальоны, / И были связи меж людьми живей.

Констатация — да, а где же выход из тупика? Опять знакомые мотивы — надежда на ангела света, который и по волосам нежно погладит, и подбодрит словами «держишься», и предостережёт от падения в «овраг безрассудства». Не друг, не коллега, не любимый... Надежда только на ангела. Увы!

На «закуску» «литовцы» «Молодого Петербурга» оставили Максима Грановского, победителя конкурса над невскими волнами. Там он про-

читал стихотворение о «личинках ангелов», лежащих на курорте в теплых краях. Лирический герой вспоминает о детстве:

Безпромислен в сердце алкалоид / Детской тяги к самому себе.

Ребенку — речь идёт о детстве — простительно не знать разницу между алкоголем (этиловым спиртом), концентрация которого измеряется в промиллях, и алкалоидами — органическими соединениями азота природного происхождения, но вот «детская тяга к самому себе»... даже помимо воли ассоциируется с библейским Онаном. Других впечатлений от детства не осталось? Последний же катрен стихотворения заставляет задуматься:

... Полоска света / Гóловы (или головы́? — Т.Л.) затынет батискаф.

И чтобы это значило? Если полоска света затынет головы в батискаф, — это понятно — детское любопытство естественно? Но в приведенной редакции это приближается к стихотворению абсурда, которое не спасает даже юмор последних двух стихов:

Очень я хорошим стал поэтом, / Ничего еще не написав.

Ну, зачем же такое самоуничижение? *Что-то* написали, а вот, *что* написали, — этот вопрос небезынтересен.

В Доме писателей Максим познакомил слушателей с важным событием в его жизни: ему сделали — чтобы вы думали? —... прививку Манту.

Я сделал прививку Манту./ Прививку не эту, не ту!/
Примочку от туберкулеза. / Сижу теперь словно Спиноза...

Обращение поэта к несомненно социально значимой теме следует приветствовать: в городе из-за притока гастарбайтеров отмечена вспышка туберкулеза, болезни, практически полностью исчезнувшей в советское время. Но не только это. Автор не только находит оригинальную рифму — туберкулёза — Спиноза, но и демонстрирует широту кругозора: Барух Спиноза таки действительно болел туберкулёзом, от чего и умер. Поэт так плохо себя чувствует после прививки, что ему уже не до рифм в дальнейшем изложении:

... любая иголка/ Собою затмит медсестру,/

Что грудью валилась на руку, / Что вприснула томную муку/
В слоновую кожу мою.

И снова, какой оригинальный ход «мысли»: боль затмила воспоминание о груди медсестры! Так свежо, чувственно, опять-таки парадоксально. Земное, человеческое, а не философская заумь о том, что природа — это бог. И в «связке» с этим стихотворением Максим читает другое потрясающее стихотворение о любви, потрясающее в том смысле, что

слушателя буквально «потрясает» его образность и метафоричность. И дело не в том, что автор обращается к картине Пабло Пикассо «Девочка на шаре», а в *высоком* чувстве любви:

Хочу идти с тобою по орбитам,
Как скарабей, ведя перед собой
Свою любовь, бежавшую из быта,
Вращая и вращая шарик свой. (Курсив мой — Т.Л.)

Черный жук скарабей — жук-навозник — катает навозную массу до тех пор, пока она не превратится в шар. И вот этот шар из навоза поэт называет своей любовью?! Автопародия? Стремление к эпатажу? Священное насекомое египетских богов солнца? Но даже если и священное, но всё-таки насекомое. Низвести любовь к насекомому? Что-то не то... Реверанс в сторону Виктора Пелевина с его «Жизнью насекомых»? Вопросы поставлены, ответы пусть дадут читатели поэта, а судя по массовой поддержке его во время соревнования на теплоходе, почитатели были не только в его тусовке, но и среди членов жюри.

А представление поэтических объединений продолжалось. Дошла очередь до Творческой мастерской (надо полагать «словорубной» — термин альманаха «Молодой Петербург») Юрия Шестакова, которую после смерти Юрия Михайловича возглавил член Союза писателей России Борис Краснов, который и представлял не только свои стихи, но и стихи «мастеровых» (или уже мастеров?) слова. Выступали Арина Максимова, Ирина Важинская, Ярослав Шабля. Темы их стихов, как и формы, традиционны, это, так сказать «классики», петербургского отделения СПР России. Они с благодарностью вспоминают своего наставника — Юрия Шестакова, посвящая ему стихи и, следуя его заветам (и официальной идеологии) идут по единой (в том числе и с Единой Россией) тропе к православному храму. Ярослав Шабля:

Я вдыхаю весну понемногу,/ Опустев от обид и потерь./ Осторожную
к Богу дорогу/ Размывает дождями апрель./ (...)
Я усталое сердце несу/ К тихой церкви, чей купол пологий/
На идущих глядит с высоты./ Нет покоя на этой дороге,/ /
Нет столба с указаньем версты.

Отчего же устало сердце поэта? Чего ему не хватает? Покоя? Или указателя, сколь далеко ему ещё идти? И почему дорога к богу у лирического героя «осторожная»? На всякий случай или в предвидении с опаской, как бы она не сменилась на дорогу к другому храму — мечети или синагоге — в случае изменения официального курса. Или, возможно, где-то дрем-

люют атеистические пионерское детство и комсомольская юность? Поэт в раздумьях и «осторожном» поиске. А заключала этот день насыщенного поэтического форума Галина Илюхина, редактор ЛИТО «ПИИТЕР». Она только что вернулась из Крыма, где подводились итоги конкурса Максимилиана Волошина. Представлять Галину вряд ли требуется: составитель сборников «Аничков мост» и первого выпуска «Петербургских мостов». Она прочитала свои иронические стихи о мужчинах и женщинах, представила своих коллег.

Неумолимое время не желало останавливаться, непоэтический персонал Дома писателей стремился к дарованному конституцией отдыху. Напитанные поэзией слушатели мало-помалу разбрелись по домам.

30-е сентября.

Ровно в полдень открылся последний день фестиваля, состоялось подведение итогов конкурса начинающих поэтов, награждение лучших и традиционный фуршет, благодаря широкой поэтической натуре уже упомянутых спонсоров.

Впрочем, в порядке благодарности за праздник, наверное, стоит ещё раз напомнить имена поэтов-финансистов — Дмитрий Мизгулин и Алексей Улюкаев (привожу их в алфавитном порядке, а отнюдь не по их вкладу в литературу). Дмитрий Мизгулин — кавалер Ордена Дружбы, автор свыше десятка книг стихов и прозы; о нём написаны десятки критических и литературоведческих статей, президент фонда «Дорога жизни», издатель одноименного журнала, один из учредителей премий им. Бориса Корнилова и «Молодой Петербург».

Алексей Улюкаев, первый заместитель председателя Центробанка (!!!) в одном из интервью посетовал, что он автор двух поэтических книг «Огонь и отсвет» и «Чужое побережье», но «как поэт никому неинтересен». Располагая такими возможностями, будучи председателем Попечительского совета Фонда финансовой поддержки и содействия развитию науки, культуры и искусства «Финансы и развитие», автор неизвестен?! Что уж тогда говорить о нищенствующим поэтах, которые пару лет должны по копейкам собирать гроши, чтобы выпустить тиражом в 100 экземпляров книжонку своих стихов. Но, учитывая, что поэт — всегда поэт, и ему нужен читатель, в качестве благодарности от участников фестиваля за возможность его проведения закончу этот репортаж несколькими стихотворениями поэта Алексея Улюкаева, опубликованными в интернете.

На тридцать лет я дал обет молчанья
Но уж в часах песок перевернулся
Покуда он не сыпется ночами
Из тела хилого, и не переобулся
Я в обувь одноразовой природы
Любезен, не любезен ли народу
Порадую вас плоскими речами
Поскольку в плотской жизни я начальник
В духовной полагается аскеза
Я долго обрезался и обрезал
Почти что всё. Но уцелел случайно

Отросток малый и попал досрочно
В довольно унавоженную почву
Текущей жизни
Ну теперь — до тризны

* * *

Это когда? Когда не родились родители?
И чуть пораньше, чем вред приносили вредители?
Домны кипели. Печать на декрете синела.
Доброе дело. Хорошее дело.

Ну и дела. Ну и дел-то потом начудесили.
Позаводили. Открыли. Да с шуткой, да с песнями.
Раскорчевали — да сами себя поимели.
Доброе дело, Багрицкий, хорошее дело.

От винограда отцов оскомой побитые
Бодро шагаем как раз над могильными плитами.
И повторяем — не звонко (не скомкай), не смело:
Доброе дело. Хорошее дело.

Санкт-Петербург, октябрь 2012 г.

Татьяна Лестева

Книга с запасом. Добра

Кто бы думал в конце 1990-х годов, что через какой-то десяток лет будешь стоять перед книжным прилавком и бояться взять в руки книгу! Это раньше, когда вместе с Союзом обвалилась стена литературного лимита, коллективно сойдя с ума от свободы выбора, мы бросались на призывные обложки и поглощали их содержимое, не взирая на его качество и свежесть. Сейчас чтивомания изрядно подлечилась. Книгоманы обнаружили, что за яркостью, попсовостью обложки нередко таится глупость, пошлость, бессмыслица, а то и того похуже – желание пропечатать в веках своё графоманское имя – и поэтому теперь к печатному продукту относятся с опаской, с недоверием. Ведь сколько их было, разочарований горьких! Сколько их было, попыток понять, что движет автором, сляпавшим тот или иной гнуснейший опус! Не сказать, чтобы это шокировало сильно. Понятно, что изобилие всегда приводит к злоупотреблению. Однако и радости оттого, что нынче смотришь на книгу, как на «подозрительный пакет», не прибавляется.

К чему я всё это веду? А к тому, что любое литературное произведение теперь открываю с осторожностью, дабы не вляпаться в чьи-то словесные испражнения. Доверия заслуживают лишь классики (вот уж люди старались так старались воспитать словом!) да проверенные, неоднократно читаемые авторы, каковых, увы, не так много. Именно к последним и относится Лидия Сычёва – писатель, которого я знаю много лет и чье творчество уважаю и ценю. Её недавно вышедшую книгу «Русь в ожидании варягов» (СПб, Алетейя, 2012) в руки взяла безбоязненно и, как и предполагала, ни секунды об этом не пожалела.

«Русь в ожидании варягов» – это сборник статей о культуре. Статей разных по объёму, по проблематике, но с одинаковой наполненностью, где под наполненностью понимается плотность эмоциональная на знак квадратный. Собственно, другого ожидать и не приходится, поскольку Лидия Сычёва – автор многих книг, и вся её проза отмечена способностью сильно, выразительно, душевно-напряженно излагать свой взгляд на существующий порядок вещей.

Мне кажется, публицистом также нужно родиться, как и художником. Это особый дар – суметь проанализировать, обобщить, не остаться равнодушным, литературно оформить и подать видение того или иного общественного явления, события, процесса. Причём, не всем художникам слова это дано. Есть яркие публицисты, но при этом слабые писатели,

есть замечательные словотворцы, но при этом общественные аутисты. Лидии Сычёвой повезло — у неё и того, и другого в равных пропорциях. Может, поэтому её художественная проза порой так пронзительна, а публицистика порой так лирична...

Пересказывать содержание статей — занятие глупое, поскольку, во-первых, дернув за один узелок мыслеобразующей паутинки, всё равно весь рисунок не воспроизведешь, и, во-вторых, статья — не фильм, в рецензии не нуждается. Замечу только, что Лидия Сычёва не ограничивается обращением к миру литературы. Её внимание привлекает и музыка, и живопись, и кино. Но это, конечно, условное разделение на темы, потому что в любой, какую ни возьми, статье существуют пересекающиеся прямые и ломаные линии, одно вытекает из другого и то или иное событие является следствием той или иной причины. Например, как говорить о постмодернизме и не связывать его с философией, политикой, биологией, образованием («По заветам постмодернизма»)? Или как говорить о кино и не затрагивать при этом эстетику, этику, историю («Вера и действие», «Тоска по идеалу»)? У Лидии Сычёвой это выходит органично и ненавязчиво. Во всяком случае, не возникает ощущения, что автор изо всех сил пытается притянуть к теме «литературно-художественные аксессуары».

Сегодня много кто считает нужным высказываться на темы культуры, общественной жизни России. Это — почва благодатная. Наша страна никогда не пройдёт мимо руки просящего. Было бы желание искупаться в этом фонтане сюжетов. Кто-то издаёт сборник, основой которого стали диалоги из телепрограмм (Владимир Соловьёв), кто-то гастролирует по стране с лекциями (Дмитрий Быков), кто-то высказывает свою позицию в многочисленных интервью (Захар Прилепин). Лидия Сычёва просто записывает жизнь. Именно записывает. Пусть это будет моё, субъективное, мнение, но, мне кажется, что то, что автор видит, мгновенно включает на её «литературной кухне» нужную конфорку. Один-два-три звена — и проведён исторический анализ, обозначены отправные и конечные точки, и мысль, сдобренная важной исторической фактурой и приправленная обобщением современных реалий, кипит и варится, обретая собственный, весьма аппетитный вкус. Это важно, потому что охотников до высказываний о судьбе литературы, культуры, страны у нас тысячи, но таких, у кого эти высказывания выливаются в индивидуальную ответственность, единицы. Эти люди, возможно, как ни банально звучит, последние романтики, верующие в то, что праведная мысль озвученная — материальна, имеет силу и воздействие. «Среди многих нынеш-

них определений литературы как-то потерялось одно — общественное служение. Большой писатель — великий труженик, создатель и строитель духовных миров, которые приютят многих и многих, утешат бедных, дадут опору слабым, позовут на подвиг отважных» («Прекрасное должно вернуться»). По сути, в этих фразах давно сформированная, прожитая и ставшая духовным поводом авторская позиция. Она, кстати сказать, присутствует у Лидии Сычёвой не только в публицистике, но и в художественной прозе. Это автор, которому свойственно чутко реагировать на происходящее вокруг и облекать свою реакцию в художественное или философское осмысление действительности.

Прочтя то или иное произведение, как читатель, ты, как правило, определяешься с симпатиями. В случае с «Русью в ожидании варягов», я бы слова особой благодарности произнесла в адрес тех статей Лидии Сычёвой, которые являются посвящением — «Три женских имени в русской литературе» (О творчестве Зои Прокопьевой, Анны Серафимовой, Нины Стручковой), «Спокойная жизнь» (о творчестве Бориса Екимова), «Время Бояна» (о поэзии Валентина Сорокина), «Литературные мечтания» (о прозе Виктора Лихоносова), «О Викторе Бокове, грустном поэте», «Сила таланта» (о жизни и творчестве художника Михаила Ткачёва). В них неимоверный запас добра. Статьи просто пронизаны теплом, и, кажется, строки греются от играющих между ними солнечных лучей. И, что самое главное, знакомясь с этими людьми — писателями, поэтами, художником — ты действительно знакомишься, а не бросаешь взгляд вскользь. Они писаны с натуры рукой не самоучки, а мастера, и оттого приобретают живые черты, являют свой характер, говорят своим голосом. Это, как если бы Лидия Сычёва на театральной сцене, играя выбранного персонажа, сама на театральный миг стала им. И это, поистине, высший пилотаж художника.

Без сомнения, публицистика предполагает, что мнение, высказанное в статье, спорно. И, вероятно, найдутся люди, кто будет не согласен с тем или иным утверждением автора. Это вполне закономерно. В чём, думаю, будут единодушны многие, так это в том, что книга «Русь в ожидании варягов» даёт возможность насладиться красивым, ёмким, русским языком и ещё раз задуматься о том, что есть наша жизнь, кто есть человек и как сделать так, чтобы величие, уникальность, нежность этого мира стали для нас очевидны и значимы.

Наталья Алексютина

г. Санкт-Петербург

Хроника быта и бытия

Дмитрий Каралис. Петербургские хроники:
роман-дневник, 1983—2010 гг. СПб., 2011. — 544 с.

«Петербургские хроники» Дмитрия Каралиса вобрали три десятилетия одной из самых переломных эпох в истории России. Четверть века в аду, среди деградации и хаоса — так можно было назвать романские дневники, если перефразировать «Один сезон видений в аду» Артюра Рембо. Но кто-то может совсем иначе взглянуть на эти заметы и увидеть в них другую подспудную кардинальную линию. Например, тему писательского тщеславия, которую автор, вслед философу Розанову, рассматривает с разных сторон, философски. Отметив, например, среди прочего, как известные литераторы Ж. и К. уносят с банкета бутылки. Так, петербургские классики легко превращаются в болотных чертенят, по выражению А.Блока. Но и тема семьи, близких, рода — немаловажна у современного автора, в нашу эру забвения своих корней и пути.

Сам Дм. Каралис — уникальная личность, многие годы возглавляемый им Центр Современной Литературы и Книги на Васильевском объединял людей полярных взглядов — от ультра-либералов до малокультурных традиционалистов, а также не примкнувших к «партиям» и союзам свободных личностей. Поэтому автор дает объемное представление о ленинградско-петербургской литературе, ее истории и развитии.

У Каралиса нередко игровая интонация, — например, в вопросе: «Что означает фамилия Каралис по-португальски?» — но есть совершенно серьезная, порой гневная, в дневниковых записях и автоцитатах, напоминая дневниковые записи Достоевского: «Растаскивание богатств страны шло под нескончаемые разговоры о былых зверствах коммунистов, ГУЛАГе и потерях в Великой Отечественной войне, на фоне чего реформаторы, очевидно, видели себя ангелами в белых одеждах». Кажется, книгу написал не один человек, а ряд персонажей. Во-первых, надо успевать все это записывать, что одному человеку почти не под силу. Во-вторых, каждый герой обладает своим характером, интонацией, жестом. И главное, здесь борются пессимист с оптимистом. Кто из них главный лирический образ? Современный Дон-Кихот, Чичиков или молдавско-питерский помещик? И вместе с тем личность, имеющая русско-бессарабско-греческо-польские корни, абсолютно целостна. Главное ее качество — историческая память.

Многое случилось за годы, описанные в дневнике: одни писатели уехали, другие спились или ушли в другие области, третьи занялись мародерством, то есть разграблением бывшего имущества Союза писателей, только пример с исчезновением помещения редакции «Авроры» близ Марсового поля чего стоит. Само издание оказалось после этого не нужным курировавшему его местному отделению СП России и было выброшено на свалку.

Многие страницы посвящены коллегам по цеху СП, распавшемуся на два лагеря. Волею судьбы автор оказался в более либеральном, адептов перестройки. Они-то и были на плаву в Питере все эти годы. Однако, трубя перестройку, оные оказались неспособны к гражданским поступкам, запал свободолюбия в них быстро иссяк, о подобных российских либералах-оборотнях, понимающих свободу только как оболочку для лицемерия и безответственности, писал Тютчев:

Напрасный труд — нет, их не вразумишь.
Чем либеральней, тем они пошлее,
Цивилизация — для них фетиш,
Но недоступна им её идея.

Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В её глазах вы будете всегда
Не слуги просвещения, а холопы.

Собственно, мир и Европа так и относиться к новым русским либералам-прислужникам, вечно просящим у них на подаяние и охаивающих все отечественное, от языка до этноса.

Вторая тема «Хроник» — писательское тщеславие как двигатель литературного прогресса, этому посвящены многие страницы записей бесед с другими литераторами. Уметь прощать и любить современников — это дар, которым наделен Дмитрий Каралис: «25 января 1991 г. ...Вечером прочитал повесть Ник. Александрова «Лже...» — с близким сюжетом и расстроился... По сути, Коля украл у меня сюжетный посыл — весной я читал ему отрывки повести и делился замыслом. Но украл с пользой — сделал свое. Завтра позвоню ему в Москву — поздравлю».

Автор — одаренный человек, любящий жизнь и материю, как и положено серьезному прозаику (это поэты всерьез обожают пшик и петарды), палящему из потешной пушки для созыву влиятельных гостей. Не слу-

чайно автор предисловия Б.Аверин предположил, что Дм. Каралис мог бы состояться как бизнесмен. А чем, по сути, занимаются писатели, как не скупкой и перепродажей читательских душ, норовя «утопить» конкурента-писателя?

Произведение прозаика Каралиса создано в жанре «Опавших листьев» философа Розанова. У него иной культурный подтекст, эпоха-то иная — постмодерна и вырождения культуры, поэтому «формой» и содержанием, позицией автора, «Хроники» противостоят распаду, который предрекали писатели «Серебряного века» — в наступившей эпохе «Грядущего хама» (Мережковский). Можно сказать, веку беспамятства, именно на отсутствие исторической памяти у народа, теперь официально называемым «населением», которому можно вложить разрушительное самознание, сетует Дм. Каралис.

Сейчас царит стиль эпохи постмодернизма, хаоса и отсутствия иерархии ценностей, от которой останутся, возможно, два-три стихотворения, фрагмент повести и рецензия на недописанный роман. И все же Дмитрий Каралис и его дневниковая проза связана неумолимо с неким вечным двигателем отечественной словесности, который барахлит и тянет не в ту сторону, но иногда его тяга напоминает прекрасные порывы пушкинского времени и Серебряного века. Расслышать прекрасное — к этому призывает автор «Хроник». Стиль эпохи, стиль романа-хроники проявляется из его же творческой лаборатории и взаимно питает прозу. Автор даже иронизирует над собой, что он не столько читатель, сколь писатель суетного времени.

Кто-то может заметить, что у Каралиса состоялась постперестроечная карьера в склочном обществе петербургских литераторов, от рядового члена ЛИТО до олицетворяемой им должности на многолетнем посту директора Центра Современной Литературы и Книги. Думается, это не карьера, а призвание — быть нервом времени, не шадя сил и не прощая свою личность в первую очередь за стиливые и человеческие огрехи. Поэтому, следуя Борису Стругацкому, можно сказать: «Читать Каралиса — одно удовольствие. Ты беседуешь с веселым, добрым, умным и многознающим человеком». И — добавим от себя — предельно смелым и честным, как подобает наследнику дворянских родов.

Алексей ФИЛИМОНОВ

Воспоминания

Владимир ВЕЙХМАН

Вейхман Владимир Вениаминович, родился в 1934 г. в гор. Хабаровске. Закончил Ленинградское высшее инженерное морское училище им. адм. Макарова, работал помощником капитана на рыбопромысловых судах, преподавал в морских учебных заведениях Дальнего Востока и Калининграда, был советником по науке главы администрации Камчатской области.

Кандидат технических наук, доцент.

С 2000 г. живет в Израиле.

В 2002 – 2010 гг. опубликованы пять книг его историко-биографической художественной прозы, две книги стихотворений. Постоянно печатается в поэтических

сборниках, периодических изданиях и литературно-художественных журналах России и Израиля. Член Союза русскоязычных писателей Израиля.

«Нарвская застава» времен Новосёлова

Началось все это довольно давно в маленьком городке, от которого до Ленинграда поездом было три дня пути. К очередной Октябрьской годовщине была вывешена школьная стенгазета; в ней мое внимание привлекло стихотворение со строчками, в которых как-то особенно, словно журчание бегущего по камушкам горного ручья, чередовались звонкие согласные «эр» и «эль»:

...На красный гранит мавзолея,
На черный его лабрадор...

Под стихотворением стояла подпись: «Н. Новосёлов». «Конечно, это опечатка, — подумал я. — Надо — «А. Новосёлов», ведь редактор стенга-

зеты — Толя Новосёлов из девятого «б». Но, чтобы он стихи сочинял, да еще такие, как настоящий поэт, никогда за ним не замечал».

На перемене я встретился с Толиком нос к носу, но он мое предположение насчет опечатки отверг: «Это стихотворение я переписал из областной газеты, и подпись под ним стоит «Н. Новосёлов», наверное, Николай».

Вот, вроде бы, и вся история — прочитал и забыл, но строчки эти, в особенности загадочное, но притягивающее звучанием слово «лабрадор», запали в память, как и имя их автора.

Другое имя — Игорь Ринк — запомнилось мне потому, что года через полтора, буквально в день отъезда в Ленинград на учебу мне попала в руки «Литературная газета» с похвальной рецензией на его книгу стихотворений «От Одера до Рейна». И фамилия автора необычная, да и само название книги. Ну, мало ли бывает необычных фамилий, а вот запомнилось.

И вот еще месяца три-четыре спустя, я, первокурсник морского училища, пришел на вечер танцев в университетское общежитие — где еще знакомиться с девушками, как не на танцах? Но оказалось, что перед танцами будут выступать ленинградские поэты. Когда ведущая назвала их фамилии, я ушам своим не поверил: это были Николай Новосёлов и Игорь Ринк! Такое совпадение показалось мне забавным: мало ли в Ленинграде поэтов, а тут мои, так сказать, как бы знакомые, да еще оба сразу!

Худошавая фигура Новосёлова, скромный пиджачок, негромкий голос совершенно не соответствовали моему представлению о «настоящем» поэте — «агитаторе, горлане-главаре», как учили нас в школе. Он свободно и уверенно вел встречу. Ринк первоначально был на вторых ролях, но когда он начал читать, как будто бы аккомпанируя себе на невидимой гитаре, то сразу овладел аудиторией, привлекая музыкальностью интонаций.

Подойти к выступавшим поэтам у меня духу не хватило: а что я им скажу? Но какое-то смутное ощущение предопределенности этой встречи вселилось в меня.

Наверное, ни один из «начинающих» ленинградских поэтов не миновал литконсультации при редакции газеты «Смена». Побывал там и я с одним стихотворением, консультант (фамилию которого я не запомнил), добросовестно прошелся по строчкам моего «произведения», поглядывая на ожидавших своей очереди стихотворцев. Замечания его были резонны, но больше я «Смену» не посещал.

Новые впечатления породили новые темы; я собрал написанное в единый цикл, который мне самому понравился. Он нашел признание и у товарищей по курсу, которые с уважением отнеслись к моему сочинительству. Я предполагал, что оно получит одобрение и у признанных авторов. В Союзе писателей девушка-секретарша посоветовала мне обратиться в какое-нибудь литературное объединение, например, вот это «Нарвская застава». Оно собирается по средам, в восемь вечера, в библиотеке Дворца культуры имени Горького, что у Нарвских ворот. Девушка добавила, что объединением руководит поэт Николай Дмитриевич Новосёлов. Я увидел в этом доброе предзнаменование.

Для знакомства мне предложили прочесть то, что я принес. То, что я услышал, завершив представление своего цикла стихотворений, иначе, чем словом «разнос», назвать было нельзя. Собственно говоря, ни Николай Дмитриевич, ни другие слушатели еще не сказали ни слова, но всех опередил один, которого я мысленно назвал «поэтом от станка». Он взял листы с моими стихотворениями и прошелся по ним от начала до конца, язвительно комментируя едва ли не каждую строчку. Мне подумалось, что мой суровый критик, скорее всего, поэт-неудачник, стихи которого в литобъединении жестко разбирали, и теперь он получил возможность отыграться. Впрочем, некоторые из его замечаний были дельными, и я даже удивился, как я сам не заметил этих огрехов. Изничтожив меня до конца, он торжествующим взглядом победителя оглядел аудиторию и сел на место, рядом с женой, которая, по-видимому, не очень-то одобряла его энтузиазм.

Другие выступавшие были немногословны, и у них были замечания, мелкие или крупные, но главное, что я уловил, — они как будто бы обращались ко мне: ты — «свой», ты вступаешь в наш общий круг.

Завершающий обсуждение Новосёлов лишь мимоходом упомянул о моих промахах: тут — неверно поставленное ударение, тут — затертый эпитет, что называется, «штамп». Но главное, на чем он подробно остановился, было для меня совершенно неожиданным. Он сказал, что наиболее удачные из моих стихотворений продолжают традицию, заложенную Алексеем Лебедевым. «Помните — «Приборка на корабле»:

Зашуми вода, засмейся,
Тысячью ручьев дробясь,
И беги по ватервейсу,
Унося с собою грязь...

А вот это стихотворение — прямая перекличка с Заболоцким, с его знаменитым стихотворением «Седов»:

Он умирал, сжимая компас верный.
Природа мертвая, закованная льдом,
Лежала вокруг него, и солнца лик пещерный
Через туман просвечивал с трудом...»

Николай Дмитриевич говорил о том, что надо приветствовать и поддерживать возрождение в русской литературе «морской» линии, идущей от Эдуарда Багрицкого, Николая Тихонова, Николая Гумилева, и процитировал что-то незнакомое мне, но как будто бы много раз уже слышанное:

...Или, бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет
Так, что сыплется золото с кружев,
С розоватых брабантских манжет...

Еще Николай Дмитриевич похвалил меня за то, что я знаю русскую поэзию, но желательно избегать уж слишком явных параллелей. «Вот, вы пишете:

Осень по кустам сушить развесила
Желтые измокшие листья...

Разве это не перекликается напрямую с Ахматовой:

Осень ранняя развесила
Флаги желтые на вязах?»

Я возвращался в училище в каком-то обалдевшем состоянии. Глядя на свое отражение в стекле трамвайного вагона, снова и снова перебирал в памяти и ядовитые реплики моего оппонента, и обнадеживающие слова своего нового руководителя и наставника. А кто такой этот Алексей Лебедев, о котором я никогда ничего не слышал? И этот — Заболоцкий — с его стихотворением «Седов»? А чья это звучная строка «...С розоватых брабантских манжет»? Да и Ахматова, которую Николай Дмитриевич свободно цитирует: как я мог ей подражать, если ни строчки ее стихов не прочитал?

В ближайший выходной я поехал в Публичку, разыскал не востребованную годами тоненькую книжечку Алексея Лебедева и стихотворение Заболоцкого...

Не сразу и не вдруг я поближе познакомился с биографией Николая Новосёлова, поэта-фронтовика, который о себе сам почти ничего не говорил.

Перед войной он, техник-конструктор и член комитета комсомола Кировского завода (бывшего Путиловского), уже писал стихи и входил в литературную группу «Смена» при Союзе писателей. В самые первые дни войны Николай вступил добровольцем в ряды Кировской дивизии народного ополчения — первой ополченческой дивизии, сформированной в Ленинграде. 1-й стрелковый полк был набран из рабочих и служащих Кировского завода. Двадцатилетний боец Николай Новосёлов еще по инерции писал бодрые стихи:

...Обмотки крутим неловко,
И — наяву или в сказке? —
Нам выдают винтовки,
Лоснящиеся от смазки.

Шинельные скатки наденем.
В атаку —
С песней в груди!
И через три недели
Умрем или победим!

Не писать же было, что в дивизии не хватает и пулеметов, и минометов, и даже тех самых винтовок, «лоснящихся от смазки»... Николай послал стихотворение в «Комсомольскую правду». Оно было опубликовано только в августе. А еще на следующий день после выезда из Ленинграда дивизия попала под массированный налёт вражеской авиации и понесла

первые потери. 1-й стрелковый полк, совершив изматывающий пеший переход, занял позиции на Лужском оборонительном рубеже.

Мы навсегда забыли о прохладе.
Гремит артиллерийская гроза.
Горят леса.
И молят о пощаде
Ромашек воспаленные глаза...

Уже через три дня ожесточённых боев позиции дивизии были прорваны, она начала отход, практически попала в окружение и в тяжелейших боях потеряла три четверти своего состава. Остатки стрелковых полков, те, что ещё в середине августа были отрезаны от основных сил, ко 2 сентября 1941 года вышли из окружения, были наскоро пополнены и перестроены.

Из стихотворения «В сентябре сорок первого»:

Далеко-далече наши встречи.
С каждым шагом непроглядней мгла.
И России совестью
На плечи
Мне шинель солдатская легла....

Как в бреду бреду я под луною,
У судьбы пощады не прося.
Вся земля лежит передо мною —
Вся в пожарах
И в могилах вся.

«Не сдадим врагу ее ни пяди...»
Отдаем.
Сдаем за пядью пядь.
Мы уже почти что в Ленинграде.
Некуда нам больше отступать.

Обожженный войной на Лужских рубежах, Николай Новосёлов остался верным главной теме, отпущенной ему суровой судьбой, вплоть до стихотворения «Могила бойца», открывающего его книжку «Тетрадь из полевой сумки»:

...Из жести венка запыленной
Сквозь треснувший холод стекла
Парнишка глядит удивленно,

Не веря, что юность прошла,

Что мы посеем в походах,
А он, пережив свою смерть,
Всё будет навстречу восходу
Из траурной рамки
Сквозь годы
Вот так, не старея, смотреть.

Николай Дмитриевич терпеливо разбирал по строчкам наши не всегда совершенные произведения, устраивал встречи с участниками других литобъединений города, выступления перед посетителями Дворца культуры, на радио и в периодической печати.

На выступления нередко приходил Сергей Давыдов, который работал слесарем на заводе «Севкабель». Никаких скидок на принадлежность к классу-гегемону Сергей не принимал и зазнайства по отношению к собратьям по перу и станку не допускал. Его стихи удивляли почти разговорной естественностью интонации. Они запоминались с первого чтения:

У Невы, где звонок смех, где смело
Режет воду сильное весло,
Майской ночью, майской ночью белой
Другу моему не повезло...

Война обожгла моих сверстников — участников «Нарвской заставы»: кто был в эвакуации, в детском доме, кто — в оккупации под немцами, кто умирал от голода в блокаде Ленинграда. Сергей был немногим старше, но война резко разделяла нас: он смотрел на противника через презерь пулеметного прицела.

В шестнадцать лет,
в семнадцать лет,
на долю пало мне —
не из рассказов и газет
услышать о войне...

Врага в медалях и крестах
увидеть в полный рост,
встречать друзей в чужих местах
мне лично довелось...

Глотать артподготовки дым,
ценить костра тепло...
Не всем ровесникам моим
так в жизни повезло!

Когда после победы он был отправлен в отпуск, то, как положено, явился для отметки отпускного свидетельства в местный военкомат. А там неожиданно выяснилось, что он еще не достиг призывного возраста, и младшего сержанта Давыдова демобилизовали.

С первого до последнего дня своей творческой жизни Сергей оставался тонким лириком, особое очарование стихам которого придавал его мягкий и прозрачный юмор:

Так сердце сжимает Нева,
когда от нее уезжаешь,
так мучают ночью слова,
когда их и утром не знаешь,
так мучает тополь,
скамья,
раскаты нездешнего грома —
как женщина,
нет, не твоя,
а так...
из соседнего дома.

В последний раз я встретился с Сергеем Давидовичем на очередном совещании молодых писателей, в котором он участвовал уже в качестве руководителя одного из семинаров. Я попросил его расписаться на своей странице в книге «День поэзии — Ленинград». Он устало вздохнул и написал: «Сергей Давыдов — в банные дни!».

В конце жизни поэт долго и тяжело болел и оставил после себя более полутора десятков книг стихов, переводов, прозы, среди них и строки, от которых щемит сердце:

Ленинградец душой и родом,
болен я сорок первым годом.
Пискаревка во мне живет.
Здесь лежит половина города
и не знает, что дождь идет...

Но вернемся за овальный стол «Нарвской заставы».

Вадим Пархоменко, единодушно избранный старостой литобъединения, отличался добродушием флегматика. К числу его талантов, кроме

литературных, принадлежал еще один, не так уж часто встречающийся в племени самовлюбленных поэтов, — умение дружить.

С ним можно было встретиться не только в ДК Горького, но и у него дома, на улице Декабристов, беззаботно посидеть с кружками пива и вести неспешную беседу обо всем на свете. Его стихи были такими же добрыми и ровными, как он сам:

Не дрогнет от ветра над речкою вяз.
 Закат побледнел,
 Посинел
 И погас.
 И где-то в степи
 Зажглись огоньки,
 И падают звезды
 В заводь реки...

Сильные и резкие эмоции были не в его характере, но неожиданно они проявлялись в некоторых стихотворениях:

Сегодня дома
 Все уже не так.
 Пришел в мой дом
 Не друг, но и не враг, —
 Пришел и сел
 За дорогой мне стол,
 Где мой отец
 Со мной беседы вел;
 Пришел и лег
 В двухспальную кровать, —
 Мой дом
 Своим стал домом называть,
 И обещал мне
 Заменить отца, —
 Но разве можно
 Жизнь начать с конца?..

Придя на мой день рождения, Вадим с порога заявил, что он торопится и должен уйти пораньше, чтобы не опоздать на поезд: завтра открывается Московский фестиваль молодежи и студентов, а он прикреплен переводчиком к болгарской делегации. Ну что же, раз надо, так надо; сначала на его напоминания отвечали «Не торопись, успеешь»; потом ему стали говорить: «А ты не забыл, что должен ехать в Москву?». Время

шло, Вадим повторял, что должен уйти, но никак не уходил, так что вся компания хором его выпроваживала: «Поезжай!».

Не избежал Вадим и «производственной» тематики, отдав ей, впрочем, довольно скромную дань:

Эхо охрипло,
Устало
И где-то блуждает в горах,
А люди рвут аммоналом
Скалы на берегах.

А люди в брезентовых робах
С природой сраженье ведут:
Здесь мужеству — высшая проба,
Здесь высшее мужество — труд!..

Почти всё поэтическое творчество Вадима Пархоменко относится ко времени его участия в «Нарвской заставе», к 50-м годам. Лишь одно стихотворение написано много позже и датировано 1981-м годом. Оно — о любимом городе:

Задумчив город в дымке серебристой,
В неярком солнце строже блеск шпилей.
Пусть ночи стали холодны и мглисты —
Им не убавить красоты твоей!

С тобой всегда я — в радости и в горе...
Шумит прибой и тихо в берег бьет.
Здесь на века поднялся чудо-город,
Здесь в каждом камне творчество живет!

В течение четверти века Вадим работал старшим редактором Лениздата. Биографическая справка сообщает: «Под его редакцией вышло много содержательных и интересных книг и брошюр», но мне удалось найти только одно название: «Цветоводство».

Не только участники литобъединения, но и те авторы и коллеги по работе, с которыми он общался, запомнили дружелюбие и доброжелательность, которые отмечали всю его недолгую жизнь. После него осталась книжка прозы и три книжечки стихов, которые были изданы крохотным тиражом за счет средств его вдовы.

Я не знаю, где тот день тревожный,
Что спокойным счастьем не мая,

Вдруг придет, судьи любого строже,
И сурово глянет на меня.

И, ему взглянув в глаза открыто,
Веря в то, что пройден путь не зря,
Я уйду — пускай и позабытым,
В вечные пространства бытия.

И оттуда пусть хоть слабым светом,
Пусть хоть каплей влаги дождевой,
Вновь приду я к людям на планету,
Вместе с ними снова стану в строй...

Валентин Горшков в «Нарвской заставе» он считался самым перспективным, самым многообещающим поэтом. Он умел находить неожиданные, «не затрепанные» образы. Его поэтический талант расцветал прямо на глазах:

Я иду. Весенняя прохлада
Дышит мне в открытое лицо.
У ворот автобусное стадо
Дремлет, обрета свое кольцо...

Он превосходно знал всю русскую поэзию, ему часто хотелось поделиться с товарищами эмоциональным восприятием других авторов. Валентин тяготел к крупным стихотворным формам; в этом он находил опору в творчестве Дмитрия Кедрина и Николая Дементьева, талантливейшего и несправедливо забытого поэта. Помню, как он нервно и выразительно, словно свое собственное творение, его прочитал рассказ в стихах «Мать».

Все, кто знал Горшкова той поры, отмечали прямоту его оценок, независимость суждений и задор:

Братишка не катал меня на санках,
Сестренка нос не утирала мне.
В моей лихой мальчишеской осанке
Видна самостоятельность вполне.
Война моих родных поразбросала,
Лицо мое ветрами обожгла,
Швыряя по теплушкам и вокзалам,
В далекую деревню занесла...

Мне запомнилось, как Валька Горшков, в клетчатой ковбойке, вихрастый и бесшабашный, выходил на сцену студенческого клуба и под восторженный гул собравшихся читал только что написанные лирические стихи:

Вот и дом твой
В четыре больших этажа,
Погруженный в ночное молчанье.
Ты хотела уйти,
Просто руку пожав,
Просто тихо сказав:
«До свиданья»...
Трудно жить
Без большой и красивой любви,
Трудно ждать,
Если в парках и рощах
На рассвете
Хрустальной росой
Соловьи
Соловьиные горла полощут..

После окончания университета Горшков три года проработал по распределению в газете «Крымский комсомолец», где, по-видимому, чувствовал себя, как Пушкин в изгнании. После возвращения в Ленинград устроился слесарем на Кировский завод, чтобы стать, так сказать, «ближе к народу». Вскоре он ярко проявил себя как журналист, работая в заводской многотиражке.

Пора подробнее сказать о усиленно внедрявшемся в те годы понятии, сыгравшем немалую роль и в творческой, да и в личной судьбе Николая Новосёлова, и его учеников. Речь идет о чуть ли не официальном титуле «рабочий-поэт».

Александр Прокофьев, возглавлявший в те годы ленинградскую писательскую организацию, в предисловии к коллективному сборнику «Голоса над Невой» неоднократно подчеркивает, что в нем представлены стихи рабочих-поэтов, людей, работающих на производстве, «чья жизнь посвящена поэзии лишь частично». Это обстоятельство, по его словам, придает сборнику свой особый, хороший колорит. Вообще-то Александр Андреевич несколько покривил душой: многие из авторов стихотворений, включенных в сборник, лишь с большой натяжкой могут быть названы «рабочими-поэтами»: там и студенты, и сотрудники редак-

ций многотиражных газет, и инженеры, и библиограф, и учительница... Впрочем, что прибавляет (или убавляет) указание на то, что автор стихотворения — расточник, слесарь, токарь, столяр?.. Что это, своего рода индульгенция — он, мол, не просто поэт, а поэт-рабочий?

Николай Дмитриевич, конечно, и сам довольно-таки активно поддерживал эту насаждаемую тенденцию, прежде всего, как составитель сборников «Голоса над Невой» и «Первая плавка». Но одно дело — отношение к труду как творчеству, а совсем другое — превращение литературного произведения в описание технологического процесса, чего, на первых порах, не избежал даже такой талантливый лирик, как Сергей Давыдов:

Сбрасывая стружки завитые,
Под резцом тихонько сталь звенит.
В этот день за жизнь свою впервые
Ученик нарезал сложный винт...

Еще хуже — когда титулом «рабочего-поэта» утверждалось противопоставление физического труда умственному, рабочего класса — интеллигенции. Наподобие этого:

Тех, чья к вузу дорога легка,
Жизнь нередко потом отметала.
Мы придем в институт от станка,
Слышишь, друг? От станка, от металла!

Кто к металлу в работе привык,
Чью ладонь рычаги разогрели,
Тот сумеет шагнуть напрямик
С металлической твердостью к цели.

С Валентином Горшковым тяготение к роли «рабочего-поэта» судьба сыграла наиболее злую шутку. Природный интеллигент, превосходно образованный и эрудированный, он под влиянием сложившихся в то время предпочтений надевал на себя маску, которая так мало шла ему:

...Белая сталь живая
Рванулась в пролет окна, —
Искры высоко вздымая,
Хлынула в желоб, играя,
Огненная
волна!
Сразу жарой крутою
Обдало четыре лица,

Радостью молодой
Заполонило сердца!..

Подобные стихи, представляющие собой, по сути дела, рифмованный газетный репортаж, без препятствий проходили в редакциях Сциллу и Харибду внутренней цензуры...

Горшков помогал Новосёлову в составлении сборника «Первая плавка», в который вошла и дюжина стихотворений самого Валентина.

Профессия журналиста оттеснила от него поэтическое творчество. Валентин Сергеевич руководил редакцией еженедельного журнала «Рабочая жизнь» и другими программами на ленинградском радио. Его стихотворения представлены в двух книгах — «Окраина», 1964 г., и «Белой ночью», 1996 г.

После нападения хулиганов, от которых пожилой журналист еще пытался отбиваться, Валентин не смог оправиться и умер, не дожив до шестидесяти трех...

Николай Малышев никак не подходил под снисходительное похлопывание по плечу, про него не скажешь: «Землю попашет — попишет стихи». Высокий, стройный, голубоглазый токарь с Кировского завода, придя в литобъединение, сразу завоевал симпатии участников «Нарвской заставы» своей целеустремленностью, заостренной направленностью на достижение наивысших вершин в литературе, без скидок на принадлежность к рабочему классу. Он не терпел отношение к поэзии как к чему-то побочному, второстепенному. Дерзкий и предприимчивый, он с первых шагов в поэзии заявил свою творческую позицию в стихотворении «Лыжня»:

...Но я пошел по целине,
Сквозь снег пошел вперед.
А меж лопаток по спине
Потек ручьями пот.

Пусть тяжело, но вслед за мной
Других пойдут пути.
Вот так бы мне
своей лыжней
В поэзию войти.

Он, по многу раз переписывая и отделявая каждое стихотворение, радовался даже маленькому открытию, к примеру, такому, как разница между словами «бронЯ» (с ударением на «я») и «брОня» (с ударением на «о»):

...Мне брОни тыловой не надо,
Мне хватит танковой бронИ.

С годами творческая палитра Николая Малышева обогатилась новыми красками, на ней расцвели свободное дыхание стиха, юмор, метафоричность:

Дожди, дожди...
И нет конца дождям,
И вся до нитки вымокла рубаха...
Я с малых лет тянулся к лошадям
И трогал морды длинные
Без страха.
Доверчиво стоял у конских ног,
Как будто был лошадиником с рожденья.
Знать, мне конек из сказки —
Горбунок
Привил к своим собратьям уваженье!
И, как заправский возчик,
Без кнута
Я обходился с ломовой кобылой,
И мощность представлялась мне тогда
В буквальном смысле —
Лошадиной силой...
А где-то там,
Где в тучах отсвет гас
И пашня жалась к дальнему отрогу,
Крылатый конь
По имени Пегас
Уже копытом бил
И звал в дорогу!

Творчеству Николая Малышева была совершенно чужда какая-либо рисовка, равно как и то качество, которое называли «романтикой дальних и трудных дорог». На Север, в тайгу, в геологические экспедиции, на золотые прииски он отправлялся не по вычитанным из книг представлениям и не по веянию «бардовской» моды, охватившей целое поколение. Скорее всего, зачисление в «романтики» с завлекательными картинками рекордных восхождений на горные вершины и экзотикой туристических пейзажей он воспринимал бы как обидное и несправедливое. Как настоящий мужчина, он выбирал дела, в которых в полной мере мог бы проя-

вить свои незаурядные способности, и полностью этим делам отдавался. А поэзия шла от самой жизни, которую он выстраивал сам по велению своих духовных потребностей:

Север ищет людей —
не рвачей, не шальных летунов...
На ветру холодей,
уходи от пленительных снов.
В заполярной пурге
ты себя к испытаниям готовь:
отношенье к тайге —
ведь не с первого взгляда любовь!
Погружайся в дела,
и сомнений спадет пелена:
так любовь тяжела.
что приходит не сразу она...

Романтика Малышева — земная, обильно сдобренная лукавым юмором:

На Котласском вокзале,
Кивая головами,
Два шустрых морячка
Архангельск описали
Всего тремя словами:
«Доска,
Треска,
Тоска!..»

Песни на стихи Николая Малышева, лауреата Всесоюзного конкурса песни, включали в свой репертуар популярные исполнители. Наиболее известна была, пожалуй, вот эта:

Отзовись, отзовись хоть письмом,
Хоть звонком,
Где же ты, мой родной
Человек с рюкзаком?
Белым снегом замело, запуржило, замело,
Не дотянутся сюда провода...

Тихие прозаики кажутся незаметными среди шумливых поэтов. Алексей Данилович Леонов был человеком, который «сам себя сделал». Крестьянский парень из орловской деревни, он после службы в армии

перебрался в Ленинград, работал на стройке, жил в рабочем общежитии, учился в вечерней школе и все время тянулся к литературе. С самого первого своего появления в «Нарвской заставе» он был обозначен как автор «деревенской» прозы. Это было удивительно и непривычно, поскольку все — поголовно — участники объединения были горожанами и по месту жительства, и по тематике своих произведений. Читая товарищам свои рассказы, Алексей открывал им иной мир, который он сам хорошо знал и меньше всего был склонен идеализировать или очернять. Он, выросший в сельской глубинке, смог осмыслить и воплотить в своих произведениях впечатления своего детства и юности: насильственную коллективизацию, разрушение святынь, немецкую оккупацию, послевоенную нищету и голодуху, распад уклада деревенской жизни в Нечерноземье.

Критики называли его абсолютно самобытным писателем, показавшим причины ухода современного человека в город и трагическую невозможность вернуться обратно.

Будучи человеком скромным от природы, Алексей чаще помалкивал на сборищах литобъединения, но его редкие выступления по поводу представленных на обсуждение произведений всегда отличались разумной основательностью. Узкому кругу друзей Леонов был известен и как поэт: свои стихотворения, то лирические, то резко язвительные, он никогда не читал перед аудиторией, а представлял их исключительно с глаза на глаз. В его пародиях моральная планка была поставлена так высоко, что обижаться на него было невозможно: оставалось только благодарить за дружеский урок.

Алексей отличался подлинно крестьянским трудолюбием; он начал с публикаций в журналах, альманахах, коллективных сборниках. После выхода первой книги он учился на Высшие литературные курсы, а потом его книги выходили одна за другой. Уже став признанным прозаиком, он вернулся к истокам: переселился в деревню, руководил литературным объединением в районном центре.

Он не дожил неделю до 76 лет. Книга стихотворений «Солнечный сторож» вышла уже посмертно. В 2010 году ему была присуждена премия Всероссийского литературного фонда «Дорога жизни» в номинации «Легенда». Диплом и премию получила его вдова.

Полной противоположностью Алексею Леонову и по темпераменту, и по тематике произведений был поэт Михаил Шпитальный. Перед поступлением в текстильный институт он служил в армии и писал стихотворения и песни, пригодные и для ротной стенгазеты, и для солдатского

стройка, и для выступлений на полковом смотре художественной самодеятельности:

...И вот запевала, чихнувши от пыли,
Веселую песню поет.
Солдаты припев подтянули нестройно
И ногу торопятся взять,
А песня летит и зовет за собою,
И трудно от песни отстать!..

В «Нарвскую заставу» Михаил вошел как «свой» поэт благодаря стихам совсем иного рода, представляющих собой, в сущности, вариации на одну и ту же излюбленную тему:

Когда беда нагрянет,
Когда несчастлив будешь,
Совет ты мой припомни,
Поверь, что он хорош, —
Закуришь — легче станет,
А выпьешь — все забудешь,
Забудешь все тревоги
И весело споешь,
Что жить довольно сносно
При дымке папиросной,
Что жить весьма красиво,
Что счастье здесь и там,
Как только кружкой пива
Запьешь неторопливо
Каких-то двести грамм...

С ним хорошо было зайти в какую-нибудь точку общепита, скинувшись по рублю и взяв на закуску по килечке на брата. После второй стопки с Михаила сходила задумчивость, и он читал свои стихотворения, чаще всего посвященные любимым женщинам:

Автобусы приходят и уходят.
Ноябрь хмур и зол на целый свет.
Но дело тут не в слякотной погоде:
Тебя все нет, а значит, счастья нет.
Проходят мимо пасмурные люди,
Им наплевать, что кто-то что-то ждет.
Они не знают, глупые, о чуде,
Которое сейчас произойдет.

Что подойдет автобус непременно,
Любой: зеленый, красный, голубой...
И все вокруг изменится мгновенно.
И все исчезнет, кроме нас с тобой.

Милые детские стихотворения, короткие и длинные, Михаил посвящал своим дочерям:

Нитки в лампочке потухли...
Баю-баюшки-баю.
Ты поешь любимой кукле
Колыбельную свою.
Тихо сон прокрался в темень,
Заглянул в твою кровать.
Только спать еще не время,
Надо куклу укачать.

Стихи «позднего» Шпитального были трагическими, как и сама его судьба. Он не принял ни перестройку, ни последующие сдвиги в жизни общества и страны, уехал с женой в деревню, оставив питерскую квартиру семье своей дочери. Поэт, потерявший почти всех своих родственников, в одном из последних своих стихотворений словно пророчествует:

...Настанут когда-нибудь мирные дни,
Забудутся разные кары.
И только они не погаснут одни —
Пожары, пожары, пожары!..

Михаил Шпитальный погиб при пожаре, в котором его сельская изба сгорела дотла.

И снова вернемся на годы назад. Помните, с чего началось мое знакомство с ленинградскими поэтами? Правильно — со встречи с Новосёловым и Ринком. По законам зеркального отражения, моя ленинградская жизнь должна была этим и закончиться. Круг должен был замкнуться. Так и случилось.

Буквально за несколько дней до отъезда из Ленинграда по месту распределения, я был приглашен на день рождения к Николаю Дмитриевичу — ему исполнялось тридцать шесть лет. Гостей было всего двое — я и Игорь Ринк.

Николай Дмитриевич и Игорь Августович, как бы не замечая моего смущения, заинтересованно расспрашивали меня о плавании в Южном океане, об айсбергах и пингвинах, о зимовщиках и моряках.

На Дальний Восток, куда я отправился по направлению после окон-

чания морского училища, Николай Дмитриевич какое-то время присылал мне маленькие записочки с просьбой прислать что-нибудь для очередной публикации от «Нарвской заставы». Я навсегда запомнил его четкий, разборчивый почерк — буква от буквы отдельно.

С задержкой в несколько лет мне стало известно, что Новосёлов оставил «Нарвскую заставу» и после этого руководил литобъединением родного Кировского завода.

Тогда в литературных объединениях, руководимых Николаем Дмитриевичем, появился самый известный из их участников — Николай Рубцов. Он подружился с Валентином Горшковым, которого считал своим самым близким другом в Питере. Но Рубцов пришел если не мастером, то уже опытным и амбициозным подмастерьем, стремительно растущим в поэтическом мастерстве. Звание «рабочего-поэта», которое тут же поспешили прилепить ему, его не только не радовало, но, скорее, раздражало, как признание неполноценности, второсортности поэтического творчества. Публикация стихотворений Рубцова в собранном Новосёловым коллективном сборнике поэтов Кировского завода «Первая плавка», подверстанном под встречу очередного съезда КПСС, не только не вызвала у ершистого поэта радостного чувства, но, напротив, так обозлила, что он даже вырвал из авторского экземпляра страницу со своей фотографией и биографической справкой.

На полях некоторых стихотворений других авторов Николай черными чернилами написал резкие замечания: «Как вам не стыдно?», «Чем не доклад?» и просто «Дурак!!!». Особенно не понравились ему стихи одного «рабочего-поэта» о подъемном кране:

Мы гордиться вправе,
Прямо скажем,
Слава здесь о нас идет не зря.
Это наша марка.
В цехе нашем
Сделали его, богатыря!

О последних годах жизни Николая Дмитриевича я узнавал по доносившимся до меня скудным обрывкам сведений. Кроме литературных проблем — двадцать лет ждал Новосёлов выхода своей тоненькой книжки стихотворений! — его постигло горе неизмеримо большего масштаба. До меня дошел слух, что погибла его горячо любимая дочь. Этого горя он не выдержал. Милиция то подобрала его заснувшим на перроне дачной станции, то доставила в вытрезвитель, и дважды партбюро писательской

организации собиралось обсудить его поведение, а он на обсуждение так и не явился.

Его короткая жизнь уложилась в черточку между датами «1921–1969»...

В «Нарвской заставе» с той давней поры сменилось много руководителей. Что же, меняются времена — меняются люди. Новосёлову не был присущ жесткий стиль управления литобъединением, он, будучи человеком мягким и интеллигентным по натуре, нередко гнул, как тростник под ветром. Но «Нарвская застава» пятидесятых годов в моей памяти навсегда связана с именами моих друзей и нашего заботливого наставника, негромкого поэта, не всегда удачливого человека Николая Дмитриевича Новосёлова.

«Нарвская застава» привила нам начальные навыки писательского ремесла, заметно расширила творческий кругозор каждого из нас, независимо от того, стал ли кто профессиональным литератором или остался скромным дилетантом-любителем, сочиняющим трогательные рифмованные поздравления любимой супруге. Но, наверное, не менее важно то, что в литературном объединении царил атмосфера товарищества, в которой воспитывалась внутренняя потребность радоваться успехам друга, огорчаться его неудачам, желание подать другу руку и помочь в трудную для него минуту.

Пусть кто-то, поморщившись, числит моих товарищей под общим наименованием «малые поэты». Думаю, что ничего обидного в этом прозвании нет. Каждый из них внес в сокровищницу отечественной поэзии свой посильный вклад, сообразный его таланту, уровню мастерства и духовной наполненности, которыми отмечено его индивидуальное место среди собратьев по перу.

Поэты — как звезды. Одни украшают небосвод своим великолепным сиянием; корабли сверяют по ним курс, юноши дарят их свет своим возлюбленным, по их появлению над горизонтом определяют начало разлива рек или времени уборки урожая. Даже самая далекая от астрономии публика знает их звучные имена: Сириус, Вега, Капелла... А другие звезды — маленькие и скромные; их названий никто не помнит, да и не все они их имеют. Но как обидно бы звездное небо, если бы эти небольшие светила не появлялись по ночам, образуя россыпь Млечного Пути и наполняя пространства созвездий.

Капри, ноябрь-декабрь 1989 г.

Историю, какую я хочу сейчас рассказать, я слышала от моего мужа — ученого международного масштаба и мировой известности — много раз. Она, эта история, его, несомненно, волнует «по-живому». И волнует по разным причинам. Но, как и подобает творческим личностям, всякий раз Евгений, рассказывает эту историю, по-разному. И, конечно же, всегда — правдиво! Макс Фриш, любимый писатель моего мужа, в романе-притче «Назову себя Гантенбайн», утверждает: «Человек сначала что-то переживает, а потом придумывает историю тому, что пережил... Ибо, нельзя дальше жить, не придумав истории того, что пережил!». Так вот, и к настоящему времени, когда я это пишу, мой муж еще не «сочинил» да конца истории, которую пережил тогда, на Капри, в ноябре-декабре 1989 года. А, переживания его были там «катастрофически» (его выражение) насыщенными событиями, и впечатлениями от них, на которые интеллект до сих пор не может адекватно отреагировать.

Есть такой хороший психологический прием: если то, что ты пережил, долгие годы не «отпускает» тебя, «забуди» (как Гантенбайн), что с тобой произошло. Думай о персоналиях, которые были с тобой тогда рядом. А рядом тогда с Евгением были: Василий Иванович Белов, Николай Николаевич Скатов. Это — самый близкий «ряд». Второй ряд: Раиса Максимовна Горбачева, дочка русских эмигрантов, знаменитейшего архитектора, художника, отважного воина, графа Леонида Романовича Сологуба (победителя в конкурсе на монумент в честь 300-летию дома Романовых), Ирина Леонидовна Сологуб и полковник Ордена иезуитов, профессор философии и психоанализа, потомок первого мецената Рафаэля — герцога Урбинского Гуидобальдо да Монтефельтро Джованна Фельтриа (который заказал Рафаэлю три картины: две битвы Святого Георгия с драконом и портрет своей сестры, герцогини ди Сора, вдовы Джованни делла Ровере) — падре Эжидио Гуидобальдо. Раису Максимовну, кандидата философских наук, мой муж знал по Философскому обществу СССР, где он был в то время главным (последним главным в СССР) ученым секретарем.

Самое интересное с персоналиями. За исключением Раисы Максимовны, члена Правления ФО СССР, с которой мой муж встречался часто в ФО, других соотечественников он знал только заочно, и никогда с ним на родине не встречался.

Василий Иванович Белов (несмотря на то, что у моего мужа и Василия Ивановича был общий друг — Василий Макарович Шукшин) для

Евгения был «небожитель», живой классик русской литературы, каким были для него Пушкин, Толстой, Тургенев, Чехов и т.д. О Николае Николаевиче Скатове, известном пушкинисте, Женя знал от меня и нашей родственницы, сотрудницы «Пушкинского Дома», Елизаветы Григорьевны Щуко, Николай Николаевич «проживал» для Евгения недалеко от Василия Ивановича. Я имею в виду русский «Олимп».

А вот с падре Эжидио Гуидобальдо и с графиней Ириной Леонидовной Сологуб Евгений был знаком давно. С падре, они вместе стажировались в 1975 году в Париже у мэтра западной европейской философии и психиатрии Жака Лакана. Тогда же он случайно, в советском посольстве, познакомился (на одном из приемов) с графиней Ириной Леонидовной Сологуб, русской парижанкой, близким другом мэра Парижа, а потом президента Жака Ширака. Но оба эти знакомства тогда были «шапочными», связи прекратились, как только муж покинул Париж. На Капри они познакомилась снова. Так бывает, что люди несколько раз «знакомятся» (случай сводит), пока не начинают дружить. С Василием Макаровичем Шукшиным мой муж познакомился три раза, прежде, чем подружился. Да так крепко, что за дня два до своей смерти Василий Макарович прилетал в Москву, чтобы повидаться с Евгением. Лиды и дочерей в Москве тогда не было. Но это — другая история!

Белов и Скатов до Капри не дружили. Их подружил первый Съезд народных депутатов СССР. Дело в том, что Василий Иванович был избран народным депутатом, а Николай Николаевич нет. Скатов — человек эмоциональный и очень это (то, что не прошел в народные депутаты), переживал. А Василий Иванович его утешал, всегда рассказывая одно и то же: «Коля! Да не переживай ты так! Вот сижу я на съезде, как только выступает кто-нибудь умный, все камеры на Сахарова, а как — дурак — все камеры на меня!» И добавлял: «Да нас с Валькой Распутиным специально во власть пхнули: мы — за народ, значит и власть народная. Валька вон в Японию с Горбачевым ездил. А меня — на Капри... Я давно «их» раскусил!» «Раскусил, а на Капри на народные деньги поехал!» «Ошибаешься! Поездку мне оплатили итальянцы! Я еще буду за лиры горбатиться здесь!» (Валентин Григорьевич не раз «оправдывался», что поддерживал Горбачева и был членом его президентского Совета. Даже в первые дни после своего 70-тилетия, когда гостил в Братске: «Меня считали фашистом. Опасались, что я окажу на Горбачева какое-то влияние. В Японии тогда готовилась к публикации моя книга «Сибирь». Так ее отказались печатать. А на Горбачева я не мог оказать влияния. Трус он был...» (См.: http://pressmen.info/art/40_07_raspytin.htm).

Вадим Валерианович Кожин, Василий Иванович Белов, Евгений Васильевич Черносивтов в Помпеях, по дороге на Капри.

Мой муж подружился сначала с Николаем Николаевичем Скатовым, а потом с Василием Ивановичем Беловым. Они быстро перешли на «ты», конечно же, по предложению Василия Ивановича, который стал в их «компании» старшим.

Валюты у советских каприотов было с гулькин нос. А у каждого — семья, друзья. Как вернуться без подарков? Не буду здесь перечислять, кто из литературной элиты, от Русской Православной Церкви, был собран на Капри Орденом иезуитов. Мой муж представлял философов СССР. И одновременно газету «Правда», где главным редактором был будущий первый помощник Горбачева, академик-философ, Иван Тимофеевич Фролов. Возможно потому, что Иван Тимофеевич, был не только выдающейся личностью, но и просто

благородным человеком с хорошей памятью на добро, вспомнил, что его докторскую диссертацию помогла сделать книга («Философия и современная биология») рецензия академика Алексея Владимировича Яблокова и аспиранта философского факультета МГУ Евгения Черносивтова, опубликованная в журнале «Философские науки»). ФО СССР не было богатым. Поэтому командировку моего мужа оплачивала «Правда».

Прошло много времени. Много прояснилось. Принимали наших на самом высоком уровне — встречал их на пристани и неоднократно приглашал к себе и в офис, и на виллу мэра Капри. Падре Эжидио Гуидобальдо объявил о создании Новой Каприйской школы им. Максима Горького. На заседание наших «новых каприотов» съезжались — знать Италию из разных городов и, конечно, множество студентов, кто изучал русский язык и русскую литературу, чтобы послушать и пообщаться с классиком Василием Беловым, с теоретиком русской литературы Вадимом Кожинным, с советским «Белинским»... (после Капри «каприотов» принимали в Риме — в Соборе Святого Петра, и на вилле черного папы, генерала Ордена иезуитов — Каваллетти. Но личной валюты, повторяю, у советских знаменитостей было мало. Вот и продавали наши по ночам в бесчислен-

ных темных переулках Капри водку, красную и черную икру. Но особым спросом у каприйцев были советские часы Второго часового завода. Они ценились в то время намного выше самых дорогих швейцарских часов (падре, когда советская элита дружно начинала «скулить», что нет денег, просто заходил в какой-нибудь дорогой магазин, вызывал хозяина, и забирал у него, именем Господа нашего Иисуса Христа, все, что было в кассе, точь-в-точь, как начинающий мафиози!). Так вот, на этой почве — ночной торговли нашими «звездами», познакомились и сразу подружились Николай Николаевич Скатов и Евгений Васильевич Черносивтов.

Николай Николаевич Скатов.

НЕТ! Скатов ничего на Капри не продавал! И валюты у него было, как у всех, а все равно не торговал: «Стыдно, товарищи...Мы же Великую Страну представляем!» «Пусть Горбачеву будет стыдно, может расскажет ему кто-нибудь из агентов Буша, каково нам тут! На подъемнике экономим! Пешком в гору подымаемся!» (подъемник в город на вершине Анакапри стоил полторы тысячи в один конец; ровно столько стоила бутылка красного сухого вина). Это парировал «причитания» Николая Николаевича известный писатель, шукшинист, барнаулец, профессор Виктор Горн, открыто торговавший водкой и красной икрой, даже днем по выходным.

Так вот, возвращается как-то мой муж под утро в гостиницу «La Pineta» в свой роскошный номер «uno» с площади Рагуши, которая оживает после двадцати четырех часов, темными переулками и видит такую картину: высокого мужчину окружило несколько каприйцев и на ломаном русском и английском языках требуют от него: «Часы дай! Дай часы: много лир дадим!». Он — высокий, а они ему по плечи, но их человек пять, и настроены они получить часы любой ценой! Отмахивается от них, как медведь от собак. И на чистом русском языке говорит им: «Ребята! Отстаньте подобра! Не продаю я часы. Они мне самому нужны!» Но «ребята» не понимают, и сжимают кольцо вокруг мужчины, Евгений

понял — «нашего!» Муж мой — человек не агрессивный. Но — раньше занимался успешно боксом на Дальнем Востоке, мастер спорта. Двумя короткими ударами он сбил самых наглых с ног. Остальные тут же растворились в темноте. «Вы их не поранили?» — спросил высокий и наклонился над грабителями. А они, приходя в себя, уползали в темный переулок. «Коля! — протянул руку мужу Николай Николаевич — спасибо, во время! Я, ведь, драться то не умею! Ограбили бы, точно. А часы — отцовские...» Вот так подружались Коля и Женя! И ничто на их дружбу не влияет... Не мало друг другу помогли они в нашей трудной жизни!

С Василием Ивановичем Евгением Васильевич подружился после «Дня Белова». Дело в том, что заседания «Новой каприйской школы» происходили по такому графику: каждый из каприйцев имел один полный день. Первую половину дня он делал доклад на какую хотел тему. А вторую половину дня этот доклад обсуждали все каприйцы. Только Евгений был вне этого порядка: его доклады о «русском психоанализе» были запланированы на вилле черного папы (монахи, которые постоянно проживали там, все, как один, представители разных народов мира, были известные ученые: философы, биологи, врачи, психологи, литературоведы, математики, физики, астрономы и представители других сфер знания) и в Соборе Святого Петра, в Риме. Так решил падре Эжидио (тоже Женя!) Гуидобальдо. Падре потом неоднократно гостил у нас в Москве. И пригласил нас в Италию. Так получилось, что мы смогли приехать в Рим только на его похороны.

Так вот. Наступил День Белова. Все ждали, что он расскажет о своей планируемой книге или начнет развлекать каприйцев и многочисленных гостей новой каприйской школы байками своего родной деревни Тимониха. А он неожиданно четко определил тему своего выступления: « Я посвящаю свой день самому значительному литературному творению нашего времени — статье Евгения Васильевича Черносвитова — «Мы устали преследовать цели...». В огромном зале гробовая (могильная, как угодно) тишина. Все головы дружно отвернулись от Василия Ивановича и одна за другой стали поворачиваться в сторону моего мужа. Витя Горн, который буквально цеплялся за Евгения, ибо писал книгу о его друге Шукшине, уставился на мужа, как на пришельца: как будто только его «узрел!» У Жени сердце забилось так громко, что ему стало стыдно и он сильно покраснел! Здесь нужно сказать, что названная Беловым статья Евгения была опубликована в «Нашем современнике». Эту статью Евгению заказал заместитель главного редактора, хороший наш знакомый по Завидово, где жили женины родители, Валентин Свининников. А у Валентина

в Завидово жила родная сестра. Сестра Валентина дружила с родителями Жени. Так Валя и Женя познакомились и подружились. Женя в то время много ездил по всему СССР, по разным причинам. Видел, что в стране происходит. И написал «Мы устали преследовать цели...» Строка из Федора Сологуба, не кровного родственника Евгения. Ирина Леонидовна не имела никакого отношения к великому поэту — однофамильцы. Валентину статья очень понравилась. А вся редколлегия, во главе с главным редактором Станиславом Юрьевичем Куняевым категорически против: «Мы не успели опериться, а после этой статьи нас закроют!» Валентин — человек упорный и хитрый: взял и показал рукопись статьи двум непримиримым идейным врагам — академиком — Андрею Дмитриевичу Сахарову и Игорю Ростиславовичу Шафаревичу. Статья обоим очень понравилась: «Срочно в номер!» Была двусторонняя рекомендация Куняеву. Он и его редколлегия при такой поддержке статьи, безоговорочно капитулировала. Статья вышла в октябре. И мой муж в миг стал всемирно знаменит! Reader's Digest на всех языках опубликовал ее в сокращенном виде. Больше месяца телефон не умолкал. «Взгляд» одну воскресную передачу полностью посвятил статье мужа. Листьев, Любимов и особенно народный депутат СССР Политковский откровенно изгалялись не над статьей, а над ее автором. Политковский во весь экран в прямом смысле слова «корчил рожи и коверкал фамилию Черносивитов» (мы неоднократно писали и Александру Любимову, и хозяевам 1-го канала, чтобы дали нам копию того «Взгляда». Недавно муж обратился с этой просьбой к Евгению Додолеву — когда-то они были хорошими знакомыми — все безрезультатно!). А в статье Евгений написал, что СССР разваливается, как и кто его разваливает (нет, не фамилии назвал, а новые формации и их методы), и что удержать эту машину разрушения нашей страны уже не возможно. Резюме: СССР исчезнет. Повторяю, муж написал это в 1989 году.. Видимо Горбачев и Буш прочитали статью Евгения, и легко договорились, как быстрее dokonать СССР. Они, как известно, встретились на советском теплоходе «Максим Горький», пришвартованном к острову Мальта, когда мой муж и его новые друзья укрепляли, созданную иезуитами «Новую каприйскую школу» им. Максима Горького! Имя великого пролетарского поэта в те декабрьские дни в разных местах, но рядом, много раз произносилось всуе! Я убеждена, что ничего случайного в этой жизни не бывает! Но не нашла ни в биографии Максима Горького, ни в его произведениях ничего, что бы указывало на то декабрьское, 1989 года, совпадение!

Не буду здесь описывать, что рассказывает муж о Дне Белова. После этого «Дня» Василий Иванович перед ужином подошел к Евгению и ска-

зал: «Женя! Будем харчевать за одним столом: не возражаешь?» «Нет, с удовольствием составлю вам с Колей компанию!» «Знаю, Коля поведеал, как ты его отбил от итальяшек! Русские умеют драться! Может Коля не русский?» И громко захохотал! Хохотал долго. Потом вдруг сказал: «Я к тебе давно приглядываюсь... Васька хорошо о тебе говорил!» Так возникла «фракция» в новой каприйской школе – Вася, Коля и Женя, мой муж. Потом к ним присоединился «рenegат» Вадим Кожинов. Он извинился перед моим мужем за то, что также оказался в числе тех, кто был против публикации его статьи, правда, оригинальным способом: «Я пил неделю, не просыхая! Они подловили меня, я думал – черти, «белочку» поймал, а это были мальчики Куняева. Что-то подсунули и я подписал. Прости!» Вадим Кожинов. Выдающийся литературовед-теоретик! Прекрасные книги написал о Тютчеве. И был убежден, и страстно это доказывал в своих книгах, что русские – не славяне, а немцы. И как это только он при этом забывал, что две трети «коренных» немцев – сербы!

У Василия Ивановича в отношении к моему мужу была «сверхзадача». Но сначала позволю рассказать о некоторых «мелочах», о которых всегда упоминает Евгений, когда вспоминает о новой каприйской школе. Эти «мелочи» касаются исключительно Василия Ивановича Белова. Его «чуждечств».

1. Столик, за которым стали вместе харчевать Вася, Коля, Женя и присоединившийся к ним Вадим, был круглый и небольшой. Сидели плечо к плечу. Кормили иезуиты хорошо. Никто все не съедал, оставляя в тарелках. Никто, кроме Василия Ивановича. Он не только съедал все, что приносили в тарелках, но брал кусок хлеба и весьма демонстративно, уставившись в тарелку, тщательно ее «протирали» куском хлеба, а потом широко открывал рот и засовывал туда целиком использованный таким образом кусок хлеба, долго его разжевывал, а потом сразу проглатывал. Это было зрелищно! Это нужно видеть! Это был спектакль. Но так никто и не стал подражать Белову! Даже они, его партнеры по еде. Он ни разу никому и слова не сказал, какими нужно оставлять тарелки!

2. Когда трапеза приходила к концу, и шустрые официанты быстро убрав тарелки, собирались протереть стол, чтобы принести напитки и фрукты, Василий Иванович жестом цезаря останавливал их. Огромной, как лопата, правой ладонью плотника он начинал бережно сгребать хлебные крошки в левую ладонь со всего стола (его партнерам становилось не по себе, но оставить свое мест о без хлебных крошек, никому так и не удалось). Сгребет, поднимет левую ладонь с горсткой хлебных крошек и ловким движением в миг забросит в рот и сразу проглотит. Все это он

делал, не обращая ни на кого никакого внимания, ибо занят был весьма важным делом! Официанты, которые обслуживали наших киприотов, были молодые ребята, наверное студенты. Некоторые из них перед 1 и 2 действиями Василия Ивановича замирали, обступив его стол.

3. Вадим на Капри много пил. Никто на это «не обращал» внимания. Однажды Василий Иванович все-таки сказал Вадиму: «А на какие шиши тебя повезут отсюда?». «На те же самые, что и тебя!» — не понял Белова Кожинов. «Да я сам поеду, а тебя повезут... в гробу цинковом на отдельном самолете. Подсчитай или поинтересуйся, сколько это будет стоить? Иезуиты платить не будут, а твой ИМЛИ (им. Максима Горького! — sic! М.Ч.) сейчас на мели!» «А, вот ты о чем! Ты то свое выпил, а я нет! Буду пить, пока не сдохну. А с мертвеца какой спрос? Придется тебе, Василий Иванович, народному депутату СССР у народа деньги просить, чтобы труп его соотечественника на чужбине с горы на съедение рыбам не сбросили... На Капри ведь для иногородних кладбища нет! Своих хоронить некуда — одни скалы!»

4. После этого единственного разговора с Вадимом о его непробудном пьянстве, Василий Иванович выучил два итальянских слова: «анкор бирра!» И на ужине, когда каприотам подавали в неограниченном количестве пиво, Василий Иванович то и дело громовым голосом кричал: «Анкор бирра!», каждому официанту, кто пробегал мимо. Стол, за которым хозяйничал Василий Иванович и пил Вадим, был всегда заполнен банками отличного итальянского пива. Вадим все выпивал один, остальные сидели и помалкивали — ни Николай Николаевич, ни Василий Иванович, ни мой муж пиво не пили. Наконец Вадим не выдержал и, глядя в глаза Василию Ивановичу, несмотря на то, что бы сильно пьян, сказал: «Вася! Напрасные хлопоты! Здесь я не сдохну! Я умру в России!» (Кожинов привез с собой ящик водки, но не для торговли, и всю валюту, которую получал от падре, спускал на спиртное, ночью покупая у своих, будя их бесцеремонно: «Я плачу больше, чем итальяшки!» Только в свой «день», который он посвятил, естественно, Тютчеву и «немцам-русским», Вадим был «как стеклышко». Василий Иванович поил Вадима за счет иезуитов до конца пребывания на Капри.

5. По воскресеньям хозяин отеля делал каприотам приятные сюрпризы от своего имени и за свои деньги. Так, однажды, во время воскресной трапезы, на ужине, в ресторан вошли десять, как одна, писанных длинноногих красавиц. Ровно столько, сколько было мужчин-каприотов, и каждая встала за спиной «своего» мужчины, не обращая никакого внимания на обезумевших от такого нахальства женщин-каприотов.

Они на хорошем русском языке, как по взмаху невидимой палочки, наклонившись к уху «своего» мужчины, прошептали: «После ужина увезу тебя в рай!» (Евгений всегда подчеркивает, что мужчины сидели так, как будто знали заранее, что эти модели придут; правда, лица у всех были с одним выражением — на них, лицах, застыл вопрос: «Разве женщина может быть так безукоризненно красива?») Евгений пристально следил, как поведет себя Василий Иванович? Только его реакция на красавиц интересовала моего мужа! А Василий Иванович, когда девица прошептала ему на ухо заветные слова, сначала побагровел, потом побелел, а потом громовым голосом, от которого, как у Шалыпина, хрустальная люстра угрожающее зазвенела, гаркнул: «Меня женщины не интересуют!» Естественно, что все, в том числе прищельцы, повернули головы в сторону Белова, забыв про «своих» мужчин. А беловская красавица, отнюдь не растерялась и хорошо поставленным грудным голосом громко сказала: «Хорошо, милый. Тебя в рай отвезет мой друг Поль!»... Напряжение, вызванное прищельцами, резко спало. Все громко захохотали, как на хорошей сибирской свадьбе. Женщины сели на ловко поставленные официантами стулья за столики к мужчинам, не обращая никакого внимания на наших женщин. Появились чистые бокалы и много бутылок вина. Рай начался в ресторане... Евгений встал и, подойдя к хозяину отеля, сказал, что с Беловым такие шутки плохи, и если к нему подойдет мужчина-проститутка, Белов его убьет: «Видели, какие у него кулаки? Быка ударом валит!» Видимо, для мужчин наших были приготовлены и «Поли», которые ждали своей очереди в укромном месте, куда поспешил добрый хозяин отеля... На другой день, в обед (на завтрак многие мужчины не пришли) Святослав Белза, знаток Италии, объяснил нашим мужчинам, которые пришли на завтрак, что «б-ди были все, как одна, русские; внучки белоэмигрантов». Итальянские женщины нашим мужчинам наверняка бы не понравились. Это знали в борделе.

6. В другое воскресенье «подарок» (за счет хозяина отеля, конечно), дарил каприотам Святослав Белза. Он привел в обед пианиста и известного итальянского певца. Пока каприоты насыщали желудки, певец исполнял русские народные песни с итальянским акцентом, а пианист бойко ему подыгрывал. Все прошло хорошо, гладко. Певца никто не слушал... Кроме Василия Ивановича. Тот дождался исполнения номера на «бис», а потом, не вставая с места, громко сказал, обращаясь к знаменитому певцу: «Лучше бы ты пел свои, итальянские песни!..» Певец, пианист и Белза встрепенулись, ожидая чего-то неприятного. Но произошло

совсем другое! То, что всех, включая певца и пианиста, потрясло так, что, как друг другу признавались потом каприоты, мороз по коже пробежал и ноги ушли в пол! Василий Иванович, не вставая из-за стола, вдруг запел басом русскую народную песню. Звуки его голоса прижали всех присутствующих к стульям, тела одеревенели. Песня заполнила все пространство огромного зала. Даже птицы на улице замолкли. Время остановилось и исчезло. А он пропел, закрыл рот. И некоторое время продолжал смотреть куда-то в пространство, только ему ведомое. Сколько длилась тишина — никто сказать не мог. Как никто сказать не мог, как долго длилась песня, и о чем пел Василий Иванович? Даже Белза, музыковед, в растерянности только пожимал плечами. А Витя Горн, соскочив со своего места, тыча пальцем в сторону Василия Ивановича, что-то пытался сказать, но дара речи лишился! Когда все постепенно начали приходить в себя, Василий Иванович сказал, обращаясь к пустому месту, ибо певца и пианиста и следы простыли: «Русская, говоришь, песня... Она, брат не поется, она — поет сама!» Сколько мой муж, Николай Николаевич и Вадим Кожинов не уговаривали Василия Ивановича еще, хоть разок, спеть, он больше не пел. «Спой, Вася! Ей богу пить брошу!» — упрашивал Белова Вадим. Василий Иванович только ухмылялся.

А теперь о сверхзадаче, которую имел Василий Иванович Белов к Евгению Васильевичу Чернозитову и немного о цезаре Тиберии (Tiberius Caesar Divi Augusti filius Augustus, Pontifex Maximus, Tribuniciae potestatis XXXIIX, Imperator VIII, Consul V — Тиберий Цезарь Август, сын Божественного Августа, Великий Понтифик, наделён властью народного трибуна 38 раз, император 8 раз, консул 5 раз) Согласно Библии, именно в его правление был распят Иисус Христос (Лк.3:1)), его замке, где, скорее всего, его убили, а заодно и его юную возлюбленную израильтянку. Не случайно, так чтут в Израиле Тиберия, что в его честь назван город Тве-рия. С Тиберием было покончено, потому что его предали преторианцы, которым он очень доверял. О Тиберии все историки, начиная с Тацита и Светония, весьма хорошо отзывались.

Как-то после завтрака, на другой день после того, как Горбачев и Буш отобедали на «Максиме Горьком», то есть, четвертого декабря, Василий Иванович приказным тоном сказал своим друзьям, что сейчас они, прямо из ресторана идут в замок Тиберия. «Что я там не видел?» — запротестовал, было, Вадим, но Василий Иванович сразу его успокоил: «А тебя никто и не берет! Вишь, какая жара, градусов 30, не меньше. Дорога в гору, на самую вершину. Помрешь еще, тащи потом тебя на горбу!» Василий Иванович не упускал случая, пугнуть Вадима Валериановича (смысл

один: бросай пить, как я бросил!). Кожинов был на два года старше Белова, но выглядел, как ни странно, намного моложе и Белова, и своих лет. Белов повел Колю и Женю огородами и садами. В огородах рос только виноград. А в садах — мандарины, апельсины и лимоны. Виноград уже убрали. Но было много заброшенных «огородов», в которых тяжелые грозди винограда пригибали лозы к земле. А запахом цитрусовых воздух настолько был насыщен, что трудно было дышать. Всем троим путникам хотелось чистого воздуха русской березовой рощи. Поднимались медленно. Впереди шел Коля, он был почти на голову выше Васи и Жени и смотрел вперед, разглядывая тропу, что вилась между виноградных лоз и цитрусового «леса». Евгений и Николай Николаевич шли налегке, неся только по бутылке минералки в пакете. А Василий Иванович тащил, видно было, портфель с чем-то тяжелым. «Вася! Ты чего в портфель напихал?» — спросил его Коля и предложил нести портфель по очереди. Евгений попытался взять портфель из рук Василия Ивановича. Ведь он был самый молодой и самый тренированный. Но Василий Иванович упрямо никому портфель не отдавал, и что там — не говорил. Пыхтел, смахивал пот с лица и шел, волоча почти по земле свой портфель. «Ты что, собираешься пикник у Тиберия нам устроить? — не унимался Скатов. — Так мы только что позавтракали! Или доплетемся к твоему Тиберию к ночи?» Василий Иванович на это ответил: «Не открывая рот, задохнешься от этого лимонно-апельсинно-мандаринового угара! Дыши носом и молчи!» Кислорода путникам явно стало не хватать. Дышать только носом было трудно. А скоро, и говорить стало невозможно: начали заглатывать раскаленный воздух...

Но до развалин замка Тиберия все-таки дошли! И, словно по команде, все сразу плюхнулись на каменную, горячую, как сковородка, площадку перед развалинами. «Я рассматривать развалины не буду! — твердо сказал Николай Николаевич. — Дошли, а теперь назад, кубарем!» «А мы и не собираемся!» — сказал за себя и моего мужа Василий Иванович. «Тогда... какого черта?» — Николай Николаевич так растерялся от признания Василия Ивановича, что тот и не собирается развалины последнего убежища Тиберия рассматривать, что выразился не свойственным ему образом и не своим голосом, а каким-то... с фальцетом! Евгений молчал и смотрел на портфель. Он всегда, когда эту историю рассказывает, непременно в этом месте говорит, что знал, что у Василия Ивановича в портфеле. Вернее, чувствовал, нет, не интуитивно, а как ясновидящий. Он спокойно взял из рук Василия Ивановича портфель и сказал уверенно: «Есенин?.. Я интересен вам, Василий Иванович, как бывший судебно-

медицинский эксперт и как психиатр?» Евгений, почувствовав важность момента — истины — обратился к Белову так, как будто все вернулось на свои места: вот живой классик, известный на весь мир и вот он, Евгений Черносвитов, начинающийся литератор и молодой ученый, и он нужен классику только как бывший судебно-медицинский эксперт. Шукшин терзал мужа — повесился Есенин, или убили его? И сейчас Белов начнет! Может, Шукшин Белову его, Евгения, и порекомендовал?..

Пока в голове моего мужа роились эти мысли, Василий Иванович внимательно смотрел на него и спокойно улыбался. Через какое-то время очень тихо сказал, открывая портфель: «Женя, а прав Васька, ведмяга ты! Сам все понял! Да, из-за Есенина я привел тебя с Колей к Тиберию!» «А Скатова зачем?» — спросил Евгений. «Нужен свидетель этого исторического момента: Николай Николаевич — человек известный и, самое главное, глубоко порядочный! Я решил, что он должен все видеть, и все слышать, что здесь произойдет!» «А почему у Тиберия? Мало ли на Капри святых для русского человека мест? Можно было на развалинах виллы Горького... Или вот, эта графиня Сологуб, что подарила СССР свою виллу. Интересная женщина! Патриотка России, несмотря на то, что родилась на чужбине и никого в России у нее нет!» — спросил Скатов. На это Василий Иванович ответил так: «Вот вы оба — русские интеллигенты, ученые, литераторы. Ну-ка попробуйте перечислить всех исторических личностей, русских, кто был на Капри... С кого начнете — Ленин, Горький, Бунин... И, уверен, запнетесь! А Тиберия знаете, и все его знают! — и продолжил, Евгению и Николаю Николаевичу показалось, что Василий Иванович потерял нить своего объяснения, почему он привел их к Тиберию, чтобы поручить Евгению снять с Есенина проклятие — самоубийца!» Вот что сказал дальше Василий Иванович: «Тиберия погубила женщина. Есенина, я думаю, тоже! Его убили, не знаю, почему, но точно нить тянется к Дункан!» Николай Николаевич и Евгений переглянулись и решили, что Василию Ивановичу больше нечего сказать о гибели Есенина. Словно прочитав их мысли, Белов продолжил: «Я ничего не знаю: кто и почему убил Есенина. Интуитивно чувствую, что нужно узнать, что за особа на самом деле была Дункан и кто ее к нему приставил...» «Вася! Да это, прости, банально: Пушкин погиб из-за Натальи Николаевны. Есенин — из-за Дункан! *Cherchez la femme*, получается?» Василий Иванович тем временем успел открыть портфель и стал выгаскивать из него книги, журналы, фотоальбом и... последней была посмертная маска Сергея Есенина, сделанная из гипса. Стало ясно, почему портфель был такой тяжелый. А Евгению стало ясно, как высоко ценил его Белов,

ведь все это сейчас, здесь, у Тиберия, в первый день, когда судьба СССР была практически решена двумя президентами, перейдет в его руки! И еще стало ясно, что Василий Иванович не понимает до конца, что все, что он принес, в его, беловские руки, попало не случайно! Нет, не разгадал мудрый народный избранник до конца своей роли, которая ему была отведена! Не придал значения, с чего бы то, неизвестный Белову профессор-есениновед из Великобритании (профессор Бристольского университета Гордон Маквей) присылает ему на отзыв книгу, в которой «документально» доказываются, что Сергей Есенин был болен и в депрессии повесился. Возмущенный таким выводом Маквея, Белов вступает с ним в переписку... И все же... Все же Василий Иванович не лыком шитый! Он находит Евгения Черносвитова, о котором много слышал от своего лучшего друга Василия Шукшина, убеждается, что Шукшин не ошибался. Последние штрихи к портрету, как любил повторять Василий Макарович, Евгения Черносвитова «накладывает» его нашумевшая статья «Мы устали преследовать цели...» Не только мой муж знал, что СССР распадется и скоро исчезнет, многие это знали и хорошо понимали, но мой муж сказал это открыто, не опускаясь до болтовни, простите, о личностях разрушителей и об их мотивах. Василий Иванович вышел из «игры», большой игры, которая начиналась вокруг гибели Есенина. Он, как Тиберий, управляющий империей из своей виллы на Капри, из своей Тимонихи продолжает поддерживать народный дух, как песню, которую не поют, которая сама поется!..

Гордон Маквей стал посылать свои книжки и статьи о Есенине на рецензию не Белову, а Черносвитову... Василий Иванович, отдав все моему мужу и отойдя для всех от баталий, которые разгорались в разваливавшемся СССР вокруг гибели Есенина, тем не менее всегда был рядом с моим мужем, был в курсе всех есенинских «дел». И по первому зову моего мужа реагировал молниеносно, в каком состоянии не находился бы. Точно также, всю есенинскую эпопею, которую пережил и еще переживает мой муж, рядом с ним Николай Николаевич Скатов...

P.S. Василий Иванович Белов подарил Евгению, мне и нашей «приемной дочери» Кате Самойловой, много своих книг, с очень хорошими, добрыми подписями. Николай Николаевич подарил мне свою лучшую книгу о Пушкине, и то, что подписав ее, назвал меня «пушкинистом», для меня бесценно.

**Марина Альфредовна Черносвитова,
доктор исторических наук**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: Валерий НОВИЧКОВ

Глеб ГОРБОВСКИЙ, Кира ГРОЗНАЯ (рубрика “Дебют”), Герман ИОНИН, Анатолий КОНСТАНТИНОВ, Валентин КУРБАТОВ, Вадим ЛАПУНОВ, Татьяна ЛЕСТЕВА, Анатолий ПАНТЕЛЕЕВ, Виталий ПОЗНИН (отдел прозы), Дмитрий ПОЛЯКОВ (КАТИН), Игорь ПОЛЯКОВ (зам. главного редактора), Юрий СОЛОВЬЕВ, Лидия СЫЧЕВА, Алексей ФИЛИМОНОВ (отдел поэзии), Владислав ЧЕРНУШЕНКО

Компьютерная верстка и дизайн обложки: Сергей ПРОТАС

На обложке и вкладке репродукции с картин художника **Валерия ЛЕДНЕВА**

Адрес для писем и рукописей:
197110, Санкт-Петербург, Большая Разночинная ул., д. 17-А,
редакция Альманаха «Журнал “АВРОРА”»

тел/факс: 230-67-13, 230-65-75

E-mail: aurora_1969@mail.ru

www.holsto-mer.ru

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Аврора» обязательна.
Авторы несут ответственность за достоверность своих материалов.

Учредитель: Санкт-Петербургская общественная организация культуры «Аврора».

Альманах «Журнал “АВРОРА”»

Зарегистрирован 03.07.98 Северо-Западным региональным управлением
государственного комитета Российской Федерации по печати.

Регистрационный № ПЗ 165

Адрес редакции, издателя и учредителя: 197110, Санкт-Петербург,
Большая Разночинная ул., д. 17А, домофон 17. Тел. (812) 230-65-75, 230-67-13.

Подписано в печать 20.03.2013. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная.

Тираж 3000 экз. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20. Заказ № 259

Отпечатано в типографии ГАОУ СПО Санкт-Петербургский морской технический колледж
198260, г. Санкт-Петербург, пр. Народного ополчения, дом 189

Цена свободная